

Н. И. ТРОИЦКИЙ

ТУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

ТУЛА
ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
2002

**ББК 63.3 (2Р–4Тул)
Т 70**

Федеральная программа книгоиздания

**Составительство, вступительная статья,
комментарии, подбор иллюстраций *Е. В. Васильева***

Н. И. Троицкий

Т 70 «Тульские древности».— Тула: Приокское книжное издательство, 2002.— 400 с. Илл.
ISBN 5–7639–0643–8

Сочинения некогда известного научному миру России археолога, историка, краеведа, богослова, музейного деятеля — Николая Ивановича Троицкого (1851—1920) — спустя десятилетия забвения вновь возвращаются к своему читателю. Богатый фактический материал по истории отечества, не утратившие своего научного значения сведения искусствоведческого характера, живое и непринужденное изложение смыслового значения христианской символики произведений православного церковного искусства, принципиальность и аргументированность суждений — вот отличительные черты работ автора.

Книга адресована искренним почитателям русской старины.

ББК 63.3 (2Р–4Тул)

ISBN 5–7639–0643–8

© Приокское книжное издательство, 2002

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТРОИЦКИЙ

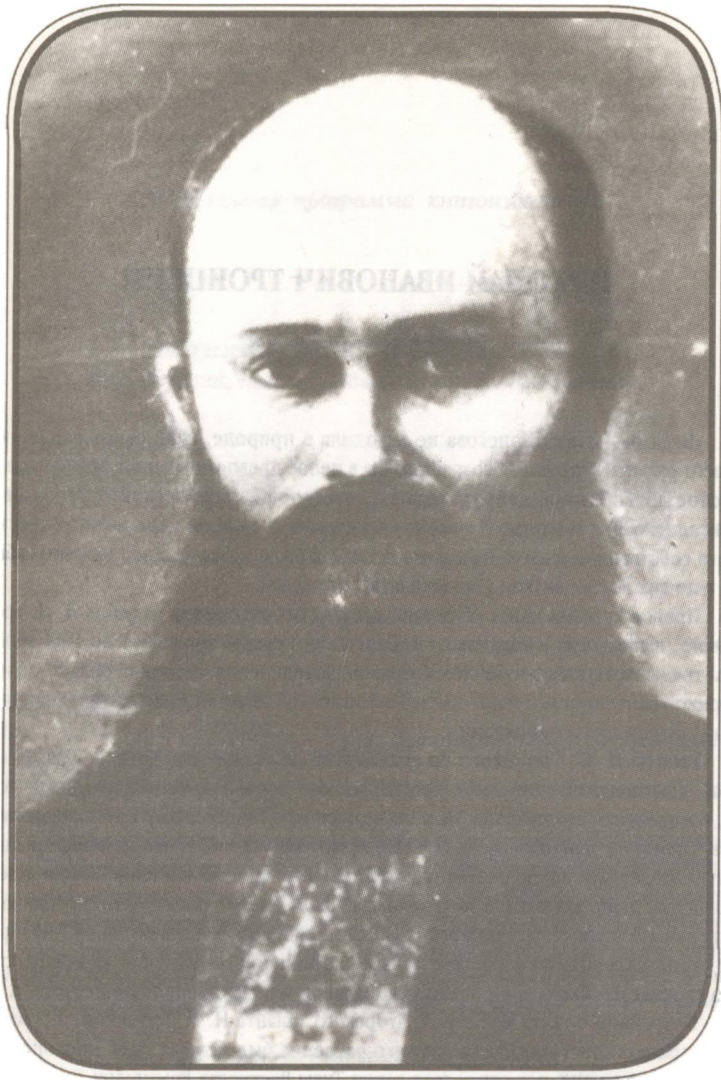
Биографический очерк

«Если бы истина Христова не находила в природе души основ и условий своего развития, то она не возростала бы в целое древо убеждений, вечно плодотворное древо жизни, добродетельной, высоко подвижнической!»¹ Эти слова, принадлежащие Николаю Ивановичу Троицкому, в полной мере можно отнести к его собственной жизни. Имя этого человека было незаслуженно надолго забыто и до сих пор не знакомо большинству читателей.

Представляемая книга «Тульские древности» составлена из работ Н. И. Троицкого, написанных и изданных с небольшими перерывами с 1895 по 1914 годы. Эти труды находятся в музейном собрании Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» (ТОИАЛМ) и любезно предоставлены музеем для издания книги.

Работы Н. И. Троицкого по археологии, истории, этнографии Тульского края, христианской символике, древнерусскому церковному искусству и зодчеству, богословию, его публицистика были доступны лишь узкому кругу специалистов. Одним из первых исследователей, возвративших имя Н. И. Троицкого из забытия забвения и продолжающих до настоящего времени изучение жизни и деятельности этого замечательного человека, была доцент кафедры отечественной истории ТГПУ им. Л. Н. Толстого Г. П. Присенко, которая значительно расширила представления своих современников о Троицком, установила многие факты его творческой биографии, профессиональной и общественной деятельности².

Искренним почитателем литературского таланта Н. И. Троицкого, неутомимым пропагандистом его творческого наследия был незабвенный протоиерей, доктор богословия, почетный гражданин Тулы Ростислав Романович Лозинский, приложивший немало труда для популяризации и широкого распространения знаний о заслугах Н. И. Троицкого, его огромном вкладе в культурную сокровищницу Тульского края и России³. Изустно Р. Р. Лозинский неоднократно подчеркивал непреходящее значение для современного искусствоведения большинства

**Николай Иванович Троицкий (1851—1920),
фото с живописного портрета неизвестного художника.
[Оригинал хранится в собрании Тульского музея]**

работ Николая Ивановича, особенно связанных с точностью раскрытия христианской символики памятников церковной старины.

Некоторое внимание уделил Н. И. Троицкому Н. П. Тарасов, который, работая в Государственном архиве Тульской области, хорошо знал фонды Троицкого⁴.

Ряд интересных статей посвятил Н. И. Троицкому тульский исследователь, доктор исторических наук, И. Н. Юркин, отразивший его развитие как музейного деятеля⁵.

Были газетные публикации, в которых упоминалось имя интересующего нас человека, но фактический материал, изложенный в них, носил вторичный характер, содержал многие биографические неточности.

Из огромного списка трудов Н. И. Троицкого (который и после выхода в свет настоящей книги, содержащей библиографию, будет оставаться неполным, по-прежнему будут необходимы дальнейшие уточнения) были переизданы только: *Христианский православный храм в его идее (1916) // К Свету.*— [1995].— № 17.— С. 22—46; в серии «Христианская символика и иконография».— *Триединство божества (1908).*— М., 1997; *Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении.* Репринт. воспр.— Тула, 1998. Капля в море...

Появившийся в 90-х годах музей «Тульские древности» — ныне музейно-выставочный комплекс Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» в Туле, пытается сохранить традиции бывлой «Палаты древностей», носит имя Н. И. Троицкого, проводит ежегодные краеведческие чтения его памяти.

И тем не менее, сам Н. И. Троицкий, его многообразная деятельность и тем более его сочинения, особенно богословского содержания, не известны современному читателю. Труды Троицкого до сего дня не утратили своего научного значения. Его работы⁶ можно найти в библиографическом списке в книге «Сын человеческий» протоиерея А. Меня. О. Александр изучал их, когда работал над своей книгой.

Правомерно возникает вопрос: почему труды Троицкого, содержащие бесценные искусствоведческие данные и богатейший фактический материал по истории Тульского края, представляющие интерес с точки зрения развития научных знаний в области археологии, истории, краеведения, длительное время не переиздавались?

Где кроется причина того, что первый в губернии общедоступный музей «Палата древностей», основу которого составляли памятники церковной старины (и не только они), — его уникальное детище — был фактически уничтожен, ибо перестал в 1918 г. существовать как неповторимое культурное явление социальной жизни края? Это был музей со своими богатейшими фондами, библиотекой, архивом, сложившейся системой работы и взаимосвязей с внешним миром, своим помещением (последнее было решено использовать для нужд военного отряда ВЧК), бесспорным положительным культурно-просветительным влиянием на развитие населения края. Все это стало ненужным?

Во многом драматичная судьба творческого наследия Троицкого и последних дней жизни этого человека была определена его личностью, мировоззрением.

Троицкий (по мнению исследователей его жизни и творчества) — *один из первых археологов Тульского края*, заложивший научные основы археологических исследований. Он первым среди местных образованных людей начал раскопки городищ и курганов на территории края, был участником многих археологических съездов, принимал участие в издании их трудов, являлся действительным членом Императорского московского археологического общества (с 7 мая 1885 г.). Троицкий — *краевед*, который понятие «край» связывал с твердо обозначенными «естественными» условиями, а не с административными границами, выдвигал требование последовательного изучения определенной местности, что позволило бы создать ясную картину ее заселения, образа жизни населения, развития культуры. Он — *историк*, создавший в Туле первое историческое общество — Тульское историко-археологическое товарищество (1898), которое ставило своей целью изучение памятников старины. Был не только его бессменным старшиной, но и редактором издаваемого Товариществом журнала «Тульская старина» (всего вышло 22 выпуска с 1899 по 1912 г.) и автором многих работ по истории Тульского края. Троицкий — *этнограф*, длительное время собиравший памятники фольклора Тульского края, мечтавший их научно обработать и опубликовать. Н. И. Троицкий — *богослов*, получивший специальное образование. Перу его принадлежат многочисленные апологетические труды (Книга Варуха, Книга Иова, Книга пророка Иереми, Книга пророка Исая, Псалтырь и др.), «изъясняющие» христианское вероучение, изложенное в книгах Ветхого Завета, а также работы, содержащие сравнительный анализ ортодоксальных различий христианской и иных мировых религий. Книги его регулярно появлялись в номерах Тульских епархиальных ведомостей, московском журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», издавались отдельными книгами. Троицкий — *искусствовед*, изучавший и описывавший памятники древнерусского церковного искусства и зодчества, раскрывавший христианскую символику произведений православного искусства, издавший множество работ по этой теме, которые не утратили своего научного значения и в настоящее время, был почетным членом Тульского отдела Общества сохранения памятников искусства и старины в России. Его статьи религиозно-искусствоведческого характера постоянно появлялись на страницах столичного журнала «Святильник». Он — *публицист*, горячо и аргументированно отстаивавший в статьях свои взгляды и убеждения, свою точку зрения по тому или иному вопросу. Он — *педагог*, начавший свою преподавательскую деятельность в Костромской духовной семинарии, а с 1879 г. длительное время обучавший воспитанников Тульской духовной семинарии на кафедре Священного Писания. Помимо этого вел уроки немецкого языка, в разное время преподавал дидактику, математику и физику. В советское время организовал лекторий и читал лекции по истории Тульского края. Наконец, Троицкий — *музейный деятель*, организатор Тульского епархиального древлехранилища — первого в

стране музея подобного рода, названного после получения большего помещения «Палатой древностей».

Однако, прежде всего, Николай Иванович Троицкий по происхождению своему и воспитанию (сын церковнослужителя), полученному образованию, мировоззрению — человек глубоко верующий, православный. Свой духовный идеал он изложил в историко-психологическом этюде «Русский народный идеал» в следующих словах: «Еще в начале русской истории вполне твердо определился идеал русского народа — это его *семейственность* [курсив Троицкого], с одной стороны — гражданская, мирская, с другой — церковная, священная. Этот идеал и проникает всю историческую жизнь русского народа искони его народного бытия и до сего дня, находя наивысшее выражение в единении представителей власти, светской — в князе, потом в царе, а духовной — в митрополите, потом и патриархе. Царь был как бы отец народа по плоти, патриарх — по духу. Царь — патриарх мирской, а патриарх — царь духовный»⁸. Приверженность триединой идее «православие — самодержавие — народ», как и у многих ученых предреволюционного времени, предопределила вступление Н. И. Троицкого в Союз русского народа, он был товарищем председателя Тульского отделения СРН. В 1917 г. Н. И. Троицкий возглавил делегацию мирян Тульской епархии на Всероссийский Поместный Собор (ноябрь 1917), на котором участвовал в избрании патриарха Тихона⁹.

Все, что делал Н. И. Троицкий, он делал во имя Божие, во славу Его, на процветание самодержавной России и ради просвещения ее православного народа. Эта суть личности Н. И. Троицкого с ясной очевидностью высвечивается, за редким исключением, почти в каждой его работе, каждом шаге его плодотворной деятельности. В эпоху массового безбожия, конечно, не было места ни такой личности, каким был Троицкий, ни его творческому наследию. Не случайно в документах научного архива Объединения «ТОИАЛМ» (оп. 2, д. 8, л. 87 об.), относящихся к 1918 — первой пол. 1919 гг., встретилась запись о том, что работы, выполнявшиеся Троицким по описанию памятников церковной старины, временно приостановлены из-за «...» (слово неразборчиво) «образования», в другом документе вычеркнуто место получения образования — Московская духовная академия (НА ТОИАЛМ, оп. 2, д. 7, л. 12 об.). И если до 1917 г. Троицкого именовали не иначе, как «духовный писатель и археолог, преподаватель Тульской духовной семинарии», «представитель ученого мира»¹⁰, «заведующий Тульским епархиальным древлехранилищем», то после этого года его называют «любителем», собравшим «бывшую Тульскую палату древностей»¹¹. Заметная разница в оценке заслуг человека и основного дела его жизни.

Архивные документы, труды Н. И. Троицкого, его воспоминания о своей деятельности, отзывы о нем современников, научные публикации советского периода истории нашей страны дают возможность выстроить отдельные факты жизни в цепочку биографического повествования, к сожалению, все еще схематичного. Многое пока не известно, нуждается в уточнении, осмыслении, получении дополнительной информации.

Родился Николай Иванович Троицкий 14 апреля 1851 г. (по ст. ст.) в семье пономаря храма Казанской Божьей Матери в селе Богатищево-Подлесное Каширского уезда Тульской губернии, находившегося в 100 верстах от Тулы и в 33 верстах от Каширы¹². Первоначальное образование получил в Веневском, а после смерти отца в Тульском духовном училище. Затем, уже в 1872 г., после окончания курса в Тульской духовной семинарии, волонтером поступил на богословское отделение Московской духовной академии, обучение в которой успешно завершил в 1876 г. со степенью кандидата-магистра, избран на всю последующую жизнь предметом своих специальных исследований Священное Писание и библейскую археологию.

30 июля 1876 г. молодой выпускник академии получил назначение на должность преподавателя Священного Писания в Костромскую семинарию, где обучал космографии, математике и словесности; был преподавателем словесности и физики в женском училище при костромском Богоявленском женском монастыре.

В этот период начинающий ученый-богослов представил на совет Московской духовной академии диссертацию «О происхождении первых трех канонических Евангелий: Опыт разбора гипотез Г. Эвальда и Ю. Гольцмана». Текст этой работы был издан отдельной книгой за казенный счет в Костроме (1878). 5 сентября 1878 г. состоялась публичная защита диссертации, Троицкий как автор был удостоен степени магистра богословия, а решение академического совета было утверждено митрополитом Московским Иннокентием 21 сентября того же года. Таким образом, молодой ученый получил первое признание своего научного труда.

Будучи студентом академии, Троицкий познакомился с известным археологом, собирателем и хранителем русской старины, организатором и бессменным председателем (до своей кончины) Императорского московского археологического общества, основателем Исторического музея в Москве (1872, ныне ГИМ), выдающейся личностью — графом Алексеем Сергеевичем Уваровым, который оказал определяющее влияние на серьезное увлечение молодого человека археологией, причем на высоком профессиональном уровне. Благодаря положительной рекомендации гр. Уварова, а также и не оставшимся без внимания первым научным выступлениям, Троицкий был избран 30 октября 1877 года в члены-корреспонденты возглавляемого графом упомянутого археологического общества. Спустя восемь лет после этого, а именно 7 мая 1885 г., Н. И. Троицкий, имевший к тому времени значительную известность в научных кругах и неоспоримые заслуги, был избран в действительные члены Императорского московского археологического общества. Как его член Троицкий принимал участие в работе археологических съездов, которые оно устраивало: Тифлисском, Одесском, Ярославском, Рижском, Киевском, Харьковском, Новгородском, Черниговском и др., Московском международном конгрессе по антропологии, этнографии и первобытной археологии; выступал на них с рефератами своих научных исследований, участвовал в издании научных трудов этих съездов.

19 августа 1879 года молодой ученый-богослов, начинающий археолог, был переведен на преподавательскую должность кафедры Священного Писания

Тульской духовной семинарии. Здесь же, 19 сентября того же года, ему было поручено ведение и немецкого языка, а позднее дидактики, математики, физики. Кроме того, в 1889—1894 гг. он преподавал еще и в Тульском епархиальном женском училище Закон Божий и церковнославянский язык, а затем с 1897 г. и русский язык. Состоял членом правления семинарии (1883—1898), членом Тульского епархиального училищного совета (1893—1896), исполняя разные поручения этих общественно-административных образований.

Н. И. Троицкий был активным участником общественной, благотворительно-попечительской, жизни епархии, выполнял различные поручения епархиального начальства и действовал по своему благоусмотрению. В 1891—1892 гг. по назначению архиепископа Никандра состоял членом-делопроизводителем епархиального комитета по продовольствию пострадавших от неурожая. С октября 1897 по ноябрь 1900 года работал председателем комиссии по наблюдению за деятельностью церковно-приходских попечительств Тульской епархии, производил ревизию Тульского духовного училища (сентябрь—октябрь 1898) и других епархиальных учебных заведений, печатал в Тульских епархиальных ведомостях отчеты об этой работе. В октябре 1898 г. производил ревизию Новосильского Свято-Духова монастыря по всем частям его управления. Результатом этой произведенной Троицким ревизии стали не только официальные отчеты, нашедшие отражение в Тульских епархиальных ведомостях и архивных документах, но и замечательно интересные работы об иконе святого Николая Доброго¹³. В 1898—1899 гг. был назначен председателем юбилейной комиссии по случаю столетия Тульской епархии. Троицкий состоял членом наблюдательного комитета Тульского общества взаимного страхования имущества от огня, эта сторона его деятельности также нашла отражение в архивных документах.

После перевода на работу в Тульскую губернию Н. И. Троицкий становится одним из самых активных участников научной жизни края, более того, во многом не только участником, но инициатором и ее организатором. Он одним из первых начинает активное археологическое изучение края. В июне 1881 г. обследовал места палеонтологических находок на севере и юге губернии, собрал фактический материал для выступления на V археологическом съезде. В 1884, 1886 и 1887 гг. предпринял три поездки на реку Непрядву, изложив потом результаты археологического обследования этого района в статье¹⁴. Следующими были археологические раскопки в Одоевском уезде губернии 1898 г. (Пореченское городище) и 1903 г. (Березовское городище) с публикацией итогов этих исследований, которые помещены в настоящую книгу.

Деятельность Н. И. Троицкого постепенно, благодаря его участию в археологических съездах, научным публикациям, получила широкую известность и признание, которое вылилось в активное избрание Троицкого действительным или почетным членом в различные научные общества. 8 октября 1888 г. он был избран действительным членом Тульского губернского статистического комитета (основанного в 1835); состоял членом комитета для составления историко-статистического описания Тульской епархии (основанного в 1858); состоял действительным членом ученых архивных комиссий: Рязанской (с 20 сентября 1887), Ор-

ловской (с 18 ноября 1889), Калужской (с 30 апреля 1898) и др. Только из-за несогласия с уставом учреждаемой позже, чем в других губерниях, в 1913 г., Тульской ученой архивной комиссии, не принял участия в ее работе, хотя и был инициатором ее создания. Являлся почетным членом Общества защиты и сохранения памятников истории и старины в России, участвовал (в 1912—1913 гг.) в издании нескольких выпусков «Памятников искусства Тульской губернии», предоставлял для этих изданий имеющиеся в его распоряжении фотографии памятников старины. В 1911 г. единогласно был избран членом Куликовского строительного комитета, учрежденного по случаю сооружения на Куликовом поле храма-памятника Сергию Радонежскому. Принимал участие в работе Тульского общества любителей естествознания.

Главными заслугами Н. И. Троицкого в этом направлении были создание Тульского епархиального древлехранилища («Палаты древностей») и первого исторического научного общества в Тульском крае — Историко-археологического товарищества.

Троицкий, занимаясь научными исследованиями в области археологии, истории, богословия, собирая памятники старины для своей коллекции, понимал, насколько серьезна проблема сохранения и спасения этих памятников для последующих поколений. Музей, как собрание таких памятников старины, мог сохранить их для науки и служить «развитию интереса к научному чтению», «к занятию наукой в провинции», благородному делу воспитания будущих граждан страны. 17 октября 1884 г. Н. И. Троицкий подал докладную записку архиепископу Тульскому и Белевскому Никандру такого содержания:

«Состоя членом Императорского Московского Археологического Общества, я несколько лет занимался разысканиями памятников старины по Тульской епархии, подвешенной Вашему Высокопреосвященству. И уже очень немало памятников, интересных для археологии, мне пришлось видеть и частью описать, а некоторые приобрести в собственность. Между прочим, мне приходилось встречать некоторые памятники, весьма интересные для науки, в числе церковной утвари. Эти памятники, составляя собственность храмов, не могут быть приобретены в собственность частного лица, что, впрочем, и не желательно, с другой стороны, они уже рекомендуются причтами, как изъятые из употребления или к тому назначенные. Судьба таких памятников понятна: по неведению или небрежности, они должны исчезнуть бесследно. Весьма желая сохранить и сделать достоянием науки некоторые из таких памятников, я решаюсь просить содействия тому Вашего Высокопреосвященства и следующие свои соображения о сем предмете повергаю на Ваше просвещенное и благосклонное внимание.

1. Всякие церковные вещи, находящиеся в храмах Тульской епархии, вышедшие из богослужебного употребления и не имеющие высокой ценности по своему материалу, но имеющие научный интерес (как-то: деревянные потиры, лубочные венцы и т. п.) и согласно с местными причтами, должно собирать в ризницу Тульского архиерейского дома.

2. К числу таких предметов следует отнести и старинные рукописи, не имеющие действительного документально-юридического значения для храмов, в риз-

нице которых они хранятся (таковы: акты размежевания земель, относящиеся к прошедшим столетиям, выписи из писцовых книг и т. п.).

3. Собранные таким образом памятники хранить в ризнице Тульского архиерейского дома в особых шкафах.

4. Всем собранным и в сохранении находящимся вещам составить официальную опись.

5. Хранение собранных вещей поручить блюстителю ризницы Тульского архиерейского дома под контролем другого доверенного лица, сведущего в археологии или церковной истории.

6. Собрание наименовать «Тульским Епархиальным Древлехранилищем».

Вполне уверенный в сочувствии Вашего Высокопреосвященства интересам русской православно-богословской науки, покорнейше прошу почтить мою надежду на Ваше содействие милостивым вниманием и сделать зависящие от Вас распоряжения к сбережению ценных для науки церковно-археологических памятников.

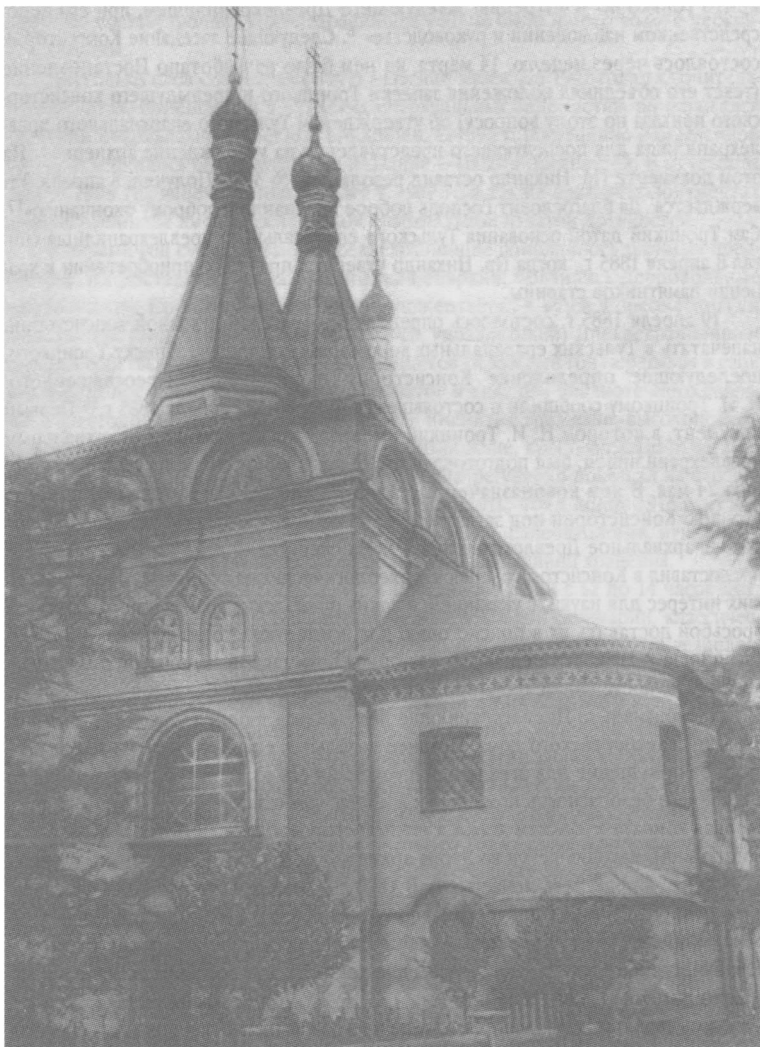
*Член Императорского московского археологического общества,
преподаватель Тульской духовной семинарии Николай Троицкий.*

Октябрь, 17-е. 1884 г. Тула».

Архиепископ Никандр на докладной записке Троицкого оставил 31 декабря 1884 г. резолюцию № 1645:

«Признавая с своей стороны весьма полезным учреждение Тульского Епархиального Древлехранилища и предположения по сему предмету, изложенные в докладной записке преподавателя Троицкого, целесообразными,— предлагаю Консистории незамедлительно предоставить мне свои соображения об удобнейшем приведении в исполнение предложений г. Троицкого касательно учреждения Епархиального Древлехранилища, хранения поступающих в него от церкви предметов и заведования Епархиальным Древлехранилищем». В консисторское архивное дело этот документ под № 1250/121 вошел 5 февраля 1885 г.¹⁵

Троицкий в докладной записке изложил принципиальные основы создания будущего музея, предложения, поступившие от него, стали своеобразным положением Древлехранилища. 5 марта состоялось заседание Тульской духовной консистории, на котором на основе предложений Троицкого был разработан приказ к утверждению архиепископом. Было решено выделить для помещения Древлехранилища «одну из двух комнат в ризнице Тульского архиерейского дома, где собранные вещи хранить в особых шкафах, до времени, пока не представится нужда в более обширном помещении». Заведование Древлехранилищем «по ученой части» (очерчивался круг обязанностей: «определение научного достоинства церковно-археологических памятников, внесение их в каталог, группировку по шкафам» и т. п.) возлагалось на Троицкого, а хранение — на ризничего архиерейского дома. Приобретение памятников в устраиваемый музей (слово в это время не использовалось) должно было осуществляться при посредстве благочинных епархии. «Собрание памятников для осмотра посторонних лиц может быть от-

Церковь Похвалы Богородицы при Тульском архиерейском доме.
Постройка начала XVII в.; реставрирована в конце XIX в.;
в ней помешалась ризница архиерейского дома.
[К настоящему времени не сохранилась. Не ясен вопрос о сохранении
частичных остатков храма]

крыто только по усмотрению заведующего Древлехранилищем, при его непосредственном наблюдении и руководстве»¹⁶. Следующее заседание Консистории состоялось через неделю, 14 марта, на нем было разработано Постановление (текст его объединял положения записки Троицкого и предыдущего консисторского приказа по этому вопросу) об утверждении Тульского епархиального древлехранилища для последующего представления на утверждение архиереем. На этом документе Пр. Никандр оставил резолюцию № 373: «Получил. 8 апреля. Утверждается. Да благословит Господь доброе начинание к доброму окончанию»¹⁷. Сам Троицкий датой основания Тульского епархиального древлехранилища считал 8 апреля 1885 г., когда Пр. Никандр утвердил правила о приобретении и хранении памятников старины.

19 апреля 1885 г. состоялось определение Тульской духовной консистории: напечатать в Тульских епархиальных ведомостях докладную записку Троицкого, последующее определение Консистории и резолюцию Преосвященного. Н. И. Троицкому сообщили о состоявшемся решении 22 апреля 1885 г.¹⁸ Первый документ, в котором Н. И. Троицкий именует себя заведующим Епархиальным древлехранилищем, был подготовлен им 23 мая 1885 г., поступил он в Консисторию 24 мая. В нем новоназначенный заведующий просит выдать ему книгу за скрепою Консистории под заглавием «Каталог предметов, поступающих в Тульское Епархиальное Древлехранилище»¹⁹. На следующий день (24 мая) Троицкий предоставил в Консисторию список «археологических памятников», представляющих интерес для науки, с указанием, в каких приходских храмах они находятся, с просьбой доставить их в Консисторию для последующего помещения в Древлехранилище²⁰. Началась переписка, связанная с доставкой экспонатов для созданного музея, постепенное формирование его фондового собрания.

Первоначально Древлехранилище помещалось в одной из комнат ризницы Тульского архиерейского дома. Позднее начальник епархии выделил более просторное помещение для этих целей и «отделал его на свои средства, приняв во внимание и безопасность помещения в пожарном отношении»²¹. Это была просторная комната в нижнем этаже, с южной стороны, церкви Похвалы Пресвятой Богородицы, находившейся во дворе архиерейского дома (бывшего здесь некогда, с XVI в., Предтечева монастыря). В 1890 г. Древлехранилище было переведено в освободившийся певческий корпус, стоявший во дворе архиерейского дома²². После 1896 г. Древлехранилище было переведено из нижнего этажа в верхний, где ему были предоставлены две комнаты, а из соседних помещений выведены духовный склад и библиотека²³. В 1898 г. Древлехранилище стало занимать весь верхний этаж флигеля, находившегося на правой стороне архиерейского двора (это четыре просторных комнаты). В экспозиции были представлены: в 1-й комнате — отделы геологии, палеонтологии, доисторического и древнеисторического быта, этнографии Тульского края; во 2-й комн. — портреты местных исторических лиц (ее использовали в качестве кабинета, здесь находилась и книга для записей посетителей); в 3-й комн. — в витринах и шкафах были помещены рукописи, старопечатные книги, гравюры, монеты и т. п.; в 4-й комн. — отличавшиеся особой полнотой коллекции церковно-бытовых и богослужебных предме-

тов²⁴. По составу фондов Древлехранилище уже не было музеем только церковной старины.

Несколько слов следует сказать о названии музея. До 1907 года включительно в отчетах, помещаемых в Тульских епархиальных ведомостях, он назывался Тульским епархиальным древлехранилищем. С 1898 г. постепенно в обыденной жизни утвердилось более короткое название — Палата древностей. В отчетах за 1907 и 1908 гг., напечатанных там же в 1909 г., а также архивных документах древлехранилище именуется Тульской епархиальной палатой древностей.

В первый год существования Древлехранилище пополнилось разными предметами. Их доставляли из разных уголков епархии, появились добровольные жертвователи. Преосвященный Никандр пожертвовал в музей 9 предметов. Сам заведующий (или, как он себя еще называл, управляющий) Древлехранилищем передал собственную коллекцию в 45 предметов (и каждый год передавал в свой музей большое число разного рода экспонатов и книг для библиотечного собрания). Ежегодно среди жертвователей были именитые граждане, высокопоставленные особы государства и простые люди (горожане, крестьяне). По отчетам о пожертвованиях и покупках, которые Троицкий регулярно помещал на страницах Епархиальных ведомостей, можно предположить, что к концу 1916 г. музейное собрание (церковные и гражданские памятники, палеонтология, нумизматика, рукописи, библиотека) составляло более 10 тысяч единиц хранения.

Музей работал во все воскресные и праздничные дни с 12 до 14 часов дня. Посетителями Древлехранилища были ученики духовной семинарии, классической гимназии, учителя и учительницы народных школ, приезжавшие из уездов на очередные педагогические курсы, высокопоставленные лица, члены царствующей фамилии. Заведующий читал в музее лекции по археологии и истории Тульского края. В начале октября 1907 г. Тульскую палату древностей посетил обер-секретарь Св. Синода, П. Мудролюбов, который оставил запись в книге посетителей музея: «...с великим интересом любовался предметами родной старины и выслушивал объяснения Н. И. Троицкого, создавшего это высокопатриотическое учреждение и умелою рукою поддерживающего его на редкой для бедных Епархиальных музеев высоте. Слава и честь достопочтенному основателю Палаты! Да благословит Господь и дальнейшим успехом ее работников в их благородной и многополезной деятельности»²⁵. Необходимо отметить тот факт, что за все время пребывания на должности заведующего Древлехранилищем (Палатой древностей), Троицкий не получал жалования за исполнение этих обязанностей, а сам музей существовал только на пожертвованные суммы и благотворительные вспомоществования.

25 марта 1898 г. в Туле появилось основанное Н. И. Троицким первое научное историческое общество — Тульское епархиальное историко-археологическое товарищество, которое начало действовать при Тульском епархиальном древлехранилище. Попечителем Товарищества являлся тульский архиерей, который назначал для руководства его делами старшину. Бессменным старшиной Товарищества был Н. И. Троицкий. В задачи нового общества входило дальнейшее собрание в музей памятников историко-археологического значения и их последующая

научно-методическая разработка (научное описание, каталогизация, опубликование в соответствующей литературе)²⁶. Для этого музейные коллекции были разделены по отделам, разработка каждого отдела предоставлялась членам Товарищества в соответствии с их специализацией. Труды членов Товарищества издавались в виде отдельно выходявших сборников под названием «Тульская старина».

В воскресный день, 19 апреля 1898 г., состоялось первое заседание Историко-археологического товарищества и торжественное открытие Тульского епархиального древлехранилища (после того, как оно получило новые просторные четыре комнаты) для публики.

Судьба музея, созданного стараниями Н. И. Троицкого, не была безоблачной во все дни своего существования. Так, после кончины Пр. Никандра в 1893 г. его преемником стал Пр. Ириней, который не оказывал Древлехранилищу своего благоволения. Троицкому пришлось сложить с себя «звание» управляющего музеем, заведование было передано другим людям, которые до этого никакого отношения к нему не имели. Положение улучшилось лишь в 1896 г. с приходом на тульскую архиерейскую кафедру Пр. Питирима. Второй случай, когда над Троицким, как заведующим Палатой, нависла угроза отстранения от ее управлением, произошел при Пр. Лаврентии в 1907 г. Он (случай) был связан с желанием Консistorии в марте того года произвести ревизию Палаты древностей. Троицкий, соглашаясь на ревизию, однако, возражал против состава консисторской ревизионной комиссии. Дело приобрело скандальный оттенок, т. к. из доклада Консistorии архиерею от 12 сентября 1907 г. следовало, что создавшееся к ревизии препятствие «не может быть устранено иначе, как устранением от сей Палаты самого г. Троицкого»²⁷. Были назначены два лица из числа низшего священства, которым Троицкий передать дела по заведованию Палатой древностей категорично отказался. Дело, возможно, уладилось только со сменой епархиального начальства. Палата древностей успешно действовала, руководимая Н. И. Троицким вплоть до своей ликвидации в 1918 г.

Палата имела около 100 действительных членов, среди которых были представители тульской интеллигенции: неперменный член Тульского губернского по крестьянским делам присутствия, впоследствии председатель Тульской губернской ученой архивной комиссии, видный генеолог В. С. Арсеньев, преподаватели Тульской духовной семинарии П. Ф. Кратиров, В. Н. Лотоцкий и др., тульский врач, автор ряда трудов по медицине Н. П. Каменев, секретарь Тульского губернского статистического комитета Ю. Ф. Фере, председатель Тульской казенной палаты В. Л. Халютин и мн. др., а также представители интеллигенции других городов: преподаватель рисования Московского технического училища М. М. Галкин, профессор Н. Н. Голубовский, профессор Эрфуртского университета (Саксония), доктор славянской филологии В. Ф. Ле-Жуж и мн. др.

Постоянные поступления новых экспонатов, пополнявшие Палату древностей, активная просветительская работа, которую вел Н. И. Троицкий и его сподвижники, — все это вызвало насущную необходимость выделения специального собственнo музейного здания. В первом десятилетии XX столетия Тульская городская дума положительно решила вопрос о строительстве в Тульском кремле

за соборами специального здания для музея. Было разработано несколько проектов, предпочтение получил проект популярного в то время в Петербурге художника Д. С. Стеллецкого. Музей должен был представлять собой двухэтажное здание с большим количеством окон и декоративным убранством в стиле русской архитектуры XVII в. Оно хорошо смотрелось бы рядом с храмовыми постройками кремля. Новый музей предполагалось назвать «Тульским музеем в память 300-летия царствования дома Романовых». В него должны были влиться экспонаты Палаты древностей и большой коллекции губернского земства по изучению Тульского края, которая до 1919 г. хранилась не разобранной из-за отсутствия помещений. Музей должен был перейти из духовного ведомства в гражданское, что послужило причиной отказа Синода участвовать в его строительстве. Город и земство не в состоянии были профинансировать строительство музейного здания, т. к. требовалась сумма в 15 тысяч рублей²⁸.

За свою многолетнюю деятельность Н. И. Троицкий был награжден орденами: Св. Станислава 3 и 2 степеней, Св. Анны 3 и 2 степеней, Св. Владимира 4 степени. В 1914 г. духовное правление ходатайствовало о присвоении Н. И. Троицкому чина действительного статского советника²⁹. В этот год Троицкий ушел в отставку с преподавательской должности.

После октябрьского переворота (так в документах того времени именовали революцию 1917 г.) Н. И. Троицкий был в числе постоянных служащих Тульского подотдела музеев и охраны памятников искусства и старины при Тульском губернском отделе народного образования. Он заведовал учетом церковной старины и занимался описанием той части предметов из Палаты древностей, которая поступила в созданный на основе художественно-исторической выставки, устроенной Музейным фондом 18 мая 1919 г., музей, а также описывал поступающие в Подотдел памятники церковной старины из тульских и уездных храмов, получал жалование за эту работу. Последний раз имя Троицкого встречается в отчетном документе (научный архив ТОИАЛМ), как постоянного служащего Подотдела музеев (его фамилия значится в графе постоянных служащих) до 15 сентября 1919 г., а сам документ без поправок был отослан в Губнаробраз 1 октября того же года. Значит, Троицкий, хотя бы до 1 октября, исполнял обязанности по этой должности. Из Палаты древностей к 15 сентября 1919 г. в Подотдел поступило 12 672 предмета³⁰. Оставшаяся папка от утраченного (возможно, оно было уничтожено в то время) личного дела Н. И. Троицкого помечена 16 октября 1919 г. как датой его завершения. В эти скорбные для Троицкого дни ему пришлось присутствовать при гибели Палаты древностей. Из отчета о деятельности Тульского подотдела по делам музеев за первое полугодие с 1-го сентября 1918 г. по 1-е марта 1919 г. (сам документ не имеет определенной даты) читаем: «Тульская Чрезвычайная Комиссия постановила занять архиерейский дом и ту часть этого дома, где помещалась Палата Древностей, решила в экстренном порядке освободить для военного отряда. Под давлением необходимости музейные вещи пришлось в течение двух дней перенести из архиерейского дома в архиерейскую церковь, и спешно складывать в груды, не придерживаясь никакой системы. Переноска производилась под наблюдением Троицкого и Нарциссова [П. В. Нар-

циссов, тульский краевед, преподаватель Учительского института, представитель Подотдела по делам музеев при Губернском отделе народного образования] при помощи десяти красноармейцев, командированных для этой цели Чрезвычайной Комиссией. При такой спешной переноске многие музейные вещи пострадали, и потом в течение долгого времени пришлось поправлять поспешность переноски»³¹. Экспонаты после эвакуации были помещены частью в упраздненную церковь на архиерейском дворе, частью в здание Первой классической гимназии, которая затем потребовала освобождения своих помещений.

Жил Николай Иванович в Туле по адресу: Пирогова, 37, в собственном доме. Имел жену, дочь Марию, обучавшуюся до революции в Ольгинской женской гимназии (ныне школа № 6 на ул. Жуковского) и сына Алексея, воспитанника Тульской духовной семинарии, который трагически погиб 6 июля 1905 г. во время купания в р. Веневке. Дочь впоследствии проживала в Москве. Умер Н. И. Троицкий 24 сентября 1920 года, похоронен на Всехсвятском кладбище, могила его утеряна³². Вдова В. А. Троицкая, видимо, испытывавшая нужду, продала музею с рассрочкой некоторые книги из личной библиотеки мужа, 24 декабря 1920 г. ей была выдана первая ассигновка, погашавшая долг на сумму 12.000 рублей³³. Позднее этой даты фамилия Троицких в документах архива, относящихся к деятельности Историко-художественного музея, не встречается.

Музейный предмет имеет особую, притягательную силу, он обладает энергией человеческой памяти, которая не должна быть короткой. Уникальные памятники отечественной старины, некогда собранные Н. И. Троицким в Палату древностей,— которые каждому из нас могут рассказать: откуда мы, что мы представляем как народ, как сообщество людей, составляющих единое государство,— продолжают жить и нести память о нашем прошлом. Экспонаты Палаты древностей составляют основу музейного собрания Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей», есть они в Тульском музее изобразительных искусств, библиотечные фонды поступили в губернскую библиотеку (теперь это Тульская областная универсальная научная библиотека), архивные фонды — в Государственный архив Тульской области.

Появилась возможность прочитать некоторые сочинения Н. И. Троицкого, которые составили настоящую книгу.

Некоторое внимание читателей следует обратить на пользование справочным аппаратом настоящего издания. Все примечания (исключая, конечно, вступительную статью) являются авторскими, т. е. принадлежат Н. И. Троицкому и обозначены верхним порядковым индексом, например, так: ¹ Отсылки к разделу «Комментарии» находятся в тексте статей в квадратных скобках, например — [1; 378], первое число в которых означает порядковый номер отсылки, а второе страницу комментария. Круглые скобки являются принадлежностью авторского текста. Орфография оригинала изменена в соответствии с современными нормами русского языка; орфография цитируемых автором документов изменена частично.

Жена Н. И. Троицкого, В. А. Троицкая с дочерью Машей

Работа «Памятование об историческом прошлом в деле школьного воспитания» дана по аналогичному изданию, помещенному в «Тульской старине», вып. 7 за 1901 г.

«Куликовская победа» — по изданию в Тульских епарх. ведом.— 1903.— Неоф. ч.— 1 окт. (№ 18—19).

«Городище при с. Поречье...» — см.: Тульская старина.— 1899.— Вып. 1.

«Березовское городище...» — см.: Тула, 1904.

«Алексей Степанович Хомяков как мыслитель» — см.: Тульская старина.— 1904.— Вып. 15. Опушены отрывки текста с нелицеприятной оценкой творчества и деятельности Л. Н. Толстого. Вопрос взаимоотношений Н. И. Троицкого и Л. Н. Толстого требует тщательной научной разработки и бережного отношения к каждой из сторон.

«Сто лет бытия Тульской епархии» — см.: Тула, 1899.

«Тульский Богородичный общежительный мужской монастырь...» — см.: Тула, 1896. Иллюстрации из указанного издания.

«Тульский Успенский женский монастырь» — см.: Тула, 1913. Иллюстрации из указанного издания.

«Веневский Богоявленский монастырь» — см.: Тул. епарх. ведом.— 1895.— Неоф. ч.— 16—31 авг. (№ 16), 1—15 сент. (№ 17). Иллюстрации подобраны из «Памятников искусства Тульской губернии» (1913, вып. 2).

«Одоевский Анастасов монастырь» — см.: Тула, 1910. Иллюстрации из «Памятников искусства Тульской губернии» (1913, вып. 2).

«Песнь Песней в фресках Тульского Успенского собора» — см.: Светильник.— 1914.— № 8. Иллюстрации из указанного издания.

«Архистратиг Михаил» — см.: Тульская старина.— 1902.— Вып. 12.

«Народное сказание об Архистратиге Михаиле» — см.: Тульская старина.— 1899.— Вып. 3.

«Крест Христа — Древо Жизни» — см.: Тульская старина.— 1904.— Вып. 16. Иллюстрации даны по изданию в журнале «Светильник» за 1914 г., № 3.

Редакция благодарит генерального директора Н. Б. Немову и коллектив Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» за предоставленные издания Н. И. Троицкого и помощь в работе над книгой, директора В. М. Лысака и сотрудников Государственного архива Тульской области за всемерное содействие в подготовке вступительной статьи, а также сотрудников Тульской областной универсальной научной библиотеки за консультативную помощь.

Надеемся, что книга найдет своего читателя, затронет в душе его сокровенные струны любви к людям, к своему отечеству, Богу. Сам герой повествования, Николай Иванович Троицкий, свято верил, что:

«Любовь самоотверженная, по образу любви запечатленной крестной смертью Спасителя, является единственной силой, одолевающей все и неодолимой ничем: любовь христианина, с кротостью принимающего насильственную смерть ради вечного спасения даже и своего врага, во славу Господа Спасителя, вот незыблемая скала, стоя на которой человек возвышается даже и над всеми страст-

ными волнениями и низменными влечениями собственной — личной природы, а чрез то приобретает полную и совершенную духовную свободу сына Божия, а вместе с тем и неотъемлемое право на вечную блаженную жизнь³⁴.

Е. В. ВАСИЛЬЕВА

Примечания

¹ Троицкий Н. И. Открытое письмо за Атлантический океан: Второе // Вера и Церковь.— 1900.— Кн. X.

² Изданы следующие работы Г. П. Присенко о Н. И. Троицком: Археолог и хранитель древностей Николай Иванович Троицкий (1851—1920) // Гордость земли тульской.— Тула, 1991; Достопримечательности Тульского края в исторической литературе XVIII—XX вв.— Тула, 2001; Личные фонды тульских историков о развитии краеведения в XIX—нач. XX вв. // Советские архивы 1984.— № 3; Проникновение в былое.— Тула, 1984; Троицкий Николай Иванович // Тульский биографический словарь. В 2-х тт.— Тула, 1996.— Т. 2.— С. 249—250; Тульская сельская и усадебная историография XIX—нач. XX вв. // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения сельской Российской научно-практической конференции. Тула. Ноябрь 1999 г.— М., 1999.

³ Лозинский Р. Р. Каменная летопись древнего города: (Из книги доктора богословия, протоиерея Р. Лозинского «Страницы минувшего»)// Вестник Тульской православной классической гимназии.— 1999.— № 2; Его же.— Страницы минувшего.— Тула, 1994.— Изд. 2-е.— Тула, 2000.

⁴ Тарасов Н. П. Личные фонды и коллекции историков-краеведов в Государственном архиве Тульской области // Исторические науки. Ученые записки кафедры истории ТГПИ им. Л. Н. Толстого.— Тула, 1969.— Вып. 2.— С. 166—167; Тарасов Н. П., Старостина В. О. Здание бывшей духовной семинарии, в которой учились историк-краевед И. П. Сахаров, врач-онколог М. М. Руднев, преподавал историк-краевед Н. И. Троицкий // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Тульская область.— Москва, 1977.— С. 22—23.

⁵ Юркин И. Н. Музей и церковь: Традиция прерванная, традиция живая... (по тульским материалам) // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI веков.— М., 2001.— Вып. 127.— С. 154—165.— (Труды ГИМ.); Его же.— У истока: (Из истории музейного дела в Туле) // Мир и музей.— 2000.— № 1—2 (5).— С. 26—29.

⁶ Троицкий Н. И. Свидетельство Иоанна Предтечи о первенстве бытия и служении Мессии // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— 1883; Его же.— О происхождении первых трех канонических Евангелий: Опыт разбора гипотез Г. Эвальда и Ю. Гольцмана.— Кострома, 1878.

⁷ НА ТОИАЛМ. Оп. 2, д. 8, л. 76; л. 79 об.

⁸ См. библиографический список № 74.

⁹ Предисловие Р. В. Богдасарова к изданию: Троицкий Н. Троиединство Божества.— М., 1997.— С. 4.

- ¹⁰ Троицкий Николай Иванович // Энциклопедический словарь.— СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1901.— Т. XXXIIIа.— С. 881.
- ¹¹ НА ТОИАЛМ. Оп. 2, д. 8, л. 76.
- ¹² См. библиографический список № 69; Кеппен П. И. Города и селения Тульской губернии в 1857 г.— СПб., 1858; Приходы и церкви Тульской епархии: Извлечение из церковно-приходских летописей / [Сост. П. И. Малицкий].— Тула: Тип. Н. Соколова, 1895.— С. 468.
- ¹³ См. библиографию №№ 44, 45.
- ¹⁴ Библиография, № 5.
- ¹⁵ ГАТО. Ф. 3, оп. 7, д. 1807, лл. 1—1 об.
- ¹⁶ Там же.— Лл. 3—4 об.
- ¹⁷ Там же.— Лл. 5—7 об.
- ¹⁸ Там же.— Л. 8.
- ¹⁹ Там же.— Л. 9.
- ²⁰ Там же.— Л. 11.
- ²¹ Тульское епархиальное древлехранилище: Судьба его с 1885-го по 1897-й год // Тул. епарх. ведом.— 1897.— Неоф. часть.— 1 окт. (№ 19).— С. 603.
- ²² ГАТО. Ф. 3, оп. 7, д. 1807, л. 118 об.
- ²³ Никольский П. Тульское епархиальное древлехранилище.— Тула, 1898.— С. 17—18.
- ²⁴ Там же.— С. 20—21.
- ²⁵ Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1907 и 1908 годах // Тул. епарх. ведом.— 1909.— Неоф. ч.— 1 окт. (№ 37).— С. 614.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 3, оп. 7, д. 1807, л. 120—121.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 3, оп. 7, д. 1807, л. 135.
- ²⁸ ГАТО. Ф. 151, оп. 1, д. 34, л. 54—57, 72, 73.
- ²⁹ ГАТО. Ф. 3, оп. 8, д. 3242, л. 17 об.; Там же.— Ф. 6, оп. 6, д. 831, л. 6.
- ³⁰ НА ТОИАЛМ. Оп. 2, д. 8, лл. 10—11.
- ³¹ НА ТОИАЛМ. Оп. 2, д. 8, л. 76.
- ³² Актовая запись Тульского г/о ЗАГС № 5939 от 25 сентября 1920 г.
- ³³ НА ТОИАЛМ. Оп. 2, д. 5, л. 84.
- ³⁴ Троицкий Н. И. Светлый Праздник: (Из письма к образованному еврею) // Тул. епарх. ведом.— 1901.— Апрель (№ 7—8).— С. 243—244.

ПАМЯТОВАНИЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ В ДЕЛЕ ШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

*Речь к слушателям педагогических курсов,
произнесенная в зале Дворянского собрания 3 июня*

[...]* Плох тот учитель, который учит других и по-своему воспитывает их, а себя учить перестал и перестал воспитывать, особенно на православном патриотизме. [...]** Греки читали свою историю на Олимпийских играх, не даром они же и римляне ставили так много памятников и своего мужества, и своей славы... Их памятники в бесчисленном множестве дошли до нас и нам теперь дают осязательно знать их мужество и славу. Спросите ученика средних классов гимназии или семинарии, знает ли он про Марафон; с живостью и не без горделивости он вам скажет: «На Марафоне Мильтиад, за 490 лет до Р. Хр. [Рождества Христова], с 10 000 греков разбил 100 000 персов. Так, ставьте ему четыре. Но спросите его, а знает ли он о нашем родном, русском Марафоне, где он и каков он? Не сразу, пожалуй, отгадает, не без некоторого недоумения, а, может быть, и прямо с заминкой ответит вам, где он. А ведь он в пределах нашего Тульского края, при впадении Непрядвы в Дон, вот где наш Марафон! На этом нашем Марафоне-поле, на поле Куликовом, сломлена та же восточная, азиатская, дикая, страшная сила, какая низринулась на греков в виде персов, а на Русь в виде татар. Чем сломлена у нас? Православным крестом преподобного Сергия, игумена Радонежского, и булатным мечом мужественного Димитрия, великого князя Московского. Событие это, конечно, хранится и в вашей памяти; но видали ли вы остатки оружия и вооружения — памятники силы русской, и кресты — эти знамения веры православной, нередко находимые там, на Куликовом поле? Видали ли вы знаменитый «Красный холм», где враг св. Руси невольно воскликнул: «Велик Бог христианский!» «Красный холм»... Какое хорошее название и какой страшный смысл его! По-местному, народному, холм «Крас-

ный» — значит прекрасный, открытый, высокий; а по историческому воспоминанию, этот холм был весь залит кровью христиан — наших родных воинов, защитников Веры и Отечества. Нам ли не знать памятников такой местности?

И если это еще не забыто, то забывается многое другое. Все знают о подвигах гражданина Минина и князя Пожарского, этих князей народной славы. Но не все знают третьего героя той же эпохи, имеющего право стать с ними на одном пьедестале, рядом, плечо с плечом. Когда в 1607 году второй Самозванец, так называемый Тушинский вор, обложил Москву своими войсками и томил ее страхом голодной смерти, московским осадным головой был Иван Данилович Левшин. Осажденный в Китай-городе гарнизон Левшина помышлял уже о переходе в Тушино и жаловался на голод.

— Докуда нам сидеть в осаде и помирать с голода? Истошавши, нам Москвы не удержать,— кричали мятежники.

— Как! — сказал Иван Данилович твердым голосом,— *вы* так говорите! Те люди, кои в прошлой зиме под Брянским плыли со мною между икр ледяных чрез Десну-реку под пулями литовскими? Чего ж хотите вы, не идти ли к вору в Тушино? Э! устыдитесь!.. Но когда вы идете, мне вас не удержать... Я один буду оборонять церкви Божии, один сражаться с врагами и изменниками, и один умру за царя православного, однако ж — умру на белой стене города-Китая.

— Что ж нам делать? — сказал один из мятежников.

— Пойдем со мною,— отвечал Иван Данилович,— и разделим мой запас, а там... что Бог велит.— У храброго воеводы нашлись четверик сухарей и окорок ветчины; это и был весь его запас, и он был разделен поровну. После сего защитники пребыли непоколебимыми до освобождения Москвы оружием Скопина-Шуйского и генерала Деллагарди¹.

Спросите: «Что же, собственно, нам-то, тулякам, до Левшина?» Ведайте, что Левшин умер не на стене Китай-города, а в своей вотчине, и погребен при родном храме в с. Темряни, в Белевском уезде, близ самого Белева. Но его могилу здесь мне с трудом удалось недавно найти близ местного храма и, соткровенничаю вам, едва-едва удалось прочитать его имя, вырезанное на его намогильной плите. Очевидно, могила этого героя была забыта.

Видите, можно и не знать и забывать памятники исторического прошлого, но не печально ли это? А для образованных людей — не преступно ли это? Судите сами. А если нужно помнить прошлое, то нужно хранить и знать памятники старины. Без них как вы будете воспитывать в себе и других священное чувство любви к родине, ее святыням, ее народу, ее героям? [...]^{***}

На могиле боярина Ивана Даниловича Левшина находится каменная плита с надписью, которая гласит: *«Лета 7155 [1647 от Р. Х.] году Февраля*

2 дня преставися раб Божий Иван Данилович Левшин». Надпись сделана крупным, изящным, церковнославянским, вязаным шрифтом, резана вглубь. Рядом с могилой И. Д. Левшина находится могила его жены. Ее надмогильная плита с такою надписью: «Лета 7153 [1644 от Р. Х.] года Ноября в 7 день преставися раба Божия Евдокея Иванова жена Даниловича Левшина а в иноцех инока схим(ница) Евфимия». Надпись сделана в том же виде и стиле. Очевидно, по обычаю своего времени, жена Левшина Евдокия приняла схимонашество пред самой своей смертью, и герой, боярин И. Д. Левшин, погребен вместе с своей женой в своей вотчине в с. Темряни, близ восточной стены храма. Эти могилы находятся в каменном склепе(?), вроде сарайчика, но плиты их, при моем осмотре, к сожалению, оказались под бочонками с цементом(!) и частью засорены известкой.

Примечания

[...]* Опущена часть текста с приглашением посетить Палату древностей.

[...]** Опущена часть текста.

[...]*** Опущена часть текста с приглашением посетить Палату древностей.

¹ Историческое сказание о выезде, военных подвигах и родословии благородных дворян Левшиных. М., 1812. С. 19—20.

КУЛИКОВСКАЯ ПОБЕДА

«Что бы еси, Господине, так пошел, а поможет ти Бог».

Пр. игумен Сергей Радонежский.

Еще так недавно, в 1901 году, положено начало местному препохвальному обычаю: 8-го сентября, у самого подножия куликовского монумента, совершать торжественное поминовение всех русских — православных князей и воинов, в лютой сече на поле Куликовом победоносно живот свой положивших; теперь, при благолепном, умилительном богослужении на том самом месте, где «пролила столько крови христианская рать, сколько туча проливает дождя», — здесь сливаются все помыслы и чувства в одну благоговейную народную молитву тех многих, кто присутствует нарочито на знаменитом Куликовом поле, о тех премногих, кто там сложил голову свою за святую веру и русскую землю, — о почивших в мученической кончине, в священной доблести воина, в любви праотеческой, в крови жертвы Христовой, а потому и пребывающих из рода в род в памяти народной, в поминовении церковном, в славе исторической, в венцах вечного блаженства.

Чем вызвана жестокая Куликовская битва? Как совершилась такая кончина священных героев Руси? Как создавалась бессмертная слава этих победителей? Какая главная, истинная причина Куликовской победы? На это отвечает история.

Многолюдная, даровитая, отважная, богатырская Русь времен великого Киевского князя св. Владимира [1; 376] быстро росла, как растет сказочный младенец-богатырь, подчиняла себе племя за племенем, брала город за городом у врагов-соседей, строилась, торговала, воевала, даже училась, крепла и прославлялась в единой вере, с единым вел. князем, в семейной власти, в обычном законодательстве. Но вот, несмотря на возмужалость русского народа, мудрый князь Ярослав I мечтал сохранить этот, столь многочислен-

ный, народ, весь, в его целом составе, как одно семейство одного дома, а потому, храня семейное право отеческой властью, кн. Ярослав даровал своим многим детям-преемникам каждому свой удел, особенный, наследный, обособленный в отдельное княжество. Отсюда, хотя не по воле и не по вине князя, произошло не только разделение, но и отчуждение, и отсюда — междоусобие, — то зло, при котором естественно должно было слабеть и так неизбежно клониться к падению русское государство, ибо, по слову Спасителя, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет» (Лук. 11: 17).

Слабость междоусобной Руси скоро узнали и хорошо поняли ее соседи-враги на востоке; узнав, оценили ее по собственному опыту и решили ею воспользоваться. Это были кочевые полудикие племена — орды татарские. Сплотившись в одно несметное полчище под знамя хана Батия, они наводнили Русь и разгромили ее от края до края. Но их целью было не раз разгромить, а всячески ослабить и совершенно подчинить ее себе, а для этого от времени до времени все предавать огню и мечу, твердо налагать рабское ярмо, беспощадным грабежом собирать дань и не давать совершенно оправиться от разорения. К довершению бедствий и переполнению меры этого зла, княжества, и разоренные уже, все еще продолжали спорить и взаимно ссориться, и, вместе с тем, должны были судиться у своих тиранов — ханов татарских и при этом всячески пред ними унижаться.

Вот обстоятельства, при которых очень легко могла возникнуть и действительно явилась, созрела и окрепла у татар мысль воспользоваться вполне крайним бессилием Руси и уничтожить ее совершенно, как особую народность. Но в народе русском, при всей розни его отдельных княжеств, пребывала одна главная основа и во всем опора общественная, его св[ятая] православная вера. Следовательно, татарам нужно было еще уничтожить и эту опору и так уничтожить Русь. Нашелся хан, достаточно смелый для выполнения этой крайней и странной задачи. Это был Мамай. Как могла явиться столь дерзкая мысль именно у этого хана? Этому благоприятствовали современные Мамаю обстоятельства русского государства, которыми он решил воспользоваться.

По кончине вел. князя Московского Ивана II-го [2; 376], его сын Дмитрий Иванович, по законному праву наследства, занял престол великокняжеский. Но немедленно заявил свои притязания на великое княжение Суздальский князь Дмитрий Константинович. Московский Дмитрий исходатайствовал себе ярлык на утверждение своего права от хана Амурата. Дмитрий Суздальский, угрожаемый великим князем, бежал во Владимир, отсюда в свою вотчину — в Суздаль и здесь княжил два года. Дмитрий Московский получил ярлык на свое право еще от другого хана, Мамаю; тем не менее, Дмитрий Суздальский, рассчитывая на поддержку врага Мамаева, хана Аму-

рата, занял снова Владимирский стол и, пробыв здесь неделю, снова был изгнан. Только что кончилось это нестроение, великий и страшный мор, появившийся в Нижнем Новгороде, перешел в Переяславль, Коломну, а затем и в Москву; дошло до того, что люди умирали через день или два после заболевания во множестве, от 20 до 100 человек в сутки. Окончилось это бедствие — загорелся кровавый спор между родными братьями, князьями Суздальскими, Дмитрием и Андреем, за Нижний Новгород. В то же время страшный пожар опустошил Москву. «И погоре посад весь и Кремль и Заречье, бысть бо тогда засуха велика, еще же и буря к тому ста велия; и не бе лзе гасити... и так никто же успе имения своего вымыкати, но все огонь поять: в едины бо два часа весь град погоре без остатка. Прежде бо того не бывал таков пожар,— замечает летописец,— от него же избави, Господи, и в предняя лета»¹.

Итак, мор и пожар, постоянная война междоусобная и битвы с внешними врагами,— вот чем постоянно истреблялось народонаселение, истощалось его собственное и государственное имущество, разрушались внутренние родовые и бытовые связи,— так вконец ослабевала Русь и неотразимо клонилась к гибели.

Хорошо знали это бедственное и горестное состояние нашего отечества злейшие враги его — татары Золотой Орды. Вождь этой, наиболее многолюдной, орды, хитрый, гордый и мятежный хан Мамай отлично понимал все наличные выгоды теперешних обстоятельств русского народа, понимал, что Русь, уже давно порабошенную, многократно опустошенную, во всех отношениях расстроенную, малолюдную, с ее мятежными князьями, можно еще более ослабить, а себя чрез то обогатить, усилить и прославить и всем тем обеспечить себе спокойное преобладание на многие лета. С этой целью в 1378 году Мамай, собрав многочисленное войско, послал его под начальством Бегича «на всю русскую землю». Великий кн. Дмитрий [будущий Дмитрий Донской] со своими полками встретил врагов на берегах р. Вожи (в пределах Рязанского княжества), обошел их с трех сторон, разбил наголову, прогнал в степи и взял в добычу все обозы.

Но такая победа не дала мирных дней русскому народу, не предотвратила другого нашествия татар; напротив, она только жестоко уязвила гордость Мамай, воспламенила его гнев и вызвала уже непреодолимую решимость не только поразить, но именно совершенно уничтожить Русь с ее христианством. Такова настойчивость полудикого кочевника. В самый год победы кн. Дмитрия над татарами при р. Воже Мамай послал войско предварительно на рязанскую землю. Застигнутый врасплох, кн. Олег оставил свою землю и бежал в пределы княжества Московского. «Татары же пришедши взяша град его Переяславль и огнем пожгоша, волости же и села повоеваша, а люди многи посекоша, а иные в плен поведоша, и возврати-

шая в страну свою много зла сотвориша»,— все так, как и всегда. Смятение князя Рязанского, успехи боевых отрядов по областям, безнаказанность грабителей,— все это теперь окончательно укрепило самоуверенность Мамай в его решении — сокрушить Русь до конца.

И вот, не откладывая своего намерения, через год, именно в 1380 году, Мамай сам лично и со всем своим войском двинулся на всю русскую землю и прямо объявил ей гибель. Чтобы достигнуть своей цели с полнейшим успехом, он уже не рассчитывает на одну свою орду, хотя и весьма многочисленную, а приобретает многих союзников-единомышленников. Ко всей силе собственно татарской Мамай присоединяет силу половецкую, кроме того бесермен, армян, фрязов, черкасов, ясов, буртасов, литовцев и ляхов [3; 376] с их князем Ягайло и, наконец, приглашает Рязанского князя Олега. И этот малодушный князь, страшась татарского хана более, нежели Бога, стал действительно на сторону Мамай против православного великого князя Московского. Так страшны были те татары! Собрав все эти полчища, Мамай объявил им прямо: «Пойдем на русского князя и на всю русскую землю, якоже при Батыи-цари было, христианство потеряем, а церкви Божии попадим огнем, закон их (т. е. русских) погубим, а кровь христианскую прольем...» «Потеряем христианство», разумеется, уничтожим так, что его нельзя будет найти нигде на Руси,— вот злейшая, поистине сатанинская цель яростного врага святой веры и церкви Христовой.

В виду этого страшного скопища многих войск, народов и столь грозных намерений, что оставалось делать Московскому великому князю Дмитрию? Очевидно, необходимо нужно было собрать именно всю Русь, какая еще оставалась, никак не иначе, и этот остаток православного народа поставить против полчищ Мамай в решительный, ужаснейший бой. Одолеет эта Русь — она будет еще существовать, хотя и плачевно, на многие и многие годы; будет побита — она исчезнет с лица земли совсем, навсегда, и ее христианство «потеряется» вместе с ее именем... И князь Дмитрий отлично понимал это, а потому постарался собрать в свое народное ополчение все, что еще можно было призвать к оружию и поставить под священные знамена на поле грозной и решительной сечи.

На призыв великого князя Дмитрия собрались преданные ему и верные Христу Спасителю князья всех русских областей и составили большое ополчение, многочисленное, небывалое. Но мог ли князь Дмитрий рассчитывать, что оно достаточно сильно и храбро для верной победы над полчищами Мамай и его союзников? Решительно нет! Его войско, став на берегах р. Дона, должно было оказаться в совершенно безвыходном положении: враги неизбежно должны были окружить его со всех сторон, с юга, по выражению летописца,— «вся колена татарская», с востока — полки рязанские, с за-

пада и севера — ляхи и литовцы. Итак, Московское ополчение было бы истреблено все, и поле Куликово непременно стало бы могилой «всей Руси»!

Для истинно православного князя Дмитрия оставалась единственная незыблемая опора мужества и непоколебимой решимости — св. вера, одна надежда — Христос Спаситель, один покров — Пр[есвятая] Богородица. Хорошо понимал это кн. Дмитрий и сам же он прежде всех обратился к заступлению и помощи Царя воинств небесных с молитвой, со слезами.

«Великий же князь Димитрий Иванович, слышав, что идут на него вся царства творящая беззаконие, а похваляющиеся и рекуще, что их рука высока есть, иде к соборной церкви, ко Пречистой Матери Божии, к святой Богородице, и пролиа слезы и рече: Господи, Ты всемошный и всесильный, и крепкий в бранех, в истину еси Царь славы, створивый небо и землю, помилуй ны, Пречистыя ти ради Матери молитвами... О, многоименитая Госпоже, Царице небесных чинов, присно вся вселенная и всего живота человеческого Кормилице! воздвигни, Госпоже, руце свои Пречистая, ими же носила еси Бога влощена, не презри христиан сих и избави нас!..» Так помолившись, благочестивый князь, как истинный сын православной церкви, принял еще на свое, столь великое дело, благословение Московского святителя Герасима и Пр[еподобного] игумена Сергия Радонежского. И потом уже с непоколебимым мужеством объявил свое неотменное решение всем своим пособникам: «Пойдем противу сего окаяннаго и безбожнаго Мамаю, за правоверную веру христианскую, и за святыя церкви и за вся христианы».

Итак, вот что подвигло и воодушевило великого Московского князя на его великий подвиг — святая православная вера! Естественно, на такой призыв великого князя откликнулась вся русская земля, и, дотоле разделенная под властью постоянно враждующих князей, она стала теперь под священное знамя одного Московского князя, вся, как один человек. И вот, «хотя боронити своей отчины (оборонять отечество), кн. Димитрий прииде на Коломну и сбра вой своих сто тысяч сто человек, oprичь князей русских и воевод местных. Никогда не бывала такая сила русских князей и воевод», — замечает летописец. А всей силы и всех полков было около двухсот тысяч. Такую силу собрало тогда знамя святой праотеческой веры, единое священное для всех сынов Руси!

Но и с такой силой, что мог сделать Дмитрий против силы стольких своих врагов — татар и пособников их — литовцев и рязанцев? Ведь они были чрезвычайно многочисленны и несравненно превосходили в боевом деле. И это также хорошо знал не только князь, но и весь народ, а потому князь молился и плакал, и вся русская земля с ним молилась и горько плакала... «Слышавши во граде на Москве, и в Переяславли, и в Володимери, и в Ростови, и на Костроме и во всех градах вел. Князя и всех князей Русских, что пошел Князь великий за Оку, и бысть в граде на Москве и по всем градом ту-

га велика, и плач горек, и глас рыдания... занеже пошли с великим Князем за всю землю Русскую на острья копия».

Но, если русские люди шли и понимали, что «шли на острья копия», то на что же опиралось их боевое мужество? Очевидно, они все были проникнуты одной верой с вел. князем, одной с ним надеждой на помощь Господа Бога. И как дивно запечатлевалась эта вера и надежда на благочестивых воинах того времени! Древний русский человек, вооплчаясь на брань, надевал шлем и брал щит и осенял их животворящим крестом; брал в руку боевое копье, но знаменал свою длань, возлагая на нее заветный перстень с изображением Архангелов Гавриила и Михаила, Архистратига небесных сил; надевал доспехи — кольчугу и броню, но под ними, на груди своей, носил крест-энколпий [4; 376] или образок-складень с частицей св[ятых] мощей или хоть с частицей освященной просфоры. Возлагая такой ковчежец на себя, христолюбивый воин помышлял с верой, что и он приобщается страданиям Божественного Агнца, что он становится на подвиг мученичества, как некогда во время жесточайших гонений за Христа. И эта мысль веры одушевляла его и делала совершенно бесстрашным пред лицом самой смерти.

Было такое знаменательное вооружение и на всем воинстве благоверного князя Московского, как была в душе всех св. вера и надежда. Оттого не оставил их Господь своей помощью и своим утешением. Так, именно только по милости Божьей, совершенно неожиданно, к тому времени «приспеша вотчин разных издалеча» два родные брата литовского князя Ягайло, Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, «со всею брянскою силою приехаша поклонитися и послужити великому князю». Почему же так? Потому что они, по древнему сказанию, были «крещены в православную веру чрез мачеху свою, княгиню Анну»². Затем при самом переходе через Дон и вступлении на роковое поле битвы кн. Дмитрий снова получает благословение от святого старца, игумена Сергия, в грамоте, «в ней же писано благословение таково, веля ему битися с татари: чтобы еси, Господине, такы пошел, а поможет ти Бог, св. Троица». И князь пошел, перешел Дон. Сумрачно было утреннее небо рокового дня, но веселы были взоры московского ополчения, они уже горели огнем боевого рвеня... И Бог не оставил вел. князя!

Известно, чем кончилась битва на Куликовом поле. С помощью Божьей и Пресв. Богородицы, в самый день Ее преблагословенного Рождества, 8 сентября 1380 года [21 сентября по н. ст.], полками русскими полчища татар разбиты были наголову. «Изрядив полки противу поганых, с всеми ратми своими, Князь Димитрий, возрев на небо умиленными очима, и вздохнув из глубины сердца и рече слово псаломское: Братие! Бог нам прибежище и сила, «и абие сступишася обои силы великие на долг час вместо, и покрывша поле полки, яко на десяти верст от множества вой: и бысть сеча велика, и брань крепка, яко от начала миру не бывала сеча такова великим князем рус-

ским. Бьющимся им от шестого часа до девятого, и пролился кровь, аки дождевая туча, обоих, христиан и татар, и многое множество, много безчиленно падоша трупиа мертвых обоих...»

Что же Мамай? Видя поголовное избиение своих полков, Мамай «страхом вострепета и велми востенав и рече: велик Бог христианск, велика сила его». А затем, обратившись к своим соплеменникам, воскликнул: «Побежим неготовыми дорогами!» и первый предался постыдному бегству по направлению к своей орде; за ним последовали его князья-темники и все остальное татарское войско, по выражению летописца, «гоними гневом Божиим и страхом одержими суще, на побег устремишася». Так, желая уничтожить святую Русь, Мамай уничтожил свое войско и покрыл себя великим позором. На этот позор врага весело взглянуло русское солнце, радостно улыбнулся Дон... И струйки слез молитвенной благодарности заблестали в умиленных взорах героев-победителей.

Что же Ягайло? В то время как литовские князья, Андрей и Дмитрий, «издалеча» шедшие на помощь великому князю московскому, приехали на Дон еще до начала битвы, Ягайло, стремившийся на помощь Мамаю, не подоспел даже и к концу ее; а если бы подоспел, мог бы оказать Мамаю громадную услугу. «Бог избавил,— говорит летописец,— не поспеша на срок за малым (расстоянием), за едино днище или менши». «Бог избавил!» — да, здесь это совершенно очевидно. Остановившись у Одоева и узнав здесь, что битва князя Дмитрия уже произошла и Мамай разбит, Ягайло со своим войском поспешно побежал назад, «ни кем же гоним, не видеша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружия его,— токмо имени его бояхуся», говорит летописец. Очевидно, Ягайло, предавшись бегству без сражения, покрыл себя большим позором, нежели Мамай.

Что же Олег? Послав на помощь Мамаю свое войско, Олег приказал разобрать мосты на реках, а всех, кто будет возвращаться с Донского побоища через рязанскую землю, бояр и слуг, хватать и грабить донага. Тогда князь Дмитрий отрядил против него часть войска; но внезапно приехали к нему рязанские бояре и заявили, что князь Олег бросил свою отчину, рязанскую землю, а сам побежал с княгиней, детьми и близкими боярами. Сами эти несчастные рязанцы били челом великому князю — пощадить рязанскую землю, не воевать. Князь Дмитрий принял челобитье, не послал войска, а на Рязанское княжение посадил своего наместника. Очевидно, Олег подвергся еще большему позору, чем Ягайло, ибо не только предался бегству, не вступая в битву, но и потерял свое княжение! В этом не очевидно ли возмездие суда Божия князю вероотступнику?..

Какая же главная, истинная причина неожиданных и столь блестящих успехов великого князя Дмитрия при столь трудных обстоятельствах его величайшего подвига — спасения отечества? Святая православная вера. Она

препобедила зло внутри страны — рознь князей, гибельную для них и губительную для народа; она, если не вполне примирила, то теперь, в страшную годину, всех сблизила и объединила в одной мысли, в одном чувстве — любви к отечеству; только она могла так всех одушевить до самоотвержения, на последние средства собрать последние силы отечества и повести их «на острые копья» несметных татарских полчищ; она преисполнила московскую боевую рать непроборимым мужеством на поле лютой сечи и покрыла вечным позором сильнейших, гордых и всковых врагов многострадальной Руси!

«Сия есть победа, победившая мир, вера наша»,— говорит великий Апостол Христов Иоанн, переживший лютое гонение на церковь Христову (I Иоан. 5: 4). Сия же есть победа, победившая и злейших врагов русской церкви Христовой! Да знают же сие люди, чье сердце от детства не согрето чистой любовью к св. вере или чей ум окраден еще в детстве при дурном воспитании и чрез то лишен светлых понятий об исторических судьбах дорогого отечества! Да сияет же на монументе Куликова поля св. Крест Христов, это знамя нашей праотеческой веры — «победы нашей», да хранит он память о славном подвиге благочестивых предков наших, доколе тихий Дон катит свои голубые волны, доколе высится московский златоглавый Священный Кремль, доколе стоит всероссийское православное царство.

Примечания

¹ Все известия летописи приводим по Воскресенскому списку Полного собрания русских летописей. Т. VIII. Продолжение по Воскресенскому списку. СПб, 1859.

² История о походе великаго Князя Димитрия Ивановича Донского против Мамаю, царя татарскова, его же Божиею помощью на Куликовом поле до конца победиша. Лубочное издание XVIII века, без обозначения года. С. 40.

ГОРОДИЩЕ ПРИ СЕЛЕ ПОРЕЧЬЕ ОДОЕВСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Средней России вообще, а в той или иной губернии ее в частности, еще весьма мало произведено научных исследований по части доисторических памятников. Что же касается Тульской губернии, то, сколько мне известно, на всей площади ее до настоящего года [1898] исследований строго научных вовсе не производилось, за исключением прошлогодних раскопок члена Императорского Моск[овского] археологического общества Городцова, который обследовал и раскопал несколько курганов в юго-западной части Белевского уезда, на границе его с Болховским. Но, во-первых, раскопки г. Городцова производились на самой окраине данной площади, а во-вторых, о результате их пока еще ничего не известно. Вот почему раскопка Городища при с. Поречье является *началом* изучения доисторического прошлого Тульского края.

Разнообразные предметы древности, многократно находимые в окрестности Пореченского городища, дали повод священнику соседнего села Протасова о. П. Сахарову довести об этом до сведения Императорской археологической комиссии. В свою очередь, комиссия поручила произвести раскопку местному помещику А. И. Мосолову, при моем непосредственном участии. Таким образом, благодаря просвещенному участию г. Мосолова, обязательно предоставившего собственные средства для научного ознакомления с Пореченским городищем, оно стало достоянием археологии Тульского края.

По поручению Императорской археологической комиссии, 6—9 июня сего, 1898, года мною, при непосредственном участии А. И. Мосолова, произведена раскопка городища, находящегося при с. Поречье Одоевского у.

Тульской губернии, на левом (восточном) луговом берегу р. Упы, на земле крестьян приходской деревни Елисеевки.

Место, отмеченное высокой насыпью и потому давно обращавшее на себя внимание окрестных жителей, обыкновенно называлось здесь «курганом», но при ближайшем знакомстве с этой насыпью оказалось, что она представляет собой щит городища, которым здесь, как и везде, служит насыпь земли, взятой из рва, отделяющего площадь городища от прилегающей к нему береговой долины. Ров городища в настоящее время почти совершенно заполнен наносной землей при разливе реки Упы, на левом (восточном) берегу которой городище расположено. Часть (приблизительно четвертая) всей площади городища, прилегавшая к самой реке, размыта и представляет собой несколько осыпей культурного слоя, в котором жители ближайшей деревни Елисеевки находили разные вещи после весеннего разлива реки Упы.

В настоящее время городище представляется в следующем виде: длина вала-щита при основании совне 200 фут. [$\approx 61,0$ м], длина по верхнему краю насыпи 140 фут. [$\approx 42,7$ м], высота щита совне 30 фут. [$\approx 9,1$ м], высота изнутри 26 фут. [$\approx 7,9$ м], высота поверхности площади от грунта городища maximum (в разрезе) 12 фут. [$\approx 3,7$ м], minimum $7\frac{1}{2}$ ф. [$\approx 2,3$ м], от обвала до воды 36 фут. [≈ 11 м].

Выдающуюся и весьма характерную особенность Пореченского городища составляет то, что оно расположено на низменном берегу реки, а не на высоком бугре, при впадении какого-либо суходольного оврага в реку, как обыкновенно многие другие, и защищено оно не только валом и рвом, но и двумя изгибами реки, так что вершины этих изгибов упирают в подошву холма, прилегающего к реке, слева по ее течению.

Частью размыв городища водой, частью предварительная раскопка его отвалом скраю обнаружили два определенных слоя: нижний, лежащий прямо над грунтом (речной глиной, лёсом), представляет собой перегной, прослоенный углем, песком, золой и глиной; над ним верхний чернозем, образованный из речных наносов. Толщина перегноя в разрезе 3 ф. [$\approx 0,9$ м], толщина наносного чернозема — $4\frac{1}{2}$ ф. [$\approx 1,4$ м].

По вскрытию вала, а затем и всей толщи наносного чернозема во всю ширину площади городища, в нем не обнаружено никаких вещей.

По вскрытию нижнего культурного слоя на том же месте и протяжении, в нем обнаружены предметы гончарного производства, вещи из железа и так называемой курганной бронзы. Здесь же встречалось множество костей человека и животных: лошади, коровы и овцы; все кости оказались сильно разложившимися.

Вот дневник раскопки городища.

Июнь, 6-е. Раскопка осыпей городища, отделяющих реку от ее площади. Найдены гончарные кольца (-грузила?) вместе со многими черепками слабо обожженного глинозема. Разрытие северной части вала и городища отвалом. Снятие верхнего слоя — чернозема в середине площади и открытие перетнойного слоя; в последнем найдены железный ножичек, железный наконечник стрелы, два гончарных кольца и разного рода кости, преимущественно лошадиные.

Июнь, 7-е. Вскрытие верхней части культурного слоя внутри городища. Найдены два железных ножа, бронзовая проволока, кремневый наконечник стрелы и кости человека (череп) и лошади.

Июнь, 8-е. Вскрытие нижней части культурного слоя. Найдены: железные обломки, бронзовый лист (лавровый?), бронзовая пряжка, две бусы, костяная игла (разрушившаяся).

Июнь, 9-е. Продолжение раскопки культурного слоя с юга на север. Найдены: бронзовое колечко (спиралью), бронзовый лист (лавровый?) и гончарные кольца.

В общем, городище весьма бедно по содержанию по причине, совершенно очевидной для исследователя.

Вода окружающей его реки Упы каждый раз при весеннем разливе заливаает площадь городища, размывает его, прославивает весь культурный слой и разрушает его содержимое.

Тем не менее, городище, по найденным в нем вещам, с полной достоверностью должно быть отнесено к переходной эпохе — к концу бронзовой и началу железной культуры. Что касается культуры каменного века, то, несмотря на множество кремневых шлифованных орудий (наконечники стрел), во множестве находимых в окрестностях городища, в нем самом таковых не найдено, за исключением одного наконечника стрелы. Судя по вещам, найденным в городище, обработка бронзы решительно преимуществует перед железными изделиями. Что касается гончарного производства, то обработка глины и терракоты при разных степенях обжигания представляет весьма слабое развитие орнамента.

Из сопоставления всех, хотя и не многочисленных, данных следует, что первобытные обитатели Пореченского городища при бедной обстановке отличались и весьма скудным эстетическим развитием. Относительно религиозных представлений насельников Пореченского городища не оказалось никаких даже и намеков ни в предметах, ни в их орнаменте.

Таким образом, существенным научным интересом раскопок Пореченского городища остается то, что оно бесспорно свидетельствует о бронзовой культуре на средней Упе, или иначе, что каменная культура сменилась здесь не прямо железной, чрез посредство или преемство бронзовой.

БЕРЕЗОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ДРЕВНИЙ УДЕЛЬНЫЙ ГОРОД ВОЛКОНЕСК

По раскопкам 2—5 июля 1903 года

Если путешественник с правого берега р. Оки, из-под Алексина, направится прямо на юг, то, перейдя через южную границу Алексинского уезда в Одоевский, он вступает в широкую долину среднего течения р. Упы, в той ее местности, где с востока расположены села Старое и Новое Павшино, Поречье и пр., а с запада — села Якшино, Березово, Протасово, Апочня, Веригино и пр.

Местность эта, по наблюдениям и исследованиям, является весьма замечательной в историческом отношении и представляет для изучения интереснейшие памятники отдаленного прошлого. Разумеем три городища, близлежащие одно при другом и, по расположению своему, представляющие вершины углов одной треугольной, почти равнобедренной, площади. Эта местность имеет тем больший научный интерес, что городища эти, получив свое первоначало во времена доисторические, впоследствии принадлежали к территории удельного княжества Волконского.

О роде князей Волконских известно, что он ведет свое начало от князей Черниговских, как Новосильские, Белевские, Одоевские и другие, перешедшие на берега верхней Оки и ее притоков — Зуши, Упы и пр., точнее — он есть ветвь князей Тарусских, имевших своим уделом город Тарусу (теперь безуездный город Калужской губернии). После и вследствие неоднократного разорения города Тарусы татарами, особенно крымскими, князья Тарусские переходили в другие области и от этих новых мест поселения получали новое прозвание в отличие от других, родственных им князей. Таковы именно князья Конинские, поселившиеся там, где ныне село и городище Спас-Конино, и князья Спашские, позднее Спавские, жившие там, где был

их город Спаш, где теперь село и городище Старое Павшино; а поселившиеся на р. Волконе, впадающей в р. Упу, получили название князей Волконских¹.

И это совершенно подтверждается точным свидетельством «Родословной книги князей и дворян российских и выезжих, изданной по самовернейшим спискам». Эта «Книга» говорит: «Волконские князья произошли от князей Тарусских, ведущих свой род от князей Черниговских; название получили по обладанию их так называемым городищем Волконою. От них произошли Конинские, Спашские», которые в той же «Книге» называются еще «Испашские»².

Само собой понятно, если князья Волконские обитали на р. Волконе известно, хотя и непродолжительное время,— что несомненно,— то, конечно, в их уделе был и их удельный город. Такой город действительно был, о нем сохранилось древнее (от начала XV-го века) и точное известие,— это был город Волконеск. А около него — волость Волкона. Но где именно был город Волконеск и какие остались следы его бытия, об этом доселе не было совершенно ничего известно. Только теперь, после тщательного обследования местности по ту и по сю сторону р. Волконы, оказалось, что близ самого впадения ее в р. Упу, как уже выше сказано, находятся три городища. Одно из этих городищ расположено на левом, луговом берегу р. Упы, очень недалеко от впадения в нее р. Волконы, на земле крестьян села Поречье,— Пореченское городище; другое расположено на левом, нагорном берегу реки Волконы, на церковной земле с. Березова,— Березовское городище; третье — на том же берегу р. Волконы, на земле крестьян деревни Тимофеевки, в приходе с. Березова,— Тимофеевское городище. Так как в окрестности р. Волконы на всем ее течении нигде больше нет городищ, а здесь, при самом устье этой реки, на расстоянии не более одной версты одно от другого находятся три сильно укрепленных городища, из коих два — Березовское и Тимофеевское — доминируют над всей обширной долиной реки Упы, то остается, вне сомнения, что именно здесь, если не все три городища, то одно из них и было некогда занято удельным городом Волконском. Но, что ручается за самую древность этих городищ? На это отвечают частью обстоятельное исследование площади самих городищ посредством раскопок, частью летописные известия относительно этого края.

Каждое из трех данных городищ имеет свои некоторые особенности, а именно: Пореченское городище расположено на низком, луговом берегу реки Упы, при самом ее течении, которым даже разрушается почва площади городища; Березовское — на бутре, в виде мыса, укреплено рвом и валом, проходящим около всей площади городища; Тимофеевское расположено также на бутре, но защищено с одной, северной, стороны двумя рвами и валами. Таким образом, эти три городища, отчасти по своему

местоположению, отчасти по устройству насыпных валов, относятся к трем различным типам, а соединение их на столь близком расстоянии представляет явление в исторической географии весьма редкое, если не единственное в России.

Так как, повторяем, на вопрос о том, какой давности каждое из этих городищ и какое из них самое древнее, может быть дан положительный ответ только по уцелевшим в них остаткам быта их обитателей, что, в свою очередь, достижимо только посредством раскопок, то мы и предприняли несколько лет тому назад раскопки этих городищ, последовательно одно за другим³.

Производство раскопок было начато еще в 1898-м году, и первоначально раскапывалось Пореченское городище, именно 6—9-го июня того года⁴. А в настоящем, 1903-м, году 2—5 июля предприняты были раскопки Березовского городища. Вот обязательный для нас дневник этих раскопок.

Июль, 2-е. Произведен общий и тщательный обзор и обмер всей площади городища, его рва, вала и склонов к реке⁵. По обзору Березовское городище представляется в таком виде. Оно расположено на левом берегу р. Волконы, на высоком бугре, имеющем вид угла, который с двух сторон, восточной и южной, ограничивается крутым изгибом р. Волконы; с третьей, западной,— его ограничивает Ямный Проток — ручей, пролегающий в глубоком овраге и почти пересыхающий; с четвертой, северной стороны бугор перерезан глубоким рвом. Кроме того, вся площадь городища обнесена и защищена высоким насыпным валом, особенно высоким с северной ее стороны, так что середина городища представляет довольно углубленную котловину. Непосредственно за валом и рвом, на север, расположен Березовский погост с церковью Успения Пресв. Богородицы. Затем произведено исследование вала городища с внешней его стороны; разрыта до грунта часть вала на западной стороне, со стороны Ямного Протока, как более доступной нападению врагов. Оказалось, что весь вал состоит из насыпной земли, без всякой прослойки камня или дерева, причем под легким верхним слоем чернозема находится довольно толстый слой насыпной глины, а под ним — слой перегноя (культурный). Вещей здесь не найдено никаких. Наконец, было приступлено к исследованию внутренней площади городища, именно южной ее части, прилегающей своим обрывистым скатом к самому течению р. Волконы и наиболее защищенной. Здесь, близ вала, была проведена траншея, длиной в 3 сажени [≈ 6,4 м], шириной в 1½ арш. [≈ 1,1 м], глубиной в 2 арш. [≈ 1,4 м]; на дне траншеи такой глубины уже открылся материк (речная глина). Вся толща почвы до материка представляла собой культурный чернозем, в котором находились разные предметы. Именно: сверху попадались только мелкие камни и кости животных (овцы, свиньи, коровы, курицы) и множество обломков гончарной посуды. На средней глубине на-

ходились, кроме того, железные ножи небольшой длины и одного типа, с волнообразным лезвием (в виде горизонтальной буквы эс).

— 3-е. Продолжены раскопки той же траншеи: между прочими вещами, какие уже попадались, найдена пластинка зеленой (курганной) бронзы, в виде несколько согнутого лаврового листика, на котором сделан насечкой мелкий пунктирный орнамент. Кроме того, на значительной глубине этой траншеи встречались небольшие кучки камней и куски спрессованной золы (напоминавшие собой небольшие очаги).

— 4-е. Проложена вторая траншея по направлению к середине площади городища и под прямым углом к первой, длиной сажени в полторы [= 3,2 м], такой же ширины и в 1½ аршина [= 1,1 м] глубины (до грунта). Находились разнообразные вещи: вверху, между прочим, найден большой железный ключ с троечастной бородкой, причем средняя часть бородки наполовину отогнута в сторону; на средней глубине найден бронзовый перстенек с небольшим щитком без всяких украшений; кроме того, железный наконечник стрелы с прямоугольным и довольно расширенным концом лезвия (в виде лопатки), два железных ножа, две бусы (сердоликовая граненая и стеклянная) и граненая косточка в виде тупого наконечника стрелы (?).

— 5-е. Продолжена первая траншея вдоль южной части вала, в вторая — далее внутрь городища, но с уклоном вправо, на восток от прежнего направления, с целью исследования площади городища по возможности во всех направлениях. Находились вещи такие же, как прежде, кроме того только, что близ вала, на незначительной глубине первой траншеи, найдена железная граненая пика (казацкого типа) и еще один железный ножик.

Затем, по обстоятельствам от нас независящим, работы на городище пришлось до времени отложить.

Очень известно, что находки вещей в городищах вообще скудны, потому что вещи здесь оставались всегда случайно и не лучшие, тогда как в курганах — могилах, по требованию обрядов погребения знатных покойников, вещи клались с намерением и лучшие. Так, небогато вещами и Березовское городище, притом вещи, найденные в нем, по своему значению довольно разнообразны. Тем не менее, все они, взятые вместе, представляют очень ценный научный материал; скажем больше, самая скудость предметов высшей культуры, даже совершенное отсутствие предметов культур отдаленных, имеют свой научный интерес, и не малый, по следующим соображениям:

Во-первых, в то время, как в окрестностях всех трех городищ находится немало каменных орудий разного назначения (наконечники стрел, топорики и т. п.), разного материала и разной отделки, от грубого палесолита до художественных экземпляров неолитических, на самом Березовском городи-

ще не попалося ни одного экземпляра⁶. Следовательно, предполагать здесь оседлость первобытного человека не представляется возможным.

Во-вторых, из произведений так называемой курганной (зеленой), бронзы не встретилось здесь ни одного предмета оружия, орудия или вооружения, что в таком изобилии встречается на финском севере и северо-западе, даже в городищах средней Оки (Гремячевское Перемышльского у.). Найдены только два предмета, относящиеся исключительно к убранству, да и те отнюдь не отличаются художественной отделкой (листик и перстенок). Следовательно, предполагать здесь оседлость какого-либо финского племени также не представляется возможным.

В-третьих, из числа изделий из кости является только одна вещь, довольно неопределенного назначения (может быть, и наконечник стрелы, но худо сделанный). Это отсутствие костяных изделий (из коих некоторые и всякого рода, орудия и оружие, находятся, однако, в Пореченском городище) понятно только ввиду преобладания культуры железной, следовательно, сравнительно более поздней.

В-четвертых, что касается бус, то их материал и тип совершенно сходны с находимыми на юге России, в курганах и городищах христианской эпохи.

В-пятых, оружие и орудие усовершенствованной формы представляют собой только железное копье и железный ключ, но эти предметы найдены весьма близко от поверхности; следовательно, относятся ко времени сравнительно недавнему — не ранее XVI века.

В-шестых, нельзя не обратить внимания на совершенное отсутствие орудий земледелия и рыбной ловли, особенно последней, — не найдено ни одного, например, гончарного грузила (коих такое множество и разнообразие находится в Пореченском городище), — несмотря на толщину культурного слоя и на то, что городище прилегает к самому течению р. Волконы, почти при самом впадении ее в р. Упу, которая при весеннем разливе заполняет всю долину и, сливаясь с Волконой, подходит также к городищу. Отсутствуют также предметы и охотничьего быта (особенно стрелы малого калибра и т. п.). Следовательно, предполагать, что первые насельники вели быт земледельческий или охотничий или промысловый, в специальном смысле этого слова, не представляется возможным. Напротив, —

В-седьмых, обилие костей домашних животных, множество домашних ножей и особенно множество кухонной посуды (собственно горшков) дают основание утверждать, что обитатели городища преимущественно, если не исключительно, занимались скотоводством, для которого такое несравненное удобство представляла широчайшая долина р. Упы.

В-восьмых, что касается эстетического развития обитателей городища, то оно рекомендует только орнамент на гончарном производстве: посуда вся покрыта орнаментом, который очень разнообразится в своих мотивах

(прямолинейный, волнистый и т. п.), но остается одного типа — линейного, наложен большей частью острым режущим орудием. А это, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии развитого ремесла и уклонении от заимствования чужого производства или о слишком малом знакомстве с ним, хотя материал для изделий употреблялся разнообразный (глина серая, синяя, желтая, белая) и различно раскрашивался. Очевидно по сему, что первоначально хотя и долго жили на городище, однако оставались при слабом культурном развитии, что так естественно подходит к быту скотоводов.

Итак, Березовское городище несомненно получило свое первоначало в доисторическое время, но уже в период железной культуры; оно было первоначально населено племенем отнюдь не финским, а славянским; его занятием было преимущественно, если не исключительно, скотоводство; его сношения с соседями несомненно были очень незначительные, по крайней мере так было на первых порах, позднее, напр[имер] в IX—X вв., были, однако, торговые сношения жителей этой местности с юго-востоком. Неоспоримым ручательством за это является клад арабских серебряных монет, дирхемов [дирхемов] VIII—IX в., найденный лет 15-ть назад близ Тимофеевского городища, соседнего с Березовским⁷.

После этого, кажется, с нашей стороны не будет очень смелым утверждать, что, по всей наличности найденных вещей и по археологической аналогии, основание Березовского городища должно отнести к началу колонизации берегов средней Упы и ее притока Волконы славянами — южно-вятичами.

Что касается исторического времени, т. е. собственно первого периода русской государственности, то по летописям известно, что в этой области, заселенной вятичами, уже в XI-м столетии были города в государственном значении этого понятия; таков именно Спаш или Спадш, позднее — Спавш, бывший потом удельным городом князей Спашских или Спавшиных. О нем упоминает летопись под 1152-м годом. Сказав о том, как вел. кн. киевский Изяслав Мстиславич, в союзе с Изяславом Давидовичем и Святославом Всеволодовичем, напал на удел кн. Суздальского, Юрия Долгорукого и «шедше розведоша городок Юрьев и пожгоша его», летописец продолжает: «И поиде Юрь с сыны своими и с Ростовци и Суздальцы и Рязанский князь Ростислав Ярославич с братьею и сполкы своими с ним, тако же и Половцы Орьплюсы и Токсобичи и вся Половечьская земля, что их ни есть межи Волгою и Днепром, и поидоша на Вятич и взяша их; таже на Мченеск, да на Спашь, да на Глухов, ту же и сташа»⁸. Правда, существует полнейшее недоумение о том, где был этот город Спаш, и оно высказывалось даже такими историками, как Н. М. Карамзин и М. П. Погодин⁹; но, кажется, недоумение их зависело только от того, что им не известно было о существовании села Спавшина, по-теперешнему Павшина, при котором доселе сохранилось го-

родище, как неоспоримое доказательство того, что здесь был город Спаш или Спавш, который потом был удельным городом князей Черниговских — Тарусских — Спашских, или Спавшиных. А если это так, то необходимо допустить, что и два другие городища, соседние с Павшиным и не менее его древние, Березовское и Тимофеевское, при устье Волконы, также были городами в точном смысле и в тот же период уделов. Здесь именно был удельный город князей Волконских — Волконеск.

Относительно дальнейшей судьбы Волконских князей и их удела должно сказать тоже, что и относительно Тарусских, Конинских и Спашских, — именно, что с конца XIV и в XV-м столетии они переходят под власть великого князя Московского. Так, известно, что город Таруса в 1392 году отдан был Московскому великому князю Василию Дмитриевичу ханом Тахтамышем. «В 6900 (т. е. 1392-м) году, — говорит летописец, великий князь Василий Дмитриевич, пришед в татарскую орду, многую честь прия от царя Тахтамыша, и придаде ему царь Тахтамыш Новгород Нижний и Городец со всем, и Мещеру и Тарусу»¹⁰. «Родословная книга князей и дворян» говорит: «У князя Семена Торуского сын князь Дмитрий Торуской; и в докончанье его князь Великий Василий пожаловал принял; не стало его бездетна»¹¹. Скоро потом, именно в XV-м столетии, пресекался род князей Конинских и Спашских или Спавских. «Родословная книга» говорит: «А Конинские князи и Спашские пошли от Торуских, а захудели и извелись от войны татарские»¹². Оставшееся после них городище досталось в наследство князьям Волконским¹³.

Но и владения князей Волконских в конце XV-го века также были уже во власти Московских великих князей, что очевидно из «Духовной Грамоты» великого князя Ивана III-го Васильевича. Князь говорит в ней: «Да и сыну же своему Юрью даю город Брянск с волостями... да волости Соловевичи, Прикладна, Пикунова, Волконеск... Да благословляю сына своего Андрея, даю ему... город Алексин с волостями и с путями и з села и со всеми пошлинами, и с Волконою, и с Кониным...»¹⁴ Что касается разных названий «Волконеск» и «Волкона», то, разумеется, Юрию отец дал город Волконеск, а его брату Андрею — волость Волкону.

При дальнейшем объединении мелких удельных княжеств воедино с Московским государством, Волконеск перестает быть удельным городом и местом пребывания Волконских князей, как и другие города (Одоев, Белев, Новосиль). Князья Волконские переходят на службу в Москву и доблестно подвизаются частью на военном, частью на дипломатическом поприще¹⁵.

Оставленные ими городища, не раз опустошенные татарами, литовцами и др., оставались не менее как около двух столетий в совершенном запустении, так что на месте городов не оставалось положительно никакого следа их сооружений или построек. И это понятно, если припомнить, сколько раз

и до какого тла разрушались в пламени пожаров даже и людно населенные и хорошо обстроенные города, такие, как Москва и др., и как расхищался оставшийся в развалинах ценный строительный материал, если только он был и еще оставался. Оставалось на поверхности старых городов лишь только то, что не истребляли ни ярое пламя, ни хищное племя, это — земляные городища, с их мощными валами. Так уцелели и городища Волконские.

И вот, сравнительно поздно уже, судя по памятникам, только в конце XVII-го века на Березовском холме — городище — снова является население, рядом с городищем устраивается погост с «церковью Успения Пр. Богородицы, что на городищи» или «что на Волконе», разумеется, что одно и то же; приход получает название села «Березова» по имени одной из своих деревень.

В местной приходской каменной Успенской церкви сохранились некоторые памятники, далеко не безынтересные для истории села. Они следующие:

1. Антиминс, XVII-го века, печатный, на холстине. «Священнодействован Патриархом при державе Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича...» К этому времени, т. е. к 1676—1682 годам, вероятно, относится и построение Успенской церкви, что на Волконе — городище¹⁶. Антиминс был найден в правом, южном углу жертвенника. По обычаю того времени, который иногда поддерживался и прямыми распоряжениями Преосвященных, старые и обветшавшие антиминсы закладывались для хранения в столбцы престолов или жертвенников. Так, патриарх Адриан в своей грамоте, данной 18-го декабря 1695 года стольнику Алексею Патрикеевичу Ходыреву, разрешая ему, стольнику, в своей вотчине, в Алексинском уезде, в селе Першине (соседнее с с. Березовым) «построить новую каменную церковь во имя Пресвятыя Богородицы Одигитрии с трапезою, а по левую сторону той церкви другую теплую церковь во имя чудотворца Алексия Митрополита», между прочим, повелевает: «А старые церкви и пределов с престолов антиминсы положить в новом престоле в десном столбце от восточная страны вытесав ящик покрыть доскою...»¹⁷

2. Евангелие на престольное. Москва. 1694 года.

3. Евангелие на престольное. Москва. 1751 года.

4. Триодь постная. Москва. 1707 года. Подпись по листам: «Сия книга Триодь церкви Успения Пресвятыя Богородицы, что на городищи».

5. Триодь постная. Москва. 1766 года. Подпись: «Сия книга Анны Никитичной дочери Впартучкиной жены Лукиной сельца Головиного отдана...»

6. Нотный Ирмологий. Москва. 1772 года. Подпись по листам: «Сия книга глаголемая емолог (sic) адоевской округи села Березова церкви Успения Богородицы, что на городищи».

7. Псалтирь следованная. Москва. 1776 г.

8. Октоих. Москва. 1777 года. Подпись по листам: «Сия книга церкви (Успения) Богородицы, что на городище».

9. Синодик XVIII-го века, лубочной печати, с раскрашенными рисунками. Подпись: «Сей синодик выменен Алексинского уезду к церкви Успения Божия Матери что на Волконе тцанием тоя церкви (священника) Григория Васильева 1759 году марта дня». В нем, между прочим, записаны: «Род священника Козмы Иванова села Березова. Род Сергиевскаго священника Григория Васильева села Высокова». Вероятно, этот самый священник «выменял» и сей Синодик, судя по его подписи. Село Высокое было приписным к с. Березову, а впоследствии перешло к селу Кутькову, Калужской епархии.

(Отдельные оттиск. из Тул. Епарх. Ведом. 1904 г.)

Примечания

¹ Ср. Географический Лексикон Российского государства или Словарь из достопамятных известий, собранный Феодором Полуниным и с предисловием Герарда Фредерика Миллера. М., 1773. См. слово «Таруса» — Словарь Географический Российского государства, собранный Афанасием Шекатовым. М., 1801—1808. Слово «Таруса».

² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, изданная по самовернейшим спискам. Часть II-я. М., 1787. С. 297—298. «Волконские князья». Ср. стр. 410, п. 2-й и 412, п. 9.

Кроме того, сведения о князьях Волконских и других, с ними родственных, см. в издании: Ал. Вас. Орешников. Материалы к русской нумизматике дошарского периода. (Дополнение к «Русским монетам до 1547 г.»). М., 1901. С. 2 табл. и 6 рисунками в тексте. Между прочим, см. здесь о «Спасских деньгах».

³ Долг справедливости требует заявить здесь же, что немалые средства для этого дела, а равно и все удобства при производстве самой работы на месте, предоставлены были нам местным помещиком, штабс-ротмистром Ал. Ив. Мосоловым, который отнесся к нашей, столь сложной, научной задаче со свойственным ему просвещенным вниманием и редким сочувствием, за что мы, в качестве представителя русской историко-археологической науки в родном крае, считаем приятнейшим долгом выразить и выражаем здесь ему, г. Мосолову, свою глубокую благодарность. Также «русское спасибо» от нас и местному священнику, о. Леониду Рудневу, за его сочувствие и содействие нам при ознакомлении с его приходским храмом и его памятниками. *Автор.*

⁴ Отчет об этом см. в нашей статье: «Городище при с. Поречье Одоев. у. Тул. губ.» — в «Тулской старине». Вып. 1-й. Тула, 1899. С. 25—28. То же в издании Импер. Москов. археологическ. общества: «Археол. известия и заметки». М., 1898. №№ 9—10.

⁵ Надлежащий тригонометрический обмер городища с его планом и разрезом изготовлен для Тул. Палаты древностей и в настоящее время помещается в ней. *Автор.*

⁶ Несколько интересных экземпляров разного рода каменных орудий мне удалось приобрести здесь для Тул. Палаты древностей. *Автор.*

⁷ Одна из монет этого клада находится в нашем собственном собрании; это Омейядский дирхем [дирхем] Халифа Мервана II-го Мохаммеда, битый в 131 году гиджры, т. е. в 748—749 г. по Р. Хр. [летосчисление от Рождества Христова] — в городе Шаме. Арабская надпись монеты прочитана ориенталистом Вл. К. Трутовским. По справке Трутовского, академик Френ полагает, что название «Шам» значит «Сирия», но какой собственно город в Сирии, ему не известно. Не определяет этот город и Вл. К. Трутовский. Нам известно, однако, что именем «Шам» у арабов называется город Дамаск. То же название прилагается к городу Триполи — Шам (сирийский). Монета сия любезно предоставлена в наше распоряжение управляющим Ал. Ив. Мосолова, достопочтенным Мих. Льв. Зотовым. Монета хорошей сохранности. По отзыву Вл. К. Трутовского, этот экземпляр монеты из интересных.

⁸ См. Полное собрание русских летописей. Т.VII-й. Летопись по Воскресенскому списку. СПб, 1856. С. 56 и 58.

⁹ См. Погодин М.П. Древние русские княжества с 1054 по 1240 год. СПб, 1848. Княжество Черниговское. С. 20—23.

¹⁰ Ср. Географический лексикон Р. Г. Ф. Полунина. Слово «Таруса». Словарь Географический А.Шекатова. Слово «Торуса».

¹¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, изданная по самой вернейшим спискам. Часть I. М., 1787. С.101. № 110. Род Торуских.

¹² Родословная книга. Ч. I. С. 211. № 114. Род Конинских и Слэшских.

¹³ См. Географический лексикон Р. Г. Фед. Полунина. Слово «Таруса». Ср. Словарь Географический А. Шекатова. Слово «Торуса».

¹⁴ См. Продолжение Древней российской Вивлиофики. Ч. V. СПб., 1789. № 157. Копия с Духовной грамоты великого князя Ивана Васильевича. С. 74 и 78.

¹⁵ См. Энциклопедический Лексикон. Т. XI-й. СПб.: изд. Плюшара, 1838. С. 355—357. Статья «Волконские». И: Сборник князя Оболенского. М, 1838. № 7. Грамота Царя Бориса 1605. С. 30. Примечание 7-е.

¹⁶ Теперь этот антиминс хранится в Тульской Е. Палате древностей.

¹⁷ Подлинная грамота писана на столбце, склеенном из пяти листов. Скрепил дьяк Андрей Владыкин. «Справил Дмитрейко Аврамов». У грамоты печать патриарха Адриана из красного воска. Грамота хранится в нашем собственном собрании. Автор.

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

*Речь, произнесенная 2 мая
в зале Тульского дворянского собрания*

[...]* Пересматривая все восемь томов творений Ал. Ст. Хомякова, читатель невольно поражается обилием их содержания и разносторонностью таланта этого мыслителя. Здесь и поэзия, в разных ее видах, и история, в разных ее эпохах, и богословие в различных его отделах. Ввиду этого, читатель невольно спрашивает себя: так кто же именно Хомяков — поэт? историк? богослов?

Ни то, ни другое, ни третье в отдельности, а лучше сказать, и то, и другое, и третье вместе. Хомяков мыслитель, и одинаково сильный и сведущий, и знаменитый, как в поэзии, так и в истории, так и в богословии, т. е. в трех сферах интеллектуальной жизни.

Посему, пожалуй, можно было бы подумать, что он был вообще философ: нет,— он не писал системы, даже не разрабатывал никакого отдельного вопроса философии в отдельном специальном трактате. Он одинаково стоял непосредственно к жизни и к науке всей душой, вместе и чувством, и мыслью. И во всем здесь он был особенный, с своей точкой зрения.

Отсюда вопрос: чем же объясняется эта разносторонность деятельности таланта Хомякова? Нам могут указать на влияние семьи, домашней обстановки, путешествий, общества, чтения и т. п. Все так; однако, и все это, взятое вместе, никогда не создаст такой могучей, собственно патриотической, мысли, которая так целостно и одинаково характерно сказалась в разных сферах научного мышления и жизни. Нет, такая мысль растет только под прямым, непосредственным и неотразимым влиянием современной ей особой эпохи. Именно под влиянием такой, весь дух захватывающей, эпохи и жил Хомяков, особенно в ранние годы.

Переносясь воспоминанием к первым летам нашего незабвенного мыслителя, мы восходим к самому началу минувшего XIX-го века,— началу, которое у нас было столь оригинально по своей исторической обстановке, по окраске разных течений мысли и по уклонам общественной жизни. Отличие того времени: устройство разных министерств, умножение университетов и академий, открытие ученых обществ, развитие масонства, деятельность Библейского Общества, возникновение подпольных обществ, появление гибельных сект, наконец, распространение бродячих конституционных идей и пр. Вообще, то было время тяготения к чужому, под преобладающим влиянием французской образованности и моды, влиянием настолько сильным, что признаками образованности человека были: французская речь, парижская мода, quasi-философское свободомыслие и легкость нрава об руку с роскошью. При этом, естественно и понятно, что русло собственно русской жизни загромоздилось и закрылось, а течение русской мысли заторилось и затихло: понятия «человек образованный» и «человек русский» представляли собой почти противоречие.

Нужно было наступить событиям историческим, чтобы они овладели всей душой русского человека, заставили его в одно и то же время и сосредоточиться в себе, и быть внимательным к жизни общественной, и перенести мысль в мир европейской и русской истории. И такие события действительно наступили. Это события Отечественной войны 1812 года. И вот, впервые, на Бородине покачнулся кумир Франции, идол исполинской силы военного таланта, разбился в древних стенах священного Московского кремля, обломками своими засеял широкие поля родины нашей, а его гордая глава была отброшена:

И упала в дальнем море,
На неведомый гранит,
Там, где море на просторе
Над пучиною шумит...

Тогда воспрянула Русь, встала во весь свой исполинский рост, как сказочный гигант, с богатырской силой и славой, и с полным сознанием своего истинного величия в истории. От событий Отечественной войны оставалось у всех одно преобладающее, громадное и неотразимое впечатление святости Православной Церкви и непреодолимого могущества русского народа, чем живет и крепнет чувство патриотизма.

Восьмилетним мальчиком был Хомяков, когда надвинулись на Русь события «Двенадцатого года», знаменитейшего в нашей истории. Малолетний, но даровитый, впечатлительный и глубоко вдумчивый Хомяков пережил момент чрезвычайного подъема народного патриотизма, был свидетелем силы народной, восторгался славой Отечества и его героев, спасших Запад-

ную Европу и, как все его современники, благоговел пред судьбами Промысла Божия в истории родной земли. Иначе говоря, он пережил эпоху поэтическую, историческую и священную. Под теми же впечатлениями славной, единственной эпохи он провел и юность. И вполне естественно, что в нем пробудились все стороны его даровитой души: сказалось поэтическое творчество, зародилась историческая мысль, светло озарился разум религиозной идеей Промысла Божия о русском народе и Православной Церкви. Содержание пережитых событий давало обильную пищу всей его душе, было над чем поработать всем ее силам, и тем полно раскрыть свое чисто русское самосознание. И силы работали, работали одновременно и по всем направлениям, но уже не на французский лад.

Короче, Хомяков как мыслитель, стал и был поистине сыном духовной стихии своего народа, одним из первых и лучших представителей его национального самосознания и толкователем его патриотического чувства. И, как такой, он проявил свое самостоятельное поэтическое творчество, свой независимый исторический взгляд и свое оригинальное, собственно-церковное учение,— во всем этом оставаясь искренно русским.

I

Жизнь личного духа в нашем незабвенном мыслителе, прежде всего, т. е. в самую раннюю пору его развития, в молодые годы, сказала, как это и естественно, в поэтическом творчестве. Но, каким поэтом был Хомяков? Русским, в полном и глубоком смысле сего понятия.

Уясняя себе «существо русской поэзии и ее особенность», Гоголь говорит: «Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии есть очень много своего. Самородный ключ ее уже был в груди народа тогда, как самое имя поэзии еще не было ни на чьих устах. Струи его пробиваются в наших песнях, в которых мало привязанности к жизни и ее предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе со звуками. Струи его пробиваются в пословицах наших, в которых видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткое живописное соображение, чтобы составить животрепещущее слово, которое принимает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое. Струи его пробиваются, наконец, в самом слове церковных пастырей, слове простом, но красноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину, по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило

для нашей поэзии какое-то, другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие»...

Так. И что же? Через знаменитое и пресловутое «окно в Европу», прорубленное императором Петром, при содействии всех его реформ, при чрезмерном подражании западной культуре, проникло иное веяние, и родник народной поэзии закрылся. Родная поэзия была почти не знакома русским обществом. «С обществом нашим,— говорит Гоголь,— случилось то, чего не случилось еще доселе ни с одним народом; оно воспитывалось в неведении земли своей посреди самой земли своей. Даже, язык был позабыт так, что поэзии нашей были даже отрезаны дороги и пути к тому, чтобы коснуться его уха»... Затем, возвращаясь мыслью к тому, чем должна быть русская поэзия, Гоголь говорит: «Нельзя служить и самому искусству, как ни прекрасно это служение, не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам и искусство; нельзя повторять Пушкина. Нет, не Пушкин или кто другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли... Христианским, высшим воспитанием должен воспитаться теперь поэт... Как во времена младенчества народов поэзия служила к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них браннолюбивый дух, так придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу, которую Сам небесный Творец наш считает перлом своих созданий. Наконец, сам необыкновенный язык наш есть еще тайна... Он беспределен, и, живой как жизнь, может обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям. Русский поэт должен вызвать нам,— заключает Гоголь,— нашу Россию, нашу русскую Россию, не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские, но ту, которую он извлечет из нас же»...

Когда это говорил Гоголь и так мечтал о русском поэте, воспитанном по-христиански, говорящем на истинно русском языке, богатом всеми оттенками выразительности, о поэте, который бы ставил целью своей борьбы вечную свободу духа, таким поэтом уже стал быть Ал. Ст. Хомяков.

Его, конечно, заметил Гоголь и, кстати, воскликнул: «Слава Богу, еще жив Хомяков, живущий для какого-то светлого будущего!».. Да, живя всеми чувствами своей души, Хомяков отражал в себе всю жизнь и личного духа, и внешнюю общественную жизнь, и жизнь всемирно-историческую. И все это находило отражение в его поэтическом творчестве и отзывк в его истинно русском языке, и так, что во всех его поэтических произведениях держится один господствующий тон высокого патриотизма.

Определяя в свое время характер поэзии Хомякова, проф. Ст. Шевырев говорит: «Лирика Хомякова постоянно звучит самым глубоким отечественным чувством: все ее песни, составляя одно целое, имеющее зародыш свой в сильной народной душе поэта, звучат тайным, вещим предчувствием великого будущего России и находят отголосок во всех просвещенных, кто только любит свое отечество»¹.

Глубокие чувства и взгляд в отдаленное будущее, естественно, отличались иногда неопределенностью. Это дало повод некоторым отозваться, что вообще произведения Хомякова отличаются неясностью основных идей². Но достаточно ближе и внимательнее взглянуть в лучшие произведения его творчества, чтобы видеть не только богатый, сильный, картинный и поэтический его язык, но и глубокие и совершенно ясные его идеи, в особенности, когда стихотворение являлось плодом глубоких размышлений. Таково высокохудожественное и вместе глубокомысленное изображение суда Божия над избранным народом.

«По прочтении псалма», в благоговейном размышлении, представляя себе Бога Судию Израиля, поэт говорит:

Земля трепещет: по эфиру
Катится гром из края в край.
То Божий глас; Он судит миру:
«Израиль, Мой народ, внимай!
Израиль, Ты Мне строишь храмы,
И храмы золотом блещут,
И в них курятся фимиамы,
И день и ночь огни горят.
К чему Мне пышных храмов своды,
Бездушный камень, прах земной?
Я создал землю, создал воды,
Я небо очертил рукой!
Хочу, и словом расширяю
Предел безвестных вам чудес;
И бесконечность создаю
За бесконечностью небес.
К чему Мне золото? В глубь земную,
В утробу вековечных скал
Я влил, как воду дождевую,
Огнем расплавленный металл:
Он там кипит и рвется, сжатый
В оковах темной глубины,
А ваши серебро и золото
Лишь всплеск той пламенной волны.

К чему куренья? Предо Мною
Земля, со всех своих концов,
Кадит дыханьем под рососою
Благоухающих цветов.

К чему огни? Не Я ль светила
Зажег над вашей головой?
Не Я ль, как искры из горнила,
Бросаю звезды в мрак ночной?

Твой скуден дар.— Есть дар бесценный,
Дар, нужный Богу твоему;
Ты с ним явись, и, примиренный,
Я все дары твои приму:

Мне нужно сердце чище злата
И воля крепкая в труде;
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна Мне правда на суде!.. [1856]

Кому же не слышна здесь высокозвучная, поэтическая, картинная речь, с оттенками и русского и церковно-славянского языка, проникнутая истинным духом языка библейского? Кому же не очевидны идеи, какие Хомяков полагает в основу жизни своего идеального общества? Кому могут быть не понятны такие понятия, как чистота сердца, упорный труд, братская любовь и судебная правда? — эти четыре краеугольные камня истинно благоустроенного общества? А такие же религиозно-нравственные идеи лежали в основе его взгляда и на историческую жизнь народа и народов. И многое, весьма многое становилось ему понятно в исторических судьбах отдельных лиц, как и отдельных народов, именно с нравственной точки зрения. Хомяков знает вечный Божий закон, что гордость и соединенные с ней вероломство и неприязнь ведут к неизбежному падению. И вот, он то живописует такое падение в лице Навуходоносора и Наполеона, то предостерегает от гордости славян и русских и говорит:

Не гордись перед Белградом,
Прага, Чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной;
Братьям — братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!

Не гордись силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал!

Испытанья время строго,
Тот, кто пал, восстанет вновь:
Много милости у Бога,
Без границ Его любовь!..

При таком взгляде на жизнь и судьбы народов, Хомяков, естественно, является поэтом «вещим», предугадывает судьбу и в отдаленном будущем, предрешая ее на основании того же вечного закона правды Божьей. Так, его глубокий взор не могла не обратить на себя, например, коварная Англия. Он признает ее достоинства и преимущества, но твердо уверен и в грядущем падении ее господства над морями. Хомяков весьма метко и идейно дает Англии ее географическое название — «Остров». Одним этим словом совершенно точно определяется все ее значение: оно определяет и развитие страны, и ее недостатки, ничем не вознаградимые, отсюда и характер ее международных отношений. Как «остров», Англия развивает свою обширную деятельность; как «остров», она должна искать себе места новых поселений; как «остров», она должна быть в тревожной бдительности за свои интересы; как «острову», ей всюду недостаточно сил и средств. Отсюда — коварство ее политики; а в этом и основа ее будущего международного несчастного положения. Обращаясь к Англии, как «Острову», Хомяков говорит:

Дочь любимая свободы,
Благодатная земля,
Как кипят твои народы,
Как цветут твои поля!
Как державно над волною
Ходит твой широкий флаг!
Как кроваво над землею
Меч горит в твоих руках!
Как светло венец науки
Блещет над твоей главой;
Как высоки песен звуки,
Миру брошенных тобой!

. . . . .
Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебе мирская слава
Выше Божьего суда;
Но за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью
Власти суетной, земной:

Для тебя, морей царица,
День придет — и близок он!
Блеск твой, злато, багряница —
Все пройдет, минет как сон.
Гром в руках твоих остынет,
Перестанет меч сверкать,
И сынов твоих покинет
Мысли ясной благодать... [*«Остров», 1836*]

Так, признавая временное значение просвещения, труда, богатства, даже силы военного оружия Англии, Хомяков, основываясь на нравственном законе христианского Откровения, отмечает ее роковые недостатки: гордость, политическое лукавство, святотатственное попрание прав св. церкви и — предвидит ее падение.

Справедливость критики, с уважением к таланту Хомякова, в таких его произведениях не может не признать как прекрасного поэтического творчества, так и соответствующей тому глубины идей его разума, опирающегося как на верные наблюдения истории, так и на знание библейского Откровения.

Понятно, эта связь поэзии с историей становилась в нашем мыслителе теснее и теснее с годами параллельно общей зрелости его таланта: поэтическое чувство постепенно уступало холодному научному анализу. Хомяков становился преимущественно и в собственном смысле историком, опираясь в своих исторических взглядах на свою громадную эрудицию.

II

Кто был Хомяков как историк, это определяется тем — что требуется от современного историка. На этот вопрос современная историческая наука в лице ближайшего к нам по времени историка Теодора Моммзена [1; 377] отвечает так: «Первым делом историка является собрать возможно большее количество материала, вторым — рассортировать его по степени достоверности, в зависимости от времени возникновения и большей или меньшей документальности; третьим — подвергнуть каждый факт ряду строжайших критических опытов; и только тогда начинается сопоставление однородного, создание общих схем эволюции и как отдаленная и наиболее трудно достижимая цель — выделение законов исторического развития»³.

[...]**

Хомяков рассматривал всю историю как одно целое, созерцая ее, как одну грандиозную картину с известного начала бытия человечества, по его словам, — первого начала исторического.

Но имел ли право историк смотреть на свой предмет так? — Да. Тот же знаменитый Моммзен говорил: «Настоящее историческое исследование не стремится восстановить в возможной полноте мировой дневник и не желает снабдить примерами кодекс нравственности: оно ищет высот и общих взглядов и со счастливых пунктов в счастливые часы ему удастся взглянуть вниз на неизменные законы необходимости, которые вечно и твердо стоят, как Альпы,— удастся взглянуть и на разнообразные страсти людей, которые окутывают эти Альпы, как облака, не изменяя их»⁴.

Именно так смотрел на историческую жизнь Хомяков. И так он предупредил требование Моммзена. При обширном и глубоком знакомстве с источниками и литературой истории всех времен и народов культурного Востока и Запада, писавший и говоривший на нескольких языках, классических и западноевропейских, Хомяков имел на лицо возможность изучать историческую жизнь в ее выдающихся картинах — эпохах, следить преемственность культур восточных и западных, и в них — зарождение, развитие и эволюцию идей и форм общен исторического прогресса. Вместе с тем он мог подходить или лучше — не мог не подойти к определению того, что Моммзен называет вечным в истории.

Такому историку современная наука настойчиво предъявляет особое требование определенно ответить на вопросы: а) что или кто управляет историческим процессом; б) какая была или есть задача известного исторического народа. На такие вопросы и древняя и новая историография отвечает, конечно, не одинаково. У Геродота [2; 377] замечается идея божественного промысла, управляющего судьбами отдельных лиц и целых народов; а вместе и такие руководящие идеи, как зависть богов, рок и, следовательно, о строгой закономерности в произведении «отца истории» и речи быть не может. Наоборот, у Фукидида [3; 377] господствует идея причинности и закономерности, причем он различает общие причины и частные поводы; даже, по методу реконструкции, он заключает о старине по наблюдениям над бытом некультурных народов, над вещественными памятниками, над географическими именами; он признает господство общих законов, управляющих историей человечества; у него, хотя и не ясно, проводится идея эволюции. Ксенофонт [4; 377] отличается, главным образом, мастерскими характеристиками отдельных исторических личностей. Зато мысль о закономерности господствует у Аристотеля [5; 377], особенно в его Афинской Политии, хотя Аристотель дает важное значение и роли отдельной личности. Полибий [6; 378] придает значение не описанию отдельных событий, а установлению между ними строгой причинной связи⁵. Так и в новейшее время, одни во главе с Карлейлем [7; 378], признают господствующее значение мысли и воли отдельных, так называемых, «великих людей», кои-де направляют события и управляют судьбами исторических народов; другие, коих представи-

тель Бокль [8; 378], отрицают это значение «великих людей» и саму их деятельность ставят в неразрывную зависимость от условий географических, экономических и пр.; а третьи, как Моммзен, ставят события истории в зависимость от некоторого вечного начала и его законов.

Но если мысль человеческая в сфере исторического исследования возвышается к деятельности все производящего творческого Разума и в нем объединяет все бытие и бывание, без чего историческая жизнь и ее прогресс не представляют смысла; то она не может не признать верховной над всем воли Промысла Божия как перводвижущей исторической силы. Это и признавал Хомяков. И говорил совершенно определенно: «Направляемая непобедимой десницей Божьей, каждая эпоха в истории человечества приносит с собой важные поучения. Отдельному лицу, по всей справедливости, позволительно делиться с своими братьями тем, что, по его мнению, понятим им в этих поучениях, дабы знание всех восполнялось слабым разумением каждого. И нашему веку, как векам предшествовавшим, Провидение не отказывает в своих высших наставлениях»⁶. Таким образом, для Хомякова, как историка по преимуществу, история являлась откровением, как и человечество представлялось единой Церковью Божьей, или — Церковь, как общество историческое по преимуществу.

Такому историку тем более предлежала обязанность ответить и на вопрос об исторической задаче своего родного народа, по сравнению его истории с другими. При сравнительном изучении истории всеобщей и русской, Хомяков необходимо должен был составить свой исторический взгляд, как результат всесторонних глубоких наблюдений. И составил.

Моммзен, сравнивая славянство с романством, говорит: «Романские нации отжили, а славяне не внесли в мировую науку нового творческого элемента»⁷. Отдавая справедливость патриотизму представителя германского ученого мира, мы должны сказать, однако, что Хомяков предупредил его. Справедливо: славяне не внесли в историю нового собственно культурного элемента — ни новых понятий о государственной власти, ни новой науки, ни особой отрасли искусства и пр. т. п. Но справедливо также и то, что славяне, приняв от Византии христианское просвещение, сохранили его в целости, под авторитетом вселенского предания. То есть, в среде славянских племен сохранилась Церковь Божья, неизменная в своем вероучении, основах благоустройства и уставах церковных; в ней не смешались власть церковная с государственной и не упразднилась собственно церковная власть или иерархия. И если только при этих своих основных, характерных чертах христианство есть высшая всемирная культурная сила, то славяне и, пожалуй, преимущественно славяно-руссы содержат эту культурную силу. При этом, в славянском мире не было и нет ни деспотизма власти видимого главы Церкви, как в католицизме, ни своеволия анархической религиозной об-

щины, как в протестантизме. И вот, Хомяков историческим путем и самостоятельно приходит именно к такому основному взгляду: «Все, что благородно и возвышенно; все, что исполнено любви и сочувствия к ближнему; все, что основывается на самоотречении и самопожертвовании,— все это заключается в одном слове — христианство. Для России возможна одна только задача: сделаться самым христианским из человеческих обществ. От этого к мелкому, условному, случайному она была и будет всегда равнодушной: годно оно,— она примет; не годно,— поболит да перебудет, а все-таки к цели пойдет. Эта цель ею признана и высказана сначала; она высказывалась всегда, даже в самые дикие эпохи ее исторических смут. Если когда-нибудь позже и переставали ее выражать, внутренний дух народа никогда не переставал ее сознать. Отчего дана нам такая задача? Может быть, отчасти вследствие особого характера нашего племени; но, без сомнения, оттого что нам, по милости Божьей, дано было христианство во всей его чистоте, в его братолюбивой сущности»⁸.

И если гениальный Моммзен всецело отдался изучению истории Рима, потому что в ней отразились лучшие стороны истории Греции; а, в свою очередь, история Рима отразилась в истории всех западноевропейских государств и народов, то тем более прав Хомяков, когда он, изучая всю всемирно-историческую эволюцию, в главных ее моментах, останавливался преимущественно и с любовью на отношении Византии к России и славянству и на отношении их к Европейскому Западу,— только при этом наблюдении Хомяков отчетливо уяснил себе особенности исторических основ Отечества и сделал твердый вывод как положительный ответ на вопрос об исконной самобытности исторического призвания славянства и России.

Но, чтобы составить и отстаивать такой взгляд с необоримым убеждением, нужны не случайная начитанность, не любительское знакомство, индее одностороннее до убожества, а отличное изучение историографии, об руку с добрым воспитанием. Хомяков счастливо обладал тем и другим. Он был не только ученейший историк, но и глубоко основательный богослов. И в этом ему не могли отказать и те, кто вступал с ним в полемику, как проф. Грановский [9; 378] или известный эмигрант Герцен и т. п.

III

Если Хомяков всю историю рассматривал под одним углом зрения, то естественно, что историческая жизнь привлекла его внимание преимущественно самой светлой своей стороной, где отразилось все самое лучшее, самое возвышенное, т. е. христианством, в его жизненном проявлении и поступательном развитии, с разными видоизменениями по исповеданиям.

Но христианство, как истина, едино. Отсюда и среда, хранящая эту истину, должна быть едина и, вместе, универсальна, то есть Церковь Христова должна быть едина. Вот почему для Хомякова, именно как историка, учение о Церкви и, преимущественно, как единой, было особенно близко, особенно дорого, и оно стало главным предметом его богословской мысли. Вот его убежденное, догматическое положение: «Церковь одна. Единство церкви следует необходимо из единства Божия, ибо Церковь не есть множество лиц, в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати. Церковь видимая или земная живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, коего глава есть Христос. Она имеет в себе пребывающего Христа и благодать Духа Святого»⁹. «Из сего следует, что когда называется какое-нибудь общество христианской Церковью местной, как-то: греческой, российской или сирийской, такое название значит только собрание членов Церкви, живущих в такой-то стране (Греции, России, Сирии и т. д.) и не содержит в себе предположения, будто бы одна община христиан могла выразить учение церковное или дать учению церковному догматическое толкование без согласия других общин; еще менее предполагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ее могли предписывать свое толкование другим»¹⁰. И так далее.

Приняв такое положение как незыблемое основание, Хомяков необходимо должен был уяснить себе взаимное отношение и отдельных частей Церкви. А так как единство церкви исторически не нарушалось в Церкви Православной, то Хомяков неизбежно должен был отнестись критически к иным церквям — католической, лютеранской и пр., к их учению и учреждениям. Отсюда и его полемика с Западом.

Однако, как истинно русский человек, он ополчался своей сокрушительной логикой и громадной эрудицией, всею мощью писательского таланта только тогда, когда был сделан к тому сильный и решительный вызов с другой стороны, и притом по достаточному побуждению.

Так, когда статья Ф. И. Тютчева «La question romaine et la papauté», напечатанная в журнале «Revue des Deux Mondes» в феврале 1850 года, вызвала в 1852 году ответ со стороны некоего г. Лоранси, то Ал. Ст. Хомяков выступил на защиту достоинства Православной русской церкви в статье «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (в 1853 году). Статья эта, написанная на французском языке, была послана сначала в Женеву, после передана была в Париж, некоему Мейрьюсу. Тот долго колебался, пред решимостью напечатать ее или нет. «Нам,— говорит Мейрьюс,— претило сделать если не органами, то посредниками в полемике, направленной против самых начал нашей дорогой и славной реформы (т. е. протестантства). С другой стороны, высокое настроение духа, вы-

держанное автором в споре, и неподдельное христианское чувство, отличающее его сочинение, наводило на нас серьезное искушение открыть великодушно поприще состязания этому новому, столь нечаянно появившемуся противнику. Нам,— продолжает Мейрюйс,— приходило на мысль, что в великом споре о Церкви, нужно непременно выслушать каждое вероисповедание, что этого требуют не только добросовестность, но и общая польза, то есть, торжество истины». Наконец, после некоторого колебания, Мейрюйс решил печатать с искренним заявлением: «Мы почитаем за счастье, что нам представился случай почтить драгоценную свободу совести, дав возможность высказаться впервые между нами раздающемуся голосу человека, которого благородный характер и живая вера, запечатленные на страницах, им писанных, внушают нам почтение и сочувствие, неразлучно сопровождающие, даже при существенных разномыслиях, духовное общение во Христе»¹¹.

Нам будут совершенно понятны смущение, стеснение, нерешительность и, наконец, снисходительная решимость Мейрюйса, когда мы послушаем, как мощно, властно, сокрушительно гремел голос Хомякова, впервые раздавшийся на Западе за Православие Востока.

«Когда возводится клевета на целую страну,— говорит Хомяков,— частные лица, граждане этой страны, имеют несомненное право за нее заступиться, настолько же имеют они и право встретить клевету молчанием, предоставив времени оправдание их отечества. Молчание в этом случае не может обратиться ему в ущерб, тем более, что в лице своего правительства и официальных своих представителей, каждая страна пользуется защитой власти, на которой лежит обязанность блюсти ее достоинство и оборонять ее интересы. Иное дело в области веры или Церкви. Как откровение Божественной истины на земле, будучи предназначено, по самому существу своему, сделаться общим отечеством для всех людей, Церковь ни одному из чад своих не разрешает молчания пред клеветою, против нее направленной и клонящейся к извращению ее догматов или ее начала... Молчание в этом случае было бы преступлением не только по отношению к тем, которые пользуются счастьем принадлежать к Церкви, но также и еще в большей степени по отношению к тем, которые могли бы удостоиться того же счастья, если бы ложные представления не отклоняли их от истины... В силу этих соображений берусь и я за перо, чтобы отвечать пред иностранными читателями и на чужом для меня языке, на несправедливое обвинение, направленное против вселенской и православной Церкви»¹².

Ларанси, между прочим, взводил на Церковь такое существенное обвинение: будто бы она признает над собой главенство светской власти. «Папа,— говорит Ларанси,— есть действительно государь светский, но не

потому, что он первосвященник; а ваш владыка (т. е. царь) есть первосвященник, потому что он светский государь». На чьей же стороне истина?

Хомяков отвечает: «Сущая неправда: никакого главы церкви, ни духовного, ни светского, мы не признаем. Христос ее глава, и другого она не знает.

— Глава церкви! Но позвольте спросить, хоть во имя здравого смысла, какой же именно церкви? Неужели церкви православной, которой мы составляем только часть? В таком случае, император российский был бы главою церковей, управляемых патриархами, церкви, управляемой греческим Синодом, и православных церковей в пределах Австрии? Такой нелепости не допустит, конечно, и самое крайнее невежество. Или не глава ли он одной русской церкви? Но русская церковь не образует по себе особой церкви: она не более, как одна из епархий Церкви Вселенской. Стало быть, надобно предположить, что императору присваивается титул собственно епархиального главы, подчиненного юрисдикции общецерковных соборов. Тут нет середины.

— Светский глава церкви! Но этот глава имеет ли право священства? Имеет ли он притязание, не говорю уже на непогрешимость (хотя она-то и составляет отличительный признак главенства в церкви), но хотя бы на какой-нибудь авторитет в вопросах вероучения? По крайней мере, имеет ли он право решать, в силу присвоенной ему привилегии, вопросы общецерковного благочиния (дисциплины)? Если ни на один из этих вопросов нельзя дать утвердительного ответа, то остается лишь подивиться полному отсутствию рассудительности, при котором только и могла явиться у писателя смелость бросить в нас обвинение столь неосновательное, и всеобщему невежеству, пропустившему это обвинение, не подвергнув его заслуженному осмеянию.

Правда, выражение «глава местной церкви» употреблялось в законах империи; но отнюдь не в том смысле, какой присваивается ему в других землях. Когда, после многих крушений и бедствий, русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем (таково высокое происхождение императорской власти в России), народ вручил своему избраннику всю власть, какой облечен был сам, во всех ее видах. В силу избрания, государь стал главою народа в делах церковных... Народ не передавал и не мог передать своему государю таких прав, каких не имел сам, и едва ли кто-либо предположит, чтобы русский народ когда-нибудь почитал себя призванным править церковью. Он имел изначально, как и все народы, образующие православную Церковь, голос в избрании своих епископов, и этот свой голос он мог передать своему представителю. Он имел право, или, точнее, обязанность блюсти, чтобы решения его пастырей и их соборов приводились в исполнение,— это право он мог доверить своему избран-

нику и его преемникам. Он имел право отстаивать свою веру против всякого неприязненного или насильственного на нее нападения; это право он также передал своему государю. Но народ не имел никакой власти в вопросах совести, общецерковного благочиния, догматического учения, церковного управления, а потому не мог и передать такой власти своему царю. Это вполне засвидетельствовано всеми последующими событиями. Низложен был патриарх, но это совершилось не по воле государя, а по суду восточных патриархов и отечественных епископов. Позднее, на место патриаршества, учрежден был Синод; и эта перемена введена была не властью государя, а теми же восточными епископами, которыми, с согласия светской власти, патриаршество было в России установлено»¹³.

Так и далее также ведет Хомяков свою сокрушительную полемику-апологию, так сказать, по всей линии. Очевидно здесь все: и достаточное побуждение к делу, трудному и крайне ответственному пред Богом, Церковью и Отечеством; очевидна и тонкость критической мысли, и всесторонний взгляд, и глубокое знакомство с предметом, и обладание всеми средствами борьбы — эрудиция, и, что самое главное, святое православно-христианское сознание. Удивительна и эта отвага — предупреждать противника, выставлять возражения, еще не высказанные им, но возможные для него, опровергать их, предупреждая нападение... И это и так говорилось и писалось еще 50 лет сему назад! И, однако, это вполне понятно.

К такой беспримерной полемике — один против всех — наш апологет и подготовлен был беспримерно: сын духовной народной стихии, воспитанный в твердом знании лучших преданий своей среды, обладавший обширным европейским образованием, говоривший и писавший на многих европейских и даже на классических языках, свой человек во всякой литературе, обладавший глубокой философской мыслью и даром послушного ей слова. Хомяков, естественно, вел полемику прямо сокрушительную и являлся апологетом Церкви, коего частью боялись, частью уважали. И было за что! Да, ведь, Хомяков был не из таких мыслителей и самозванных авторитетов, кои усиливаются взобраться на самую вершину пирамиды современных наук, до богословия включительно, по гнилой веревочной лестнице собственных измышлений. Конечно, такие мыслители в лучшем случае качаются на воздухе, в худшем — обрываются и разбиваются в прах... Не то — Хомяков. Он упорным трудом целой жизни добывал свои превосходные знания, работая в глубоких шахтах среди всяких нагластвований классических и европейских литератур. И тяжелым подвигом истинно образованной мысли он приобрел свою истинную славу.

Таким образом, Ал. Ст. Хомяков в истории русской самобытной мысли является поэтом-мыслителем, историком-философом, богословом-апологетом.

том. И как такой, он был и доселе еще остается единым, но высказанное им, высказано так прочно, что его нужно только усвоить.

Было время, когда на Хомякова смотрели односторонне, и он слыл под названием славянофила, хотя его симпатии покоились не на расовой особенности славянства, а на том, что славяно-русские народности являются в истории носителями единой, вечной, чистой истины христианства-православия как высшей культурной исторической силы. Иные, имея в виду его велико нравственные взгляды, называют его «великим альтруистом»¹⁴, хотя его нравочение все сполна построено на строгой церковной догме. На взгляд некоторых, Хомяков — «кустарь науки на свой страх, без заграничного ручательства»; но, когда изучают произведения этого «кустаря», то составляют целую систему этико-социального учения Хомякова¹⁵.

Было время даже, когда Хомяков, идя наперекор всякой иностранщине, однако, не скрывал и недостатков своего Отечества, хотя любил оно горячо. Последнее обстоятельство навлекало на него даже серьезное подозрение бдительной власти. И Хомяков чувствовал себя как будто немножко спрессованным... Но то было особое время. Хомяков не заслуживал суровых подозрений, но и правительство не заслуживало обвинений. Вспомним, что и масонство вначале было только благочестивой, духовно-воспитательной общиной, что и новейшие подпольные благодетели и радетели наши также основываются на Евангелии, о котором, однако, ничего не знали все четыре Евангелиста.

По поводу резких отзывов Хомякова о современном ему обществе, естественно возникают вопросы: личная жизнь этого патриота-мыслителя как относилась к его убеждениям; его мысль, поверяемая его жизнью, не открывает ли и в нем недостатков? О, недостатки, конечно, были! И на луне и на солнце есть темные пятна... Но, прежде чем изыскивать недостатки и бичевать их хлесткими упреками, припомним время и общество того времени, когда появился Хомяков на горизонте истории нашей русской мысли.

Хомяков родился 1-го мая 1804 года: как раз в это время посетил наш край известный патриот граф Ф. В. Раstopчин [10; 378] и заглянул в наше тогдашнее общество. Заглянем и мы с ним. В письме от 20-го июля того же, 1804 года, к своему другу, князю П. Д. Цицианову, граф Раstopчин пишет, между прочим, следующее: «Наехал я в городе пир у городничего, состоящий из 60 особ или людей. Потом два дня пробыл у того самого Вас. Ив. Протасова, коего ты видал у нас в Москве во время коронации: он в большом уважении по Тульской и Орловской губернии, и от сего самого никогда не может располагать временем, а делит его с соседями... У него я вместо теней китайских видел множество русских дворян. Собаки, бостон и старые площадные весты суть существенное занятие сего благородного сословия. Хорош господин Аполлонский, который 800 душ прожил на изобретение

regretium mobile: на вопрос, к чему оный он употребить намерен, если бы изобрел, отвечает: «Бог знает, да ведь живучи в деревне, надобно чем-нибудь заняться». Не противен и городничий Хитров, который, говоря мне «ваше превосходительство», извинялся, что он взял эту дурную привычку, обращаясь часто с губернатором. Мил и разбойник — игрок Дим. Викт. Ханьков, носящий, когда в гостях, старый платок умершего в Туле губернатором Геденова и полученный им от жены его Татьяны, урожденной Талызиной, в знак его преданности к покойнику. Замечателен и отставной бригадир Князев, умоляющий соседей позволить ему от себя и своими людьми (крепостными) сажать до них прешпекты. Но представь себе, что все эти выше описанные люди живут в деревне, бегают один к другому от скуки, и никак хлебопашеством не занимаются, говоря, что чего Бог не даст, того не возьмешь, а между тем стараются обыгрывать друг друга в карты... Вот за сим-то бы присмотреть министру внутренних дел,— с грустью замечает граф Растопчин,— а не прельщать обоих полов пресмыкающихся грасами»¹⁶...

Итак, по свидетельству достовернейшего самовидца, человека родной ему среды, вот интересы тогдашнего общества: знакомство-хлебосольство на славу в двух губерниях, псовая охота, карточная игра с саморазорением, «старые площадные вести», regretium mobile от нечего делать, «старый губернаторский платок», якобы знак отличия, беспечность с расчетом — «чего Бог не даст, того не возьмешь» и пр.,— вот то «гнилое болотце...» или нет — наше тогдашнее общество.

И вот, среди сих и подобных соотечественников, является юноша Хомяков и заявляет откровенно, решительно, даже с горячностью:

Противна мне дремота неги праздной
И мирных дней безжизненный покой,
Как путь в степях однообразный,
Как гроб холодный и пустой...

Но ведь Хомякова окружало большое общество, в котором немало было и хорошего, даже поэтического? Да, но талант мыслителя созрел для высоко-серьезной деятельности, его сильно тревожили высокие «думы» и среди шумного общества, он признается:

Там были шум и разговоры,
И блеск ума, и смех живой;
И юных дев сияли взоры
Светлей, чем звезды в тьме ночной;
И сладки речи слух ласкали,
И был приветен блеск очей,
Но думы бурные роптали
Во глубине души моей.

«Проснись! проснись! Мы призываем
Тебя от снов, от грез пустых.
Проснись! Мы гаснем, увядаем,
Любимцы лучших дней твоих.
Проснись! радость изменяет;
И жизнь кратка, и хладен свет,
И ненадолго утешает
Его обманчивый привет»...

.....
Молчите, пламенные думы!
Засните вновь на краткий срок!
Твердит напрасный мне упрек
Ваш голос строгий и угрюмый.
Меня не свяжет свет холодный;
Настанет вдохновенный час:
И к жизни звучной и свободной,
Могучий, вызову я вас. [*«Думы», 1831*]

Настал этот «вдохновенный час», и действительно «могучий» Хомяков, во всеоружии глубоких познаний, обширных, разносторонних наблюдений, вышел на поле истории. Тогда уже и само поэтическое творчество его стало служить его историческому созерцанию, и его поэзия стала живописью его истории, а история — источником поэтического вдохновения. Его могучая мысль, окрыленная евангельской истиной, парила, наконец, над всеми веками истории, на пределах времени и вечности, земного и небесного, мирского и божественного.

Так, на славу Родины, Хомяков совершил свой великий патриотический подвиг мысли — поэтической, исторической, богословской:

Он мыслью своею весь мир облетел,
В одном Беспредельном нашел ей предел!..

Май, 2-е 1904 г.

Примечания

[...] * Опущена часть текста, которая не несет существенной смысловой нагрузки и является вступлением к «Речи...».

[...] ** Опущена часть текста, в которой содержатся сведения о Т. Моммзене.

¹ «Москвитянин». 1841. № 3.

² А. Н. Цыпин. Исторические очерки. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Спб., 1873. С. 245.; Ср. А. Галахов. Полная русская Хрестоматия. Изд. 3-е. Ч. III. Примечания. М., 1849г. С. 81—82.

³ Ростовцев М. Теодор Моммзен. «Мир Божий». Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. Февраль. 1904. С. 5.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Известия XII-го Археологического съезда в Харькове. 15—27 августа. Харьков, 1902. Реферат проф. В. П. Бузескула: «Исторический процесс с точки зрения греческих историков». С. 63—64.

⁶ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. II. С. 95.

⁷ Ростовцев М. Указ соч. С. 2.

⁸ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. III. С. 335—336.

⁹ Там же. Т. II. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 29—30.

¹² Там же. С. 32—33.

¹³ Там же. С. 34—36.

¹⁴ Проф. Вл. З. Завитневич. Ал. Ст. Хомяков. Киев, 1902. Т. I. Кн. 1. С. IX.

¹⁵ Проф. Л. Е. Владимирова. Ал. Ст. Хомяков и его этико-социальное учение. М., 1904. С. 1.

¹⁶ Деятнадцатый век. Исторический сборник, изд. Петром Бартевым. М., 1872. Кн. 2. С. 55—57.

СТО ЛЕТ БЫТИЯ ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

*Исторический взгляд на епархиальную жизнь
с 1799-го по 1899-й год*

[...]* Еще на заре исторической жизни нашего отечества, Никоновская летопись, под 1147 г., поминает и Тулу,— как город, в государственном значении слова. Постепенно потом Тула становится то каменной крепостью, наравне с Москвой и Смоленском, то средоточием военной охраны или местопребыванием «Большого полка» московских войск, то средоточием редкой в древности, собственно — русской, металлической промышленности, то воеводством, то наместничеством или губернаторством и, наконец, как и следовало ожидать, местом архиерейской кафедры. Весьма примечательно то, как постепенно слагались условия этого обстоятельства. Еще при царе Федоре Алексеевиче, в 1682 году, когда еще не могло быть речи ни о какой государственной административной централизации собственно Тульского края, патриарх Иоаким предполагал, отделив Тулу от Коломны, учредить в Туле, а также в Белеве и Кашире, новые архиерейские кафедры, с подчинением их Московскому патриаршему престолу, но, за смертью царя и стрелецким бунтом, предложение это не состоялось. Затем, в 1685 году, по свидетельству Писцовой Книги кн. Вяземского, здесь, в кремле, у Пятницких ворот, существовал уже архиерейский дом и двор для приезда Коломенских архиереев. В 1755—1763 годах в том же кремле сами граждане Тулы создают великолепный Успенский собор, как бы в предчувствии, что он имеет быть кафедральным. В 1777 году в Туле учреждается наместничество. В 1778-м году императрица Екатерина выразила мысль относительно объединения епархий с наместничествами или губерниями. Но осуществлена эта мысль только указом императора Павла I-го, от 31 июля 1799 года. Почему

16-го октября того же, 1799-го года, была учреждена и Тульская епархия¹. И это-то последнее обстоятельство, в ряду других, для Тулы было завершением всего ее исторического прошлого, а для края имело громадное значение, собственно в духовном, следовательно, в высшем совершенствовании его общественной жизни.

[...] ** Действительное значение события перенесения епископской кафедры в Тулу определялось и уяснялось постепенно, исторически было понято правильно и уже в 1862—65 годах выразилось литературно, именно так: «Перенесение епископской кафедры из Коломны в Тулу было делом во многих отношениях важным и благодетельным для Тульской губернии. Не говоря уже о том, что с учреждением епископской кафедры в Туле и вместе с открытием здесь семинарии и консистории, для духовенства нашей епархии прекращалось большое стеснение в сношениях с архиереем и консисторией, равно как и в обучении детей его в семинарии по отдаленности Коломны от большей части нашей губернии,— пребывание архиерея в губернском городе, довольно значительном и по числу жителей, и по сравнительной образованности их, городе центральном для всех почти уездов Тульской губернии, должно было иметь весьма благодетельные последствия и в административном, и в нравственном отношениях. Ближайший надзор за духовенством и непосредственное влияние на общество архиерея, которого власть и авторитет были всегда высоко чтимы в православном народе нашем, не могли остаться бесплодными для страны нашей»². Такой взгляд верен и свидетельствуется как историей епархиального управления, так и историей епархиальной жизни.

Первый предстоятель новой, Тульской, церкви, по своему историческому значению здесь, должен был стать и действительно стал первым образцом духовного совершенствования. Это был епископ, потом архиепископ, Мефодий (Смирнов) — соименный первому апостолу славян. Соединяя в своем лице глубокое, разностороннее и обширное образование, владыка Мефодий стал в здешнем обществе и духовенстве решительно выше всех и разумом, и характером. Трудолюбие вообще, хозяйственность, способность организаторская, твердая власть, любовь к школе и прекрасное возвышенное ораторское слово в храме,— все это, бесспорно, воздействовало так или иначе на всякого, кто в каком-либо отношении приходил в соприкосновение с преосвященным. И всякий теперь уже не издали слышал и не чрез указное предписание только знал об архиерейском сане, слове и воле, а сам близко и непосредственно видел архиерея, именно как духовную власть, нравственную силу, полно открывающуюся пред ним в его слове, деле и делании во свете веры Христовой. А владыка Мефодий, внимательный к себе прежде всех, всем доступный и открытый, строгий к скрытым деяниям порочных, осторожный во всем, даже в делах благотворительности,

все созидал на архиерейской совести, на заповедях Христа Спасителя и на благоразумии опыта.

Особенности мысли, образа жизни и требований власти преосвященно-го Мефодия, без сомнения, внедряясь в мысль и жизнь епархиальную, неизбежно встречали в ней многие препятствия, даже решительные затруднения. Однако же, чувствуя близость к себе архиерейской власти, всякий соображал, чем он должен быть, чтобы таковым и стать пред взором своего владыки. И как сам преосвященный, при устройении новой епархии, должен был предпринимать целый ряд важных мероприятий, и при этом, волею или неволею, действовать решительно, так и все другие должны были ему непременно содействовать и также добровольно или неволью.

Несомненно, только искренняя преданность своему святительскому долгу, хорошо понятая его современниками, дала пр. Мефодию возможность совершить столь многое,— и одному, и в столь короткое время. Устройство собственно архиерейского дома и при нем Крестовой церкви, приготовление утвари и ризницы для архиерейского служения, приобретение зданий для консистории и семинарии, состав двух корпораций, управляющей и учащей, приобретение летней дачи,— все это предпринято почти без всяких предварительных средств от казны, а лишь на сбор пожертвований и даже прямо при посредстве архипастырского «воззвания о помощи»,— все это, однако, устроилось, все трудности преоблажены при находчивости и распорядительности, при усердии и разумной расчетливости архипастыря.

Та же сила ума и энергии сказалась и в делах правления. Усиленное ускорение делопроизводства в консистории и уездных духовных правлениях, строгость наблюдения за поведением клира чрез благочинных, развитие проповедничества чрез обязательную катехизацию (со строгой ответственностью — штрафом), строгое наблюдение за точным исполнением обрядов, охрана прав от неуместного вмешательства влиятельных лиц и уничтожения так называемых «заручных одобрений»,— вот характерные стороны и черты собственно епархиальной деятельности преосвященного Мефодия.

И вся эта деятельность запечатлевалась высокими свойствами личного характера этого владыки. Соединение сильного ума с твердой волей, прямоты и законности с рассудительностью и снисхождением, хозяйственности и простоты быта с заботливостью обо всех и обо всем, принятие всяческих ходатайств и в то же время решительное и ревнивое противление всякой человекоугодливости — этому «мотовству души», как выражался преосвященный, удаление себя от знакомства с людьми светскими, постоянное занятие делом, отдых только за чтением книг своей обширной и весьма ценной библиотеки, таковы черты характера преосвященного Мефодия³.

Естественно, что образ мыслей этого ученейшего архипастыря стал краеугольным камнем, а характер и направление его разносторонней деятельности послужили как бы программой деятельности для всех его преемников, почти на все столетие существования епархии, так мудро и твердо им основанной. Почти все последующие архипастыри лишь только по частям дополняли или раскрывали начатое Мефодием и немногие сделали немало особенного, выдающегося: или в деле проповедничества, как преосвященный Амвросий, оставивший свои классические проповеди, известные всей образованной России; или в делах благотворительности, как Дамаскин, устроивший учебно-воспитательный приют для сирот духовенства,— приют, из коего выросло женское Епархиальное училище; или в народном назидании, как Димитрий, воспитавший к себе сыновнюю преданность духовенства и народа; или в сооружении и украшении храмов и обителей, как Алексий, украсивший Тулу сооружением Богоявленского собора в кремле и положивший начало Богородичному монастырю в Щеглове и пр.⁴

Весь же сонм архипастырей тульских, верный началам своего первоначальника, деятельно воспитывал и всячески усовершенствовал чрез училища и семинарию, прежде всего духовенство, эту силу, единственно мощную и незыблемо устойчивую в деле воспитания народа, и как русского, и как православного.

История Тульской епархии, в недалеком будущем, первоначально в отдельных очерках, а потом целю и подробно расскажет и документально засвидетельствует деяния тульских архипастырей и то, какое огромное влияние они имели на развитие жизни и духовное преуспевание края, главным образом, чрез воспитанное ими духовенство: ибо дух епископов всегда почивал на пресвитерах. История расскажет и о самом епархиальном духовенстве, как оно из рабски приниженного, крайне малограмотного, почти бесправного и чуждого общественных и государственных интересов, постепенно становилось самостоятельным, так сказать, самогласным, достигало образования до уровня всякой средней школы империи, приобретало права и по службе, и по образованию, и стало необходимым и преданнейшим деятелем школьного народного образования, с чем соединены все жизненные интересы государства.

Назидаемое словом и примером и руководимое властью и опытом своих архипастырей, духовенство совершенствовалось действительно и постепенно, хотя и не быстро, как это, впрочем, и везде: его вековой быт, ранее сложившийся при роковых государственных обстоятельствах, со временем окреп до того, что на первых порах едва был доступен даже и для поверхностных реформ, а в некоторых отношениях (напр. относительно средств содержания) он не доступен реформе и теперь. В прежнее время черный земледельческий труд духовенство считало для себя безусловно непремен-

ным, передачу своего места сыну или дочери делом житейской логики и благом верного обеспечения; учение дочерей грамоте признавало излишним и даже зазорным, «не сечь детей», по-тогдашнему значило «добра от них не видать»; а вовсе их не учить в семинарии, и то не беда, — «не всем-де попами быть», и т. д. При таких взглядах на жизнь и при таких только запросах к ней, естественно, духовенство и в действительности глубоко принижалось: пастырь духовный легко становился простым пахарем, служитель алтаря — батраком. Жизнь духовенства в то время, строго говоря, представляла только две стороны: богослужение с требоисправлением и хозяйство с воспитанием семьи. Этим исчерпывались все ее интересы. Внушить другие взгляды на свое служение, возбудить интересы к общественной деятельности в отношении и к своему же духовному сословию, и к народу, — это было весьма желательным для здешних архиереев, но не могло быть подвигом одного-двух из них, а в полной мере это не могло быть делом и всех вместе. Потому-то духовенство долго сохраняло основные черты своего сословного, кастового быта, до знаменитых реформ императора Александра II-го.

Поучительна та давняя жизнь сельского духовенства с ее бытовой стороны, всем тем, чем она была, и с своей положительной и с отрицательной стороны, по сравнению ее со всем тем, чем она стала потом и теперь.

Тогда храмовое богослужение и требоисправление составляли и труд, и радость духовенства, и резко определяли характер всего его быта до мельчайших подробностей, строгая церковность отпечатлевалась в нем на всем, и все ее поддерживало и воспитывало: и речь, испещренная церковно-славянским словарем, и развлечение, состоявшее в пении церковных песен, особенно псалмов, и только при наибольшем благодушии, праздничном пении духовных стихов «Об Иосифе Прекрасном» и т. д., и эти споры на праздничной беседе о том, сколько и когда полагается петь «стихир на Господи воззвах» и пр. и пр. Удивительная преданность своему долгу, терпение, кажется, беспредельное терпение в своих нуждах и отличали, и делали столь почтенным духовенство старого времени. А это отправление богослужения с 4-х часов утра, и в морозы всегда в холодных сельских храмах, когда и в овчинной муфте коченели руки, постоянные разъезды по требам во вьюгу и гололедицу, путешествие с детьми в школу по тогдашним дорогам и пр. и пр.? А это строжайшее подчинение церковным уставам, доходившее чуть не до странности? Ведь в былое время считалось грехом не только есть молоко в пятницу, но и брать махотку с молоком, хотя бы только для того, чтобы переставить ее с места на место. Ведь прежде считалось совершенно не приличным в великий пост идти в церковь в крепкой одежде, посему иногда на цельное платье нашивались заплатки или на крепком рукаве распарывались швы. «Помни язвы Господа!» — говорили старики духовные.

А такой строго церковный взгляд имел то значение, что весьма умерял требования и пожелания церковного человека, не давал ему выбиваться из колеи приходского пастыря, оберегал его мысль о высшем назначении его, и пастырь видел свое значение и назначение только в храме и в приходе, с сознанием, что без своего «служебника» и «требника» он ничто. Такой взгляд и такое настроение духовенства не только не изменялись влиянием прежних епископов, но даже, напротив, ревниво поддерживались, а иной раз очень энергично защищались, особенно преосвященным Дамаскиным.

Простому, умеренному, даже несколько низменному и притом наследственному взгляду на жизнь соответствовала и бытовая обстановка духовенства, совершенно простая, а при бедности доходившая до грубости. Тогдашний сельский священник — хозяин деревянной, большею частью только курной, избы, обыкновенно одевался в кафтан-подрясник из домашней ткани, и вовсе не редкостью было видеть его в лаптях с завойками (онучами), а сапоги надевались только в храм и в гости. Матушка являлась также в затрапезном сарафане-расстегае, в платочке с узелками на лбу, в толстых котях с напусными чулками и лишь по праздникам в душегрейке и кокошнике или вязаном колпачке с кисточкой. В страдную рабочую пору батюшка идет на свое поле с крюком-косой на плече и с деревянным ведром синего квасу в руке; а матушка его сопровождает с серпом на одном плече да с ребенком в люльке на другом. А дома этих тружеников ожидала весьма незатейливая трапеза. Тогда еще не вошел в употребление даже картофель, к нему, как новинке, относились и духовные с предрассудком: это-де «земляное яблоко, нечистое, немецкое!» Не было в употреблении и чаю. Зато особенно любили «овсяное толокно», приготавливавшееся совершенно архаическим способом. И эта скудная трапеза после полевых трудов принималась уже ночью, при свете зажженной лучины, а ночник с конопляным маслом бывал не у всякого; свечей сальных почти не знали. И ничего себе,— жили и трудились, и сами справлялись со своей полевой работой. А если и земли была двойная пропорция и урожай выше среднего, так с просьбой к помещику — за помощь: являлась барщина, и в день-два все у батюшки убрано. И было довольно средств и довольство жизнью: жила и коренилась семья во много поколений и не срывалась со своего корня сто и двести и более лет! Оставались средства,— продавались: а много оставалось, так даже отправлялись в Москву с обозом, «по Михайловской дороге на Каширу». Копились средства, хранились «про лучшие дни» или «на черный день», и хранились не в банке, а прятались в глиняной кубышке в землю на собственной усадьбе. Выходила поповна замуж, так несла с собой пятнадцать-двадцать холстов, собственноручно тканых и беленых. Наступал престольный праздник — варило свое пиво в дедовом котле для гостей непременно на неделю. Нужно было взять детей в школу, снаряжался целый воз всего своего — домашнего: тут

своя мука, и своя крупа, нередко изготовленные на домашних жерновах, свои лепешки, свои ложки и — увы! свои лозы... да, снаряжался целый воз и на нем непременно полагалось полдюжины березовых лоз, чтобы «не покупать их в Веневе на базаре». То были времена, то были нравы!

И в школе была тоже своеобразная простота. Дети — ученики, являясь в школу, должны были явиться не только к начальству, но и к наставникам; а «являться» значило давать 20 коп. смотрителю, 15 коп. инспектору и по 10 к. учителям; это обязательно давал и сирота, а имевший более — давал больше. Тем не менее, несмотря на такое задабривание, класс иной раз превращался просто в эшафот,— и здесь слышались вопли, и там — стоны. Но то было время,— то были нравы! Ведь тогда почти всех секли, почти везде секли: и на городских площадях, и в военном лагере, и на барской конюшне, и в духовной школе — будущих духовных пастырей народа. И это ужасное ученье, с его бичеванием, хорошо отразилось в школьной поэзии того времени. Бывало горемычный ученик забьется в угол мещанской бани и напевает про себя:

«Ой, горе! ой, беда! —
Секут нас завсегда.
Линейками по рукам
И лозами по бокам.
Ой, горе! ой, беда! —
Секут нас завсегда»...

Как ни тяжело было ученье в такой школе, но духовенство, по своему сословному положению в государстве, неизбежно должно было мириться и с этой школой. «Хочешь жить хорошо — учись, терпи и молись; не хочешь учиться, так «нянчай Андревну» (соку)». И всякий знал, что «нянчить Андревну», значит оставаться мужиком-пахарем навсегда.

Что же давала прежняя школа? Судя по полноте программ, школа обещала многое, но преподавание далеко не отвечало программам — ни в полноте объема, ни в качестве разумения предмета по существу. Прежде всего, в училище давалось элементарное знание; оно не твердо усваивалось, но преимущественно памятью. В семинарии первее всего предстояло знакомство с «системой». Так называлась очень толстая тетрадь, переходившая чрез сотни рук к разным владельцам и представлявшая сборник записок,— это сумма summary кратких сведений по разным предметам. Здесь встречались вместе предметы самые разнородные. Прежде всех — «Всеобщая история», где от построения египетских пирамид, чрез Мильтиада и Цезаря, прямо переходили к Александру Македонскому и Карлу Великому. Рядом с историей помещался «Типикон, сиречь Устав» и «Утварь церковная». За ними — записки по теории словесности, потом — выписки из «Логики» Бахмана, в дополнение к «Логике» здешнего автора, прот.

И. М. Смирнова. Затем и отдел физики — гидростатика, почему-то только гидростатика. Математика совершенно игнорировалась... А за «системой» стояли: философия, Священное Писание и обширнейший курс богословия; то и другое преподавалось с достоинством и с весьма значительным успехом; изучение этих наук соединялось с отличным знанием классических языков, особенно латинского: знание латыни было положительно артистическим⁵. На этих-то предметах почивали и усердие, и гордость воспитанников семинарии. Лучшее же, что давала прежняя школа,— это навык разносторонне рассуждать и владеть пером, что достигалось при многочисленных упражнениях в сочинительстве по всяким предметам.

При относительной грубости школьного обращения и сравнительной скудости образования, однако, получалось не мало хорошего в деле воспитания и в старой школе. Это было бы невероятно, если бы не было на то столь громкого свидетельства такого представителя старой школы, как знаменитейший иерарх России м[итрополит] Филарет Московский. Еще 1-го ноября 1844 года, обращаясь к воспитанникам семинарии, святитель говорил: «Дети! спросите родителей или отцов их: с такою ли, как ныне, многообразною заботливостью были они призваемы, когда полувеком ранее, проходили поприще, вами теперь проходимое? Из неблагоустроенных жилищ не редко целыми поприщами измеряли мы неблагоустроенный путь до дома учения; и случалось, что только в поучении нашем разгорался огонь (Пс. 34: 4), когда в согревающем или освещающем огне нуждалась учебная хранина. Воспоминаю сие,— говорит Филарет,— не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имеет свои добрые и достопочтенные воспоминания, но чтобы отдать справедливость настоящему»⁶. Так верно свидетельствует вернейший архипастырь и отец православного просвещения о своей школе, в которой воспитался он сам. А это была Коломенская семинария, в которой с Филаретом учились отцы многих отцов нашего духовенства. Может быть, неумелым методом и скорее отрицательно, однако, несомненно, в старой школе воспитывалось и строгое подчинение порядку, и твердость воли, и самоограничение, т. е. те свойства крепкого характера, которые не знали ни переутомления, ни страха пред трудом, ни смущения при лишениях, ни желания будто бы необходимых в школе игривых развлечений. Эти строгость и скудость при воспитании в прежней школе как удивительно проявлялись иногда в жизни и венчали труды школы! Вот вы видите пред собой двух сверстников-школьников: босоногие, они спешат домой на каникулы; забегают на отдых в крестьянскую хату; покупают обед — «на грошик шей, на копейку кашки» и бегут далее. Кто они? Кто эти богатыри-мальчики? Впоследствии, это протопресвитер В. Б. Бажанов и С.-Петербургский митрополит Иси-

дор! Значит, и в старой школе ни свист лоз, ни нужда босоногая не заглушали любви к делу, ни сама эта удивительная, сотнями пальцев захватанная «система» не пригнетала к сохе благородного порыва к научному обширному образованию. И тогда выходили самоотверженные ревнители знания; и не ими ли замещались кафедры не только семинарий, но и академические, и университетские, и епископские, и митрополитские? Да будут же приснопамятны имена таких воспитанников наших, как проф. Мих. Руднев, коему поставила монумент в своих стенах Медицинская академия; Иван Сахаров, собравший «Сказания русского народа» и описавший памятники православной иконографии и первой славяно-русской печати; проф. протоиерей Дим. Разумовский, с беспримерным трудом восстановивший характер православно-русского пения по весьма мудреным первоисточникам его, и многие-многие другие воспитанники наши, достославные в отечестве, незабвенные для Тульской семинарии и епархии! Ими и теперь замещаются то профессорская кафедра в университете и академии, то кафедра епископа и митрополита.

Но да будет честь и слава не выдающимся только светилам науки, шедшим над тульским горизонтом. И все воспитанники семинарии на поприще своего пастырского служения скромно, но постоянно трудились над образованием народа в духе истины Христовой. Как везде на Руси, так и в пределах Тульского края, отдаленные времена язычества оставили о себе память: следы язычества доселе усматриваются во многих суевериях. На той же почве слепого доверия народа сеются и прививаются разнообразные сектантские мнения с большим или меньшим успехом. Прямой долг духовенства очищать ниву Божью от всяких таких плевел. Честь и слава епархиальному духовенству, что оно и словом, и примером жизни решительно препятствовало укоренению и содействовало искоренению злых насаждений, что хитро насаждает «враг-человек». Остатки язычества, еще так недавно бывшие здесь явлениями культа (деревьев, камней и пр.), теперь обратились прямо и только в народные игры-забавы, не более. Ярые ревнители раскола при царе Алексее Михайловиче бежали на Дон и заполняли здесь казачьи слободы, однако же, в казачьих слободах южных уездов — Новосильского, Ефремовского и Епифанского, нет и следов раскола — старообрядчества. Население г. Белева постоянно в отходе на промыслах нередко подвергалось воздействию проповеди сектантов, и даже злейших,— в конце XVII-го столетия здесь появились самосожигатели⁷, позже — масоны, скопцы, хлысты и пр. Однако теперь оно чуждо этих заблуждений, исчезает в нем и старообрядчество. В прошлом столетии, в 1778-м году, в Белеве считалось раскольников 58 чел. муж. пола и 81 женск.⁸ официально, в действительности было много больше. В противодействие расколу здесь был открыт единоверческий приход и храм

[1; 379] в начале настоящего столетия, в 1818 году, и один из первых в России. И теперь есть раскольники в Белеве, но лучше сказать: «они были...»⁹ Если же наша епархия, как и другие, еще не чужда сектантства совсем, то потому, что до последнего времени духовенство не имело в своих руках самого лучшего орудия — хорошо слаженной строго церковной школы для народа, как мужской, так тем более женской. А это не по вине духовенства.

В состоянии крепостной зависимости народа, как везде, так и здесь, потребность в грамотности сказывалась в нем мало и вяло — грамотность ему как будто была не нужна. Спросит, бывало, барин своего старосту: «Лазутка, сколько копен на лугу и сколько в поле?» Лазарь вынимает из-под мышки пук палок и по собственным пометам с точностью докладывает — столько-то здесь, столько-то там. Эти прутья-«бирки» составляли всю математику Лазаря, которая вся целиком и помещалась у него не в голове, а под мышкой. Нередко и сам барин знал считать только на счетах. А иной раз даже и член причта нанимал за себя подписывать какие-либо четыре слова роковой необходимости, да и те подписывались не без ошибки, вроде: «Тояшь церкви дичекъ Крапъ» (т. е. Карп). Тем не менее, и в это время отчаянного малограмотства духовенство делало, что могло. Когда в 1858-м году потребовались ответы на запросы Епархиального статистического комитета, где и сколько в приходе грамотных, то оказалось, что в очень многих приходах грамотные были и — к чести духовенства сказать — грамоте учились большей частью у него же или у тех, кто ранее у него учился: учились, где пришлось — в светелке, на кухне, в пустой бане, в церковной сторожке и т. п.¹⁰ Тогда не дивно было встретить такую картину: за столом дьячковской избы помещаются пять-шесть лохматых мальчишек с азбуками под носом, с длинными указками из лучины в пальцах и читают «по складам» или «по толкам». А там, на полатах, возлежит их наставник; опершись на оба локтя, покручивая седую бороду, он с важным тоном и с протяжным ударением, внушительно исправляет чтение учеников: «Буки — арцы — азра-бра! веди — арцы — азра-вра! глаголь — арцы — азра-гра!» и проч. Или повторяют «зады» — «слози имен по азбуце под титлами»: «Аз — Ангел, Архангел»... «Буки — блажен, благословен»... и пр. Так дело велось, совсем по-своему, а ведь цель достигалась-таки: дети за зиму одолевали Кириллицу и переходили к Псалтыри — это уже высший курс и последний: Псалтырь не только читалась «по толкам», но и затверживалась наизусть. Оставалось еще *pium desiderium* — Часослов и Апостол, но это уже для взрослых и для желающих. Старались научить больше и чтению, и письму только детей самого духовенства, направляющихся в школу.

Великие преобразования государя императора Александра II-го изменили весь общественный быт и взаимные отношения сословий, привели в соприкосновение, и отчасти даже в столкновение всех со всеми, заставили «оглянуться на себя» и «взяться за себя», чтобы жить самостоятельно или быть самостоятельным, чтобы жить. Естественно, что духовенство, как сословие, ближайшее к народу, стало еще ближе к его духовным интересам, оно стало не только носителем, но и истолкователем ему идеалов веры, народности и государственной идеи. Духовенство, ограждая свободу народа от увлечения своеволием до разнузданности, главным образом, должно было сдерживать народ в послушании церкви, в преданности государю православному и самодержавному. Могучее средство его — учение в храме и учительство в школе. Но, если народ переживал еще первую радость свободы и некоторую самостоятельность самоуправления, то и духовенство испытало некоторое особенное удовольствие при сознании теперь большого значения своего в руководительстве народом. Оно было в искушении — стать духовным баринном над народом. Отсюда — стремление к перемене своего быта на помещичий лад.

Какая оттого проростекала масса забот о переустройстве быта духовенства, урегулировании его прав и отношений к другим сословиям, то при сокращении штатов и закрытии приходов, то при восстановлении оных! И вся эта тяжесть бесчисленных забот обрушилась на времена преосвященного Никандра. И поистине тяжел был омофор этого архипастыря!

Прежде всего, для духовного юношества широко открылись двери университетов, институтов, медицинской и лесной академий и лицеев; и духовные юноши, ища специального высшего образования, поступали всюду и во множестве. Духовенство тогда дало обществу весьма многих образованных деятелей. Но, поддаваясь благороднейшим влечениям, они не избегли бедственных искушений. Они ринулись на распутья свободы столичных и других больших городов, в объятья чужой и дотоле чуждой им роскоши театров и ресторанов, в тину бульварных недугов; а оттоле попадали и в золотые роты, и в тюрьмы и даже легко, как *animaе viles*, вербовались нанятыми деятелями заграничной пропаганды. За юношами-братьями последовали и девицы-сестры — и на медицинские курсы, и в акушерские школы, и в консерватории и пр., руководимые мечтой попасть если не в доктора, то в акушерки, если не сюда, то на театральные подмостки. Хотя и здесь достигалось многое хорошее; но и с ними не все обстояло благополучно: эстетика брала верх над житейским благоразумием, салонная чопорность и артистическое самолюбие сбивали их с толку; и эти певчие птички являлись под кров родителей что называется «ни павой, ни вороной», да еще с налетом иностранной или прямо странной моды (стрижение кос, курение папирос,

и т. п.), что прежде в духовенстве всегда почиталось весьма зазорным. С прискорбием видел и предвидел такие дорогие жертвы таких несчастных увлечений архипастырь тульский, глубоко скорбел и при случае решительно и с негодованием порицал неблагоразумие родителей, увлекающихся мишурным блеском «полусвета». В противовес увлечениям, но удовлетворяя доброй наклонности к образованию, владыка позаботился усилить образование женское в духовенстве и бывший сиротский приют преобразовал в епархиальное среднее учебное заведение, с обстановкой весьма облагораживающей. И как отечески радовался владыка, когда на его глазах из какой-нибудь чумазой сельской девочки воспитывалась взрослая облагороженная, умная и для своего быта довольно образованная (не скажу — более) девушка. «Она несомненно внесет свет и радость в свою семью», — говорил владыка. И он был прав.

Еще серьезнее и еще глубже приходилось вникать в дело образования духовных воспитанников с введением новых уставов духовных училищ и семинарий, из коих один быстро заменен или изменен был другим в непродолжительное время. Множество всяких осложнений по вопросам учебным, воспитательным, хозяйственным приходилось серьезнее всех обдумывать тому, кто вершил и утверждал своим словом всяческие постановления и определения советов, собраний и правлений. Нужно было и скорее нужно было вырабатывать иной тип воспитанника семинарии, более сведущего, более благовоспитанного и внешне более облагороженного, чтобы прежний бурсак [2; 379] стал предметом преданий старины глубокой, чтобы знание воспитанника делалось его оборотным капиталом в применении к церковно-общественному служению и прежде всего в устном учительстве.

Чтобы представить, как многосложны были заботы в этом отношении архипастыря, нужно припомнить, что для благоустройства, прежде всего и главным образом, школьной жизни в помощь архипастырям учреждены были епархиальные съезды. Учреждения, бесспорно, полезные во многих отношениях, но не с первого разу. Вызывая сознание общих интересов, съезды сильно подняли самостоятельность прежде всего мысли духовенства; она прежде всего отразилась в живом литературном слове, на страницах местного органа печати — в Епархиальных ведомостях. И быт духовенства, и народные школы с новыми методами обучения, и спиритизм, пашковцы, и старообрядчество, — все это и многое другое обсуждалось здесь с большим усердием, истинным одушевлением и с приемами серьезной критики. А при непосредственном обмене мыслей на заседаниях съезда то выделялись дарования и опытность одних над другими, то, так сказать, один шлифовался от другого. И если, при прежней разрозненности, всяк думал, что за него должен заботиться кто-то другой, а потому сам или не мог, или не смел сво-

его суждения иметь, то теперь всяк понимал, что и ему необходимо принять участие в обсуждении общего дела, и ему очередь не конфузно постоять за свои убеждения.

Было тут, конечно, немало искушений для духовенства, немало огорчений и для архипастыря. В роли члена съезда иной горячий темперамент наталкивался и на своеволие, на заносчивое критиканство не по своему праву (напр., обсуждая сторону вопроса экономическую, переходил на педагогическую), т. е. толкался в парламентаризм с явной эмансипацией. Данная теперь некоторая самостоятельность переходила в либеральность до нелепости. И если бы вам в то время пришлось встретить где-либо на платформе вокзала священника в шляпе, сдвинутой на ухо, причем его благословляющая десница, отбросив за локоть широкий рукав рясы на шелковой подкладке, воспламеняла недешевую сигару, то эта картина была бы новая и не из самых редких. Подобное наблюдение может навести на мысль, что духовенство не чуждо и других преступлений, и даже тяжких. Да, но что же из того? Если мы, например, в «Духовной» некоего Панкрата Ченея, 1482 года, читаем: «Се яз, раб Божий Панкрат Ченей пишу сию грамоту душевную в конце живота; а бил мя Михайла Скобельцин большой, с своими людьми... а бил мя у своего села»,— что свидетельствовал сидевший «над головою» умиравшего отец его духовный, николаевский поп Иван из Тешилова, запечатавший «Духовную» своим «крестцем» (тельным крестом)¹¹, то разве это умаляет заслуги нашего доблестного дворянства? Если князь Юрий, последний князь смоленский, в 1408 году погребенный здесь, в Веневом монастыре, убил кн. Вяземского и собственными руками изрубил в куски его жену, идеально целомудренную княгиню Юлианию¹², разве этим умаляются славные деяния наших князей-витязей? Нет, такие отдельные злодеяния говорят только, что буря ломает и кедры... Страсть сгубила и апостола! Так в некоторых случаях тускнел самый светильник и духовенства, но никогда не угасало в нем пламя ни веры Христовой, ни любви Божьей! И маститый архипастырь тульский имел утешение видеть, как на его же глазах возросло и развилось новое духовенство, лучше отвечающее потребностям сего времени. Прежде, будучи духовным пастырством словесного стада, само оно было почти бессловесно: и плохо училось, и мало учило, и очень мало учительствовало; теперь оно в средней своей школе имеет курс наук далеко выше других средних учебных заведений, оно имеет свои общественные интересы и глубоко занято ими, имеет особые задачи своей новой деятельности, свое открытое печатное слово, новое государственное культурное значение, имеет в своем распоряжении особые средства, создало свои сословные учреждения (богадельни, эмеритальную кассу, свечной завод и пр.). С новым настроением и лучшим пониманием своих обязанностей к народу духовенство от

своих нужд легко и естественно, а частью и по необходимости, перешло к обсуждению и народных нужд, по отдельным приходам. А из этих нужд самая главная и самая близкая к интересам пастырей и учителей веры — это просвещение народа посредством грамоты: ее, как главную, прежде всего и духовенству, как таковому, прежде всех и надлежало ведать повсюду. Духовенство, по существу своего призвания, не могло не сознавать своей обязанности учить народ «во имя Отца и Сына и Святого Духа». И первая по времени, и первая по важности его обязанность — проповедь Слова Божия и обучение родной грамоте, в которой заключено Божье Слово. Это — его право, его и ни чье больше. И вот, при всех выгодных и невыгодных условиях труда, при удобствах и неудобствах служения, все, однако, и священнослужители, и церковнослужители, и сыновья их, и дочери учили и учат народ вечным истинам Святой Веры.

И в этом деле, в борьбе с препятствиями при введении обучения в народной школе со скудными средствами, очень не мало было огорчений для маститого архипастыря; но, кажется, больше было радости: служители веры и церкви так успешно подготавливали новых чад света истины евангельской, столько и таких детей, столь любезных Господу! Не раз преосв. Никандр с глубоким раздумьем останавливал продолжительно свой взор на этих новых своих духовных детях, и читающих, и поющих ему во многих и многих храмах его епархии, где прежде он не слышивал ни единого такого святого детского звука. Не менее радовалось и духовенство, когда имело счастье представить своему архипастырю столько и уже таких смысленных в книжном учении детей, — эти «начатки» своего труда на новой ниве своего делания.

При всех своих трудах, преосвященный находил и утешение, и опору в молитве и, знает ли епархия, какой это был истинный богомолец, но сокровенный. Лишь случайно и случайному посетителю отворилась однажды дверь его кельи, и тогда раз нужно было взглянуть на умиленную молитву старца-архиерея, чтобы навек сохранить его священный образ в картине молитвенного уединения!.. Не потому ли теперь чаще всех епископских имен произносится его имя в «заупокойных» поминаньях? Не посему ли именно во дни сего мужа строго келейной молитвы и, без сомнения, к его высокому утешению, была восстановлена молитвенная память преподобного Макария, Жабынского Чудотворца?

[...]***

Первый долг святителя, коему дана «благодать возблагодарить», — тот, чтобы преподавать дары благодати верующим в таинствах. А важнейшее из таинств совершается в дому Божьем. Отсюда, потребность в устройении дома Божия и удовлетворение оной есть дело первой необходимости и пер-

вой важности, в особенности там, где так быстро возрастает число граждан и так сильно обуреваются грехом при всяческих соблазнах модной гражданской суеты, как это есть и в нашем многолюдном городе. Не здесь ли возросла потребность покаяния? Не здесь ли потребно непререкаемое освящение каждому? Не здесь ли нужны жертвенники и храмы? Так и Господь внушил Вам [обращение к преосвященному Питириму, занявшему Тульскую архиерейскую кафедру в 1896 г.] созидать храмы, чтобы назидать души. И эти храмы украшают город и оздоравливают души веянием всесозидающего Духа Божия!

Не только здоровые, но и святые начала жизни, полагаемые церковью и семьей, нередко расшатываются односторонней школой или односторонне образованными деятелями школы: сему должна противостать церковная школа, с ее незыблемой основой — Евангельской истиной, существенно необходимой для воспитания всех и каждого. Вами множицею умножены церковные школы и очень заметно умножается интересный тип школы, — «школа-церковь», как бы в решительное свидетельство, что церковь и школа не только должны быть в союзе, а даже, так сказать, под одной кровлей и под сенью одного знамени Креста Господня, чтобы жить и действовать в одном духе — крестной любви Христовой. Но, чтобы руководить делом воспитания народа, духовенство должно умножать свое образование и усовершенствовать воспитание своих детей, особенно воспитание их. Идя навстречу этой потребности, духовенство теперь же созидает второе епархиальное женское училище. И это последнее деяние вполне достойно последних дней истекшего века.

Есть в пределах церкви тульской и высшие церковные училища — это иноческие обители. Что бы ни говорили про отдельных монахов и каковы бы они ни были, так сказать, сами у себя, а монастыри остаются и пребудут устоями народного благочестия и училищами идеальной любви сердца, постоянно обращенного к небу. И в этом отношении и благословил Господь церковь тульскую в последнее время устроением Успенской-Иверской обители в с[ель]це Борщевом (Вен. у.), а за нею возникает еще Богородичная при с-це Липове (Крапив. у.). Это новые столпы благочестия, новые проповедники крестоносной любви Господа. А это должно быть отрадно и дорого тем более теперь, когда и сама идеальная любовь христианская подделывается и искажается суетным практицизмом.

Сравнительно в недавнее время европейская мысль, стоя на почве социализма, выработала понятие о любви свое, ограничив ее исключительно одним предметом, — это любовь человека к человеку бедному, в виде помощи-подавания от богатого; теперь с усердием стараются навязать такого вида любовь христианству и проповедают модный абсурд, будто бы благотворительность составляет даже сущность христианства. В устранение та-

ких неправильных понятий о христианской любви противостоят в жизни церковные попечительства, действующие совершенно в библейском духе: они посвящают свои лепты и на алтарь Божий, и на украшение св. храмов, и на благо просвещения, и на милосердие, но именно и только ради Христа, а не во имя отвлеченного равенства всех и каждого. Множицею умножены Вами и церковные попечительства.

Наконец, ни в какое время так, как в наше, не развивалось русское народное историческое самосознание: сначала мысль отдельных выдающихся мыслителей-патриотов сама обратилась, а теперь и высшие руководители образования обращают ее на свою историю, на свой быт, на самих себя, именно в деле школьного образования. На сей раз указание правительства энергично поддерживают и представители самого общества. Так, на сих днях гр. Лев Толстой младший открыто, громко и честно заявляет: «Мы, достигнув двадцатилетнего возраста, русские юноши, кончив гимназию, не имеем понятия о русском народе, о русском государстве и истории их, хотя и учились этому... Мы не знаем, ни как живет наш народ, ни каково устройство его жизни, ни какими законами он управляется; мы не знаем его языка, обычаев, нравов, прекрасных пословиц и песен,— мы ничего этого не знаем»¹³. Справедливо. Но педагогической цели в этом деле служит прямо и прежде всего изучение памятников прошедшей народной и церковной жизни. Весьма примечательно, что первый епископ тульский, Мефодий, имел ценную коллекцию ископаемых остатков прошлой жизни. Пр[еосвященный] Димитрий сильнейшим словом поучал свято чтить память предков и места их вечного покоя. Пр. Алексей особенно любил древности храмов и повелевал их блюсти с любовью. Пр. Никандр благословил устройство постоянного хранения памятников древности. А Вы, владыка, подарили грядущему веку целую благоустроенную «Палату» для хранения местных памятников древности. Она несомненно будет напоминать всем, желающим помнить родство свое с прошлым, и не чрез сто лет раз, как ныне, а постоянно напоминать, «как предки жили и трудились, оберегая святыни Веры и народности»...

Так вот и теперь, при внимательном наблюдении прошлого, нельзя не видеть, как нельзя и не сказать, что церковь тульская, как тяжело нагруженный корабль, направляясь к вечной пристани своей — «ко граду Бога живого — Иерусалиму небесному», шла вперед поступательно и безбедно, как при благоприятных, так и неблагоприятных обстоятельствах и условиях общественной жизни: ее деятельность постоянно усиливалась; ее силы развивались; ее вожди-епископы твердо и доблестно стояли при ней и за нее, их стопы не опускались ниже крил [крыльев] их епископского орла [3; 379]! А в этом очевидно свидетельствуется, что в церкви тульской, как

и во всей Церкви Православной Российской, неотступно присутствует все созидающая и охраняющая все благодать Божья.

Да будет же в Церкви Божьей и да пребудет в церкви тульской слава Богу, благодателю нашему во веки!

Октябрь, 17. 1899 г.

Примечания

[...]* Опущена вступительная часть текста богословского содержания.

[...]** Опущен абзац, в котором дано богословское обоснование перенесения епископской кафедры в Тулу.

[...]*** Опущена часть текста, в которой Н.И.Троицкий дает оценку творчеству и взглядам Л.Н.Толстого.

¹ Об открытии Тульской епархии// Памятная книжка Тул. губ. на 1871 год. Тула, 1870, стр. 126—128.

² Преосвященные епископы тульские// Памятная книжка для Тульской паствы. Тула: Н. Д. (Николая Дружинина), 1865, стр. 4—5.

³ Начертание жизни и деяний Высокопреосвященнейшего Мефодия, архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского, с приложением портрета и некоторых почительных слов. М., 1823, стр. 1—87+1—103.

⁴ Преосвященные епископы тульские//Памятная книжка для тульской паствы. Тула, 1865.

⁵ Тогда можно было видеть, как бывало какой-либо старец священник, случайно завернувший на семинарскую квартиру с базара, совершенно свободно и совершенно точно наизусть диктовал слова и фразы ученикам-землякам для перевода с русского на латинский: понятно, почему тогда не затруднялись преподавать и изучать целые науки на латинском языке.

⁶ Слово по освящении храма св. Николая в доме Московской дух. семинарии, ноября 1 дня 1844 года. Слова и речи Филарета, митрополита Московского. Изд. 2-е. Ч. 2-я. М., 1818. Отд. V. 28. Слово. С. 94.

⁷ Отрагительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года. Сообщение Хрисанфа Лопарева. Н. Д. Н., 1895 г., стр. 23 и 52.

⁸ Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи трудами Филиппа Генрика Дилгея, обоим прав доктора и профессора. Часть первая. О Тульском наместничестве/Перев. Ив. Бор. фон Пестель. СПб., 1781, стр. 89; Иначе: Типография Тульского Наместничества.

⁹ В 1897-м году было: Австрийского толка 17 м [ужчин], 45 ж [енщин]; Поморско-го — 7 м, 12 ж.; Нетовцев — 2 ж., а всего — 24 м., 59 ж.

¹⁰ «Ответы» хранятся в «Т. Е. [Тульской епархиальной] Палате Древностей».

¹¹ Акты Юридические. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1838 г., стр. 441—442.

¹² Воскресенская летопись. П. С. Р. Л. Т. VIII. Продолжение. СПб., 1859 г., стр. 81.; Книга Степенная. Ч. 1. М., 1775 г., стр. 562—565. Ср. Достопамятности Венева монастыря. (И. П. Сахарова). М., 1831 г., стр. 3—7.

¹³ «Русское Слово», 1899 г., окт. 11, № 281, стр. 2.

ТУЛЬСКИЙ БОГОРОДИЧНЫЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО В ЩЕГЛОВЕ

Исторический очерк

Что бы ни говорили про монастыри православной России, они, тем не менее, составляют истинное и наилучшее пристанище верующей души, обу-реваемой на море житейском. А потому они не только существуют, но и размножаются: их восстанавливает, вновь создает и благоукрашает православный народ, потому что любит их. Об этой правде красноречиво свидетельствует также и возникновение Богородичного общежительного монастыря. Предлагаемый «Исторический очерк» этого монастыря имеет своей задачей представить дело основания и благоустройства сей св. обители не по официальным только документам, но и на основании материалов, имеющих частный характер и, однако же, раскрывающих всю внутреннюю сторону дела, а потому, с точки зрения исторически-бытовой, тем более интересных. Спросят — в недавнем устройении и непродолжительном существовании Богородичного монастыря в Туле что же есть собственно исторического? — тот исконный дух православного народного русского благочестия, которым во все века одушевлялись строители и любители иноческих обителей и который так блистательно открывался в величественных картинах исторических событий, какие переживало наше отечество.

Да простит нам благосклонный читатель, если мы заявим с откровенностью, что при составлении настоящего «Исторического очерка» нас одушевляла не столько чисто научная сторона предмета, сколько светлая личность основателя монастыря — схимонаха Варсонофия, который под видом и в звании простого московского обывателя скрывал, но сберег для истории

Щегловский Богородичный мужской монастырь, святые Врата

могучий дух мужественного инока и сошел в могилу увенчанным схимой. Одна его личность, помимо созданной им обители, стоит исторической характеристики; но и обитель его, теперь процветающая и быстро возрастающая, стоит исторического очерка и — лучшего, нежели предлагаемый.

Для нашего посильного труда, кроме некоторых не многих сведений, устно переданных нам лицами, непосредственно и близко знавшими всех, кто и как участвовал в создании Богородичного монастыря, послужили следующие источники:

1) Документы и деловая официальная переписка, сохранившиеся в монастырском архиве.

2) Частная деловая переписка — в келейном архиве схимонаха Варсонофия.

3) Письма преосв. Алексия и преосв. Никандра, иером. Никандра, В. Ив. Макарухина, Мих. Мих. Струкова, Никол. Никит. Добрынина и др.

4) Наличные здания и надгробные памятники.

Признаем не вовсе лишним упомянуть, что кое-какие сведения о Тульском Богородичном монастыре находятся и в литературе, но сведения — или весьма краткие, или, при необходимости, вовсе не проверенные по существующим документам и памятникам, а потому не дающие верного ответа на главные вопросы — кто, почему, на чьи средства и пр. устроил Богородичный монастырь? Таковы именно издания:

1) Обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764—1869 г.). Составил Н. Григорович. С.П.Б. 1869 г. Стр. 205—208.

2) Приходы и церкви Тульской епархии, — извлечение из церковно-приходских летописей. (Составлено комиссией из нескольких преподавателей духовно-учебных заведений г. Тулы). Тула. 1895 г.

I. Местность монастыря

Тульский Богородичный монастырь находится близ г. Тулы (в расстоянии 1 1/2 версты [≈ 1,6 км]), на восточной ее окраине, в так называемом Щеглове. Как местность этого монастыря, так и его здесь возникновение, имеют свое историческое значение.

Город Тула, как известно, входил в число пограничных или украинских городов Московского княжества, а потом государства — в первую (ближайшую к Москве) пограничную линию. Эта линия была обозначена целым рядом фортификационных валов и сторожевых засек, которые служили обороной от набегов татар и других врагов отечества. Из таких засек ближайшие к Туле две — Малиновская на юго-западе и Щегловская на северо-

востоке от нее. Они были (как и доселе) соединены валом, который проходил через город Тулу с юга на восток и северо-восток. Выходя из города, на северо-восточной стороне его, сторожевой вал пересекал трактовую (большую почтовую) дорогу из Тулы в Венев. На месте этого пересечения вал имел ворота, которые были названы «Щегловыми», конечно, по фамилии заведовавшего этими воротами дозорного воеводы Щеглова. А потом сторожевая (или крепостная) засека, прилегавшая к этому валу с юго-востока, названа также Щеглова, или Щегловская засека¹.

Сторожевые валы и засеки здесь, как и везде, имели назначение — предупредить и задерживать набеги татар, преимущественно крымских. Тем не менее, время от времени, татары являлись на берегах р.р. Дона, Шата и Упы, подступали и к самым стенам Тульского кремля. Так, в 1552-м году Московский царь Иван Васильевич Грозный предпринял поход на Казань и вместе с войском был уже в Коломне. Тогда Крымский хан Девлет-Гирей, думая воспользоваться этим обстоятельством, в отсутствии царя и войска напасть на Москву и чрез то отмстить Москве за Казань, шел со своими полчищами по Рязанским пределам к Москве. Но, приближаясь к Рязани, хан узнал, что Московский царь находится еще в Коломне, а потому поворотил на Тулу и решил предварительно взять эту крепость (в то время после Москвы и Смоленска, одну из сильнейших). Грозный хан 21-го июня приблизился к стенам кремля, а 22-го начал приступ — с юго-восточной стены. Сравнительно весьма малочисленные и плохо вооруженные, но отлично мужественные граждане заперлись в кремле, выдерживали нападение и, под начальством царского наместника, незабвенного князя Григория Ивановича Темкина-Ростовского [1; 379], геройски отразили приступ татар, так что Девлет-Гирей, наутро 23-го числа, в страхе отступил на юг, по Дедиловской дороге, и уходил по 60—70 верст [64—74,7 км] в сутки. На другой день после победы подошло от Коломны к Туле, с целью оказать помощь осажденным тулякам, царское войско («полк правой руки» казанского ополчения); но ему пришлось уже только торжествовать победу да преследовать врага и разбивать его отряды, не успевшие соединиться с главным войском хана².

Как смотрели современники на совершившееся одоление Крымского хана, об этом определенно дает знать летопись. «Царь же (Девлет-Гирей), — говорит летописец, — прииде на Тульские украины и роспусти воя своя, а сам ста у града Тулы. Божию милостию и Пречистая его матери и чудотворец Русских вниде в него страх и убояся велими, и стоя три дни, и не дождався люди из загонов (отрядов, разосланных по окрестностям), и великим страхом побежа. Воеводы же великаго князя (Московского царя Ивана Васильевича) многажды ту на Крымских людей исходиша, и много их убиша, и инех же поимаша и к великому князю на Коломну приведоша; и воеводы же великаго князя из украинских мест Тульских царя (Крымского) прогнаша, и

также возвратишася к великому князю. И князь великий возвратися с радостию великою, за еже возвратися царь (Крымский) вскоре и побежа без успеха. И тако повелевает вскоре епископу Коломенскому Спасу и пречистой Богоматери молебная совершати»³.

Возблагодарив Господа за очевидное дело его дивного милосердия, предки наши — туляне, по обычаю древности, здесь же на месте наибольшего кровопролития, против юго-восточной стены кремля (по-тогдашнему «в деревянном городе»), на костях падших в битве и похороненных здесь граждан и бояр, в память «дивного дела милосердия Божия», решили воздвигнуть монастырь во имя Третьего Обретения честных главы св. Иоанна Предтечи, имени которого был тезоименит Московский Государь-царь Иван Васильевич⁴.

Предтечев монастырь, первоначально деревянный, потом каменный, существовал до самого начала нынешнего столетия. Но когда, в 1799-м году, последовал Указ Св. Синода о перенесении из Коломны в Тулу архиерейской кафедры и образовании Тульской епархии, то Предтечев монастырь повелено было упразднить и обратить в архиерейский дом. В 1800—1801 годах это и было окончательно выполнено первым епископом тульским Мефодием. Памятником же Предтечева монастыря осталась только, так называемая «трехглавая», церковь во имя Похвалы Пр. Богородицы, что и ныне существует на архиерейском дворе, служа его наилучшим украшением, как неувядаемый цвет веры тульских граждан, их благочестия и геройского мужества, споспешествуемого милосердием Божиим, как цвет славы Божией, превосходящий всякий «цвет сельный», украшающий землю и быстро превращающийся в прах, вместе со всякой земной славой.

Так древле предрек о сем еще св. Исаия в пророчестве о Предтече Господнем: «И явится слава Господня,— благовествует пророк,— и узрит всяка плоть спасение, яко Господь глагола... Всяка плоть сено, и всяка слава чело-веча яко цвет травный. Изше трава, и цвет отпаде, глагол же Бога нашего пребывает во веки» (Ис. гл. 40, ст. 5—7).

Памятником исполнения этих слов пророчества служит доселе храм Богородицы, который, и при упразднении св. обители Предтечи, остался от предков в наследие их отдаленным потомкам: он и доселе гласит о том, как явилась слава власти и силы Божией на месте сем, как погибла слава силы и власти царя татарского, как «оружием благоволения Божия» — русским мечом был подкошен здесь яркий цвет крепкого татарского воинства⁵. Благочестивые граждане Тулы всегда хорошо памятовали и памятуя о бывшем здесь монастыре и в достопамятные дни праздников св. Иоанна Предтечи и Смоленской иконы Богоматери — Одигитрии [2; 380] (имени которой здесь был храм) и др. собирались и собираются сюда в значительном множестве. А преосвященные архипастыри, во храме Похвалы Пр. Богоро-

дицы, 29-го августа, в день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, совершали литургию, а перед литургиею служили панихиду о всех православных воинах, за веру и отечество на брани убиенных⁶.

Так, памятуя о Предтечевом монастыре и о великом событии, в память которого он был построен, граждане всегда и справедливо сожалели о его упразднении и не переставали желать, чтобы он был здесь восстановлен.

Но Господу-Промыслителю угодно было указать иное место для обители, которая должна была заменить собою Предтечев монастырь: обитель иноческая должна была возникнуть уже не в середине многолюдного и шумного города, где была обитель Предтечи, а в тиши уединения — под сенью вековой Щегловской засеки. Здесь, вскоре по открытии Тульской архиерейской кафедры, и было обозначено место поселения, первоначально построением здесь архиерейского загородного дома, или летней архиерейской дачи. Именно, второй епископ тульский преосвященный Амвросий, столь известным своим талантом проповедническим, озабочиваясь благоустройством своей кафедры и изысканием средств содержания ее, исходатайствовал себе землю для летнего пребывания под самой Щегловской засекой и на этой земле в 1810-м году выстроил обширный архиерейский дом с церковью в нем (домовую) во имя св. Амвросия Медиоланского, коему был тезоименит тульский архипастырь. Это место летнего пребывания, или дача тульских епископов с того времени называется — по засеке «Щеглово»⁷. Однако же, ни тогда, ни после того, как устроилась эта архиерейская дача, никто не предполагал даже и возможности быть здесь монастырем: сомневались в этой возможности даже и тогда, как явились ходатаи пред тульским архипастырем об основании здесь обители, и с достаточными для того средствами. Но не таков был о сем совет Божий, полагающий времена и сроки в своей власти.

В половине настоящего столетия в боголюбивой душе одного «неизвестного благотворителя», жившего в Москве, таинственно зародилась мысль совершить истинно доброе и богоугодное дело, но не простой и заурядной благотворительности, а построить какое-либо учреждение или сооружение, отвечающее потребностям общества, хотя бы оно потребовало весьма больших средств и трудов. Тогда этому истинному христоробцу Господь посылает одного безызвестного инока, который подсказывает ему, что граждане многолюдной Тулы, доселе скорбящие об упразднении существовавшей у них обители, построенной на костях их предков, геройски павших в битве при защите своего родного города, сердечно желают восстановить древнюю обитель или, вместо нее, основать новую. И вот, к утешению граждан, истинно ревностных к памятованию деяний своих отцов и дел милосердия Божия, Господь приводит в исполнение мысль

«неизвестного благотворителя из Москвы», и близ г. Тулы, на восточной ее стороне (где обитают коренные насельники города), устроится обитель иноческая,— на том месте, где этого дотоле никто не мог и предполагать.

Обитель устроена по желанию тульских граждан, но, сверх чаяния их, вне города, под вековечным лесом — сторожевой Шегловской засекой на том месте, которое, быть может, уже ни для кого и ни для чего более не потребуется, а потому и св. обитель на сем месте будет уже во веки неприкосновенна! И кто бы мог предусмотреть совершившееся на сем месте превращение? Там, где слышались только шум и треск необозримого леса, вой зверей и грай диких птиц, гул осеннего ветра и стоны зимней выюги-непогоды, или, по временам, носились в воздухе дикие вопли разгулявшегося буйного рабочего люда, которым скученно населена прилегающая сюда часть города,— здесь теперь, в тихий час полночи, раздаются звуки священного благовеста,— здесь в «спасительную ночь Воскресения Христова» озаряется молчаливая окрестность ярким светом Пасхального праздника,— здесь теперь в каждое глубокое утро, из среды светильников храма, как бы с высоты светил тверди небесной, слышится умильная Ангельская песнь: «Слава в вышних Богу и на земли мир!» Сюда теперь, презирая бури и выюги, несут свои сердечные молитвенные слезы беспомощные вдовы и сироты и обильно проливают их здесь пред кротким Ликом Млекопитательницы-Богородицы, «Заступницы усердной рода христианского...» Но так именно угодно было Господу-Промыслителю: где была пустыня, там рукою верного раба своего Он насадил цветущую обитель Пресвятой Богоматери. И «процвела есть пустыня, яко крип, Господи!» — Так Господь приводит благие начинания человеческих дел из небытия в бытие.

Все время, как устроилась св. обитель Богородицы, «неизвестный благотворитель и строитель ея» оставался «неизвестным». А когда она устроилась, то Богу угодно было не только сделать известным его имя, но и явить православному народу его самого. И вот, дотоле «неизвестный» благотворитель, коренной житель первопрестольной Москвы, любящий ее беззаветно, тем не менее переселяется в Тулу на «безвозвратное жительство» в свою обитель и здесь действительно находит себе «место вечного упокоения». Теперь всем ведомо, что этот муж-благотворитель, сей избранник Божий, вечно-достопамятный для граждан г. Тулы, есть схимонах Варсонофий. Теперь его знают и чтут его память умильным поклонением пред его могилой. И да будет так! — Господь Сам сказал еще древнему первосвященнику Илию: «Токмо прославляющия Мя прославию, и уничижаяй Мя безчестен будет» (1 Цар. Гл. 2, ст. 30).

II. Схимонах Варсонофий

Тако да просветится
Свет ваш пред человеки,
Яко да видят ваша добря дела,
И прославят Отца вашего,
Иже есть на небесех.

Матф. гл.5, ст. 16.

Схимонах Варсонофий, в мире Василий Иванович Макарухин, по званию московский «купеческий сын», а потом третьей гильдии купец. Родителями его были также московский купец Иван Григорьевич Макарухин и Евдокия Ивановна (по родительской фамилии Лашенова). По метрическому свидетельству Московской духовной консистории [3; 380]: «1805 года, Июля 27-го дня, у Московскаго купца Ивана Григорьева Макарухина родился сын Василий, крещен 30-го числа; восприемниками были: Московский купец Илья Иванов (Лашенов) и Московскаго купца Григория Тимофеева Макарухина жена Татьяна Ивановна; крестил священник Иван Васильев с причтом». Дом Макарухиных находился в Замоскворечье, на Пятницкой улице, близ Пятницкой городской части, (в 4-м квартале, под № 428-м) в приходе церкви Св. Великомученика Никиты, что в Татарской. По выписям из метрических книг приходской церкви, Ив. Гр. Макарухин «умер Марта 6-го 1849-го года от чахотки, 65-ти лет, будучи исповедан и приобщен Св. Христовых Таин; погребен 9-го марта в Даниловом монастыре». А «в 1871-м году Октября 4-го дня, умерла от старческого изнурения Евдокия Ивановна 89 лет, будучи исповедана и приобщена Св. Христовых Таин; погребена 7-го Октября в Даниловом монастыре»⁶. По смерти отца в числе наследников был и сын Василий, в седьмой части дома. Но Василий не отделялся и не удалялся из родительского дома как места рождения и воспитания. Здесь, в течение более 40 лет, он находился под постоянным добрым влиянием матери.

Будучи еще мальчиком, Василий переживал и знаменитый 1812-й год и сохранил о нем немало воспоминаний. Между прочим, в то время, как французы заняли Москву, Василий вместе с отцом направлялся в Каширу. На дороге их повстречали французы, занимавшиеся фуражировкой. Одному из них понравились хорошие козловые сапоги на ногах отца — Ивана Макарухина; француз принудил его снять сапоги и взял, а ему отдал свои худые; Василий, видя это, заплакал; но француз, желая утешить мальчика, дал ему большой кусок сахара. Из того же времени Василий Иванович припомнил, как свидетель, то обстоятельство, что Наполеон, услышав, будто крест на колокольне Ивана Великого весь сделан из золота, пожелал его непременно снять. Долго никто не отыскивался сделать это, или стыдась позорного предложения, или страшась трудности исполнения самого

требования. Наконец, нашелся некто, и это был ... русский — православный! — Василий Иванович всегда, рассказывая это, обнаруживал сильное негодование⁹.

Находясь постоянно в доме родителей, Василий воспитывался в духе богобоязненности и преданности церковным уставам. Он искренне любил посещать храм и старался бывать в нем неопустительно. В своем приходском храме он всегда становился за правым клиросом и, раз устремив взор на предстоящую икону, он уже не сводил с нее глаз до конца службы, — никогда не позволял себе оглядываться по сторонам. Благодетельной настроенности его совершенно соответствовала и его скромность, проявлявшаяся в самой его внешности. Он никогда, даже и в молодости, не любил шеголять: его одеждой был обыкновенный купеческий сюртук, длиннополый, старинного (традиционного) покроя, но статный; поверх сюртука кафтан (по-народному — чуйка), с прямыми полами и рукавами. Иначе говоря, его вкус в этом отношении был чужд так называемого немецкого покроя платья (не сословного и не национального). Вообще, он избегал всякой показности; и этому он был так твердо предан, что не позволял даже снять с себя фотографического портрета, несмотря на желание и неоднократные просьбы родных и знакомых, которые в последнее время его жизни, в Туле, желали было достигнуть своей цели при посредстве глубоко уважаемого им преосвященного Никандра: В-ий Ив-ч остался непреклонен, — не изменил своей скромности даже и в таком, по-видимому, невинном деле¹⁰. Поддержанию благодетельной настроенности Василия немало служило и самое занятие его в родительском доме: оно было унаследовано им и отцом его еще от деда. Это — производство предметов церковной утвари. Назначение изделий храму Божию, без сомнения, постоянно напоминало юному Василию о священном долге его истинно христианской души. А в исполнении своего христианского долга Василий имел руководящие примеры в лице родителей, замечательных своим долголетием. Если при всех трудах своих, отец достиг 65-летнего возраста, а мать 89-ти лет, то это очевидно свидетельствует об их скромной и воздержанной жизни, явно и Богом благословенной.

Дело, которому служили Макарухины, требовало усердия и внимательных наблюдений для воспроизводства данных образцов. А известно, что наша церковная утварь носит на себе следы священных изображений и религиозных понятий в своем устройстве и убранстве: такой характер предметов производства, конечно, рано еще затрагивал любознательность Василия и наклонял его мысль и сердце к возвышенным предметам христианской веры, к пониманию картин православного богослужения. Отсюда понятна и та любовь, с которою Василий Макарухин отдавался своим занятиям. Всего лучше об этом свидетельствует отношение его к усовершенствованию своего производства. Всякое производство тем больший имеет сбыт, чем оно

Василий Иванович Макарухин (в молодые годы)

выше по своему качеству — прочности, изяществу. Но если прочность требует одной только добросовестности, то для изящества необходимо умение. В производстве церковной утвари изящество сводится к рисунку фигуры данного предмета и его убранства или орнамента, а для этого необходим навык в черчении. Василий Макарухин не получил школьного художественного образования и в деле черчения был совершенно самостоятельным, т. е. самоучкой. При отличных способностях его к рисованию, единственным учителем его было прилежание. Тем не менее, он путем копирования не только достиг совершенства в составлении необходимых чертежей для своего производства, но и перешел к живописи. В настоящее время еще имеются в его келье его рисунки разного рода предметов, сделанные тушью при помощи пера и кисти: они обнаруживают в рисовальщике настоящую талантливость.

О том, каков был Василий Макарухин в своей семье, в среде рабочих, которыми заведовал в доме отца, и каков сам был, как рабочий, по частию мы имеем свидетельство его духовного отца, приходского протоиерея, маститого старца, о. Алексия Речминского († 1893 г.). В 1890-м году, от 15-го июня, отец Алексий писал племяннику почившего старца схимонаха Варсонофия (Н. Ф. Мусатову), между прочим, следующее: «Вспоминая проведенную жизнь, почти сорок лет вместе, при одной церкви с покойным схимонахом Варсонофием, не удивишься довольно его жизни. Всегда он и пред всяким человеком был кроток, тих, смирен и во всяком деле и слове вполне справедлив, так, что ни от кого не случалось слышать на него ни малейшего неудовольствия. По его занятию, которое с юношеских его лет перешло к нему от его деда и отца, у него бывало до семидесяти и более человек мастеровых, в числе которых было немало невоздержных, буйных и никогда не было слышно, чтобы он предавал кого-либо из таковых суду и жестокому наказанию. Смолчит, стерпит,— и дело идет обычным порядком». По поводу этих слов о. Речминского должно заметить, что в отношении к рабочим В-ий Ив-ч не только проявлял свою кротость и терпеливость, но и прямо действовал на них воспитательно. По словам очевидцев, рабочие Макарухина нередко видали своего хозяина за книгой: следуя его примеру и по его указанию, сами собирались в кружок, где один кто-либо читал, а остальные слушали; так обыкновенно было под или на праздник. Обычай этот напоминает древние русские товарищества иконописцев и храмоздателей, проникнутых церковностью. «Мастерство его,— продолжает о. Речминский в том же письме,— церковная медная утварь — подсвечники, паникадила, чаши, купели и всякие вещи, нужные для священнослужения, по их прочности, чистоте отделки, изяществу и по сходной цене, сделались известными в самых отдаленных краях России, так что он многим вынужден был отказы-

вать в их заказах. На все означенные вещи он сам делал чертежи и рисунки: для отца своего он был незаменимый художник и неутомимый мастер».

Относительно того, в какой мере были довольны Макарухиным его заказчики, имеется документальное «Свидетельство Московского Городского Общества», в котором читаем:

«Вследствие состоявшегося, минувшего 28 мая сего 1852 года, приговора мещанского общества, по коему в присутствии Г. Московского Городского Головы на собрании мещанского общества, как вы изволили сделать на собственном своем заведении бронзовые высеребрянные подсвечники по заказу вам от одного общества для Воскресенского, именуемого «Новый Иерусалим», монастыря, которые вы сделали добросовестно, в весьма отличном виде и прочной лучшей доброты, как и самый рисунок оных заслуживает особенного внимания и уважения, а посему мещанское общество определило вызвать вас в присутствие дома Городского Общества и от лица одного объявить вам благодарность, в удостоверение чего за подписанием присутствующих выдать в том сие свидетельство»¹¹.

«Для родителей своих,— продолжает о. Речминский,— он был примерный сын: всегда и во всем покорен и почтителен, всегда трезвый, вино никогда не пил; так при слабом всегда сложении, он и на советы докторов — пить мало вина, никогда не соглашался. К родным своим и даже к чужим многим он относился с особенною любовью и радушием, не отказывал в посильной помощи никому. В одно и то же время, когда у него строился монастырь в Туле, строилась и у нас приходская церковь с колокольнею; на нашу церковь он на первый раз пожертвовал десять тысяч рублей, когда же, по совершении ее вчерне, капитал был весь потрачен, он принял и устроил всю церковную утварь на свой счет: подсвечники, паникадила, чаши, купели, кресты на церковных главах и колокольне медно-позлащенные и яблоки под оные, и все это делал вполне добродушно, без всяких усиленных прошений от других. В Туле он производил стройку так секретно, что никто о том не слышал от него ни одного слова, да и мать его умерла, не зная о его богоугодном деле, и мне, как отцу своему духовному, объявил, когда монастырь уже был совсем готов и он решился отбыть туда на житье безвозвратно»¹².

При такой таинственности благотворителя трудно узнать, в какой мере была велика его благотворительность, да и зачем знать ее меру? да будет она ведома Всеведущему! для нас поучителен самый характер благотворительности В. Ив-ча. Прежде всего, благотворительность его была направлена целесообразно — по твердому сознанию очевидной нужды, частной или общественной. На это имеются положительные и документальные свидетельства.

Так, когда в «доме Московского Городского Общества» открыта была «подписка на Государственное ополчение и другие военные надобности», то Вас. Ив-ч пожертвовал от себя тысячу рублей серебром, каковая сумма от него в сем доме и принята мая 20 дня 1855 года¹³. Не менее отзывчив он был и во время других общественных бедствий. Когда в 1856-м году неурожай постиг губернии княжества Финляндского — Улеборгскую, Вазаскую и Куопийскую, В. Ив-ч шлет туда свою лепту через московского военного генерал-губернатора графа Закревского [4; 380], который не преминул выразить ему «свою искреннюю благодарность в особом именном отношении»¹⁴.

Но, по-видимому, большею благотворительностию его пользовались храмы и особенно монастыри, и именно в самое нужное для них время. Вот что, по поводу смерти В. Ив-ча, между прочим, писала его племяннику (Н. Ф. М[усато]ву), настоятельница Спасо-Бородинского монастыря игуменья Филофея в 1890-м году, от 7-го июня: «Все, кто знали в Бозе почившего скимонаха Варсонофия, все уважали его, я же, видевши его только единожды и получившая от него милостивое благодеяние вверенной мне обители, никогда не могла забыть его, и наше краткое знакомство оставило во мне неизгладимое впечатление. Обитель наша считает его в числе своих благотворителей и будет поминать его, отшедшего, как поминала о здравии; что касается до меня, то я особенно обязана молиться за него, так как покойный меня выручил в минуту столь затруднительную, когда я перестраивала храм Св. Иоанна Крестителя и у меня не было к сему никаких средств, как вдруг неожиданно приехал Василий Иванович Макарухин и вручил мне собственноручно тысячу рублей, которые я приняла как чудо от десницы Милосердного Господа»¹⁵.

Из тех же свидетельств очевидна и другая высокая черта в характере благотворительности В. Ив-ча. Его благодеяния были известны только тем, кому уже необходимо их было знать, чьи руки принимали его лепты, да Господу Богу. Сам В. Ив-ч отнюдь не искал ни известности благотворителя, ни наград за благодеяния, хотя они иногда давались ему неизбежно, когда его благотворительность направлялась через общественные учреждения.

Так, кроме вышеупомянутых «благодарностей» Общества и генерал-губернатора, В. Ив-ч, в 1858 г. 12 июня, получил бронзовую медаль «за участие в пожертвованиях на военные надобности» во время войны 1853—1856 годов, для ношения в петлице на Анненской ленте. В 1856 году — «по засвидетельствованию графа Закревского о заслугах», он получает золотую медаль «за усердие, для ношения на шее на Анненской ленте. В 1868 году 25 октября, за пожертвование на построение Московской Никитской, в Татарской, церкви, он награждается золотой медалью для ношения на шее на Александровской ленте¹⁶. Эти награды были, так сказать, неизбежны; они следовали за благотворителем, как тень за телом. Но насколько сам благотворитель

относился к ним хладнокровно, это очевидно уже из того, что за построение целого монастыря в Туле он не получил никакой вещественной награды, в виде каких-либо знаков отличия, именно потому, что не желал никаких, и, до последних дней своей жизни, настоятельно старался скрыть себя — истинного строителя обители за именем другого.

Из представленного краткого очерка жизни В. Ив. Макарухина достаточно ясно обрисовывается его характер и понятною становится его широко развившаяся благотворительная деятельность, увенчавшаяся созданием обители Пр. Богородицы в Туле.

В. Ив. Макарухин, воспитанный в семейном наследственном духе православно-благочестия, прежде всего, был трудолюбец, стойкий в труде, честный, трезвый: его труды скоро нискали ему глубокое доверие и уважение, которыми обыкновенно награждается честность в труде. Это существенно содействовало развитию дела, торговых оборотов и умножению состояния. А состояние в руках честного трудолюбца есть не что иное, как средство обязательной благотворительности. И благотворительность Макарухина распространялась во все концы обширного отечества, преимущественно направляясь в монастыри, доколе не сосредоточилась главным образом над созданием новой и во всех отношениях благоустроенной обители в Туле.

Вместе с благочестивым настроением и благотворительностию, В. Ив-ч очень рано обнаружил и потом усиленно развивал в себе стремление к просвещению и самообразованию, о чем непрерываемо свидетельствует оставшаяся после него, если не обширная, то очень толково составленная им его библиотека. Знакомство с этой библиотекой достаточно ясно открывает полное соответствие ее с религиозно-нравственным и патриотическим складом характера В. Ив-ча.

Как и следовало ожидать, основу библиотеки В. Ив-ча составляет Священное Писание в разных видах и изданиях. Между прочим, здесь было Четверо-Евангелие 1670 г.— третье издание Львовского братства¹⁷. Новый Завет на славянском и русском языках, изданный иждивением Российского Библейского Общества первым тиснением. Москва. 1822 года. В ряд со Свящ. Писанием следует его Толкование. По этому отделу имеются Толковое Евангелие, еписк. Михаила и его же Толковый Апостол, Толкование на псалмы, еп. Палладия (Вятка. 1874 г.); из свято-отеческих — Св. Андрея Кесарийского толкование на Апокалипсис (перев. иером. Антония. Ярославль. 1892 г.). Сравнительно большой по объему отдел книг церковно-бogosлужебных: сюда относятся — а) службы отдельным святым: (великом. Екатерине, преп. Тихону Калужскому, св. Тихону Задонскому, св. Митрофану Воронежскому, св. Иову, игумену Почаевскому), — б) Акафисты: (Страстям Христовым, Иверской Божией Матери, Богородице «Утоли моя печаль», ве-

ликом. Варваре, св. Павлу Обнорскому),— в) Требники Большой и Малый (Киевский), Канон Великий св. Андрея Критского, Молебное пение (общее), Чин последования пострижения монашеского и пр. По части толкования богослужения здесь находится такое обстоятельное изложение предмета, как «Письма к православному о церковном богослужении» И. И. Белюстина. (Спб. 1862 г.) За богослужебными книгами следуют жития святых. Здесь имеются и капитальные издания, как Минеи-Четии, Пролог (12-ть месяцев), Афонский патерик (изд. 3-е. Спб. 1867 г.), Патерик Киевский, Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. (Перев. с греч. Спб. 1855 г.), Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых (Спб. 1862 г.), и жития отдельных лиц: Сказания о земной жизни Пр. Богородицы, с изложением учения церкви, преобразований и пророчеств, относящихся к Ней, и чудес Ее (Спб. 1869 г.), Жизнь св. Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского (Москва. 1860 г.), Житие великомученика Пантелеимона, Житие св. Тихона Калужского и пр. Прямым дополнением к житиям святых служат духовно-нравственные, аскетические и вообще назидательные и гомилетические сочинения; таковы: Лестница, возводящая на небо (Киево-Печерская лавра. 1864 г., славян. печ.), Выписки из писаний св. отцов, сочинения св. Димитрия митроп. Ростовского, а также: Речи и слова архиеп. Августина, (3-ри т.), Слова, беседы и речи митропол. Филарета, Великий пост или беседы на св. Четырдесятницу, архиеп. Иннокентия Таврического (Изд. 2-е 1850 г.) и др. Однако, не одни творения русских проповедников интересовали любознательнейшего читателя-старца В. И. Макарухина,— ему желательно было познакомиться и с жизнью авторов их, как это очевидно из того, что в библиотеке В. Ив-ча находятся биографические сведения о таких знаменитых святителях Московских, как митрополиты Платон и его ученик и преемник Филарет [5; 380] и других. Таковы: «Начертание жизни и деяний Московского Митрополита Платона» (М. 1818 г.) и «Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московского» (Составл. Н. В. Сушковым. М. 1868 г. с приложением). Судя по внешности этой последней книги, она, очевидно, была в постоянном употреблении: видимо, В. И. благоговел пред знаменитым святителем Московским Филаретом. В его библиотеке имелось и несколько портретов этого святителя.

Жизнь святых мужей и просто мужей знаменитых, естественно, возбуждала желание посетить и места их подвигов. В. Ив-ч посетил очень многие обители и просто исторические местности. Отсюда понятно, почему в его библиотеке находится очень не мало описаний и видов разных монастырей и сельских замечательных храмов. Таково, напр., весьма интересное «Историческое описание Московского Симонова монастыря» (Москва. 1843 г.), и

др. Есть несколько иллюстрированных путеводителей, напр., Путеводитель во св. град Иерусалим ко гробу Господню и проч. св. местам Востока и на Синай (Киев. 1872 г.), Путеводитель по Константинополю, Описание замечательных и св. мест, (с 11 рисунк. Изд. Иером. Антония. Одесса. 1884 г.), Путеводитель по Московским Святыням (со многими рисунк. Изд. Ф. Рычина, Москва. 1887 г.), и др. под.— В. Ив-ч не довольствовался общими описаниями обителей, св. мест, их святынь и достопамятностей; в его библиотеке есть несколько описаний отдельных памятников исторического и даже археологического характера. Таковы «Благовещенский собор в Москве» И. Снегирева (Москва, 1854 г.), «Исторические записки о Флоровских, что ныне Спасских, Кремлевских воротах, в Москве» (Москва, 1850 г.) и пр. т. под.

Ревностно преданный православию и его святыням, В. Ив-ч, однако, не был совершенно равнодушен к спорным вопросам православия с старообрядчеством, как это показывают многие, относящиеся сюда, сочинения обличительно-политического характера, находящиеся в его библиотеке: «Беседы к старообрядцам», «Обличение поморских ответов», «Опровержение русских раскольников», «Доказательство на перстное сложение», «О расколе и по поводу раскола», еписк. Виссариона (М. 1890 г.), и даже такое специальное издание, как «Описание некоторых сочинений, написанных раскольниками в пользу раскола». Записки Александра Б. (Изд. Кожанчикова. Спб. 1861 г.), и др.

Само собою понятно, что разностороннее изучение православной веры необходимо обращает читателя к изучению и отечественной истории. Вот почему В. Ив-ч должен был познакомиться и с гражданской историей отечества, хотя бы кратко, так как эта область ему, при его направлении, была побочною. В его библиотеке, между прочим, находилась «Российская история с 62 портретами великих Государей». Д. Д. Прохорского. (Изд. 2-е. Москва. 1823 г.). Это сжатое изложение истории России по княжениям и царствованиям, составленное по «историям» Татищева, Щербатова, Стриттера, Карамзина и Глинки и доведенное до царствования императора Александра I-го. Нельзя не заметить, что из всех русских государей пользовались особым расположением В. Ив-ча Екатерина II-я, Александр I-й и Александр II-й. В библиотеке В. Ив-ча, кроме сочинений, относящихся к царствованиям этих государей, имелись и портреты их, особенно примечательны портрет-медальон императрицы Екатерины II-й из кости и портрет императора Александра Николаевича, весьма хорошо написанный красками на картоне.

Настоящий краткий обзор библиотеки В. Ив. Макарухина показывает, как разносторонне ее состав и, при немногочисленности изданий, какую полноту образования обеспечивает библиотека своему обладателю. При этом ясно также, что библиотека представляет собой одно целое, строго целесообразное, вполне отвечающее общему настроению духа и коренно-

му, преобладающему стремлению В. Ив-ча к православно-духовному самообразованию. Неудивительно поэтому, что добрые свойства его души правильно и жизненно развивались в один высокий и крепкий характер, коему суждено было создать св. обитель и увенчать себя схимой. Значительная и лучшая часть библиотеки В. Ив-ча, по смерти его, передана его племянником Н. Ф. Мусатовым в библиотеку Богородичного монастыря.

Отличным дополнением библиотеки В. Ив. Макарухина служила собранная им и значительно содержательная коллекция снимков с художественных произведений и рисунков разного рода видов церквей, монастырей, замечательных святых и т. д., — фотографированных, литографированных, гравированных и пр. Между ними некоторые замечательны или по исполнению, или по давности и редкости¹⁸. Коллекция эта собрана постепенно: рисунки приобретались, едва ли не большею частию, при личном посещении монастырей. В. Ив-ч, посещая тот или другой монастырь, любил приобретать на память о нем описание его и изображение его храмов, общего вида или отдельных святых. В его собрании находятся виды всех более или менее известных монастырей русских. Кроме того, есть виды обителей болгарских и особенно афонских: рисунки этих обителей и т. п. приносились В. Ив-чу в дар разными лицами, знавшими его любовь к рисункам священных предметов и достопамятностей.

Как при обзоре библиотеки, так и при пересмотре сохранившейся коллекции рисунков, собранных В. Ив-чем, оказывается, что его интересовали предметы, главным образом, религиозные и священо-исторические. Примечательно, как любовь к этому делу, так и талант В. Ив-ча, при упражнении в деле рисования, сказались очень рано и уже в значительной степени. Об этом ясно говорят доселе сохранившиеся рисунки с собственноручной подписью его имени и фамилии. Таковы: а) Изображение Пресвятой Девы-Богородицы с подписью «Величит душа моя Господа», рисунок 1822 года. Пресвятая Дева в молитвенном настроении, со сложенными дланями на груди¹⁹. б) Изображение самоубийства Иуды-предателя с латинской подписью «Iudas Iscarioth», рисунок 1825 года. Предатель представлен в момент самоубийства; он надевает петлю на шею под деревом, справа рассыпаны серебряники. в) Изображение Распятия Иисуса Христа в момент смерти, с латинской подписью «Consummatum est!» (т. е. «совершилось!»), рисунок также 1825 года²⁰. Говоря об этих рисунках, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в келии Василия Ивановича остались и на видном месте именно и только эти три рисунка. Это — наглядные и неотразимые уроки высочайших добродетелей. Изображение Пречистой Девы-Богородицы есть высоко возвышеннейший образец молитвы и чистейшего целомудрия; смерть Господа Иисуса есть высочайший пример самоотверженной любви и, наконец, самоубийство Иуды есть образец глубочайшего падения, страш-

ной смерти и вечной погибели чрез страсть сребролюбия. Иначе говоря, это — величайшие и красноречивейшие уроки молитвы, самоотверженной любви и нестяжательности, т. е. трех добродетелей, основных в иноческой жизни. Несомненно в этих уроках находила опору и мысль В. Ив-ча об иночестве, в его строгом виде «общежития». Нося в душе эту мысль, понятно, он и сам отражал ее в своей жизни, будучи постоянным молитвенником, всю жизнь девственником, и, среди многочисленных сокровищ, иноком-бессребренником.

Коллекция изящных изображений священных предметов, очевидно, обнаруживающая склонность В. Ив-ча к подражанию западным художникам, не говорит, однако, о том, что он имел наибольшую склонность к иконописи итальянского стиля: в его келии сохранилось немало икон, и все они в чисто православном духе и по сюжетам, и по стилю иконографии. Между ними есть и сравнительно древние, по письму и окладам XVIII-го и даже XVII-го веков.

Любовь к православной святине в ее, так сказать, православной и вместе художественной обстановке воспитываемая и охраняемая в В. Ив-че, с одной стороны, чтением церковных и духовно-назидательных книг, с другой — посещением храмов и преимущественно монастырских, постоянно крепла с годами жизни. И, таким образом, при основной и столь укрепленной благочестивой настроенности его духа, становится вполне понятным главное дело его жизни, понятно, почему в его душе не только нашла место, но возросла, твердо-неизменно сохранилась и, несмотря на всяческие препятствия, энергично и столь блистательно осуществилась мысль — создать св. иноческую обитель в надлежащем для нее месте. Пред его взором были постоянно виды, а в душе мысли о возвышенной жизни святых обителей.

Занятый мыслью о построении св. обители и видя успешно осуществляющимся свое святое желание, В. Ив-ч, естественно, и сам всей душой стремился в устрояемый им монастырь и здесь — не только быть, но и жить помонастырски. И вот, 26-го августа, на день празднования св. иконы Владимирской Божией Матери, в 1879-м году, он окончательно переселился из Москвы в Тулу на постоянное пребывание здесь, в своем монастыре, а для сего выстроил себе деревянный двухэтажный, но очень небольшой бревенчатый флигель. Пребывая здесь, он уже вел чисто иноческое житие, по-видимому однообразное, но в духовном отношении богато содержательнее: и был, конечно, достойнейшим примером и для самых иноков своей обители, скрывая свое истинно иноческое настроение под светским одеянием и свою душу-молитвенницу за дверью своей келии, буквально по слову Господа Спасителя: «Ты же егда молишия, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолиси Отцу твоему иже в тайне: и Отец твой видяй в тайне, воз-

даст тебе явь» (Мф. гл. 6, ст. 6). Ежедневно, в 12-ть часов ночи, он, вместе с братией, ходил к утрени, которая в будние дни продолжается два с половиною часа и более, а под праздничные дни более трех с половиною часов. После того немного засыпал. В 9-ть часов утра ходил к поздней литургии, а затем, в свое время — к вечерне, и эти три службы посещал не опустительно до 1885 года. В этом году он исходатайствовал от архиепископа Никандра распоряжение — совершать раннюю обедню и для сего сделал особый вклад в 10 000 рублей, чтобы обязательно совершалась и литургия заупокойная — в поминовение его родителей и сродников. В этом году, именно с 1-го августа, началось совершение ранней литургии в 6-ть часов утра (как это и продолжается до настоящего времени). В то же время переменялось и время совершения утрени: вместо 12-ти часов ночи она стала совершаться с 3-х часов до полуночи. С того же времени и В. Ив-ч изнемог под бременем старчества, стал ходить в храм ежедневно только к ранней обедне и к вечерне. А все остальное время дня он неуклонно проводил за чтением священных книг — Евангелия, Книги Деяний Апостольских и Четиих Миней [6; 380], причем прочитывал и поучения в них на каждый день, по поводу жития святого. Чтения сменялись молитвой: он любил молиться уединенно, при тусклом свете лампы: стоя на молитве, он как будто не хотел замечать и самого себя... Он молился устно без «молитвенника», с земными поклонами и коленопреклонением,— что, конечно, обнаруживает искренность молитвы, доходящей до умиления, при котором душа молящегося непосредственно обращается к Богу и «молитвенник» становится излишним.

Постепенно приближаясь к последнему пределу своего жития, В. Ив-ч постепенно замечал и упадок телесных сил.

Так, в 1888-м году он настолько ослабел зрением, что уже не мог иметь высокого утешения — читать любимые книги, о чем сильно скорбел; впрочем, он настолько еще видел, что мог ходить в храм без провожатого. Вместе с тем, он стал часто жаловаться на боль в ногах; страдал от грыжи и геморроя, особенно при перемене погоды, когда он вынужден был уже лежать в кровати. Тем не менее, как скоро чувствовал хотя малейшее облегчение, то или дома молился, или шел в храм и так — ревностно, до самой смерти, которая последовала в 1890-м году.

При естественном ослаблении старческих сил, обыкновенно, чаще и чаще приходит на мысль помощь Господа Промыслителя, не оставляющего человека и тогда, когда оставляют его не только близкие люди, но и даже и свои силы. Крепко веровал в покров Господа, в помощь и защиту своего Ангела-Хранителя восьмидесятилетний старец, возросший в глубокой богобоязненности от детства своего. О такой преданности В. Ив-ча своему Ангелу-Хранителю наилучше засвидетельствовал следующий знаменательный с ним случай. За несколько дней до смерти с ним иногда делалось

головокружение. При одном таком случае старец находился в комнате один; его сожитель-племянник отошел обедать. Намереваясь перейти из одной комнаты в другую, он вдруг упал на пол всем телом, причем, однако, голова его не ударилась об пол, но как-то странно и вместе благополучно поместилась на ребре стула, сбитого на пол упавшим и как бы подложенного под его голову. Когда на стук, происшедший от падения, прибежал племянник и с испугом спросил, не разбился ли старец-дядя, то В. Ив-ч сказал ему с спокойствием верующего сердца: «Нет! — меня поддержал Ангел-Хранитель».

В 1890 году 21-го числа апреля, вечером, В. Ив-ч почувствовал головную боль и, вследствие этого, всю ночь почти провел без сна; утром 22-го числа, в субботу, он уже не решился идти к ранней обедне; с наступлением дня он пожелал пригласить доктора В. И. Смидовича [7; 380]. После визита доктора он пожелал приобщиться Св. Христовых Тайн; а потом, спустя час, по его желанию над ним было совершено таинство Елеосвящения [8; 381]. Все это время находясь в ясном сознании, В. Ив-ч твердо понимал, что наступает конец его жизни; но — какой жизни? — Вся его жизнь была, главным образом, делом во славу Божию: его мысль постоянно витала в храмах Божиих, в обителях православных иноков; наконец, последние дни и часы многолетней жизни его протекали в стенах им же созданного монастыря, где теперь его телесная сила иссякала в старческом слабом теле, как елей малой лампы в его келии, а вместе и свет очей его, непрестанно обращенных к святым иконам, угасал, как свет огня в священном светильнике, и это был истинно иноческий взор чистой души, уже бесповоротно отрешенной от мира. Но если иному иноку, при его звании и иноческом одеянии, недостает, однако, иночества; то В. Ив-чу, при его истинном иночестве, недоставало только имени инока и внешнего знамени иночества, доблестно воинствующего против зла и плоти. И вот, Гоподу-Промыслителю угодно было теперь внушить смиренному Василию принять ангельский образ действительно возвышенного и чистого жития: и он решается, наконец, принять иночество, в его полном виде. Через два часа по совершении елеосвящения над ним совершается чин пострижения, и он воспринимает схиму — священное знамя духовной битвы, заслуженное подвигом целой жизни и достойно венчающее эту доблестную жизнь, пред ее блаженной кончиной. С разрешения и благословения архиепископа Никандра, новопостриженному схимонаху дано имя Варсонофий в честь Варсонофия Великого²¹.

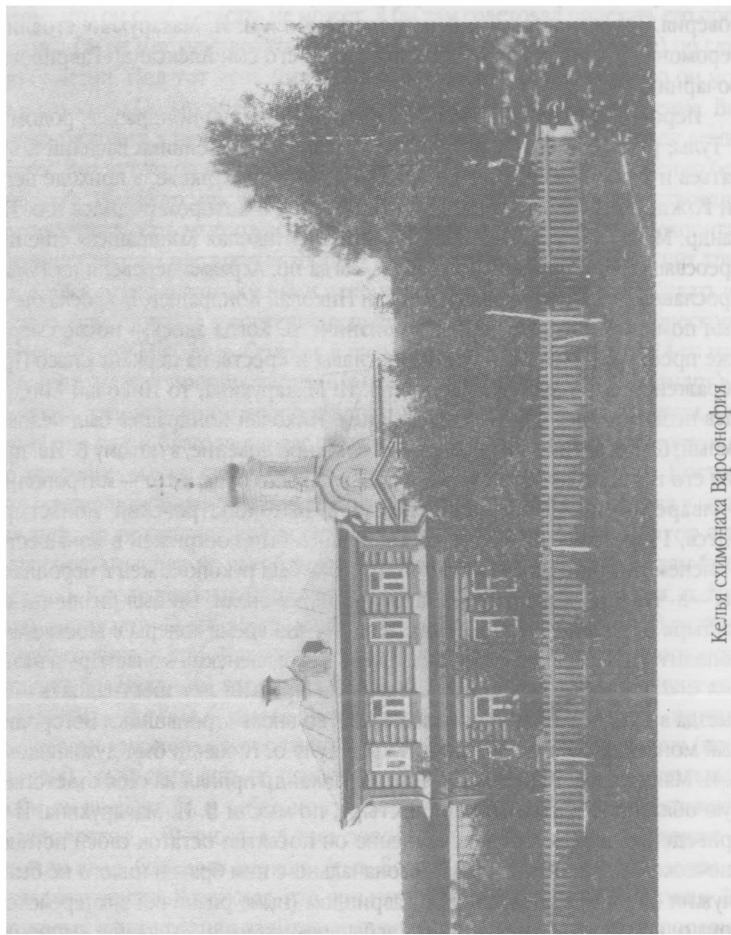
Пострижение иноческое и принятие схимы для Варсонофия было истинным погребением до кончины.... Теперь, всей душой оставив мир и всей душой обратившись к небу, схимонах Варсонофий ежедневно, после ранней литургии, приобщался Св. Христовых Тайн; после сего выпивал одну чашку чая с просфорой, остальное время всецело отдавался молитве:

постоянно творил на себе крестное знамение и тихо-тихо читал молитвы.... В таком состоянии души он был еще более подготовлен к исходу от сего мира знаменательным сновидением. 24-го числа, того же апреля, при легком сне, он видит, что ему прислал письмо преосвященный Алексий, бывший епископ Тульский (при котором возникло дело о построении монастыря), который писал, что «для него — Варсонофия — комнаты уже готовы», причем о Варсонофию были показаны эти «комнаты», очень большие и хорошо убранные, но самого преосвященного Алексия он не видал. Очнувшись от сна, о. Варсонофий передал содержание сновидения своему келейному сожителю: тот принял было это за проявление болезненного бреда. Но вечером того же дня о. Варсонофий вторично рассказал то же сновидение совершенно сознательно и с видимым предчувствием своей кончины.

В последние два дня жизни телесные силы о. Варсонофия уже совершенно ослабли; но умирающий, оставаясь в полном сознании, мужественно созерцал брэнность телесной природы и, вместе, чувствовал самостоятельность своего духа, не сродного брению плоти, парящего над его разрушающейся храминой и «возвращающагося к Богу, иже дади его» (Еккл. гл. 12: 7). 26-го апреля, в час тридцать минут ночи схимонах Варсонофий тихо и блаженно почил о Господе. На следующий день, 27-го апреля, после ранней литургии совершено было погребение почившего. Тело его положено в склепе под храмом Богородицы-Млекопитательницы, под алтарем северного его придела, посвященного имени св. Василия Блаженного, которому был тезоименит почивший по своему мирскому имени. И раннее время погребения — на другой день по кончине, и место вечного упокоения были предназначены самим о. Варсонофием еще задолго до смерти.

Так, на 85-м году своего течения, закончилась многотрудная, высокодостойная и Богом благословенная жизнь В. Ив. Макарухина. И всяк, ведущий все течение ее и таковую кончину, невольно признает — «блажени живущие и умирающие о Господе!»

Вся долголетняя и глубоко поучительная жизнь В. Ив. Макарухина определенно обрисовывается в главных и выпуклых чертах его личности. Хозяин и работник, купец и ремесленник, благотворитель и схимник, он был человек высокой благочестивой настроенности и непреклонно твердого направления воли; он умел не только победить в себе сильнейшую из страстей — сребролюбие и с ним соединенные искушения, но и воспользовался своим богатым состоянием, как могучим средством для совершенствования себя в добродетельной жизни, — на славу православного отечества и на утешение святой христианской церкви.

Келья схимонаха Варсонофия

III. Сотрудники

Такое обширное, сложное и ответственное дело, как построение и благоустройство монастыря, требовало и соответственно пригодных деятелей, душевно преданных делу, честных, опытных и достойных полного доверия. Таковыми были и непосредственно к В. И. Макарухину стояли — иеромонах Никандр, Гавриил Васильевич и его сын Александр Гаврилович Бочарниковы.

Иеромонах Никандр, в мире Николай Васильевич Кондрашев, родом из г. Тулы; родители его были тульские мещане — оружейники Василий Кондратьев и Фекла Дионисьева Кондрашевы, жили в Чулкове, в приходе церкви Рождества Христова, где имели свой дом, в котором родился и о. Никандр. Мысль поступить в монахи явилась у Николая Кондрашева еще при преосвященном Тульском Аврааме. И когда пр. Авраама перевели из Тулы в Ярославль, то с ним отправился туда и Николай Кондрашев. В Ярославле он был помощником архиерейского ризничего. Когда здесь, — после смерти уже преосвящ. Авраама, — золотили главы и кресты на церквях Спасо-Преображенского монастыря рабочие В. И. Макарухина, то Николай Кондрашев познакомился с В. И. Макарухиным. Николай Кондрашев был человек умный, благоговейный и внушал к себе полное доверие, а потому В. Ив. просил его переехать в Москву; затем просил своего отца, а тот — митрополита Филварета — поместить Кондрашева в Высокопетровский монастырь. Здесь, 15 февраля 1836 года, Н. Кондрашев был пострижен в монашество с именем Никандра, а 25 марта того же года был рукоположен в иеродиаконы — в Чудовом монастыре, а затем — в иеромонахи. Он был ризничим монастыря и прожил здесь восемнадцать лет. Во время холеры в Москве митрополит Филарет перевел о. Никандра в Богоявленский монастырь и назначил его братским духовником. Здесь он прожил лет шестнадцать — до выезда в Тулу, в 1864-м году в мае месяце, во вновь строившийся Богородичный монастырь. Все время до выезда в Тулу о. Никандр был духовником у В. И. Макарухина. Переезжая в Тулу, о. Никандр принял на себя ответственную обязанность строителя монастыря, по мысли В. И. Макарухина. И на приведение этой мысли в исполнение он посвятил остаток своей истинно иноческой жизни и энергии. Первоначально с ним братии никого не было, служил он один с послушником Гавриилом (ныне ризничий архиерейского дома о. иеромонах Геннадий). Затем был принят им о. Игнатий и выпрошен у преосвященного Никандра иеродиакон архиерейского дома Мартирий, который вскоре был посвящен в иеромонахи. Непрестанные заботы и настойчивый труд, однако, быстро разрушали здоровье о. Никандра, которым он, как видно, и не особенно был озабочен. Так, в том же 1864-м году, через четыре месяца по приезде в Тулу, о. Никандр уже испытывал сильное рас-

стройство здоровья. Мих. Мих. Струков, один из близко знакомых В. И. Макарухина и непосредственный участник в деле устройства монастыря в Щеглове, уведомляя В. И-ча об освящении церкви Богородицы-Млекопитательницы, в письме своем, от 9-го сентября сего года, между прочим, говорит: «И батюшка (о. Никандр) вас поздравляет. Он поручил мне написать вам, потому что он слаб и писать не может. Я бы вам советовал приехать его проведать... Он не мог участвовать в этой церемонии (освящения храма) по случаю болезни. Под тот день (освящения) ему было так хорошо, что он мог бы и служить. Он везде все осмотрел и все приготовил для освящения. Вы знаете, батюшка какого характера: чуть ему полегчит, ну он и пошел везде ходить. Вот тут-то он и простудился, опять слег и сделался совершенно без себя...» О. Никандр, после тяжелой болезни, которая воспрепятствовала ему присутствовать на торжестве освящения храма Богородицы-Млекопитательницы, уже не мог вполне хорошо оправиться и, при последующих трудах, а также соединенных с ними неприятностях, быстро стал ослабевать и, видимо, приближался к последнему пределу своего достойного иноческого жития. Тот же Мих. Мих. Струков в письме к В. И. Макарухину, от 14-го мая 1866 года, между прочим писал: «Поклон от вас батюшке (о. Никандру) я доставил, с пожеланием доброго здравия и облегчения в его болезни. Он был очень рад и благодарил вас за память вашу о нем. Теперь скажу вам о его здоровье: все он очень слаб и здоровье неудовлетворительно. Доктор хотя опасного не видит, но и надежды твердой не полагает. Сначала у него был тиф, но теперь прошел, и осталась одна только слабость. Доктор старается чрезвычайно; но какой будет дальше его успех, Бог знает. Я вам буду писать...» После сего известия через четыре дня, именно 18-го мая, о. Никандр скончался. О его кончине Мих. Мих. Струков, в письме от 28-го того же мая, сообщает В. И. Макарухину следующее: «Честь имею уведомить, что батюшка (о. Никандр) скончался 18 числа в 2 ³/₄ пополудни. Кончина его была тихая, и все был в памяти. Заметно, что он не полагал умереть, потому и не сделал никакого распоряжения, а только сказал Ивану Кузьмичу (племяннику), что у него есть на похороны деньги — 300 руб. сер., а остальные чтобы он получил (т. е. себе); но сколько будет сверх этой суммы оставаться, неизвестно... 19 числа, в 4 часа пополудни, мы собрались к батюшке и вынесли его в большую церковь (т. е. Богородицы-Млекопитательницы, а малая, разумеется, Успенская, что при настоятельской келии). В пятницу 20 чис. целый день служили панихиды приходящие из города и, по распоряжению владыки, диаконы из города поочередно читали Евангелие над покойным. Похоронили его в субботу; отпевал сам преосвященный и четыре иеромонаха; все это очень торжественно. Народу было много; нищей братьи 500 человек,— всех оделили. А могила его под средним алтарем,— под самым престолом Царицы Небесной Млекопитательницы. Места лучше это-

го мы с Николаем Никитичем (Добрыниным) не нашли; и пресвященный позавидовал и сказал: «Я бы и себе лучше этого места не желал». Около батюшки, по бокам остались места на две могилы; в голове и ногах (т. е. могилы о. Никандра) пришились две стены бута; по бокам выложили кирпичом; свели свод, потом сверху другой свод и хотим выложить гробницу (т. е. над могилой) из белого камня в аршин вышины, а сверху — отлить чугунную доску и поставить икону — его «благословение», и чтобы теплилась лампада. А как вы пишете похоронить его в нижней церкви, которая в нижнем этаже (той же церкви Богородицы-Млекопитательницы), в правом приделе, то мы этого не знали; лучше этого места не нашли. Место батюшки заступил Мартирий; да кроме него-то и некому. Владыка ему приказал служить все сорок дней обедню и после панихиду; а лития чтобы была на могиле, т. е. над прахом покойного... Покойный (о. Никандр) был очень заботлив; у него осталось всего много: муки, круп, дров на целый год, кажется, заготовлено и прочего всего много. Послушников мы пока до времени всех оставили: Бог с ними, пусть они молятся за батюшку. Впрочем, владыка ищет хорошего настоятеля: ему хочется, чтобы был хороший порядок»...²² Но не пришлось скоро найти столь же достойного настоятеля, как приснопамятный отец Никандр, и нельзя было завести столь же «хороший порядок», какой был при нем.

Вторым вполне доверенным, непосредственным и столь же энергичным исполнителем планов В. И. Макарухина был Гавриил Васильевич Бочарников, на которого было возложено главным образом ведение всего хозяйства при устройении стен, жилых зданий и церковей вновь создаваемой обители. Жизнь и личный характер этого человека, с разных сторон, заслуживают особого внимания: на его личную судьбу Промысел Божий наложил свою особую печать.

Гавриил Васильевич Бочарников, по происхождению тульский мещанин, родился в 1804 году 30-го марта, и родился сиротой, когда умер его отец, оставив мать беременною. Само появление его на свет, по семейному преданию, сопровождалось скрежетом и плачем... Крайняя нужда его матери заставляла желать скорейшей его смерти, но ребенок крепкого сложения — возрастал от силы в силу. С первых дней своей жизни он стал под тяжелый гнет нищеты, в прямом и точном смысле сего слова: с сумой и протянутой рукой он собирал подаяния для насущного пропитания, и так до 8 лет. Но, при силе и врожденной энергии, он, однако, нашел себе подходящее занятие. Когда наступил 1812-й год — девятый год жизни Гавриила Бочарникова, он начал зарабатывать небольшие деньги для насущного пропитания фигиальным ремеслом, — он выделывал шапки особого фасона для тогдашних ополченцев: шапки были высокие и твердые, а для твердости их требовалась обмазка особо приготовленной глиной. Этим Бочарни-

ков и занимался до 12-летнего возраста. Усердием в этом деле он обратил на себя внимание тульских купцов Сазыкиных, которые и взяли его к себе для приучения к торговому делу; здесь, в качестве ученика, он пробыл до 24-летнего возраста. А потом, в 1828 году 8-го сентября, он поступил к тем же Сазыкиным на завод уже по контракту в качестве бухгалтера и с жалованием в 500 руб. в год. В 1832 году 10-го октября он отошел от Сазыкиных с аттестатом, удостоверявшим, что Г. Бочарников «во все время в их торговом доме и на заводе торг производил честно, в хозяйственном капитале и прибыльной сумме никакой утайки никогда не делал и, при отпуске, находящийся у него на руках товар и наличную денежную сумму сдал в целости». В это время он женился. От сего брака родился у него в 1833 году сын Александр — будущий архитектор. В том же 1833-м году Гавр. Бочарников поступил к тульскому оружейнику Павл. Мих. Минаеву на завод по производству жестяных и железных вещей, в качестве приказчика, на которого, однако, возложено было «главное распоряжение по химическому отделению и под наблюдением которого находились машины, посредством коих вырабатывались металлические вещи для русской армии, а также — расчет рабочих и заведование конторой. Плата за это — 500 р. в год, кроме значительных подарков». В феврале месяце 1835 года он отошел от Минаева, заручившись также аттестатом «в безупречной честности». С 20-го октября 1834 года и до 20 июля 1837 года он снова служил на заводе купцов Сазыкиных за 500 р. в год по контракту. С 1840-го года, более пяти лет, Г. Бочарников прожил в Оренбургской губ., Мензелинском уезде, при Батрасовском поташном [9; 381] заводе купца Фирсова в должности приказчика, причем в его распоряжении находилось много построек: церкви, дома, заводы, кроме того — закупка разного товара и продажи поташа, меда, воска, соли, кожи и разного хлеба, а также — распашка земли, покосы, рыбная ловля, мукомольные мельницы, пчеловодство, устройство разных машин для химических произведений, заведование конторой, торговля чаем, сахаром, разными металлическими вещами и лесными изделиями. Вся сумма оборотного капитала была под его наблюдением. Он неоднократно бывал в Нижегородской, Ирбитской и прочих ярмарках для сбыта и покупки товаров. Доверенные ему поручения исполнял всегда исправно и с пользой. Наконец, сдав вверенные ему заводы, товары, материалы, машины и деньги хозяина в точности, он в 1845 году в мае получил расчет и переселился в Тулу. У Фирсова он получал жалованья 1500 р., кроме значительных подарков.

По возвращении в Тулу Бочарников поселился в доме жены, на Остроженской улице [ныне — Жуковского], и занялся самостоятельной торговлей — бакалейным товаром на Петровской улице [ныне — Ф. Энгельса].

Отчасти скитальческая, отчасти страстно-бурная жизнь Г. Бочарникова лишала его душевного спокойствия; но вот постепенно она начинает сти-

хоть: он чувствует душевное утомление, ищет душевного покоя и решается посетить св. места. В 1853-м году, находясь в Киево-Печерской лавре, он 8-го августа исповедался и приобщился в церкви дальних пещер. В том же году он с младшим сыном Василием (впоследствии монах Венедикт) посетил Троице-Сергиеву лавру, Оптинскую и Белобережскую пустыни.

Но Г. Бочарникова, обратившего душу к Богу, ожидало серьезное дело. В 1859 году началось ходатайство об устроении в Туле Щегловского монастыря. В. Ив. Макарухин, зная через иеромонаха Никандра Гавр. В-ча как человека предприимчивого, честного, распорядительного и весьма опытного, пригласил его для хозяйственных распоряжений по постройке монастырских стен, двух корпусов и главного храма. И для сего дела вверил ему большую сумму денег. Гавр. В-ч, поручив своему сыну Александру, архитектору, дипломированному Императорской академией художеств, составление и выполнение проектов, планов и фасадов монастырских зданий, сам занимался наблюдением собственно хозяйственной стороны сооружений и в таком отношении к делу оставался до окончания оногo.

Но, с окончанием устройства монастырских зданий, мысль о монастыре не оставляла Бочарникова: она внедрилась в его душе и овладела ею. Гавр. В. задумал идти в монахи, хотя жива была еще его жена. Желание это, по настоянию его жены, не осуществилось при ее жизни; тем не менее, мысль о монашестве не только не оставляла его, но и крепла в нем: не будучи монахом, он приобрел, надел на себя и постоянно носил железные вериги, для умерщвления плоти. Когда он снимал свою рубаху из грубой посконной ткани для стирки (что, впрочем, делалось весьма редко), то на ней были заметны следы ржавчины и крови; а при хождении его иной раз можно было слышать легкое бряцанье цепей. Вскоре, именно 1-го марта 1865 года умерла жена Г. В-ча; тогда он свободнее мог исполнить свое желание — принять монашество. В том же 1865 году летом, оставив дом и детей, он отправился на Афонскую гору [10; 381], «желая остаться там на всегдашнее жительство». Но в октябре того же года, простившись со Святой Горой, он отправился на Синай и в Иерусалим. А в конце декабря он пишет своим детям из Иерусалима о своем счастливом возвращении из Синая, передает свой восторг при созерцании святых мест и «не может выразить своей радости, когда он — великий грешник — удостоился быть у Гроба Господня и лобызать места, где страдал и воскрес Спаситель». В Палестине, за это время, он, между прочим, пережил страшное бедствие — голод от саранчи. «Все поела саранча,— говорит Гавр. В-ч,— и народу умерло много, везде ужас, а меня, грешного, Бог хранил между гибелью и страхом — людским и морским; и кое-где был без хлеба,— купить нечего: за десять копеек один рубль серебром давали, и то нет...» От 27 апреля 1866 года в письме к сыну Александру из Иерусалима Г. В-ч пишет, что он «очень скучает и душевно

плачет от скуки в таком далеком краю» и выражает твердое намерение возвратиться на родину, куда и не замедлил явиться. И вот, проездом, находясь на Афоне, он постригся в монахи с именем Германа; а 23 мая 1867-го года он прибыл в Брянскую [11; 381] Оптину пустынь к своему сыну, монаху Венедикту (пострижен 16-го декабря 1867 года). А потом приехал в Тулу. Затем, продавши здесь свой дом сыну Александру, о. Герман в 1868 году отправился в Орловскую [12; 381] Белобережскую пустынь, не решившись, пока, на окончательный выбор местопребывания, и посему писал тогда своему сыну Александру: «Я все-таки колеблюсь, и меня влечет больше Афон — мирное пристанище для душевного спокойствия. Я, грешный человек, привык к невоздержанности, это тебе известно: ты был судья. А все-таки вам желаю Господа помнить и Его повеление... и закон хранить в чистоте».

Видимо, о. Германа тяготило воспоминание о худо проведенной прежде, молодой жизни. Оставив семью, вследствие некоторых неприятностей с детьми, из-за дома, о. Герман грустил, однако, о том сильно. От 13-го августа 1868 года он пишет сыну Александру: «Верно более я с вами едва ли буду видеться, хотя и близко, и можно бы видеться, только, кажется, никому я не нужен. Остаюсь при старости и при болезни до гроба в послушании Матери Божией. Верно, Она мне бездетному — кормилица и покровительница грешному». Трудовая монастырская жизнь тяготила о. Германа. В письме к сыну от 17-го октября 1868 года он, между прочим, говорит: «Господь от рождения питал меня сумой и теперь, при старости, при слабом здоровье, служу братии, надеясь на Господа и Мать Божию. Что делать? тяжело мне бездетному (?) докончить жизнь за грехи мои». Еще более сильно и решительно высказывается это в письме от 25 апреля 1869 года к сыну. Он говорит: «Благодарю за память меня изгнанника, за то, что при старости моей и дряхлом здоровье, и в сильном подчинении, и в рабстве не забыли меня поздравить (с праздником Св. Пасхи). Хотя вся тварь веселится, а я, грешный, терзаюсь и не знаю, что будет со мной: верно я с вами на веки расстаюсь, потому что не могу терпеть — быть в таком унижении; что делать? грехов моих ради, большую ошибку сделал: не мог в своем доме жить с своим семейством; враг моего спасения разрушил все мое положение, избрав таких людей для меня бичом, и опять благодарю Господа, что я, ничтожный, с детства был нищий и теперь пойду, уже при старости лет, питаться от руки благодетельствующих добрых людей. Для меня тоже удар, что лишился я друга моего Анны Ивановны (жены). Я против нее ничем не виноват, а ее болезнь довела меня до такой степени; она мне никогда не говорила и уклонялась от меня, не знаю, по какой причине: по внушению прочих людей или врага нашего союза, — это все будет Господу известно: все предстанем одному судье — ничего не утаится. Еще скучаю по Венедикту, что он очень нездоров. Я ему послал на днях письмо и десять рублей. Что делать? крутом скор-

би, все нам испытание. Надо Господа помнить и не забывать. Он может возвысить и унижить. Воспитывай детей в страхе Божьем, а не в танцах или каких безумных науках. Смотри, за все Бог взыщет. Смотри на мою участь грешного отца: на шестьдесят третьем году что мне суждено испытать и питаться нищенски... Прощай. Остаюсь грешный Герман».

Вскоре умер болезненный сын о. Германа — монах Венедикт. Глубоко огорченный этой потерей, старец Герман снова отправляется на Афон. От 17-го июля 1869 года он пишет сыну Александру из Одессы: «Я выехал из обители Белобережской в св. град Иерусалим и св. Афонскую гору для поклонения св. местам и буде останусь там совсем — и слава Богу!»... От — октября 1869 года он пишет уже с Афона, что здоровье его не позволяет ему ехать в это время по морю, что он остался на Афоне до весны, а «затем,— говорит он,— может и дни мои прекратятся; желал бы грешный лучше умереть, нежели волочиться. Я очень скучаю об вас, что делать? потерплю. И так — остался дряхлый отец твой грешный монах Герман». Имея намерение возвратиться в отечество, о. Герман начинает сближаться душевно с сыном Александром и его семьей, как это видно из письма его с Афона в 1870-м году. Наконец, он снова возвращается в Россию в этом году, заезжает в Тулу навестить сына, а потом уже, и на сей раз уже окончательно, отрешается от мира, поселяется в Белобережской пустыни, с намерением здесь постричься в монахи. Подвиги монастырского послушания, однако, уже тяжелы для него и расстраивают все его силы. В письме к сыну от 27 декабря 1870 года о. Герман говорит: «Я был болен дней десять; даже с койки меня поднимали и поворотиться нельзя было: больше, стреляние в спине было. Причина этому — простуда. Печки топил и дрова носил, и снег чистил. Вспотевши, поехал по воду на речку, там постоял и простудился... теперь, слава Богу! хожу в церковь». Но вот Гавр. Вас-ч, постриженный на Афонской горе, 13-го марта 1871 года, вторично пострижен в Белобережской пустыни с облачением в мантию и с оставлением имени Германа. Это пострижение совершилось в так называемую «субботу Похвалы Пр. Богородицы», совершено в соборе, самим игуменом, при всей братии обители Белобережской.

Новопостриженный о. Герман недолго оставался в приютившей его обители. 4-го апреля 1877 года он подает прошение преосвященному тульскому Никандру о принятии его в число братства «в знакомый ему Щегловский Богородичный монастырь», но при этом предваряет сына письмом, чтобы и он сам получше обдумал переход отца в Тулу и чтобы лично подал прошение преосвященному. На это сын отвечал от 13 января: «Я вчерашний день, то есть 12-го числа сего января, в 7 часов вечера, был у владыки и подал ему вашу бумагу (прошение), которую он принял с величайшим удовольствием,— был чрезвычайно доволен вами, что вы поторопились присылкою, а то он несколько раз говорил об этом о. эконому Иоанну, который очень рад

и благодарен вам за поспешность. Он, т. е. эконоом и слышать не хочет, чтобы откладывать это дело до весны. Вероятно, угодно было самому Промыслу Божию так устроить. Владыка сегодня же сделал распоряжение о перемещении вас из Орловской епархии в Тульскую. Вероятно, на днях будет послана бумага в Орловскую консисторию. Эконом о. Иоанн хлопоты об этом деле принял с охотой и усердием на себя. Прошу вас от себя быть во всем спокойным и возложить устройство этого дела на волю Божию. Наш поклон отцу игумену и Сильвестру с Иосифом. Передайте им, что перемещение ваше в Тульскую епархию последовало согласно моему желанию. Желание сына — долг священный (исполнить?). Они сердиться на вас не должны. Прощайте, дорогой! — Владыка мне сказал, что вас в Туле ожидает сан иеромонаха, ради общих ваших благ». Однако, и после сего Герман сильно колебался и уступил только энергичному настоянию о. эконома Иоанна — подал прошение в Орловскую консисторию о своем перемещении и был перемещен. По приезде в Тулу, вскоре, 12-го мая того же 1877 года, он был посвящен в иеродиаконы архиепископом Никандром, а 3-го июля 1877 года — в иеромонахи, в Щегловском монастыре. Свершившееся таинство над старцем Германом глубоко волновало его старческую душу чувством святого умиления видимо для всех, при том присутствовавших и близких ему людей. И с этого времени особенно заметна была решительная перемена в душе о. Германа: прежнее упорство и раздражительность, не терпевшие сопротивления, сменились послушанием и глубоким смирением. Это очень резко обнаружилось в следующем случае. Вскоре после рукоположения, о. иеромонаху Герману пришлось быть у своего сына А. Г. Бочарникова. Все дети подошли к дедушке принять благословение, а старший внук Н-й, по юношеской заносчивости, не желал принять благословение, просто по-светски протянул руку; а когда старец-иеромонах хотел осенить его благословением, то внук, отдернув свою руку, сказал: «Мне этого не нужно». Семидесятитрехлетний старец, прежде не терпевший никакого противления и послушания, был смущен и возмущен настоящей дерзкой выходкой внука, но крепко сдержал себя и, к общему изумлению, повергся перед юношей на землю и, касаясь челом лица земли, сказал: «Ну, простите же меня, грешного!» Такое, столь неожиданное и неподдельное смирение глубокого старца поразило легкомысленного юношу и на всю жизнь послужило ему решительным уроком благонравия.

Теперь, под воздействием благодати священничества, иеромонах Герман быстро созрел духом, но уже и быстро приближался к своей кончине. Осенью 1879 года он уже почувствовал признаки серьезного заболевания; у него открылся рак в пищеводе и желудке, а к концу года болезнь приняла широкие размеры: вся принимаемая пища выходила тотчас же рвотою назад; вследствие этого он быстро слабел и худел. Видя неизбежный и скоро наступающий конец жизни, о. Герман вознамерился принять схиму [13; 381],

и 6-го января 1880 года он был облачен во власяницу и посвящен в скиму с именем Иеронима. После сего он питался уже одной просфорой и каждый день приобщался; но Святое Причастие, по свойству болезни, выходило обратно, и послушник его Лаврентий (ныне иеромонах) обязан был, по церковному и монастырскому уставу, относить изверженное в речку. 4-го февраля 1880 года, в три часа пополудни, он ощутил уже наступление смерти: позвал духовника и просил его читать отходную молитву. Зажгли свечи, и едва была дочитана отходная, он тихо почил, с сознанием и выразил желание быть погребенным близ церкви Богородицы-Млекопитательницы, против правого придела. Это желание почившего было исполнено не так точно, но — к большей его почести. Живший уже в то время в своей обители, создатель ее, В. И. Макарухин пожелал, чтобы новопреставленный иеромонах Иероним, за его заслуги обители, был похоронен под самым храмом, в склепе, под сводом правого придела,— здесь вместе с другими сотрудниками В. И. Макарухина. Архиепископ Никандр с удовольствием разрешил исполнить это сердечное желание приснопамятного старца. А сын — архитектор А. Г. Бочарников — устроил надлежащее надгробие с чугунной доской. Так Господь призывает ко спасению людей, желающих работать Ему.

Третьим сотрудником в деле построения Щегловского монастыря, именем архитектором был сын Гавриила Бочарникова, Александр Гаврилович. И эта личность достопамятна и заслуживает особого слова.

Александр Бочарников не получил достаточного школьного образования. Будучи шестнадцати лет, он поступил в Туле к некоему г. Волосатову в чертежники; жил у него бесплатно, в качестве ученика; но вскоре зарекомендовал себя и стал получать жалованье в размере десяти рублей в месяц. В 1856 году 7 января, на 23-м году своей жизни, Алекс. Г. Бочарников женился на Марии П. Троицкой, с благословения своего отца, в доме которого и проживал. К этому времени он получал у Волосатова уже 16-ть рублей в месяц, притом состоял уже помощником городского архитектора, и в таком звании пользовался некоторыми доходами. Приобретя здесь значительное знание по архитектуре, А. Бочарников задумал выступить на свою самостоятельную дорогу. По инициативе знавших и любивших его — академика архитектуры Дмитриева и губернского архитектора Ф. В. Громова, он приступил к выработке проекта для представления в Императорскую академию художеств для получения звания архитектора. Труд этот занял у него времени около года, так как он работал в то же время и у Волосатова. К началу 1859 года был готов для представления выработанный им проект «частного дома для доходов в губернском городе» — в плане, разрезе и фасаде. Проект этот был удостоверен архитекторами Дмитриевым и Громовым в том, что он выработан А. Бочарниковым без посторонней помощи, и в таком виде был представлен им в Академию художеств в С.-Петербург лично, в 1859 году,

куда он отправился вместе с отцом Гавр. Вас. Рассмотрев проект А. Бочарникова, академия выдала ему аттестат, по которому «он, во внимание к хорошим понятиям его в архитектуре и строительном искусстве, академическим советом 24-го февраля 1859 года удостоен звания неклассного художника, в котором и утвержден публичным советом академии, 10 числа мая того же года бывшим, с правом производить строения и, по силе Всемилоостивейше дарованной академии привилегии, пользоваться с потомством его вечной и совершенной свободой и вольностью и вступить в службу, в какую сам, как свободный художник, пожелает». Аттестат выдан июля 5-го дня 1859 года, за № 987-м.

Получив, таким образом, право, Александр Бочарников занялся уже самостоятельной деятельностью, — сначала исполнением небольших работ по постройке частных домов, потом построил часовню на Всехсвятском кладбище в г. Туле, над склепом Ждановских, по просьбе г. управляющего Казенной палатой Ждановского. Работы Бочарникова постепенно обращали на него большее и большее внимание, так что впоследствии он был назначен архитектором Тульской епархии. Когда возникло дело о построении монастыря в Щеглове, то В. И. Макарухин, по совету иеромонаха Никандра, для хозяйственных распоряжений по постройке пригласил Гавриила В. Бочарникова; а он поручил своему сыну, архитектору Александру, составление проектов всех монастырских построек. Тщательно составленные им проекты одобрены Тульской строительной и дорожной комиссией, утверждены епархиальным начальством и приведены в исполнение. Дальнейшая практика А. Бочарникова по сооружению храмов Божиих обратила на себя особенное внимание епархиального начальства, которое снискало молодому архитектору «благословение Св. Синода — за постройку церквей и других зданий духовного ведомства», — декабря 12-го дня 1881 г. А в 1855 году «за отличное усердие и особые труды» архитектор А. Бочарников пожалован был орденом Св. Станислава 3-й степени. Ал. Гавр. Бочарникову принадлежит частью реставрация и ремонт, частью построение очень многих храмов Тульской епархии.

От природы живой и энергичный, Ал. Гавр. обещал долгую деятельную жизнь; но смерть подкралась к нему неожиданно: 13-го марта 1886 года, в 10½ часов вечера, он скончался, почти внезапно. Возвратившись с поминок Ив. Ив. Ломова, своего доброго и давнего знакомого, он почувствовал боль в груди. Немедленно приглашенные доктора Базинер и Смидович застали его уже в предсмертной агонии. По вскрытии тела умершего (на третьи сутки) обнаружен отек легких. Не получив никакого наследства от отца, кроме сильной воли и практического благоразумия, Ал. Гавр. личным трудом поддерживал существование довольно большого семейства; а потому и не имел сбережений «на черный день». Его похоронили на средства его благодетелей: преосвященного Никандра, В. И. Макарухина, купцов Трухина и

Ломова и др. Эконом архиерейского дома и вместе настоятель Щегловского монастыря о. архимандрит Иоанн выразил желание похоронить Ал. Гавр. при этом монастыре, как его архитектора-строителя, на что исходатайствовал надлежащее позволение со стороны В. И. Макарухина и разрешение от преосвященного Никандра. Достопочтенный о. архимандрит Иоанн приехал в Щеглово, явился к В. И. Макарухину и, поклонившись ему до земли, воскликнул: «Позвольте брата моего Александра Гавриловича похоронить здесь». Ужаснулся незабвенный старец неожиданной весте и сию же минуту выразил свое полное согласие на просьбу о. архимандрита. В. Ив., всегда признательный к своим сотрудникам, несмотря на свою глубокопоклонную старость, сам пошел указать надлежащее место для могилы и сего новопредставленного сотрудника своего. Место это указано близ алтаря южного придела храма Богородицы-Млекопитательницы, против того склепа, в котором могила и отца его — Гавриила Васильевича Бочарникова (иеросхимонаха Иеронима). Погребение совершено 16-го марта 1886 года.

Так окончилась жизнь этого энергичного деятеля, который, вышед из мещанской семьи, личной энергией достиг почтенного общественного звания и значительных прав и, умирая, оставил о себе добрую память. Хорошо его знавшие уважали его за многие черты его личного характера. Это был человек приветливый, ласковый, добрый, услужливый, расторопный, почти постоянно благодушный и весьма подвижный²³.

Все эти простые, но умные и энергичные, чисто русские люди — иеромонах Никандр, Гавриил Васильевич и Александр Гаврилович Бочарниковы, отлично отвечали заветным намерениям В. И. Макарухина; это были простые, но крепкие и истинно трудовые руки, существенно необходимые для такого многосложного и чрезвычайно хлопотливого дела, как создание целого монастыря. Все они, вместе со своим первоначальником В. И. Макарухиным, похоронены в стенах ими созданной св. обители и останутся в ней навсегда истинно достопамятными.

IV. Основание обители

Аще не Господь созиждет дом,
Всуде трудящихся зиждущи:
Аще не Господь сохранит град,
Всуде бде стрегий.

Псал. 126, ст. 1

Настойчивым и честным трудом составив значительное состояние и, при этом, ведя строго скромный образ жизни, В. И. Макарухин, естественно пришел к мысли — назначить или определить свое состояние на одно до-

брое и богоугодное дело, которое бы благословил Господь как истинную жертву благоговейного раба своего. Но — какое же дело? По обычаю древнерусскому Вас. Ив. нашел себе советника в лице своего тайного духовника старца иеромонаха Никандра. Однажды, полный святых дум о высоком деле благотворительности, В. Ив-ч приходит к о. Никандру и со всем детским простосердечием открывает ему, что имеет большое состояние и желал бы употребить оное на истинно доброе и не малое дело. Старец сердечно отнесся к этому заявлению боголюбивого простеца и повел с ним беседу об основании св. обители там, где ее не существует, но где она была, именно в Туле. Сюда направлена была мысль о. Никандра потому, что он по происхождению был туляк и знал о желании тульских граждан восстановить упраздненный в Туле Предтечев монастырь. Любя свой родной город Тулу, о. Никандр усердно и убедительно ходатайствовал пред В. Ив-чем о том, чтобы в Туле устроилась св. обитель иночествующих. Беседа его по сему предмету с В. Ив-чем закончилась полным успехом: В. Ив-ч дал на то свое полное согласие перед Боголюбской иконой Пр. Богородицы, пред которой они вдвоем беседовали о построении монастыря. Царица Небесная была, так сказать, единственной посредницей между ними. И вот почему сия икона Богородицы составляет заветную святыню Тульской Щегловской обители. Она помещается в храме Богородицы-Млекопитательницы, на левом северном столбе.

Решено было, не откладывая на отдаленное будущее исполнение задуманного дела, приступить к переговорам по сему делу с тульским епархиальным начальством, но так, чтобы «имя Макарухина было, по возможности, не открыто людям», как говорил сам Вас. Ив-ч. Посему посредство в ходатайстве перед начальством принял на себя о. Никандр и вошел в переписку с преосвящ. Алексием еп. тульским. Как велись эти заочные переговоры, мы отчасти узнаем из сохранившихся писем пр. Алексия к о. Никандру. Так, в 1859-м году, от 25 мая, пр. Алексий писал:

Неведомый, но многоуважаемый отец Никандр!

Желаю и я того, чего вы желаете; но жалею, что переговоры наши идут через постороннее посредство. Лучше вы мне напишите, обстоятельно напишите обо всем, а то может статься, что от вас мне передадут речи не вполне, или от меня вам неясно. Место для строения удобное есть; материалов и мастеров найти недолго; по мере суммы можно назначить меру строения. Но вот в чем теперь сомнение: так ли начинать дело, чтобы, испросив благословение Св. Синода, строить собственно уже монастырь; или просто строить при загородном архиерейском доме церковь и домики с оградой, в надежде со временем испросить от Св. Синода благословение учредить здесь монастырь, с наименованием по главному приделу церкви. Испраши-

вать теперь разрешение от Св. Синода на строение монастыря не так легко, пойдут формальности и потребуют обеспечения. От требований обеспечения избавиться можно разве таким оборотом, чтобы испрашивать утверждения в степени монастыря архиерейской Николочасовенской церкви, а предполагаемое строение при архиерейском загородном доме наименовать отделением монастыря Николочасовенского, с надеждой, что когда устроится, получить особую самостоятельность при благоприятных обстоятельствах. А если просто строить теперь же церковь при загородном архиерейском доме, то можно начинать когда угодно, не теряя времени в переписке с высшим начальством, так как и земля своя, и деньги не от начальства, и учреждение не новое, а церковь с жилищами для служащих при архиерее братьев. Будущее в руке Божией, и сим мы должны успокоиться в своих предприятиях, делая по возможности настоящее. Гавриил Васильевич Бочарников сказывал, что им получено уже и суммы до 5 тысяч. Не желаю обременять вас любопытством, но полагаю не излишне было бы мне от вас, а не через посредство, узнать имя благодетеля, столь щедрого и Боголюбивого. Во всяком случае я желаю и место окончательно избрать для строения, и впервые на нем призвать имя Господа, молебствием по чину церковному, не без вас, но при вашей личности.

Поручаю вас благодати Божией, а себя молитвам вашим.

Алексий, еп. тульский.

Мая 25 дня, 1859.

Несмотря на таковое мнение преосвященного Алексия и внушение его—только «сим успокоиться», Вас. Ив-ч не успокоился сим, а энергично вел дело дальше; щедро пересылал деньги в Тулу через Бочарникова и настаивал на изготовлении необходимых материалов для постройки именно особого монастыря. Поступательный ход дела достаточно открывается из другого письма преосвященного Алексия, от 17-го ноября 1859 года. Владыка пишет:

Преподобнейший Отец Никандр!

Сказано в писании: аще приступаеши работати Господеви: уготови душу твою во искушение. Вот и в нашем деле, начинаемом для славы имени Божия и спасения братьев под кровом будущей обители, на первом шагу небольшое искушение для души. Секретно вам пишу, посоветуйтесь с благодетелем нашим и посоветуйте мне, как быть. Слышу я разговоры тульских людей, что архиерей не займется со своей стороны постройкой и не приставит кого-нибудь к работам от себя, а все доверено одному Гаврииле Васильевичу. Оно и правда, что по сие время я, как и прочие, вижу только завод и каменные материалы, а ничего не знаю, что как делается. Я ничего и не требовал от Гавриила Васильевича, зная, что он человек опытный, знаток, старатель, и, по моему убеждению, достоверный. Через мои руки

он денег не получал; а, говорит, расходует 5 тыс. и 3 тыс. рублей серебром, полученные им в два раза бытности в Москве, прямо из рук ваших или благодетеля нашего. Как же мне и требовать хотя каких-либо счетов и отчет? Можно человека тем и оскорбить. Теперь из привезенных им, а мною еще и не распечатанных денег, просит он выдать ему еще 2 тысячи сер., говоря, что прежние 8 тыс. все израсходованы. Думаю, по своему доверию к нему, дать безотчетно, чтобы притом не оскорбить его, и делу не повредить. Но боюсь и вас, и благодетеля, которые положились на меня совершенно, и через доверие возложили на меня святую обязанность, тщиться, чтобы все шло, как можно, добрым порядком. Особенно с заботой думаю о том, так ли же безотчетно выдавать буду ваши тысячи и по прошествии зимы. Для меня это и проще бы, и легче, да хорошо ли это будет, да и вам понравится ли такая безотчетность в десятках тысяч, отдаваемых Богу через мои руки? Думаю, не изыскать ли мне другого, также достоверного человека, и дать в товарищи Гавриилу Васильевичу, что было бы и для других посторонних благовидно. Но не знаю, не оскорбится ли он, не скажет ли: вот одному мне не верят, дали товарища, о котором я не просил и в котором нужды не имею, только помеха. Не знаю, и вам угодно ли будет, чтобы к доверенному еще доверенный пришел в товарищи. Я не готов верить пустым речам и насмешкам, что Бочарников и свой домик в Туле к зиме поправляет; но все вам откровенно изъясняю, и под крепким секретом, вашего доброго совета ожидаю. И то скажу, что ежели как-нибудь он оскорбится, и, пожалуй, отступится, то без него мудренее будет строить, чем с ним. Ум хорошо, а два лучше. Прошу вашего совета заблаговременно для будущего, а две тысячи ему дам, как только придет. 1) Не положить ли сыну Гавриилу Вас., архитектору, плату за рисунки, и за надзор, летом, по работам? 2) Не определите ли, что давать в год Гавриилу Вас. за хлопоты? или ничего не нужно?

Поручаю себя молитвам вашим.

Алексий епископ тульский.

Несмотря на подобные недоумения и подозрения, столь неизбежные в подобных обстоятельствах, дело постоянно подвигалось вперед: деньги щедро «отдавались Богу через руки разных людей», расходовались «по доверию», и всяк, кого дело касалось, «через доверие тщился исполнить свою святую обязанность, чтобы все шло, как можно, добрым порядком». И оно шло, несмотря на разговоры и пустые речи и насмешки разных людей.

А тем временем, как шло устройство храма, в Москве заготовлялось все нужное для его удобства, как это видно из последующего письма того же преосвященного Алексия. От 30-го марта 1860 года владыка писал:

Возлюбленный о Господе Отец Никандр!

Приветствую Вас обще с неизвестным благотворителем нашим, по случаю приближающегося великого и вечно радостного дня Воскресения Христова. Молитвенно желаю, да от Источника света и жизни обильно изливается свет и жизнь в богобоязненные души ваши. Благодарю за ревностное старание благоукрасить будущую обитель иконами и сосудами многоценными. Гавриил Васильевич отозвался, что в настоящее время, по распутице, он не может отправиться на принятие новых даров от щедрот ваших, а намеревается ехать по стоке половодья, около половины седьмой недели. У нас дело начнется с мая месяца. Материалов на десять тысяч имеем; на работы договорились с хорошим и не малосильным человеком за десять тысяч и более, чтобы все воздвигнуть и покрыть не далее, как в два лета. Лично все расскажет Гавриил Васильевич. Я радуюсь успеху первых забот, а будущее с молитвой предадим в Божию волю; и себя самих предадим всеблагову Божию Промыслу.

Поручаю себя молитвам вашим.

Алексий епископ тульский.

Так как к сооружению храма было все готово — и материалы, и рабочие руки; то и сама закладка не заставила себя ждать. Она состоялась в мае того же года. На храмозданной летописной доске была вырезана следующая надпись:

«Во славу Пресвятыя, Единосущныя и Нераздельныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа; и в честь Преподобныя Богородицы Приснодевы Марии в лето от Воплощения Бога Слова 1860 г. при державе Благодетельнейшаго Императора и Самодержца Всероссийскаго Александра Николаевича [Александра II], заложен храм сей: во имя Иконы Богоматери-Млекопитаельницы, на иждивение Боголюбца из обитателей первопрестольнаго града Москвы... преосвященным Алексием епископом Тульским и Белевским, во иерарсех богохранимыя сея паствы седмым с прилежною молитвою ко Господу и Пречистой Его Матери, да по устройнии храма на месте сем учредится святая обитель иноков по древнему уставу обителей Восточныя Церкви. Понеже град Тула лишен есть, от начала сего столетия, обители иночествующих молитвенников о граде сем, о державе всероссийской, и о всех святых Божиих церквах, и о всех православных христианех. Аминь. Месяца мая в 20 день, на память иже во святых отца нашего Алексия митрополита Московскаго и всея России [14; 381]. Господи благослови!!!» Из сей надписи очевидно, что в основании храма была положена еще только надежда на устройство здесь обители. Но надежда была не одна, она была споспешествуема молитвой, и усердной молитвой! и сию-то молитву благословил Господь услышать.

Работы по сооружению храма подвигались быстро, но не без затруднений. Для хозяйственных распоряжений, как известно, был приглашен Гавриил В. Бочарников, которого хорошо и лично знал В. Ив-ч Макарухин и в распоряжение которого вверил нужную и значительную сумму денег, а составление планов и проектов на все монастырские постройки поручено было его сыну Александру — тогда еще молодому, но знающему и способному архитектору. Проекты были составлены тщательно, одобрены Тульской строительной комиссией, утверждены и благословением преосвященного Никандра: так дело было налажено, начато и поведено хорошо, но вот когда стали сводить большой купол на главной церкви, то Бочарников-сын, как специалист-техник, находил неизбежно нужным заложить в стены железные связи, а его отец как опытный хозяин, относя это заявление сына к неопытности его, как еще только начинающего практика, находил совершенно не нужным закладывать связи, объясняя, что опытность его, хотя и не техника, дает ему больше права отменить закладку связей, и на том своем мнении он решительно настоял, как распорядитель по хозяйственной части, соблюдая интересы экономии. Архитектор Бочарников, как специалист, мог также настаивать на своем требовании и, в крайнем случае, приостановить работу, донеся об отступлении от проекта, утвержденного строительной комиссией, начальству, но, будучи характера мягкого и нерешительного, как всегда, так и теперь, он не хотел в столь серьезном деле идти против отца и уступил ему, терзаемый, однако, совестью и страхом за непрочность сооружения. И ненапрасно... Первый, кто вскоре заметил опасность падения купола, был сам же распорядитель — настойчивый Гавриил Бочарников: он немедленно отправил к сыну подрядчика с просьбой осмотреть постройку и, если можно, пособить горю. Но было уже поздно. Сын-архитектор, осмотрев купол, убедился в горькой истине: купол должен был неминуемо обрушиться. Немедленно было сделано следующее распоряжение: чтобы не произвести паники в массе рабочих, находившихся на подмостях, и сотрясения, могущего причинить мгновенное падение купола с неизбежными человеческими жертвами, Бочарников-архитектор вызвал сначала десятников и им приказал вызвать всех рабочих, — будто бы мешать для работы известковый раствор. Когда же рабочие сошли с подмостей, то архитектор приказал, чтобы никто из рабочих не подходил к постройке на расстояние менее двадцати сажений и, закрыв работы, увел рабочих. Тут только Бочарников-отец сознал вину свою перед сыном и, в отчаянии, говорят, хотел идти под купол, чтобы под его развалинами похоронить себя и свой позор: силой он был удержан от такого безрассудного поступка. В следующую по осмотру ночь купол обрушился, а вместе с тем обрушились на голову архитектора Бочарникова всеческие обвинения и нарекания: его недоброжелательные конкуренты хо-

тели воспользоваться его несчастьем и сложить с него звание архитектора, достигнутое им с таким усилием; но замыслы их остались напрасны,— невинный Александр Бочарников не погиб. За него прежде всех вступился управляющий казенной палатой Ждановский, к которому обратился А. Бочарников: тот ободрил и поддержал архитектора, сказав ему, «что за важность! у Тона 50 куполов обвалилось!», а потом замолвил за него слово губернатору, на которого имел влияние. И преосвященного Никандра первоначально смутило несчастное обстоятельство — падение купола; он даже решительно предлагал совсем прекратить дело построения храма и устройство монастыря; но потом, при настоятельном совете представителей города Тулы — Н. Н. Добрынина и М. М. Струкова, и он переменял свой взгляд и даже ходатайствовал за архитектора Бочарникова и перед губернатором, и перед В. Ив. Макарухиным. Губернаторскому начальству преосвященный Никандр объяснял, что-де происшествие совершилось на его земле; а так как никаких жертв не было, кроме хозяйственных убытков, о которых заявлять в праве только они — храмостроители, то и различные комиссии для исследования причин катастрофы ни к чему не приведут, а разве только оттянут нужное для возобновления работы время. Затем, когда Гавриил Вас. Бочарников явился в Москву с докладом о несчастном обстоятельстве к храмостроителю Макарухину, то В. Ив-ч не принял его. Тогда Александр Бочарников обратился к преосвященному Никандру и просил его ходатайства и заступления за себя и за отца. Владыка Никандр принял в Бочарниковых сердечное участие и написал доверенному В. И. Макарухина, о. неромонаху Никандру следующее письмо:

Преподобнейший Отец Никандр, Возлюбленный о Господе Брат!

Письмо ваше получил; за высланные деньги приношу от лица всех будущих обитателей св. обители, устраиваемой боголюбезным боголюбецем Василием, сердечную, молитвенную благодарность. Господь искушает всех нас, приемлющих участие в деле созидания св. обители, каждого против меры сил, твердости любви ко Господу и крепости упования нашего на Него, Премудрого и Всеблагого. Будем внимательны к ниспосланному на нас искушению, в несокрушимой вере, что Господь, благоволиительно приавший две лепты вдовицы, не менее благоволиительно приемлет многие таланты, пожертвованные по усердию и любви к нему и к Его Св. Храму, и не дает нам в постигшем нас искушении — искустися паче, еже можем. Податель моего письма Александр Гавриилович объяснит вам все по ряду и подробно. От души мне жалко этого молодого, умного и доброго и притом старательного в порученном ему деле человека. Больно смотреть и на слезы его отца — неусыпного труженика. Примите в них живое христианское участие. Паче все-

го помирите их с душою нашего приснопамятного и на веки благословенно-го благотворителя Василия.

Господь мира и любви, щедрот и упования — да будет со всеми нами!

Преданный Вам и молящийся за нашего благотворителя

Никандр епископ тульский.

1861 г. 25 августа.

Таким образом дело было улажено: начали вновь сводить купол, уже исключительно по указанию архитектора Бочарникова, и построение храма скоро и счастливо было завершено. А за сим незамедлительно последовало и освящение его. Итак, важному и трудному делу угрожала была погибель от человеческого неблагоразумия и разномыслия. Но Господь водворил мир между создателями, укрепил их поколебавшуюся любовь, утвердил взаимное доверие и совершил их труды во славу Свою и на утешение православного народа своего.

8-го сентября 1864-го года храм был освящен во имя Пресвятой Богородицы-Млекопитательницы. О самом торжестве освящения Богородичного храма населению Тулы было объявлено предварительно печатными повестками такого содержания: «Жители г. Тулы сим извещаются, что 8 сентября 1864 года имеет быть освящение храма во имя Пресвятой Богородицы-Млекопитательницы, устроенного в Щеглове, близ архиерейского дома. Начало освящения в 9 часов утра. Всенощное бдение имеет быть 7 числа в 6 часов». Вместе с тем почетным лицам города были разосланы особые приглашения в таких выражениях: «Распорядители по устройству храма во имя Пресвятой Богородицы-Млекопитательницы (в Щеглове, близ архиерейского дома) покорнейше просят пожаловать на освящение того храма, имеющее быть 8 сентября 1864 г., а по окончании службы к обеденному столу, в доме его преосвященства» (летний или дачный) начало освящения в 9 часов утра».

Как совершилось само торжество освящения, о том имеются известия от очевидца и участника этого торжества Мих. Мих. Струкова. На следующий же день, 9-го сентября, под свежим впечатлением Мих. Мих. писал В. Ив. Макарухину, между прочим, следующее:

«Позвольте поздравить вас с освящением храма. От души желаю вам всех благ — счастья и долгой жизни; равно и батюшка (о. Никандр) вас поздравляет... Освящение совершилось 8 ч. с. м., слава Богу, все благополучно и торжественно. Погода была хорошая; народу было чрезвычайно много; несмотря на то, что перед этим были дожди и грязно: и то все поле (около монастыря) было усеяно народом; а если бы было сухо, то и Бог знает, что бы было. Вся церемония прошла так радостно, что я вам и выразить не могу: одно только — нам изменил батюшка, он не мог участвовать в этой церемонии по случаю болезни. Преосвященный ужасно жалел об нем — сказал:

«если бы я знал, что он так заболит, я бы освящение оставил (отложил до другого дня). А если назначено оно в этот день, то потому, что праздник двенадесятый — Рождество Пресв. Богородицы, а его (т. е. иеромонаха Никандра) было желание и назвать монастырь «Богородичен», и чтобы остался день этот больше у всех в памяти».

Теперь скажу Вам о церемонии, как она происходила. В 8½ час. начался благовест. Сначала — водоосвящение; а в 10 час. освящение храма; а потом обедня. Все это окончилось в 3 час. потому, что после обедни владыка раздавал сам крестики.

Ужасная толпа обступила его, так что он не мог устоять и обратился в алтарь для того, чтобы установился порядок в народе. Когда все это исполнилось, он вышел снова и начал раздавать: каждый, получивши крестик, считал за счастье. Когда все кончилось, вышел из церкви и начал благословлять трапезу нищей братии, которых было 500 человек. Стол им был хороший, заключался из четырех блюд. А для чиновников и граждан (приглашенных) стол был приготовлен в доме преосвященного (загородном), за которым было 70 человек. Губернатор и предводитель дворянства и прочие чиновники все необыкновенно были веселы: все это им понравилось чрезвычайно. Губернатор уехал в 5¼ часов.

Ворота железные повесили, икону на воротах поставили и все это отлично»²⁴.

Верный своей скромности, В. Ив. Макарухин на торжестве освящения храма не был, дабы не принять славы и почестей от людей за то дело, какое совершил он, по его же словам, только «во славу Пресвятыя, Единосушныя и Нераздельныя Троицы — Отца и Сына, и Святого Духа и в честь Преблагословенныя Богородицы Присно-Девы Марии».

V. Учреждение монастыря

«В лето 6661 [1153], иде боголюбивый архиепископ Нифонт в Ладугу, и заложи церковь камяну свягата Климента. В тож лет: сруби Аркад игумен церковь свягата Богородицы Успение, и сстави себе монастырь. И бысть крестьяном прибежище, ангелом радость а дьяволу пагуба».

Летписец Новгородский

Созданием храма Богородицы-Млекопитательницы было положено главное и прочное начало обители, но только начало. Но так как это начало Господь благословил — на утешение всех граждан Тулы, то естественно и продолжение сего дела имело успех. Уже одно существование прекрасно

устроенного храма близ г. Тулы обращало на него общее внимание — всех жителей ее и поддерживало как желание видеть здесь св. обитель, так и уверенность, что она будет; за это, так сказать, ручалось отличное начало — основание оной. Таким желанием и такой уверенностью вызвано было и деятельное участие самих граждан Тулы; энергии представителей городского общества значительно обязано дальнейшее поступательное движение дела. В особенности и преимущественно таковыми деятелями были тульский купец Михаил Михайлович Струков и тульский городской голова Николай Никитич Добрынин. Их участие имело значение тем более, что один из главных деятелей — о. иеромонах Никандр, после тяжелой болезни, которая воспрепятствовала ему присутствовать на торжестве освящения храма Богородицы-Млекопитательницы, быстро стал ослабевать, видимо, приближался и приблизился к последнему пределу своего достойного иноческого жития.

Как было прежде заметно, так и потом — преосв. Никандр вообще не сочувствовал устройению нового монастыря. В частной беседе он давал понять, что причиной его несочувствия устройению нового монастыря было неудовлетворительное состояние монастырей уже существующих в его епархии. «Вот где у меня эти монастыри», выражался владыка, указывая при этом на свою шею. Между тем, при устройении Богородичного монастыря для преосв. Никандра было затруднение и в том, что он не видел у себя достаточных средств в наличных деньгах и потому естественно опасался, что начатое строение не будет окончено. Однако энергия по устройению обители не ослабевала.

Первым и значительным побуждением для преосв. Никандра было ходатайство тульского городского общества. Вскоре, после освящения храма Богородицы-Млекопитательницы, именно в мае 1865 года, состоялось решение г. гор. общества — ходатайствовать в надлежащем порядке об устройении Богородичного монастыря в Щеглове. Именно, 1865 года мая 14 тульское городское общество, в собрании по делам города, слушало словесное предложение г. городского головы (Ник. Никит. Добрынина) следующего содержания:

«С давнего времени существовал в Туле мужской монастырь, обращенный в начале сего столетия в архиерейский дом; а как в настоящее время при загоревшем архиерейском доме приведено к окончанию построение новой каменной церкви, в которой все благолепие внутреннего украшения находится в превосходном состоянии через усердие неизвестного благодетеля, то многие граждане заявляют желание учредить в означенном месте мужской общезначительный монастырь, тем более, что тульский купеческий сын Мих. Мих. Струков, на пожертвованные некоторыми гражданами деньги приобрел, близ этого места, покупкой 42 десятины доходной земли, которая, по желанию

жертвователей, если утвердится иноческая обитель и при ней кладбище, должна поступить в собственность обители, а потому городской голова и предложил все это на усмотрение общества. По выслушании сего тульское городское общество, приняв во внимание, что об уничтожении прежней иноческой обители жители города немало сожалели и вновь ее учреждения желать не переставали, тем более, что в городе Туле ни одной такой обители нет, а общие желания граждан устремляются именно к тому, чтобы видеть им вблизи себя подобную обитель, в которой процветала бы жизнь монашеская по правилам общежительного иноческого устава и в которой все притекающие могли бы утешаться как благолепным чином богослужения и примером доброго жития, так и пользоваться духовными советами от подвижающейся в ней братии; вместе с тем, находя место при загородном архиерейском доме уединенным, весьма удобным, от города очень близким, устроенный же и украшенный тот храм очень благолепным и устроенные принадлежности к нему довольно достаточными; поэтому общество, с своей стороны, усердно желает, чтобы на самом этом месте учредилась общежительная иноческая обитель и при ней было бы разрешено быть кладбищу, полагаем: предоставить г. городскому голове приговор сей представить преосвященнейшему Никандру епископу Тульскому и Белевскому с покорнейшей просьбой об исходатайствовании его преосвященством у Святейшего Синода [15; 381] разрешения, согласно общему нашему желанию, на утверждение в сказанном месте общежительной иноческой обители, под наименованием Богородичной, с устройством при оной кладбища, причем присовокупить его преосвященству, что мы, граждане, не утруждаем просьбой, чтобы предполагаемой обители было даровано жалованье от казны, но, при помощи Божией, надеемся, что она будет поддерживаема усердием и добротным даянием жителей нашего города». Этот приговор был утвержден подписями более ста лиц и, при представлении городского головы, препровожден преосвященному 16-го июня 1865 года за № 209-м²⁵.

Настоящее ходатайство граждан, при всей основательной постановке дела, не могло, однако, рассчитывать на успех, потому что приговор, вместо наличных достаточных средств для устройства обители, указывал только на надежду, что обитель «будет поддерживаться усердием и добротным подаянием жителей города». Для администратора осторожного и мнительного, каков был преосвященный Никандр, подобного обещания было, конечно, недостаточно. Вот почему, в одно время с ходатайством тульских граждан, последовало и ходатайство В. И. Макарухина, через неромонаха Никандра, при чем прямо и определенно предлагалась значительная сумма денег. В своем прошении о. Никандр писал:

«Неизвестный благотворитель возымел усердие построить новый каменный храм во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы; все его же-

ление стремилось к тому — если бы Господь благословил, при этом храме учредился общежительный мужской монастырь по правилам пустынным; и, имея в виду, что Тула из многолюднейших городов России не имеет как в самом городе, равно и близ оно, ни одной таковой обители, хотя с давнего времени и существовал в городе мужской монастырь, но в начале сего столетия обращен в архиерейский дом, и жители об уничтожении его много сожалели, и вновь учреждения таковой обители весьма желали. Для исполнения своего желания означенный благотворитель, духовный мой сын, избрав меня и желая, чтобы имя его не стало заявлено перед людьми (да ведомо оно будет Единому Богу и Пресвятой Владычице Богородице!) — в 1859 году, по благословию бывшего преосвященного тульского Алексия, близ г. Тулы, в месте, называемом «Щеглово», возле загородного архиерейского дома, заложил новый каменный храм, и на пожертвованную означенным благотворителем сумму, поступающую через меня, привел его к окончанию. Как сама наружность храма, при нем колокольня, три корпуса и ограда кругом, на пространстве до 250 сажен, со святыми воротами, все каменное,— равно и внутренне благолепно украшено и снабжено полной утварью и ризницей, и в 8-й день сентября прошлого 1864 года вашим преосвященством храм освящен во имя Млекопитательницы Божьей Матери с двумя приделами: Рождества св. славного Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и св. Василия Блаженного Московского Чудотворца. Но не ограничилось усердие сего благотворителя одним только устройением и украшением всего вышесказанного: вручил он мне еще и наличный капитал государственными пятипроцентными билетами двадцать пять тысяч рублей серебром, с таковым назначением, чтобы я просил ходатайства вашего преосвященства у Св. Синода утвердить при новопостроенном означенном храме мужской общежительный монастырь на правилах пустынных (с наименованием «Богородичный общежительный мужской монастырь») и при нем кладбище. И если утвердится сия святая обитель, тогда врученные им мне означенные в пятипроцентных билетах двадцать пять тысяч рублей должны поступить в собственность сей обители неприкосновенным капиталом на вечные времена со внесением капитала в опись предполагаемого монастыря, и ежегодно полученные проценты употреблять все сполна на содержание монашествующей братии, собственно в этой обители подвизающейся. Паче же его чаяния, если не утвердится просимая обитель, согласно желания жертвователя, и при ней кладбище, тогда — означенные врученные мне билеты на двадцать пять тысяч рублей серебром все сполна возратить ему обратно в собственное его распоряжение. Представляя все сии обстоятельства на благоусмотрение вашего преосвященства, покорнейше испрашиваю ходатайства вашего у Св. Синода на утверждение в Щеглово при новоустроенном храме на правах (правилах?) пустынных мужского общежительного

монастыря, согласно желанию благотворителя. План местности и фасады при сем честь имею представить. Июня... дня 1865 года»²⁶.

Ходатайство граждан и прошение о. Никандра сходятся на одном и том же предмете; причем о. Никандр прямо предлагает средства; тем не менее преосвященный Никандр и после того медлил своим распоряжением,— потому что желал не только иметь в виду достаточные и обещанные средства, но и непременно иметь их в своих руках (как это видно будет далее, из частной переписки М. М. Струкова с В. И. Макарухиным). И дело было отсрочено еще на год. В следующем году городское общество решило воспользоваться одним чрезвычайным обстоятельством, чтобы подвинуть дело к окончанию. Решено было ходатайствовать об основании монастыря в память чудесного спасения жизни Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА [Александра II] от покушения на него 4-го апреля 1866 года, и нимало не откладывая этого ходатайства.

Апреля 18-го дня 1866 года, следовательно, спустя только десять дней после события, тульское городское общество в своем собрании имело следующее рассуждение: «Сего апреля четвертого числа в день преподобных отцов наших Иосифа Песнописца и Георгия иже в Малеи случилось в нашем отечестве чрезвычайное событие: Возлюбленный монарх наш, Великий Государь Император Александр Николаевич, облагодетельствовавший Россию своими благотворными преобразованиями, а через это и неисчислимыми милостями, подвергся злодейскому покушению на его жизнь, но Всевышним Промыслом бдящим над судьбой царей и народов, чудом спасен от угрожавшей Ему опасности. Желая в возблагодарение Господу Богу за столь чудесное спасение драгоценной жизни обожаемого Монарха и в память этого великого дня, в который рука Провидения сохранила отечество наше от величайшего бедствия, ознаменовать богоугодным делом, на память отдаленному потомству нашему, городское общество положило: предоставить нашему городскому голове с представлением сего приговора войти к преосвященному Никандру епископу Тульскому и Белевскому с покорнейшей просьбой об исходатайствовании его преосвященством у Святейшего Синода разрешения на учреждение в память сказанного события общежительного мужского монастыря 2-го класса, без пособия от казны и без определения числа монашествующих, близ города Тулы, в месте, называемом Щеглово, где в настоящее время выстроена новая каменная церковь с такой же вокруг оградой во имя Пресвятой Богородицы Млекопитательницы, с тем, чтобы при этом монастыре было кладбище, а в самой церкви был устроен придел во имя преподобных Иосифа и Георгия, в котором на вечное время ежегодно 4-го апреля отправлялось бы торжественное служение за Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА в память совершившегося события. Общество убеждено, что его преосвященство,

по беспредельной своей преданности Государю Императору, примет на себя, согласно желанию общества, помянутое ходатайство. Что же касается до содержания предполагаемой к учреждению обители, то она будет, как городское общество вполне надеется, поддерживаема, при помощи Божией, усердием и добродетельным даянием жителей нашего города, и на первый раз поступают в пользу оной приобретенные тульским купеческим сыном Мих. Мих. Струковым, на пожертвованные деньги, близ этого места, 42 десятины доходной земли, согласно заявленному на это желанию жертвователей». Настоящий приговор, утвержденный подписями 200 лиц граждан, представлен при рапорте городского головы преосвященному Никандру 5-го мая 1866 года.

Так как и в этом приговоре граждане Тулы указывали опять только на «усердие добродетельных дателей», а жертвуемых 42-х десятин на содержание обители общежительной, конечно, было крайне недостаточно, то пр. Никандр и на этот раз не спешил ходатайствовать об ее открытии, может быть вызывая к делу помянутое «усердие добродетельных дателей» и желая получить в свои руки достаточное обеспечение учреждаемой обители. Его медленности на этот раз помогли сложившиеся неблагоприятные обстоятельства, именно — болезнь и смерть строителя обители, иеромонаха Никандра и отсутствие достойного ему преемника. Обстоятельства эти хорошо изложены в частной переписке М. М. Струкова с В. Ив. Макарухиным.

От 8-го мая 1866 года М. М. Струков писал В. И. Макарухину: «Чсть имею уведомить вас — сего дня я был в Щеглове за обедней и у батюшки (о. Никандра). Он меня просил написать вам письмо, потому что он сам писать не может. Но скажу вам, здоровье его теперь, слава Богу, лучше; жару нет, а только слаб; впрочем, может несколько и посидеть. А то мы испугались — он был очень плох. Насилу уговорили, чтобы решился взять доктора. А теперь уже и доктор ему понравился. И действительно, доктор все употребил средства и старания: он постоянно в доме Добрыниных бывает (у городского головы). Еще вас уведомляю: Общество составило приговор и городской голова отвез его преосвященному. Теперь преосвященный пишет (?) представление в Святейший Синод. А редакция нашего «Справочного листка» уже напечатала заявление граждан и их желание. При сем вам прилагаю наш «Листок», извольте прочесть. Теперь владыку поставили в такое положение — невольно должен донести «и он удивляется, кто это вздумал напечатать. Ему говорят, что редакция. А это вздумал Добрынин Ник. Никит. (городской голова), собственно потому, чтобы его поскорее подвинуть. И теперь, кажется, это дело в ход пойдет: остановить его невозможно. В Епархиальных Ведомостях тоже напечатали об этом²⁷. Батюшка вам свидетельствует нижайшее почтение и просит ваших святых молитв» и пр.²⁸

Но здоровье отца Никандра быстро разрушалось, и приближалась кончина. Ввиду этого, сделаны были некоторые распоряжения о сохранении вверенных ему денежных сумм. Тот же М. М. Струков, от 14-го мая того же 1866 года, писал В. И. Макарухину:

«Почтенное ваше письмо от 10 ч. с. м. я имел удовольствие получить; за уведомление ваше приношу вам мою искреннюю благодарность. Поклон от вас батюшке я доставил с пожеланием доброго здоровья и облегчения в его болезни. Он был очень рад и благодарил вас за память вашу о нем. Теперь скажу вам о его здоровье: все он очень слаб и здоровье его неудовлетворительно. Доктор хотя опасного не видит, но и надежды твердой не полагает. Сначала у него был тиф, но теперь прошел и осталась только одна слабость. Доктор старается чрезвычайно; но какой будет дальше его успех, Бог знает. Я вам буду писать. Билеты 5%, которые находились у батюшки на 25 тыс., по желанию его, мы отвезли с Иваном Козьмичем (племянником иер. Никандра) к Добрынину под сохранение. Это — потому, чтобы не взял владыка их к себе, а он уже об них присылал своего келейника спрашивать; и архиерею не понравилось, что они переданы Добрынину. У него (т. е. архиерея) был Николай Никитич и сказал, что они давно у него; он больше и требовать не стал», и пр.²⁹

После сего известия через четыре дня, т. е. 18-го мая, отец Никандр скончался. О его кончине и дальнейших распоряжениях начальства сообщает тот же М. М. Струков В. И. Макарухину в письме от 23 мая того же года следующее.

«Почтенное ваше письмо от 21 ч. с. м. имел удовольствие получить, на которое честь имею вас уведомить — батюшка скончался 18 ч. в 2³/₄ часа пополудни. Вскоре после смерти батюшки приехал эконом (т. е. архиерейский) и запечатал его келию и церковь в его корпусе, чердак и чуланчик, — где только что лежало. Это сделано по приказанию владыки, собственно для того, чтобы не пропало, и до сих пор запечатано. После девяти дней займемся перепиской (т. е. оставшегося имущества). О представлении монастыря (т. е. о представлении в Синод об устройстве монастыря) распоряжения владыки еще никакого нет и до сих пор, граждане на него обижаются за это. Неизвестно, что он медлит и почему. В понедельник мы были с Николаем Никитичем Добрыниным у преосвященного и много говорили с ним обо всем. Он высказал нам: «Я желал бы видеть благотворителя и говорить с ним лично». Мы на это ему ничего не сказали. Пожелаете ли вы с ним видиться или нет, прошу вас не лишить меня вашим уведомлением. При сем прилагаю копию с приговора, вы прочтете. Кажется, составлен недурно...»³⁰

Итак, представление об устройении монастыря не посылалось в Синод и это, как видно из слов того же самого письма, потому, что преосвященному

Никандру «хотелось, чтобы был хороший порядок» в монастыре, разумеется хороший настоятель и вполне достаточные средства для содержания братии; между тем, средства хотя и были, но не в руках самого преосвященного, а у поручителей В. Ив. Макарухина. И вот почему преосвященный желал сам его видеть лично.

Между тем время шло непроизводительно для дела. После смерти о. Никандра продолжали приводить «в порядок» имущество.

С обстоятельствами этого времени несколько знакомит дальнейшая переписка М. М. Струкова с Макарухиным. Дело в том, что по смерти о. Никандра остался его родной племянник, некто Иван Козьмич Потапов, живший вместе со своим дядей в обители: к нему неофициально перешли деньги, данные В. Ив. о. Никандру, отчасти на содержание его. Деньги эти послужили предметом некоторых недоумений. Вот как представляется дело по письмам. От 4-го июня 1866 года М. М. Струков писал В. Ив. Макарухину:

«Почтенное ваше письмо вчерашний день имел удовольствие получить. Вложенное письмо Ивану Козьмичу вчера же отослал с мальчиком в Щеглово и просил его (т. е. Ив. К.) сегодня утром, в 8 час., со мной свидеться. Он у меня был и, согласно вашему желанию, я ему все передал, говорю, что Василий Иванович пишет мне, что он лично передал батюшке четыре билета 5% Государственного Банка, каждый по 1000 руб., с тем, чтобы при жизни батюшка пользовался сам процентами, а после его смерти три билета должны поступить в монастырь на вечное поминовение, а четвертый следует вам (т. е. Ив. Коз.). Он мне на это сказал: «Действительно так, билеты находятся у меня, но я не мог вам о них говорить, потому что мне Василий Иванович об этом ничего не писал; следовательно, как же я могу о них говорить; но когда вам пишет Василий Иванович, я должен сказать, что они у меня и сегодня посылаю письмо,— прошу меня уведомить, как с ними распорядиться, в Москву прикажете везти или кому передать, для меня все равно, и мы об этом говорить никому не будем». Почтение от вас я Николаю Никитичу передал: он благодарит вас от души за память и поручил мне написать вам от него всенижайшее почтение. Мы очень рады, что место могилы батюшкиной вам нравится. Бог знает, может быть со временем будет здесь и церковь маленькая: место позволяет. В келии у батюшки все переписали. Денег в комодке оказалось только 216 руб. сер. Сегодня хотели еще переписать, что есть на чердаке и в чуланчике. Потом возьмемся за ризницу и утварь церковную. Да нет ли у вас описи на все это. Мы у батюшки не нашли,— разве нет ли в ризнице; а если у вас есть, то нельзя ли выслать...»³¹

Была ли найдена опись ризницы и все ли по ней оказалось в целости, остается неизвестным. А что касается 4000 тыс. руб., удержанных Ив. Коз. Потаповым у себя, то это было сделано без юридического права наследства, как это ясно открывается из следующего письма М. М. Струкова к

В. Ив. Макарухину. Из того же письма очевидно и то взаимное недоверие, какое существовало между поверенными Вас. Ив. и преосвященным в отношении к капиталу 25000 руб., данному В. Ив. в обеспечение устраиваемого монастыря. М. М. Струков, от 20-го числа июня того же 1866 года писал В. Ив-чу:

«Почтенное ваше письмо от 14 ч. с. м. имел удовольствие получить, и письмо, которое можно бы показать преосвященному, написано превосходно, лучше чего нельзя. Но только покорнейше вас прошу извинить нас: мы в нем нашли лишним только то, что вы поставили... «а 25 000 рублей, они даны благотворителем в обеспечение монастыря: и если высшая власть уничтожит или растратит, в том судья им Бог в настоящей и будущей жизни...» К этому пункту владыка сейчас же к нам придерется и скажет — отдайте эти билеты нам, они должны быть в описи при монастыре, потому что он (т. е. преосвященный) присылал к покойному батюшке келейника за этими билетами. Батюшка сказал ему, что они, по распоряжению благотворителя, переданы Добрынину, и на другой день послал их. И Николай Никитич заявил ему (т. е. преосвященному), что они у него, и будут до того времени, пока пошлет владыка в Синод ходатайство об утверждении монастыря. Письмо обратно вам посылаем и просим написать также, только уничтожьте «обеспечение», как поправлено, так и потрудитесь написать и поставьте 10-е июня 1866 г. в этом письме. Мы считаем необходимо нужным показать владыке, пусть его почитает и больше нам будет верить, а то думает, что мы его все обманываем. Вы желаете знать, получены ли проценты по майским купонам: получил по ним Добрынин и все они целы. Но в случае окажется надобность — для содержания братии, которая теперь находится, по мере надобности, будет (Добрынин) выдавать Ивану Козьмичу. Вы пишете о билетах, которые переданы батюшкой Ивану Козьмичу и будто бы батюшка все ему отдал, я решительно никогда от батюшки не слыхал об этом и Николай Никитич тоже. Иван Козьмич после (т. е. после того, как ему сказано было, что они ему не принадлежат) и мне тоже говорил (т. е. что ему отдал умирающий дядя о. Никандр в собственность, как наследнику). Мне кажется всех-то многонько: я, со своей стороны, так бы полагал — половину ему (т. е. 2000 р. Ив. Куз.), а другую — на вечное поминовение батюшки. Я вам советую: прикажите ему (т. е. Ив. Коз.) приехать к вам; вы лично ему скажете и он вас, кажется, послушает. Конечно, если бы он остался в монастыре, довольно бы ему одного билета (т. е. 1000 руб.), а не останется — маленько... Впрочем, прошу меня извинить: я пишу, что только чувствую; но как вам угодно, так и сделайте. Если прикажете ему приехать, то он проедет не больше, как четыре дня, и заметит ему хочется лично поговорить с вами. А на четыре дня он может выдать всем, что только нужно,— ему известно (т. е. сколько нужно вы-

дать денег и продуктов на содержание братии в четыре дня). В ожидании от вас обратного письма, которое мы должны показать владыке. Еще покорнейшая наша просьба: нельзя ли вам пожаловать на сорокодневное поминовение (о. Никандра), которое имеет быть сего 26-го июня»³².

Осторожное обращение с Ив. Куз. Потаповым и даже ходатайство за него М. М. Струкова объясняется тем, что он был до некоторой степени распорядителем в монастыре, вроде эконома, и потому был не только полезен, но даже отчасти и необходим,— на время от смерти о. Никандра и до водворения в монастыре полноправного хозяина — настоятеля; а потому и пробыл в Щеглове после смерти своего дяди около четырех лет, хотя сам он по своему душевному расположению к монастырю вообще, а к общежительному в особенности, вовсе не тяготел, что и не скрывал от лиц, его близко знавших. Все это очевидно из письма Ник. Никит. Добрынина к В. Ив. Макарухину, от 21-го июля 1870 г., где очень ярко обрисовывается и самое положение обители по смерти о. Никандра. Добрынин пишет: «Иван Козьмич показался вам уныл и заметили вы, что со строителем (т. е. настоятелем монастыря) они не в расположительных отношениях (т. е. не расположены один к другому)... Бог знает,— трудно все разобрать,— он только сердцеведец. Но главное, я полагаю то, что Иван Козьмич, как и сам мне высказал, что никогда не имел и теперь не имеет призвания к монашеской жизни, а жил в монастыре для покойного своего дяди, а потом не мог послушаться вашего приглашения, чтобы остаться до избрания настоятеля. Но теперь, когда все это устроилось, то его крайнее желание выйти из монастыря; но весьма скорбит и часто плачет, что прожил после покойного 4 года, и если бы тогда вышел, все бы куда поступил и чему бы выучился; но теперь времени прошло довольно и не знает, что делать и чем бы заняться, хотя малым своим (т. е. собственным состоянием); средств нет. Рад бы куда поступить, нет в виду места. Но в монастыре остаться не может, о чем и вам лично говорил и писал; в прошлое время он тоже говорил выйти, но я старался ему внушать, что нехорошо до устройства монастыря ему выходить,— в память покойного его дяди, да и благотворитель будет недоволен,— думал, может, и явится у него желание остаться. Но, верно, это дело Божие, что он не мог расположиться. Конечно, он свое дело исполнил добросовестно,— себя не потерял (т. е. не вдался в пьянство и т. п.) и не оставил монастыря и все, что в нем было, в то время, когда оставить было совершенно не на кого (разумеется, по смерти о. Никандра) и пришлось бы или запереть, или Бог знает, что бы было. Но теперь, если он и не достиг этого призвания (т. е. к монашеству) и выйдет (из монастыря), то теперь есть хозяин, при котором он уже не может быть то, что был прежде. Он был во всем распорядитель... А теперь как-то он находится там в неловком положении. Сообщая все это, я нахожу, что он теперь ни то ни се; то если решится и выйти, оби-

жаться на него не следует, а если бы можно не оставить его каким добрым делом, или местом в Москве, или чем другим... Он бывает у меня нередко, и иногда жаль очень его бывает, но помочь ему, с моей стороны, я не имею видов, и все могу по совести перед вами засвидетельствовать, что он добросовестно исполнил свое дело и заслуживает полного внимания; но если не может оставаться в монастыре, верно, так угодно Богу. Но он сильно скорбит,— замечает ваше нежелание выйти ему из монастыря. Усердно вас за него прошу, что возможно, по вашему усмотрению, утешить и не оставить его и разрешить ему выйти из монастыря»³³.

Итак, по смерти о. Никандра, в монастыре, в течение 4-х лет, заведовал хозяйством Ив. Потапов, по выражению Добрынина, он даже «был во всем распорядитель», и в то же время никогда не был расположен к монастырю, в особенности к общежительному. Как очевидно, из писем Струкова и Добрынина, у Ив. Потапова была склонность к деятельности, которая бы его обеспечила, или даже, если возможно, к даровому обеспечению, о чем хлопотал, и так настоятельно, Добрынин. Личность и деятельность такого случайного в монастыре «распорядителя», как некий Ив. Потапов, хорошо иллюстрирует то соображение, что если дело устройства монастыря не погибло на первых же порах, за неимением пригодных людей, то в том нельзя не усмотреть благословение Господа Промыслителя и покровя Пресвятой Богородицы над возникающей во имя Ее обителью. Поистине— «аще не Господь сождет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрений!»

Охраняя святые начинания человеческих дел, а также направляя и совершая добрые дела, промысел Божий, однако, предоставляет само ведение дел их естественным исполнителям. Так и дело устройства Богородичного монастыря медленно, с препятствиями, но неуклонно велось к надлежащему своему совершению.

Преосвященный Никандр, в январе 1868 года, вследствие ходатайства тульского городского общества, наконец вошел в Св. Синод с представлением об учреждении близ г. Тулы мужского второклассного монастыря с училищем при нем, в память чудесного избавления Государя Императора от угрожавшей опасности 4-го апреля 1866 года. В представлении преосвященного изъяснено:

«1) В местности, называемой Щеглово, где предполагается учредить монастырь, при загородном архиерейском доме, уже построены на пожертвования неизвестного благодетеля две церкви, освященные в 1864 году (?); одна каменная двухэтажная, имеющая в обоих этажах по три престола, другая небольшая при настоятельских кельях, а также колокольня, здания для помещения монашествующих и монастырская ограда.

2) На содержание предполагаемого к учреждению монастыря никакого пособия от казны не требуется, ибо на сей предмет тем же благотворителем пожертвовано 30 тысяч рублей государственными пятипроцентными билетами, а купеческий сын Струков, по дарственной записи, жертвует обители купленную им землю, свободную от всяких исков и запрещений, в количестве 42 десятин; кроме того, купец Добрынин, по учреждении монастыря, обязывается пожертвовать в собственность одного 10 пятипроцентных билетов первого и второго внутренних с выигрышами займов, на сумму 1000 руб. Городское же общество приговором своим постановило: отпускать из городских доходов на содержание монастырского училища ежегодно по 300 руб.

3) Означенный монастырь предполагается устроить на правилах общежития, без определения числа монашествующих; училище же при монастыре предполагается открыть в одном из имеющихся уже зданий одного, на 25 мальчиков, из детей бедных граждан г. Тулы, с возложением обучения на монашествующих; причем городское общество ходатайствует об испрошении Высочайшего соизволения наименовать сие училище в честь Августейшего имени Государя Императора Александровским».

Св. Синод, имея в виду, что тульское городское общество и частные благотворители в желании устроить монастырь с училищем руководствовались высоким побуждением — увековечить память о чудесном и знаменательном для всей России событии 4-го апреля 1866 года, что средствами благотворителей уже устроено все, необходимое для открытия монастыря и училища, что содержание их достаточно обеспечивается жертвуемыми капиталами с землей и суммой, назначенной городским обществом к ежегодному отпуску, определением 15/30 мая 1868 года, постановил: «Предоставить господину исправляющему должность Синодального обер-прокурора испросить Высочайшее Государя Императора соизволение: а) на учреждение близ г. Тулы мужского Богородичного монастыря на правилах общежития с училищем при нем для детей бедных граждан г. Тулы, не относя к какому-либо классу учреждаемого монастыря, как общежительного; б) на укрепление за сим монастырем жертвуемой купеческим сыном Струковым земли, в количестве 42 десятин. Причем — повергнуть на Высочайшее воззрение и ходатайство тульского городского общества о наименовании монастырского училища в честь Августейшего имени Его Императорского Величества — «Александровским».

Государь император, в 22 день июня 1868 года, высочайше соизволил утвердить определение Св. Синода, на изложенных в нем основаниях и на всеподданнейшем докладе о сем всемилоостивейше соизволил собственноручно написать: «Согласен и благодарит»³⁴.

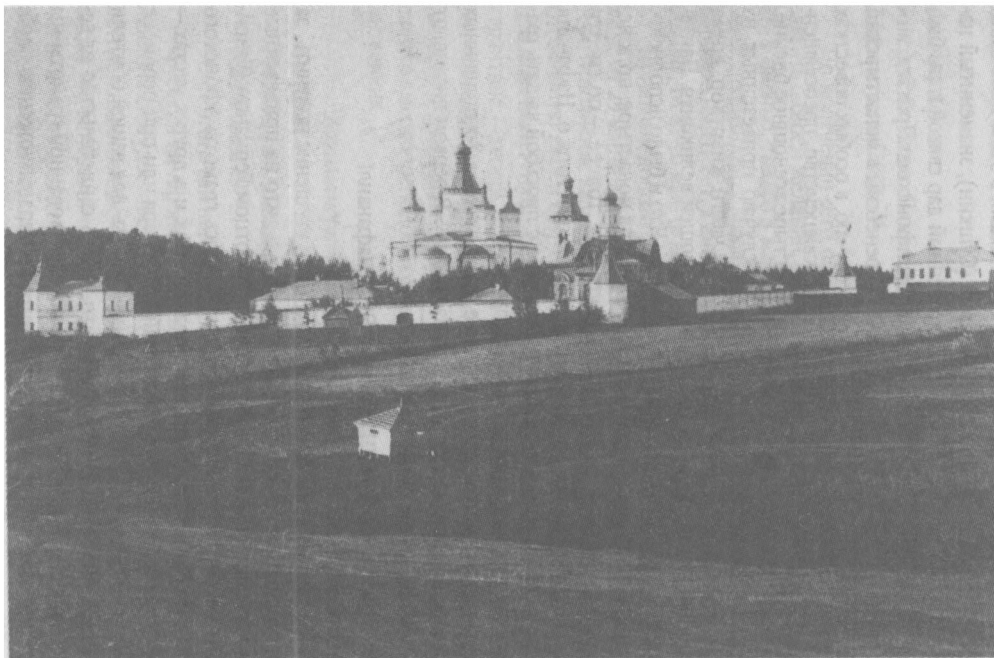
Во исполнение монаршей воли Святейший правительствующий Синод указом от 3-го июля того же 1868 года, за № 2071, последовавшим к преосвященному Никандру, дал знать, для зависящих от него к исполнению распоряжений, об устройстве Богородичного общежительного монастыря. Резолюцией его преосвященства, данной вследствие сего указа, предписано тульской духовной консистории: 1) планы и фасады каменных зданий в Богородичном общежительном мужском монастыре, а также прочие документы об учреждении сего монастыря хранить при делах консистории; 2) о воспоследовавшем высочайшем соизволении на учреждение сего монастыря с училищем при нем поставить в известность, с прописанием сего указа, г. начальника губернии [т. е. губернатора] и тульскую городскую думу; 3) отнестись в ту же думу с прошением сделать зависящие с ее стороны распоряжения: а) о скорейшем устройстве и открытии Александровского училища, и б) о вводе монастыря во владение на пожертвованную купеческим сыном Струковым землю в количестве 42-х десятин; 4) сделать консистории, со своей стороны, зависящее распоряжение о передаче в пользу и ведение Богородичного монастыря почетным гражданином Николаем Никитичем Добрыниным капитала, простирающегося до 31 тысячи, пожертвованного благотворителями сему монастырю; 5) об открытии новоучрежденного монастыря будут сделаны в свое время соответственные сему торжеству распоряжения. Во исполнение сей резолюции его преосвященства было послано в тульскую думу надлежащее отношение консистории 30 сентября 1868 года, за № 6589³⁵.

Таким образом, учреждение Богородичного монастыря, во славу Божию, на радость приснопамятного строителя и благотворителя его, а также к истинному утешению и всех граждан г. Тулы, совершилось.

VI. Благоустройство монастыря

Основание обители или учреждение монастыря еще не есть его благоустройство, которое упрочивает его дальнейшее существование. Для сего требуется особое внимание к монастырю со стороны православного народа, достаточность средств, удовлетворяющих всякие потребности его быта, и бдительная попечительность его строителей-начальников.

Православные обители всегда имели и имеют в недрах священной земли своей или в стенах своих храмов досточтимые святыни — мощи святых угодников Божиих, чудотворные иконы Пр. Богородицы и другие. Эти святыни и служат главными предметами особого внимания благочестивых поклонников, краеугольными камнями благоустройства и благоуспешного существования самих обителей. Посему и Богородичный Щегловский мона-

Общий вид Шегловского Богородичного монастыря

стырь, как вновь устроившийся, должен был желать иметь свою святыню. Но, не имея ее в своих недрах и стенах, он мог получить ее из других обителей русских или с востока, как то бывало в старину. Восток, именно святая гора Афон, и на этот раз не лишила своего «благословения» новозданный монастырь и прислала части св. мощей. Посредниками в этом деле были о. Герман Бочарников и архимандрит Макарий (Сушкин), знаменитый настоятель Русского монастыря на Афоне. Драгоценный дар святой горы был удостоверен надлежащей дарственной грамотой Афонского Протата. Мощи доставлены были в г. Тулу и торжественно перенесены в монастырский храм Богородицы-Млекопитательницы. По сему случаю, в особых повестках было объявлено: «10 сентября 1866 года, его преосвященство, преосвященный Никандр будет совершать в Щегловском монастыре всенощное бдение, а 11-го — литургию и после нее молебен, по случаю привезенных из св. Афонской горы в дар помянутому монастырю: части животвор. древа Креста Господня, камня от Гроба Господня и св. мощей великомуч. Пантелеймона и преп. мучен. Игнатия, Акакия и Евфимия». Что и было исполнено. Святыня Афонская постоянно пребывала и пребывает в монастыре; но, к несчастью, дарственная грамота Протата была утеряна, точнее — по смерти о. Германа, она не была найдена. Тогда настоятель монастыря о. Нафанаил обратился снова на Афон к архимандриту Макарию с просьбой выдать грамоту, но получил уже не грамоту, а «свидетельство».

Точные сведения об этом обстоятельстве сохранились в 2-х подлинных письмах о. архим. Макария к настоятелю о. Нафанаилу. В первом письме, от 20-го августа 1883 года, о. Макарий пишет:

Всечестнейший Настоятель Отец Нафанаил!

Христос посреди нас.

Почтенное письмо ваше от 3-го августа я имел утешение получить, за которое благодарю вас, в коем вы изволите писать, что на привезенные св. мощи, в дар вашей обители, в Бозе почившим отцом Германом (Гавриилом Васильевичем), после его смерти, не оказалось грамоты Афонского Протата, как по освидетельствованию в ризнице, так и в других местах, — что, конечно, для последующих обитателей монастыря или при перемене архиерея могут последовать недоразумения. Оказать для вашей обители помощь обитель наша только может тем, что выдать свидетельство от себя, но в настоящее время от Протата засвидетельствованной грамоты мы не можем вам послать, ибо в настоящее время, по нерасположению вообще к русской национальности и предписания о сем патриарха, не выдают подобных свидетельств и на пожертвования святыни, выходящей из Афона, смотрят недоброжелательно. Если вам благоугодно, чтобы мы прислали свидетельство от своего монастыря, назначив год, когда был здесь

о. Герман, то извольте, с любовью исполним ваше желание, о чем будем ждать вашего уведомления. При искреннем желании вам мира, здоровья и тишины, и радостей о Духе Святе, остаюсь с истинным к вам глубокоуважением и любовью о Христе, просящий святых ваших молитв взаимный сомо-литвенник ваш

Архимандрит Макарий

Св. гора Афон

Русский Св. Велм. Пантелеимона монастырь.

20-го августа 1883 г.³⁶

По получении сего письма, настоятель о. Нафанаил не скоро решился заявить о своем желании, чтобы выдано было ему надлежащее свидетельство, а именно, только в марте следующего 1884 года он отправил свое письмо о. архимандриту Макарию, на которое тот через месяц прислал удовлетворительный ответ, а вместе и самое свидетельство. В письме своем по сему поводу, от 29-го мая, о. Макарий пишет:

Приятным долгом считаю вас уведомить, что почтеннолюбозное письмо ваше от 29 марта я имел честь и утешение получить, за которое благодарю. И во исполнение вашего желания прилагаю при сем свидетельство на благословенную вашей обители святыню в 1866 г. Что же касается до полученных вами исколотых писем, то действительно исколоты были они в Одессе в карантине,— теперь карантина уже нет. При засвидетельствовании вам моего глубочайшего почтения с искренним желанием мира, здоровья, тишины и радости о Духе Святе, с истинным благоуважением, испрашивая св. молитв вашего высокопреподобия с любовью о Христе, остаюсь взаимный ваш сомо-литвенник

Архимандрит Макарий со всею о Христе братиею.

Св. Афон

Русский св. Пантелеимонов монастырь.

1884 г. мая 29³⁷.

Текст этого важного «свидетельства» следующий:

«Русский на Афоне монастырь св. Великомученика и целителя Пантелеимона сим удостоверяет, что по усердному прошению ктиторов и благодетелей новосоздаемого Богородичного монастыря близ г. Тулы, даруется оному монастырю от нашей обители во благословение следующая святыня: часть Животворящего Древа Креста Господня, часть от Камня Гроба Господня и частицы св. мощей угодников Божиих: св. Великомученика и Целителя Пантелеимона и св. Преподобномучеников: Евфимия, Игнатия и Акакия. В удостоверение сего свидетельствуем подписом и приложением священной монастырской печати.

Игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря.

Ο Καζηγυμενος τ8 ιερ8 χοινοβ8 τ8 Ρωσσιχ8 Γερασεμος ιερομοναχος και οι συν εμοι εν Χρισφ ασελφοι

Духовник Иероним.

Свидетельство писано на листе обыкновенной плотной бумаги (тряпичной), перегнутом пополам — (в виде бланка). Вверху — оттиск монастырской печати в виде круга с изображением в середине св. Великом. Пантелеимона, светло-зеленой краской. Сбоку виньетка со словами: «Русский св. Великомуч. Пантелеимона монастырь на Афоне. Ниже: октября 15 дня 1866 года, № 104. (Так. образ., выставлен год первоначальной грамоты)³⁸.

При всем внимании народа к обители, она, на первых порах своего существования, не может иметь средств, вполне достаточных для удовлетворения всех своих нужд, быстро возрастающих, — с течением времени, с развитием жизни, с умножением братии, — не может, если не встретит какой-либо частной и притом исключительной благотворительности. И это хорошо понимал В. И. Макарухин.

Некогда царь Давид [16; 381], задумав построить Дом Божий, говорил перед Богом: «Аще ввиду в селение дому моего, или взыду на одр постели моея: аще дам сон очима моима, и веждама моима дремание и покой скраинама моима: дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю» (Пс. 131, 4—5). Подобно тому, не дремлющее попечение об устрояемой обители Божией в Щеглове непрестанно имел и приснопамятный ее основатель. Из года в год он водворял в монастыре более и более полноту иноческой жизни, порядок деятельности, дарованием новых средств отвечал на возникавшие бытовые нужды, и, по мере возможности, воздвигал здания за зданием, и так — до своей смерти.

В апреле 1880 года В. И. Макарухин обратился к высокопреосвященному Никандру с просьбой такого содержания: «В Богородичном Общежительном монастыре, что в Щеглове, по существующему порядку, отправляется одна поздняя литургия, ранней же литургии не совершается. Проникнутый постоянной заботой о благосостоянии и процветании Богородичного монастыря и принимая во внимание, что положение и состояние монастыря вызывают потребность к учреждению служения ранней литургии для удобнейшего развития и укрепления религиозно-нравственной жизни в обителях и окружающей местности, я, зная недостаточные средства монастыря, решился пожертвовать в пользу Богородичного монастыря на предмет служения ранней литургии, капитал в 10 000 рублей серебром, с тем, между прочим, чтобы ранняя литургия была совершаема о поминовении умерших монахов родителей и родственников и всех православных христиан, а процен-

ты с сего капитала, по обращении одного в билет вечного вклада кредитного учреждения, исключительно употреблялись на свечи, масло, ладан, вино, просфоры и прочие расходы и потребности при служении литургии. Почему, предоставляя при сем капитал в 10 тыс. рублей, смиреннейше прошу ваше высокопреосвященство разрешить служение в Богородичном общежительном монастыре раннюю литургию на вышеизложенных условиях³⁹.

Прошение сие было удовлетворено, и с тех пор ранняя литургия в монастыре служится ежедневно.

Такого рода попечительность Вас. Ив. утешала и преосвященного Никандра, который некогда так опасался за благоустройство вновь учрежденной обители. А процветание обители поощряло и Вас. Ив-ча на дальнейшие жертвы.

Время от времени и очень скоро сказывались и другие существенные потребности, удовлетворение которых ожидалось только от создателя обители.

Так, в октябре 1882 года Вас. Ив. обратился с таким прошением к высокопреосвященному Никандру: «Постоянно проживая в тульском Богородичном монастыре, что в Щеглове, ради спасения своей души, и заботясь о благоустройстве сего монастыря, я желал бы на свои собственные средства построить при означенном монастыре гостиницу, с той целью, чтобы дать приют посещающим монастырь богомольцам во время непогоды. Эта гостиница, по постройке, должна будет поступить в собственность Богородичного монастыря. Почему, представляя при сем на архипастырское благоусмотрение проект предполагаемой постройки здания для гостиницы, имею честь почтительнейше просить ваше высокопреосвященство сделать милостивое распоряжение к разрешению построения гостиницы при Богородичном общежительном монастыре на мои собственные средства⁴⁰. Сколько известно, по расспросам лиц, знающих дело устройства гостиницы, преосвящ. Никандр, на первых порах, отнесся к мысли Вас. Ив. не с живым сочувствием, конечно, опасаясь за содержание гостиницы, которая, как нередко в городах, могла послужить и соблазном для общежительной братии. Тем не менее, Вас. Ив. сознавал всю необходимость и непременно желал устройства гостиницы при обители, отстоящей от города версты на 2, и притом от той его части, в которой нет гостиницы с номерами для проезжающих (в Чулкове). Приют «для богомольцев монастыря» был необходим, особенно в виду более и более, с каждым годом, возрастающего числа оных. Посему поданное прошение сопровождалось и его личным ходатайством как благотворителя. На этом прошении последовала резолюция его преосвященства (за № 1312) такая: «19 октября. Благословляется устроить гостиницу при Богородичном монастыре по рассмотренному и одобренному мною проекту».

Чем дальше, тем более радовали преосв. Никандра и наибольшая благотворительность столь попечительного строителя монастыря и само быстрое возрастание его благоустройства. Это сказалось со всей очевидностью по делу устройства в монастыре особого корпуса для помещения трапезной кухни и хлебопекарни. В январе 1884 года Вас. Ив-ч снова обратился к преосвящ. Никандру с прошением такого содержания:

«По недостаточности помещения для братии, я предполагаю на собственные свои средства построить вновь внутри Богородичного монастыря, близ настоятельского корпуса, каменное одноэтажное здание для трапезной, кухни и хлебопекарни, а равно взамен ветхих деревянных: рабочей избы, сараев, амбаров, погреба и конюшни,— избу вновь построить каменную, а остальные деревянные, крытые железом, на которые при сем имею честь представить вашему преосвященству планы и всепокорнейше прошу разрешить сделать вышеозначенные постройки».

На сем прошении последовала резолюция его высокопреосвященства (за № 207), таковая: «3 февраля. Призываю Божие благословение на боголюбивого и боголюбезного благодетеля Богородичного монастыря и с сердечным удовольствием разрешаю Василию Ивановичу привести в исполнение все свои предположения относительно устройства монастырской трапезной и других монастырских служб»⁴¹.

За устройством необходимых бытовых помещений, жилых и служебных, сама собой выступала потребность в устройстве теплого храма. Но и перед этой новой и громадной задачей не отступил В. Ив-ч, вседушевно преданный своей идее, всю жизнь свою трудовую ей посвятивший. Сознавая близость окончания своего земного поприща, и, потому, не решаясь откладывать дела на будущее, В. Ив. решил создать новый, хотя бы небольшой храм, и на сей раз уже по другому знаменательному событию: устройство храма совпадало с исполнением 25-летия святительства пр. Никандра на одной тульской кафедре. Вас. Ив-ч, признательный благодушному и миролюбивому владыке за многие его труды по устройению обители и за мудрые советы, всякий раз заставлявшие хорошо, твердо, всесторонне обдумать предпринимаемое дело, решил увековечить имя преосв. Никандра, посвятить храм в память 25-летнего юбилея архиепископа Никандра, почему и престол храма освятить во имя преп. Никандра, Псковского чудотворца, тезоименитого в Бозе почившему архиепископу тульскому. И вот, 24-го мая, в субботу, 1886 года была совершена закладка этого храма о. архимандритом Богородичного монастыря Иоанном с братиею. На храмосзданной доске, при этом, было написано (славянским шрифтом): «Во славу Пресвятыя Единосущныя и Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святого Духа заложился храм сей о двух престолах, во имя преподобнаго Никандра, Псковскаго чудотворца, и Великомученика Пантелеимона, в царствование Благодетельней-

шаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА III АЛЕКСАНДРОВИЧА и при пресвященнейшем архиепископе Никандре, в лето от Рождества Христова 1886-е в 24 день мая месяца, в память 25-летияго служения Тульской епархии его высокопреосвященства архиепископа Никандра, усердием боголюбиваго жертвователя московскаго купца Василия Ивановича Макарухина при архитекторе Бочарникове. Господи благослови». Храм был готов к освящению в 1889 году и 24 числа сентября сего года (т. е. в день памяти преп. Никандра Псковского чуд.) был торжественно освящен высокопреосвященным Никандром архиепископом тульским, в присутствии г. начальника тульской губернии Н. А. Зиновьева, почетных представителей города и многочисленной массы народа.

В 1890-м году В. Ив-ч Макарухин скончался. Умирая, он оставил большую часть своего капитала в распоряжение своему родному племяннику Николаю Федоровичу Мусатову, но вместе возложил на него и обязанность содействовать дальнейшему благоустройению новосозданной обители. Верный завету своего незабвенного дяди богобоязненный Н. Ф. продолжал и продолжает, с любовью и бдительностью своего дяди, благоустроить созданную им обитель.

Так, теплый храм во имя преп. Никандра был первоначально выстроен не очень просторный,— вероятно, в том предположении, что в зимнее время нельзя ожидать многих богомольцев из города. Будущее показало, что богомольцы начали сюда стекаться, однако, в весьма значительном количестве и зимой (так, говельщиков на первой неделе Великого поста бывает до 500 человек). Тогда Н. Ф. Мусатов на средства, оставшиеся от дяди, вдвое увеличил теплый храм пристройкой с запада.

По той же причине многочисленности богомольцев, стекающихся в монастырь во всякое время года, в 1891/2 году, на те же средства, старанием Н. Ф. Мусатова к каменной двухэтажной гостинице пристроена такая же половина, так что вся гостиница теперь имеет 23 номера и две большие комнаты для странников и одна комната самоварная.

В 1892 году на те же средства вновь выстроена каменная одноэтажная больница по проекту на шесть кроватей, но может вместить до двенадцати и более. При ней отдельно аптека, фельдшерская, ванная комната и небольшая кухня с одной плитой без русской печи.

При самом начале учреждения Богородичного монастыря в ходатайстве тульских граждан перед Св. Синодом и в самом определении Св. Синода положено было устроить при монастыре школу для обучения детей тульских граждан. И школа была учреждена, вместе с открытием монастыря, и названа Александровской, в честь и память императора Александра II. Первоначально школа помещалась при самом монастыре, в небольшом флигеле; затем она переведена была в Чулково и здесь помещалась в наемном до-

Монастырская церковно-приходская школа

ме, небольшом и неудобном. А в 1895/6 году, на средства того же В. И. Макарухина и старанием того же Н. Ф. Мусатова, вновь выстроена каменная двухэтажная церковно-приходская школа на сто человек учащихся. При ней две комнаты для учащихся, с кухней и раздевальней. Здание школы помещается на пожертвованной от г. Тулы земле, в количестве $\frac{1}{4}$ десятины; усадьба с палисадником обнесена деревянным забором. Школа, находясь близ Чулкова, со стороны Богородичного монастыря, составляет не только великое благодеяние для населения этой части города, но и служит украшением этой части его, как выдающееся по объему и фасаду. А как церковно-приходская школа, она есть лучшая во всей Тульской епархии.

В жизни монастыря, находящегося вне города и лишенного всех его удобств, имеет важное значение в бытовом его отношении то обстоятельство, где и какая имеется вода, близ Богородичного монастыря нет реки, а недалеко есть ключ-колодец на городской земле. Но еще при самом возникновении монастыря граждане не пожелали уступить тот колодец монастырю, опасаясь, что они будут лишены свободного пользования этой водой. Тогда В. И. Макарухин распорядился вырыть колодец внутри стен монастыря. Вода оказалась недалеко от поверхности (не далее двух сажень даже летом), обильной и весьма хорошего качества. Над этим колодцем устроен четырехскатный шатер, а сруб колодца накрыт чугунной доской, которая представляет надпись, сделанную сквозным церковно-славянским вязанным уставом: «Почерпните воду с веселием от источника спасения». Эта надпись постоянно и ясно напоминает, что благодатное слово Евангелия есть истин-

ный источник вечно блаженной жизни, к которой по чрезвычайному обету готовят иноки св. обители.

Построение и убранство храмов Божиих, устройство жилых и служебных помещений, со всеми их удобствами, вообще благоустройство Богородичного монастыря и обеспечение его дальнейшего существования естественно затрагивают любопытный вопрос, во что все это обошлось В. И. Макарухину? Да простит нам скромность скромнейшего из благодетелей, если мы, ради научно-статистического интереса, на основании сохранившихся счетов и других точных данных, заявим, что на все дело построения и устройства Богородичного монастыря В. И. Макарухин, со своей стороны, употребил капитал в 500 000 рублей, помимо неисчетных мелочных расходов и неустанных забот и трудов.

Ввиду столь многочисленных забот о созидании и благоустройении св. обители Богородицы и столь великой жертвы денежных средств для этой цели со стороны В. И. Макарухина, само собой приходит на мысль, что этот купец — жертвователь целого сокровища-состояния поистине подобен приточному «купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашедши одну драгоценную жемчужину, пошел, и продал все, что имел и купил ее», — т. е. Царство Небесное, драгоценнейшее и вечное наследие (Мф. гл. 13, ст. 45—46). Да благословит же и примет Господь сию жертву — плод целой жизни честнейшего и боголюбивого труженика и да будет сей духовный делатель в вертограде Господа и Его Пречистой Матери достоин своей награды — Царства Небесного!

VII. Святые храмы

Наилучшим украшением монастыря служат св. храмы. Не имея исторической давности и чрезвычайных святынь, они, тем не менее, заслуживают подобного описания в некоторых отношениях.

Главный вход в монастырь образуют св. врата, устроенные под аркой нижнего яруса колокольни, возвышающейся посередине западной стены монастырской ограды, в виде особой башни, непосредственно выходящей из стены, как ее составная часть. Св. врата представляют железную кованую двустворчатую решетку, с внутренним запором на створах; повешены на железных крючьях, утвержденных в двух каменных стенах арки первого яруса колокольни. Решетка врат украшена многими бронзовыми медальонами с рельефными изображениями на них. И над вратами, с западной стороны, в особой раме, в виде выступа на стене, помещается Иверская икона Божией Матери. Непосредственно над аркой св. врат высится башня колокольни. Первый ярус ее четырехгранный заканчивается двускатным верхом на каждой стороне; а на углах и по

Храм во имя Пр. Богородицы,
именуемой Млекопитательницей

середине каждой стороны выступают подвесные колонки, завершающиеся главками-маковками с крестами. Верхний ярус восьмигранный, с четырьмя пролетами, каждый завершается двойной аркой, разделяемой гирькой. Поверх карниза — ряд стрельчатых кокошников. Над ними возвышается восьмигранный, пирамидальный, усеченный шатер крыши, окаймленный вверху также венцом стрельчатых кокошников. Кровля завершается луковичной главой с маковицей (яблоком), которая служит основанием водруженного в ней шестиконечного креста. Пролеты (или просветы) каморы, где висят колокола, огорожены деревянным балясником. Всех колоколов девять. Из них самый большой 208 пуд. 23 ф. [$\approx 3,4$ т]. На нем вылита следующая надпись: «Во славу святых единосущных животворящих и нераздельных Троицы Отца и Сына и Святого Духа, вылит звон (т. е. все десять колоколов) в город Тулу, в обитель иноков Богоматери Млекопитательницы иждивением Боголюбца, из обитателей первопрестольного города Москвы, при преосвященном епископе Алексие тульском и белевском в царствование Императора и Самодержца Всероссийского Александра Николаевича 1861 года в январе месяце. Весу 208 п. 23 ф. В заводе потомственного почетного гражданина Харьковского 2-й гильдии купца Ивана Ивановича Рыжкова, в Харькове, мастером московским мещанином Михаилом Алексеевым Альховиковым». Второй колокол весом 107 п. и 37 ф. [$\approx 1,8$ т] с надписью «благовестуй земле радостью велию, хвалите небеса Божию славу». На остальных колоколах надпись одна и та же — фамилия заводчика. Вес третьего — 52 п. 39 ф. [$\approx 0,9$ т], четвертого — 28 п. 26 ф. [$\approx 0,5$ т], пятого — 11 п. 27 ф. [$\approx 0,2$ т], шестого — 6 п. 17 ф. [$\approx 0,1$ т], седьмого — 2 п. 39 $\frac{1}{4}$ ф. [$\approx 0,05$ т], восьмого — 1 п. 26 $\frac{1}{2}$ ф. [$\approx 0,03$ т], девятого — 37 $\frac{1}{4}$ ф. [$\approx 0,02$ т]. А во всех колоколах весу — 421 п. 32 ф. [≈ 7 т].

Главный шатер колокольни, а также и ее детали, крыты обыкновенно, листовым железом и окрашены медянкой.

Внутри монастырской ограды, почти на середине площади, на расстоянии 10-ти сажений [$\approx 21,3$ м] от колокольни, на восток, высится главный храм обители, во имя Богородицы-Млекопитательницы. Храм сей каменного здания, кубической формы, двухэтажный. Покрыт по деревянным стропилам листовым железом на четыре ската; кровля окрашена медянкой. Для стока дождевой воды с крыши проведены 14 водосточных труб. Над крышей возвышаются пять куполов в виде отдельных восьмигранных башен, со стрельчатыми кокошниками по верхнему краю и с пирамидальным восьмигранным покрытием каждая. Пять глав с вызолоченными маковицами (яблоками) увенчаны шестиконечными крестами. Кресты медные, вызолоченные. В среднем куполе восемь окон, с полукруглым верхом⁴². На восточной стороне выступает троечастная алтарная апсида (округление), с средним наибольшим выступом. Части алтарной апсиды отделены гранитными полуколоннами, в высоту стены, от фундамента до карниза.

В верхнем холодном этаже этой церкви 22 окна, которые вверху также полукруглые с одиночными рамами; решеток железных нет; в нижнем теплом этаже 22 окна, четырехугольных, небольшого размера, с двойными рамами и с железными решетками. Вход в церковь один, с западной стороны, ведущий прежде в притвор; перед входными дверями площадка, в виде паперты, с двумя ступенями. Дверь при этом входе дубовая, створчатая, из двух половин, до половины снизу глухая, столярной работы, а вверху стеклянная, навешана на железных шолнерных петлях; при ней медные скобы и внутренний замок; над сей дверью в крестообразном, с полукруглыми оконечностями отверстии, сделанном в стене притвора, находится икона Нерукотворенного образа Иисуса Христа, живописной работы, написанная на железной доске, а вверху сей стены притвора — крест. В самом притворе, в нижнем и верхнем этажах, по четыре окна одинаковой формы с окнами в самом храме; над входною дверью, внутри притвора, икона Киево-Печерской Божией Матери, написанная на полотне. Из притвора, для входа в верхнюю церковь, сделана каменная лестница о 16 ступенях; лестница сия, равно как и площадка перед дверями, ведущими в церковь, огорожена железной решеткой с деревянными поручнями столярной работы. При входе в верхнюю церковь дверь железная, створчатая, глухая с двумя наружными запорами, а за ней дверь деревянная, створчатая, из двух половин, столярной работы, до половины снизу глухая, окрашена масляной лаковой краской, а вверху стеклянная, навешана на медных шолнерных петлях. При ней медные скобы и внутренний замок. В нижнюю церковь ведут две каменные лестницы: о 9 ступенях каждая, расположенные по сторонам лестницы, ведущей в верхнюю церковь. При входе в нижнюю церковь дверь железная, створчатая, глухая, а за нею дверь деревянная, створчатая, глухая. Под лестницей, ведущей в верхнюю церковь, сделан небольшой чуланчик для приборки некоторых мелочных вещей; дверь у сего чуланчика одиночная, деревянная, навешана на железных петлях. Помост около сего чуланчика и перед входом в нижнюю церковь вымощен каменными плитами.

В верхней, холодной церкви три престола: в настоящей, в середине — во имя Млекопитательницы Божией Матери; в приделе с южной стороны — во имя Рождества Иоанна Предтечи; в приделе с северной стороны — во имя св. Василия Блаженного.

Пол в алтаре, под иконостасом, равно как во всей церкви, деревянный, крашенный; при скоте от иконостаса на пол в трапезную церковь имеются две ступени; перед дверями южной и северной среднего иконостаса два клироса с деревянными резными балясниками, вызлащенными; на углах и при входе — четырехгранные колонны, вызлащенные. Своды церкви, равно как и купол, утверждаются на четырех, каменной кладки, четырехугольных столбах, находящихся посередине церкви, на равном между собой и от стен

расстоянии; между семи столбами и от столбов до стен проходы устроены арками; около арок имеются в столбах малые уступы, сделанные при кладке, в виде карнизов; уступы эти или карнизы вылащены.

Под сводами, посередине храма над четырьмя столбами, под так называемым десятиком, утвержденным на сих сводах и служащим основанием для купола, изображены на четырех сторонах четыре евангелиста, написанные на стенах, а внутри купола, на восточной стороне, изображен Господь Саваоф, стоящий на херувимах, а от него по обе стороны, в простенках между окнами, написаны семь архангелов, с их символами. По сводам часто размещены золоченые звезды; из них некоторые побольше других. Средний алтарь верхней церкви окрашен клеевой краской, постенно не расписан. Св. Антиминс [17; 382] из желтого атласа, освящен в 1864 году, сентября 8 дня. На горнем месте [18; 382] написан на стене Иисус Христос, благословляющий обеими руками.

Предалтарный иконостас верхней трехпрестольной церкви устроен в 1859 году, столярной работы, весь с резьбой, позлащен и состоит из трех ярусов. В нем средние царские врата резные, сквозные, вылащенные: в середине, при створе врат, столбик резной, витой, вылащенный; по бокам врат колонны резные, вылащенные; наверху сих колонн утвержден карниз с полукружием; в середине сего полукружия — изображение херувима, резной работы, с позолотой.

В иконостасе и по стенам размещены многие, в разных отношениях достопримечательные иконы:

Местная икона Спасителя, сидящего на троне и держащего на руке Евангелие финифтяное, с изображением слов: «Не судите, да не судимы будете». Доска иконы кипарисная; риза серебряная, позлащенная; на ней пять финифтяных клейм с изображением слов — на двух: «Иис. Хрс.», на двух: «Господь Вседержитель», а на пятом внизу подпись: «Святой образ Господа Вседержителя написан в г. Тулу во вновь устроенный монастырь 1859 года декабря 20 дня». Четыре символические животные при Спасителе серебряные, литые, держащие каждое по серебряному Евангелию. Венец около лика Спасителя серебряный, позлащенный, с тремя финифтяными клеймами. Вес в ризе — 25 фун. 90 зол. [≈ 14 кг].

К северу от царских врат — икона Божией Матери с младенцем Иисусом, именуемой Млекопитательницы; писана на кипарисной доске; на ней серебряная позлащенная риза, два финифтяных клейма сверху, с изображением на них: МР: ΘΥ; а внизу серебряная дщица [дощечка], на которой вычеканена надпись вязью: «Сей святой образ написан и риза устроена в Москве в город Тулу во вновь устроенный мужеский монастырь, что в Щеглове. 1859 года июня 29 дня». Около лика Богоматери на покрывале сразовая звезда, в середине коей стекло красного цвета;верху покрывала венец, у

когого нижняя обводка гладкая, серебряная вышпеченная, сверху обводки сияние также серебряное, вышпеченное, по протяжению сияния на пяти разных рисунках по пяти стекол, из коих по четыре красного цвета, а в середине по одному цвета бирюзового; в середине венца серебряная чеканной работы корона, осыпана крутом стеклами бирюзового и красного цвета; по бокам в короне на середине два стекла красного цвета; наверху короны рисунок чеканной работы и по нем в виде креста расположены пять стекол, из коих по сторонам и наверху по одному стеклу малого размера, красного цвета, а в середине и внизу два стекла, размером большие, бирюзового цвета; на оплечьях Богоматери по ризе две стразовые звезды, в середине коих по одному стеклу белого цвета; ожерелье и нарукавицы осыпаны разноцветными стеклами красного и бирюзового цвета. Около лика Спасителя венец серебряный позлащенный, нижняя обводка гладкая, сверху обводки, между сиянием, на пяти рисунках чеканной работы по пяти малых стекол, из коих по четыре красного цвета и пятая, в середине, бирюзового цвета; на обводке слова из стразовых зерен: «ΩΩΝ» Весу в ризе 23 фунта 39 зол. [≈ 11,1 кг].

Икона св. Иоанна Предтечи, с крилами, стоящего и держащего в купели Младенца; венцы около лика Предтечи и Младенца, а равно вся риза серебряные, вышпеченные, и доска кипарисная; около главы два финифтяных клейма с надписью: «Святой Иоанн Предтеч»; в руке финифтяная хартия со словами: «Се Агнец Божий, вземля грехи всего мира...» На сей доске изображения, под серебряными вышпеченными ризами, с правой стороны, вверху — Ангела, ведущего Иоанна в пустыню; около обоих ликов венцы серебряные, позлащенные, и над оными финифтяное клеймо с надписью: «Ангел Господень веде св. Иоанна в пустыню»; ниже сего — финифтяное клеймо со словами: «Рождество св. Иоанна Предтечи»; в самом же изображении рождества Предтечи, около ликов Захарии и Елизаветы венцы. С левой стороны вверху финифтяное клеймо с надписью: «Обретение честная главы Иоанна Предтече»; в самом изображении около главы Предтечи венец, а прочие лики без венцов; внизу финифтяное клеймо со словами: «Усекновение главы Иоанна Предтечи», в самом изображении около Иоанна несколько наклонившего голову, венец; спекулятор представлен с мечом поднятым, а дочь Иродиады изображена стоящей с блюдом [19; 382]. В самом низу сей иконы, под ногами Иоанна Предтечи, финифтяная надпись: «Образ св. Иоанна Предтечи и крестителя Господня, написан и риза устроена в Москве в город Тулу во вновь устроенный монастырь Питательницы Божией Матери 1859 года декабря 20 дня». По углам ризы разные гравюры чеканной работы, а около иконы — колонны резной работы, вышпеченные. Весу в ризе с венцами 24 фун. 24 зол. [≈ 11 кг].

По правую сторону у врат икона св. Василия Блаженного, во весь рост, стоящего с простертыми руками на молитве к Спасителю. Риза и венец се-

ребряные, позлащенные; на ризе три финифтяные клейма; на двух из них написано: «Святый Василий Блаженный», а на третьем внизу: «Образ св. Василия Христа ради юродиваго написася... 1859 года декабря 29 дня». На углу иконы, с правой стороны, изображен Спаситель, до половины покрытый облаками, правой рукой благословляющий, а в левой руке держащий Евангелие. Венец около лица Спасителя и риза серебряные, позлащенные. Посередине иконы изображен фасад церкви Василия Блаженного, без оклада, а ограда церкви с перилами серебряная, чеканной работы, утверждена одинадцатью серебряными столбиками; ограда сия имеет вид постройки из цокольного камня; при ногах Василия Блаженного изображена корчмица и при ней изображение подобия двух бочонков, серебряных чеканной работы; прикреплено сие двумя столбиками. По углам ризы разные гравюры чеканной работы. Весу в ризе двадцать один фунт ($\approx 8,6$ кг).

За двумя передними или ближними к алтарю столбами находятся два киота столярной работы; по сторонам сих киотов колонны разные, витые, вызолоченные; выше места, назначенного для помещения икон, на сих киотах по одному херувиму, резной работы, вызолоченному, а на самом веру по деревянному кресту, вызолоченному. Устроены сии киоты для помещения икон: «Божией Матери Боголюбской» и «Отрады или Утешения».

Икона Божией Матери, именуемая «Боголюбской», на кипарисной доске, риза серебряная, позлащенная; изображена Богоматерь стоящей и поднявшей левую руку горе, а в правой руке держащей хартию финифтяную со словами: «Владыко Вседержителю» и проч.; риза Богоматери около краев обложена красными и синими стеклышками, из коих красные покрупнее; на оплечье ризы по одной звезде из стразов, а в самой середине каждой звезды по одному синему стеклышку; около лица Богоматери и на рукавицах обнизано стеклами красного цвета, а на рукавицах по одному синему стеклышку; венец отравирован резьбой, на оконечности венца прозрачной; на венце, ближе к лику обложено белыми стеклышками, а на оконечности венца стекла синего и красного цвета; на покрывале близ лица звезда из мелких стразов, а в середине звезды стеклышко красного цвета; выше сей звезды корона из жемчуга, в коей вложено несколько мелких бриллиантовых камушков, наверху короны крестик из жемчуга. На самом веру иконы клеймо финифтяное со словами: «Об. Боголюбския Б. М.»; под ногами Богоматери финифтяное клеймо со словами: «Написася сей образ 1851 года 24 октября, а риза сделася 1852 г.» Годы и число месяца написаны славянскими буквами. На углу сей иконы вверху, куда обращен лик Богоматери и куда Она подняла руку, изображен Иисус Христос, благословляющий правой рукой и сидящий в облаках, на коих изображены четыре херувима. Венец около лица Спасителя отравирован резьбой, на оконечности венца прозрачной, украшен разноцветными стеклышками синего, красного и, ближе к ли-

ку, белого цвета; а в венце слова из стеклышек бирюзового цвета: «ѠН». Ниже сего изображен вид монастыря, обнесенного оградой; а пониже сего монастыря — стоящий перед Богоматерью на коленях человек, испрашивающий помилования; около лика его венец отравирован резьбой — ближе к лику разных рисунков, а на оконечности венца прозрачной; на нарукавицах у него и на груди, в виде застежек, по одному синему стеклышку, обложены кругом мелкими стразами. Весу в ризе двадцать фунтов и шесть золотников [≈ 8,5 кг]. Это та самая икона, перед которой В. Ив. Макарухин и его тайный духовник о. иеромонах Никандр дали священный обет построить монастырь в Туле. Посему сия св. Икона есть действительно *заветная святыня* теперь цветущей Богородичной обители, как памятник незыблемой надежды ее благоговейных строителей.

Икона Божией Матери, именуемой «Отрада или Утешение», на кипарисовой доске; риза на иконе серебряная, позлащенная. Богоматерь изображена держащей на левой руке Иисуса Христа, отводя правой рукой руку Иисуса от уст своих. У Иисуса Христа в левой руке свиток; около лика Богоматери оклад сделан в виде покрывала и на середине сего покрывала серебряно-вызлащенная звезда, по ней зерна белого стекла, кругом 6 зерен красного и бирюзового цвета, а в середине зерно красного цвета; венец около лика Богоматери отравирован разной резьбой, местами прозрачной; около лика Спасителя такой же венец, а в венце буквы белого цвета, «ѠН». На сей иконе три финифтяных клейма; на двух из них слова: «MP ΘY», а на третьем внизу надпись: «Образ Пресвятыя Богородицы Отрады или Утешения». Вес 30 фун. и 75 зол. [≈ 15,5 кг].

За двумя дальними от алтаря столбами находятся два киота столярной работы, по сторонам сих киотов колонны резные, вызлащенные, выше назначенного для помещения икон места на сих киотах — по одному херувиму, резной работы, с позолотой, а на самом верху по деревянному кресту, вызлащенному; устроены сии киоты для помещения икон «Пресвятыя Троицы» и «Воскресения Христова». Сооружены сии киоты иждивением В. Ив-ча Макарухина в 1888 году. Кроме того, примечательны:

Образ Божией Матери Владимирской, в серебряной ризе вызолоченной: длиной 5 1/2 вершк. [≈ 24,5 см], шириной 4 3/4 вершк. [≈ 21,1 см]; поднесен строителем Богородичного монастыря В. Ив-чем Макарухиным иеромонаху Иоанну, по избрании его братией в настоятели сего монастыря, 24 февраля 1886 года. И образ «Господь Вседержитель» с предстоящими Божией Матерью и Предтечею, в серебряной, вызолоченной ризе, длиной 6 вершк. [≈ 26,7 см], шириной 5 вершк. [≈ 22,2 см]. Сия икона также поднесена В. Ив-чем Макарухиным настоятелю Богородичного общежительного, что в Щеглове, монастыря, отцу Иоанну, в память посвящения его в сан архимандрита, 21 апреля 1886 года.

Преимущественно чтимая святыня Богородичного монастыря это — части св. мощей Великомученика и Целителя Пантелеймона, Евфимия, Акакия и Игнатия. На доске, в которую вложены части св. мощей, серебряная позлащенная риза; на ней в середине изображен крест прорезной, а в сем изображении вложен серебряный, позлащенный небольшого размера, крест, в коем вложена часть Животворящего Древа. Ниже креста — часть от Гроба Господня и ниже сего надпись, под чернию: «Часть от Гроба Господня». На одной стороне креста, с правой стороны, изображения: первое — Великомученика Пантелеймона, с надписью наверху: «Ч. М. С. Пантелеймона», второе — Игнатия, с надписью наверху: «Ч. М. С. Игнатия»; с левой стороны изображения: первое — св. Евфимия, с надписью: «Ч. М. С. Евфимия», второе — Акакия, с надписью наверху: «Ч. М. С. Акакия». Доска вложена в ковчег в виде гробницы; на середине оной крест, накладной, серебряный, вызолоченный, с изображением Распятия Спасителя и со словами над главою: «І. Н. Ц. І.» [20; 382]. По углам гробницы накладные изображения серафимов, малого размера, серебряные, вызолоченные.

В нижнем, теплом этаже храма было предложено устроить три стола, но в настоящее время имеются два: в середине — св. Иосифа Песнописца и св. Георгия иже в Малей (в память 4-го апреля 1866 года) и в северном приделе — во имя Рождества Христова. Нижний храм ни в устройстве, ни в убранстве своем не представляет чего-либо особенно примечательного.

На юго-восток от главного храма Богородицы-Млекопитательницы, на расстоянии 20-ти саженьей от него, находится небольшая церковь Успения Пресвятой Богородицы. Зданием каменная, малого размера, без колокольни; покрыта листовым железом, крыша окрашена медянкой; крест на куполе железный, вызолочен. В куполе два окна: а в самой церкви девять окон, с двойными рамами и железными решетками. Вход в церковь один, с западной стороны, через парадное крыльцо, находящееся при флигеле, назначенном для помещения настоятеля монастыря. При входе в сию церковь первая дверь створчатая, деревянная, столярной работы, глухая, окрашена белилами, навешана на медных шолнерных петлях, с внутренним замком и с двумя медными простыми скобами; за ней другая дверь, створчатая же, до половины снизу глухая, а сверху со стеклами, навешана на медных шолнерных петлях, с внутренним замком.

Этот, по времени первый, храм был устроен вместе с монастырской оградой и прямо в юго-восточной ее башне, к которой непосредственно примыкают и настоятельские келии, так что с башней и церковью составляют одно здание; иначе говоря — Успенская церковь есть домовая или келейная. Примечательно, что при заложении этой церкви, а следовательно, при самом начальном основании монастыря, первыми на его фундаменте положе-

ны были четыре кирпича, привезенные создателем иеромонахом Никандром из Киево-Печерской Успенской лавры и там освященные. Таков дух русского благочестия и до того простирается связь новоустроаемых русских обителей с их общей родоначальницей Киевской лаврой! По той же тесной, веками утвердившейся связи каждого монастыря с лаврой преподобных Антония и Феодосия, и по их примеру, и новоустроенная первая церковь Щегловского Богородичного монастыря освящена во имя Успения Пресвятой Богородицы. Из Киево-Печерской лавры привезена и небольшая икона Успения — икона киевской, знаменитой чудотворной, и, по подобию той, помещена непосредственно над царскими вратами. Это священный дар великой церкви киевской в благословение новозданному монастырю тульскому. Антиминс Успенской церкви освящен преосвященным Никандром, епископом Тульским и Белевским, июня 9-го дня 1863 года. С этого времени и началось богослужение в Щегловском монастыре, первоначально при самой скромной обстановке. Вначале здесь служил только один иеромонах Никандр со своим послушником. Но благословение Божие почilo на Богородичной обители, и вот теперь ее храмы наполняются уже и ликами иноков, и сонмами богомольцев.

К северо-востоку от храма Богородицы-Млекопитательницы находится довольно обширный каменный храм во имя преподобного Никандра, Псковского Чудотворца, устроенный в память двадцатипятилетия святительства приснопамятного тульского архипастыря, в Бозе почившего архиепископа Никандра. Храм этот не представляет особенностей в своем устройстве и убранстве; заслуживают упоминания только полкруглые своды на дугообразных арках, голосники в сводах и крестчатый план покрытия. Храм теплый; богослужение в нем совершается в зимнее время. «»

Все храмы имеют весьма благолепную обстановку, богато наделены предметами утвари и церковно-богослужебными принадлежностями. Благодаря пожертвованиям В. Ив-ча Макарухина и вкладам некоторых других лиц, монастырь имеет ризницу весьма полную и богатую по количеству, разнообразию и ценности всякого рода облачений,— что вполне соответствует благолепному убранству самих храмов.

VIII. Настоятели

С открытием монастыря и по мере его благоустройства, весть о нем начала распространяться во все страны нашего обширного отечества; и вот, под покров святой обители стали собираться ее обитатели — иноки. Как в древнейшее время нашей истории монастыри северной и средней Руси сносились с южными и сонмы иноков северных монастырей были отраслями

южных цветущих обителей; так и до настоящего времени южные обители привлекают внимание северных своими знаменитыми святынями и строгим порядком монашеского общежития. Устроителям Богородичного монастыря желательно было, чтобы ядром нового общества иноков были достойные братья и начальники; а потому взоры их устремились к родоначальнице всех русских монастырей — Киевской лавре и ее святым насаждениям южно-русским монастырям. И вот, на первых же порах, были вызваны в Щеглово иноки глинской пустыни, Курской епархии, из коих потом некоторые были и настоятелями. Посредником в сношении с Глинской пустынью явился тульский купец Антон Карпов Власов (он же — Кувшинников, тесть Мих. Мих. Струкова), бывавший в Глинской пустыни по своим коммерческим делам.

Назначение первого настоятеля Богородичного монастыря иеромонаха Глинской пустыни Моисея состоялось в 1870 году. Именно 7-го марта 1870 года последовал указ из тульской духовной консистории, за № 1260-м, на имя благочинного монастырей Тульской епархии иеромонаха Тихона. В указе, между прочим, сказано, что резолюцией преосвященного Никандра епископа Тульского и Белевского, последовавшей на отношение преосвященного Сергия, епископа Курского, о назначении иеромонаха Глинской пустыни Моисея настоятелем Тульского Богородичного общежительного монастыря, предписано: иеромонаха Моисея определить настоятелем со званием строителя монастыря и предписать иеромонаху Моисею принять в свое заведование все церковное и монастырское имущество обители и, если не имеется описи сему имуществу, то составить таковую опись по наличности вещей и предметов, по высочайше утвержденной форме, для чего консистория снабдит иеромонаха Моисея таковой формой без замедления. Вследствие чего консистория и предписала о благочинному ввести в должность строителя Тульского Богородичного монастыря Глинской пустыни иеромонаха Моисея по надлежащему⁴⁵. Он и начал собой ряд настоятелей Щегловского Богородичного монастыря.

1. *Иеромонах Моисей*, первоначально — послушник Глинской пустыни, затем поступил в братство Белгородского Троицкого монастыря; здесь был посвящен в иеромонахи. Из Белгорода перешел в курский архиерейский дом; а отсюда в 1870 году, был назначен настоятелем Богородичного монастыря в Тулу. Находясь здесь только около двух лет, иером. Моисей ни в чем не проявил своей деятельности, что могло бы послужить предметом особого упоминания. Из Тулы он переселился в один из московских монастырей и там скончался.

2. *Иеромонах Нафанаил* (в мире — Николай Вощенко). Из мешан г. Харькова. Женат не был. До производства в монашество проходил раз-

ные общежительные послушания в Глинской Богородичной пустыни, Курской епархии, с 1849 года. В монашество пострижен в 1857 году июля 25 дня в Глинской Б. пустыни игуменом Иоасафом. В иеродиаконы рукоположен 6 апреля 1858 года, в иеромонахи 2 августа 1862 г. В том же году 17-го августа перемещен в Курский Знаменский монастырь и определен ризничим. 14-го октября 1864 года награжден набедренником. В 1868 г. 12 апреля по прошению уволен от должности ризничего с засвидетельствованием ему признательности за добрую жизнь и перемещен обратно в Глинскую пустынь. В 1872-м году 31 октября перемещен в Тульский Богородичный общежительный монастырь и определен настоятелем сего монастыря. А в 1886-м году 24 апреля, вследствие прошения его, по преклонности лет и слабости здоровья, уволен от должности настоятеля. Этот, в настоящее время 75-летний старец, по старческой немощи, очередного священнослужения уже не проходит. Иеромонах Нафанаил, во время своего сравнительно долговременного управления монастырем, заботился о хозяйственном благоустройстве. При нем, между прочим, по его личному ходатайству перед лесным департаментом, в монастыре и около монастыря насажена роща из разнородных деревьев — берез, лип и пр., для насаждения которой употреблено приблизительно до четырех тысяч корней. В настоящее время она представляет прекрасный парк.

3. *Архимандрит Иоанн* (в миру — Иван Воскресенский). Из духовного звания, сын священника села Радогощи, Одоевского уезда, Федора Воскресенского. Женат не был. По увольнении из низшего отделения тульской духовной семинарии определен в число послушников тульского архиерейского дома, 27-го мая 1847 года, а 24 февраля 1851 года, по резолюции преосвященного Дамаскина, получил звание рясофорного. По указу Св. Синода, в 1852 г. 29 марта пострижен в монашество; а 6-го апреля того же года преосвященным Димитрием рукоположен в иеродиаконы. В 1861 году 16-го апреля преосвященным Никандром рукоположен в иеромонахи. О. Иоанн очень рано обнаружил свои хозяйственные способности и отличную исполнительность по всевозможным поручениям. А потому, еще в 1858-м году, резолюцией преосвященного Алексия, 14 апреля, он определен смотрителем при приеме всех материалов и наблюдением за рабочими при постройке Николочасовенской церкви. За исполнительность многочисленных подобных поручений он был награжден набедренником 6-го декабря 1864 г. О. Иоанн, по выражению пр. Никандра, был человек «не книжен», но в своем деле незаменимый. Отличная распорядительность о. Иоанна открыла ему доступ к лучшей должности и высшему званию: именно по предложению, данному преосвященным Никандром тульской консистории, о. Иоанн определен казначеем тульского архиерейского дома 19-го января 1866 года;

а в 1868 году 8 января он был определен исправляющим должность эконома архиерейского дома и, наконец, 1-го января 1869-го года, утвержден в этой должности. За усердное исполнение своих обязанностей в этих и других должностях о. Иоанн всемилостивейше был пожалован золотым крестом 8-го апреля 1873 года. Постепенно приобретенная опытность в хозяйственных делах, а также знание людей и умение с ними обращаться, открыли о. Иоанну переход к новой должности — благочинного всех монастырей Тульской епархии (20-е августа 1876 г.— 5-е апреля 1886 г.). По вниманию к весьма ревностному исполнению всех обязанностей, насколько сложных, крайне хлопотливых, настолько же трудных и ответственных, о. Иоанн, по ходатайству архиепископа Никандра, указом Св. Синода, от 18—22 марта 1886 года, за № 691-м, произведен в сан архимандрита, каковой сан и возложен на него 20 апреля 1886 года. Будучи архимандритом и состоя в должности архиерейского эконома, он был избран братией Щегловского Богородичного монастыря в настоятели оного, на место бывшего о. Нафанаила, в каковой должности, по указу Св. Синода и утвержден был 24-го апреля 1886 года, с оставлением его в должности эконома архиерейского дома. Эти должности он и проходил с примерным усердием до своей кончины, последовавшей 23-го февраля 1890 г.

4. *Иеромонах Арсений* (в миру — Арефа Чекомас). Из государственных крестьян Рыльского уезда, Курской губернии. Женат не был. До производства в священнослужители проходил разные общежительные послушания в Глинской Богородичной пустыни Курской епархии, с 1864 года; в 1866 году 6 октября определен в число послушников сей пустыни; в 1870 г. июня 10-го перемещен в тульский Богородичный общежительный, что в Щеглове, монастырь. В монашество пострижен в 1877 году августа 15-го дня, в Тульском Богородичном монастыре настоятелем иеромонахом Нафанаилом. Рукоположен в иеродиакон 11-го марта 1879 г., а в иеромонахи 1880 года 20 июля. В 1855 г. октября 15-го определен благочинным Богородичного монастыря. В 1889 г. сентября 24-го, за беспорочную службу и усердное прохождение послушаний награжден набедренником. В 1890 г. марта 26 числа, определением Св. Синода утвержден настоятелем Богородичного монастыря, что в Щеглове. Скончался от тифа 28-го августа 1892 года, в 2 1/2 час. дня. Погребен в склепе под престолом св. И. Предтечи. О. Арсений, избранный из среды своей братии, справедливо пользовался ее доверием: он отличался кротостью характера, добротой сердечной; хорошо знал церковный устав и пение. При добросовестном внимании к своим обязанностям, он умело поддерживал внутренний строй монастырской жизни, в особенности порядок церковного священнослужения. По сердечной доброте, он отличался благотворительностью нищей братии. А потому справедливо пользовался

особым расположением скимонаха Варсонофия, милостивым вниманием высокопреосвященного Никандра, уважением братии и многих граждан. Его преждевременная кончина была глубоко грустным событием для всех знавших его.

5. *Иеромонах Сергий* (в мире — Иннокентий Иванов). Из крестьян, сын унтер-офицера Иркутской губернии. Женат не был. По распоряжению иркутского епархиального начальства, вследствие прошения, определен в Пособольский Спасопреображенский второклассный монастырь послушником в 1858 г. октября 25-го. В 1859 г. января 25 высокопреосвященным Евсеем архиепископом Иркутским посвящен в стихарь; в том же году ноября 27-го определен послушником в Иркутский Вознесенский первоклассный монастырь. В 1861 г., по прошению, перемещен в могилевский архиерейский дом послушником. С 1862 г. июня 19-го, в течение двух лет, находился при свите высокопр. Евсевия в С.-Петербурге. В 1869 г. марта 31 дня пострижен в монашество в могилевском архиерейском доме, высокопреосвященным Евсеем архиепископом Могилевским; в том же году 6-го августа рукоположен в иеродиаконы, а в 1874 г. мая 5-го рукоположен в иеромонахи. В 1869, 1872, 1875 и 1878 годах был командирован в г. Москву для принятия св. мира и частиц св. мощей для церквей Могилевской епархии. В 1877 г. марта 24 награжден набедренником; в 1881 г. 18 апреля всемилостивейше награжден наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым. В 1855 г. декабря 4-го, резолюцией преосвящ. Сергия, епископа Могилевского, назначен казначеем архиерейского дома. В 1887 г. ноября 30-го, по резолюции высокопреосвященного Никандра, архиепископа Тульского, принят в Тульскую епархию и определен в число братства Новосильского Свято-Духова монастыря, впредь до назначения ему административной должности, которая вскоре и поручена была ему, а именно — в 1888 г. января 9-го он был определен строителем Новосильского Свято-Духова монастыря; в каком званнии находился два года. В 1890 году марта 1-го перемещен в тульский архиерейский дом на должность эконома. В 1891 г. сентября 24-го ему преподали благословение Св. Синода с грамотой за пожертвование. Наконец в 1892 году 2—4 октября, по избранию всей братией Богородичного общежительного монастыря, он определен Св. Синодом настоятелем сего монастыря, с увольнением от должности эконома архиерейского дома. Распорядительность о. Сергия, как эконома, обнаружилась лучше всего в голодный 1891 год, когда он состоял казначеем тульского епархиального комитета по продовольствию голодающих и отлично и исправно вел это сложное и ответственное дело. О. Сергий отличался правдивостью и вниманием ко всем сторонам монастырской жизни. При нем улучшилось храмовое пение; им введен порядок — в каждый воскресный день, после вечерни, отправлять

молебен с акафистом Спасителю, что поддерживается и до сего времени. В мае 1895 года, вследствие тяжелой нервной болезни, он принужден был оставить должность настоятеля и предпринял продолжительное лечение (первоначально в Риге, а потом в обители) и теперь на пути к выздоровлению.

б. *Иеромонах Илари́й* (в миру — Иван Игнатъев). Из духовного звания, сын псаломщика г. Черни. Обучался в тульском духовн. училище и в оном окончил курс, по окончании которого был определен в псаломщики к Староникитской церкви г. Тулы 12 января 1856 года. Был женат. Лишившись жены, по 1-му браку, он в 1857 году 14 сентября, по прошению, определился в послушники тульского архиерейского дома. В монашество пострижен 1 ноября 1861 года в Крестовой церкви тульского архиерейского дома. В 1862 году мая 9 дня рукоположен в иеродиаконы, а в 1873 году сентября 3-го рукоположен в иеромонахи. В 1881 году ноября 1-го дня награжден набедренником. В 1895 г. мая 4-го дня, резолюцией преосвящ. Ириней, епископа Тульского, назначен исправлять должность настоятеля Богородичного монастыря (за болезнью о. Сергия); а 9-го сентября того же года, по единогласному выбору братии монастыря, указом Св. Синода, за № 4321, назначен на должность настоятеля сего монастыря, и 24 сентября того же года возведен в сан игумена, в каковом сане и проходит свое служение в настоящее время. Избранный всей братией монастыря, о. Илари́й, с твердой преданностью Промыслу Божию, вступил на подвиг служения, столь ответственного, и для него тем более трудного, что он, до того времени, по личному опыту, не знал быта общежительного монастыря. Озабоченно вникая во все стороны нового строя жизни, он ревностно стремится поддержать порядок, во всей его строгости, причем обнаруживает особую склонность к благолепному убранству храмов. Из его распоряжений заслуживает признательности и упоминания особое поминовение усопших; а именно: при каждом служении ранней литургии в алтаре поют «Со святыми упокой», что исполняется неопустительно.

Этот недлинный ряд настоятелей Богородичного монастыря не представляет лиц, выдающихся своими природными умственными дарованиями или значительным книжным образованием или подвижничеством: тем не менее все они стремились поддержать порядок монастырской жизни, старались привлекать новых членов в священное братство и располагать братию к исполнению своего святого долга. Этим и объясняется то, что монастырь не только не приходил в упадок, но и понемногу укреплялся и умножался. В настоящее время в монастыре состоят налицо, при одном игумене-настоятеле, десять иеромонахов, два иеродиакона, три монаха, три послушника приуказных и двадцать восемь неприуказных.

IX. Памятники

В недрах священной земли, под сводами помоста храма Пр. Богородицы-Млекопитательницы, во блаженном успении вечный покой нашли как сам первоначальник и строитель св. обители схимонах Варсонофий, так и его сподвижник иеромонах Никандр и другие сотрудники и сослуживцы, — как бы одно семейство во Христе Иисусе. Над их прахом своевременно устроены благолепные надгробия с достопамятными надписями.

1. Достопамятнейшая из всех могила схимонаха Варсонофия находится под алтарем северного придела, посвященного имени св. Василия Блаженного. Над ней выложено каменное надгробие, покрытое медной, высеребрянной доской. На доске против главы почившего — восьмиконечный вызолоченный крест, с рельефным распятием. Под крестом, славянскими выпуклыми и вызолоченными буквами сделана надпись: «Здесь погребен схимонах Варсонофий в мире московский купец Василий Иванович Макарухин основатель здешней обители святой, родившийся 1805 г. июля 27 д., скончавшийся в 1890 г. апреля 26 д. на 85 г. от рождения. Вечная память схимонаху Варсонофию». Доска эта накрыта стеклянным футляром-рамой; а надгробие огорожено железной кованой и крашеной решеткой. Против могилы на алтарной апсиде икона св. Варсонофия с неугасаемой лампадой.

2. Под средним или главным алтарем храма две могилы. Ближе к алтарной апсиде — могила иеромонаха Никандра. Над ней выложено каменное надгробие, покрытое чугунной доской. На ней вылиты: в возглавии — восьмиконечный, так называемый, голгофский крест с тростью и копьем, а под ним надпись рельефными буквами гражданского шрифта, следующего содержания: «Здесь погребен иеромонах Никандр. Родился 1801 года декабря 1 дня, скончался в сей обители 1866 года мая 18 дня. Тезоименитство его 21 сентября. Он происходил из граждан города Тулы. Вечной памяти рабу Божию иеромонаху Никандру. Признательные граждане города Тулы за вновь выстроенную и благолепно украшенную через его посредство св. обитель, по усердию неизвестного благотворителя из Москвы, имя которого да помянет Господь Бог».

3. Далее от апсиды алтаря, но под тем же сводом — могила архимандрита Иоанна. Над ней выложено каменное надгробие, покрытое чугунной плитой; на ней вылиты в возглавии восьмиконечный крест, а под ним надпись гражданским шрифтом: «Здесь погребен настоятель сего монастыря архимандрит Иоанн. Родился в 1828 году. Скончался 23 февраля 1890 года. Со святыми упокой, Христе, душу усопшего раба Твоего архимандрита Иоанна».

Против этих могил на алтарной апсиде также помещается икона Спасителя — благословляющего, с лампадой.

4. Под сводами южного придела, во имя Иоанна Предтечи, ближе к апсиде находится могила иеросхимонаха Иеронима. На ней также каменное надгробие, покрытое чугунной доской, на ней — в возглавии шестиконечный рельефный крест на голгофе и с надписью гражданскими рельефными буквами: «Иеросхимонах Иероним, в миру Гавриил Васильевич Бочарников; скончался 4 февраля 1880 года на 80 году жизни».

5. Несколько далее от этой могилы по прямой линии (оси сводов) — могила настоятеля иеромонаха Арсения, с каменным надгробием, которое покрыто серо-мраморной доской. На ней в возглавии четвероконечный, с троечастными концами, рельефный крест, а под ним — резными вглубь и золочеными буквами сделана надпись: «Здесь погребено тело настоятеля сего монастыря иеромонаха Арсения; родился в 1844 году, скончался 28 августа 1892 года на 48 г. от роду, подвизался в сей обители 28 лет. (Граждан. шрифт). «Со святыми упокой, Христе, душу усопшего раба твоего иеромонаха Арсения». (Славян. шрифтом).

И против этих обеих могил на апсиде икона Спасителя в терновом венце с лампадой.

Вне стен храма, напротив его алтаря, следующие примечательные могилы:

6. Могила архитектора А. Г. Бочарникова, на ней четвероконечный литой чугунный крест, с изображением Спасителя в медальоне на перекрестье. Внизу подпись рельефными буквами: «Здесь погребено тело архитектора Александра Гавриловича Бочарникова». Это — сын Г. В. Бочарникова (иеросхимонаха Иеронима) и сотрудник его в построении храма Богородицы-Млекопитательницы.

7. Рядом с А. Г. Бочарниковым погребен А. Н. Добрынин. Над его могилой — шестиконечный крест, с троечастными концами, белого мрамора, на полукруглом подножии-голгофе, на нем рельефными гражданскими буквами надпись: «Почетный гражданин Александр Никитич Добрынин родился 30 января 1814 года, скончался 17 сентября 1865 года, в сей обители он похоронен первым». Это — родной брат головы г. Тулы Николая Никитича Добрынина, который вел дело об устройстве Щегловского Богородичного монастыря.

8. Наконец, в том же ряду, к северу — могила строителя Жабынской пустыни иером. Феодосия. На ней памятник в виде усеченной пирамиды из черного мрамора, на котором резными вглубь и золочеными гражданскими буквами сделана надпись: «Под сим камнем покоится прах строителя жабынск. пустыни иером. Феодосия, скончавшегося 1881 г. апреля 23 дня. Покой, Господи, душу раба Твоего».

Поклонимся пред этими гробницами по долгу братства во Христе Господе нашем, помянем почивших молитвенным воздыханием о прощении им

прегрешений их ведомых и неведомых и проникнем мыслью к их праху. Прах тления!.. Но и из самого тления нам слышится благовестие: этот прах плоти не есть ли жертва духа, омытая в купели крещения, освященная огнем благодати от Св. Чаши Тела и Крови Господа-Спасителя? Не есть ли это прах жизни, всецело посвященной Богу? Да, эта 85-летняя жизнь старца схимонаха Варсонофия есть жертва его самоотвержения в борьбе с сильнейшей прелестью мира — богатством: он победил эту прелесть, и памятником этой победы стала над его прахом святая обитель, с ее благолепными храмами и с многочисленной семьей подвижников молитвы и нестяжательности. Близ его могилы покоится прах его сподвижника простеца — иеромонаха Никандра, который, будучи его духовным отцом, последние силы свои, составлявшие все его богатство, принес в жертву послушанию своему духовному сыну, ради Господа и Пречистой Его Матери. Вместе с ними нашел себе место прах брата их во Христе и отца — настоятеля их обители, «не книжного», но умудренного жизнью, архимандрита Иоанна; его жизнь вся была посвящена служению ближним, так что, как бы не замечая на себе своего звания и сана, он был для всех всем, и все его служение состояло в простом, но постоянном служении. Эта жизнь — жертва неустанного трудолюбия. Под сводами того же склепа покоится прах еще двух делателей в ограде той же обители. Принадлежа миру душой и делом раб Божий Гавриил призван был к сооружению стен и священных зданий обители иноческой: но Господь вел его, через врата им же сооруженных стен, в лоно иночества. Далеко и долго уклонялся он от своего призвания, наконец, под покровом схимы, принес свой прах сюда и сложил его в недра обители... «Это — горохищное овча, его же Пастырь — Господь обрет, на ramo восприи и ко Отцу принесе». Эта жизнь — жертва от суетного бытия, принесенная на алтарь иночества. И вот, наконец, прах смиреннейшего из начальников, иеромонаха Арсения: в светлой простоте души своей он не высокоумствовал, — в себе и других он видел только человека; его призванием, деланием и утешением было наипаче словословие Господу. Он сказал себе: «Крепость моя и пенне мое Господь и бысть мне во спасение». Его жизнь — жертва сердца сокрушенна и смиренна.

Приникните мыслью к этим гробницам первоначальников св. обители, и да разумеете, что не прах сокрыт в них, нет, — здесь священное семя духовного жития! И да восстанет сей священный прах в славный день Пришествия Христова!

Примечания

¹ Историческое обозрение Тульской губернии. Ивана Афремова. Ч. I. Москва. 1850 г. стр. 112.

² История Государства Российского, соч. Н.М. Карамзина. Изд. Б. П. Эйнерлинга. Спб. 1842. кн. II-я. Т. VIII-й, гл. IV-я, столб. 90—91.— История Русского народа. Соч. Ник. Полевого. Москва. 1833. Т. VI-й. Стр. 308-310.— Историческое обозрение Тульской губернии. Ив. Афремова. Ч. I. Москва. 1850 г. Стр. 133—137.

³ Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Стр. 304-я. Полное собрание Русских летописей. Т. 6-й. Спб. 1853 г.

⁴ История общественного образования Тульской губернии. (Изд. Ив. П. Сахаров). Ч. I-я. Москва. 1832 г. Стр. 28-я. См. далее, стр. 230—234-я. Челобитная Тульских граждан царям Иоанну и Петру Алексеевичам и царевне Софье Алексеевне, 1688 года.— Материалы для историко-статистического описания Тульской епархии. Сборник, изданный под редакцией Прот. А. Иванова и Н. Троицкого. Т. I. Тула. 1884 г. Стр. 75—78.

⁵ Подробнее о храме Похвалы Пр. Богородицы см. в издании Тул. Г. Статистического Комитета: «Святые храмы города Туль». Сборник, составленный под редакцией Н. И. Троицкого и Ю.В. Арсеньева. Тула. 1888 г. Стр. 50—56.

⁶ См., напр., Тульск. Епарх. Ведомости. 1868 г. 15-го Сентября. № 18-й. Прибавление. Стр. 266-я.— Вообще, так как церковь Похвалы Пр. Богородицы не отапливается зимой, то в ней совершается богослужение только летом, а в остальные времена года — постоянно в теплой церкви Иоанна Предтечи, что в архиерейском доме.

⁷ Ив. Афремов. Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. I. Москва. 1850 г. Стр. 77. И. Голунский. Преосвященный Амвросий, 2-й Епископ Тульский. Тул. Епарх. Ведом. 1863 г. 15-го Июня № 12-й. Прибавление стр. 733-я. Преосвященные Епископы Тульские. Памятная книжка для Тульской паствы. (Составл. Н.С. Дружинин). Тула. 1865 г. Стр. 40-я.

⁸ Подлинное свидетельство, выданное из М. консистории 1874 года сентября 9-го дня за № 5237, и подлинные выписи, выданные причтом Никитской, что в Татарской, церкви, сентября 18 дня 1874-го года за №№ 83—84,— в келейном архиве о. Варсонофия.

⁹ Этим свидетельством еще раз подтверждается известие о снятии Наполеоном креста с Ивановской колокольни, записанное уже Иваном Снегиревым в «Памятниках Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы» (Москва 1842—1845 г. стр. 112-я).— В-й Ив-ч рассказывал и другой интересный случай, относящийся к Ивановской колокольне, но по времени позднейший. Перед коронацией императора Александра II-го нужно было перезолотить листы на главе Ивана Великого. Поручение исполнено. Но вскоре, при первой же буре, листы снова поднялись; при исследовании оказалось, что несколько десятков гвоздей, которыми прикреплялись листы к главе, были выбраны, потому что у них были золотые шляпки. Исправить это было поручено мастерам добросовестного Макарухина.

¹⁰ Сохранился, однако, один экземпляр портрета В. И. Макарухина, написанный красками на полотне. Портрет относится к ранней молодости В. Ив-ча и подарен им своей любимой племяннице Ал. Фед. Мусатовой (по мужу Егоровой).

¹¹ Подлинное свидетельство, выданное июня 3-го дня 1852 г., за № 4931-м и за подписью старшины и его помощников,— в келейном архиве о. Варсонофия.

¹² Подлинное письмо Прот. Речминского, на 1/4 почтового листа — в келейном архиве о. Варсонофия.

¹³ Подлинная печатная «квитанция», за подписью Городового старосты Брюшко-ва,— в келейном архиве о. Варсонофия.

¹⁴ Подлинное отношение от 20 апреля 1857 г. за № 3357-м и за подписью графа Закревского,— в келейном архиве о. Варсонофия.

¹⁵ Подлинное письмо, на большом почтовом листе,— в келейном архиве о. Варсонофия.

¹⁶ Все препроводительные документы на право ношения этих медалей хранятся в наличии — в келейном архиве о. Варсонофия.

¹⁷ *Примечание:* Как известно, Четверо-Евангелие Львовского издания имеет ту интересную особенность, что в тексте помещено очень много так называемых миниатюр, весьма характерных для своей эпохи и любопытных в смысле материала по истории развития у нас иконографии. А настоящий экземпляр Львовского Евангелия имеет еще следующую, в научном отношении положительно интересную, подпись (в конце предисловия к Евангелию от Марка): «Року АХЧА (1691 г.) месяца Марта к 2 (22): я Иоан Василев сын Поталових жител села уланова: обменилем сию книгу: рекомую Евангелие за отпушение грехов своих: за певную суму четырнадцать коп: и отдаю до храму святого Архистратига христова Михаила: в селе уланове». Ниже, по-видимому, другою рукою — продолжение надписи: «А хто бы мел онуу книгу рекомое Евангелие нарестольное, от храму святого архистратига михаила отдажити (?), такового, страшный суд позивати буду, и такою изоменою росправилс; и дао призу док три рубля».

Примечание С. Уланово находится в К.-Подольской губернии; слова: *певный* знач. действительный, верный, полный; *копи* — 15 копеек и 60 штук чего-либо; *мел* — имел; *отдажити* — удалить. Интереснейший факт, документируемый надписью — вклад книги в церковь «за отпушение грехов» — очевидно, есть следствие влияния католицизма, с его учением об индульгенциях. В настоящее время это Евангелие находится в моей библиотеке, переданное мне в дар наследником В. Ив-ча Макарухина. Автор.

¹⁸ Такова, напр., гравюра на листе академика И. Ческого 1812 года, по рисунку с натуры Г. Сергеева «Коневский монастырь С.-Петербургской епархии, на острове Ладожского озера. Издан подаванием строителя Иеромонаха Иллариона с братиею».

¹⁹ К 1824 году относится также отлично выполненная В. Ив-чем картина La Sainte Vierge. Св. Дева, с Младенцем Иисусом на правой руке; слева — Младенец Иоанн Предтеча, в правой руке у него крест с хартией и надписью: Ecce homo. Эта картина находится в доме Мих. Мих. Струкова.

²⁰ Судя по латинским подписям и свободной художественной композиции, рисунки сделаны, вероятно, с итальянских подлинников — гравюр. Изображение Иуды, напр., очевидно, не соответствует Евангельскому рассказу, по которому преда-

тель возвратил сребренники первосвященникам, а не бросил их под деревом своей гибели.

21 Святой Варсонофий, точнее преподобный Иоанн, наименованный Варсонофий, епископ Дамасский и затем отшельник Нитрийский, жил во 2-й половине V-го века. Он пользовался, в свое время, известностью и уважением, как это отчасти видно из того, что Лев, император Византийский, в 457 году, между прочими епископами извещал и его о мученической кончине Протерия, патриарха Александрийского. Его память празднуется 29 февраля. Полный месяцеслов Востока. Архим. Сергия. Т. II-й. Святой Восток. Ч. I-я. Стр. 53-я, Ч. II-я. Заметки, стр. 66-я. (Oriens christ II. 835).

22 Письма М. М. Струкова — в келейном архиве о. Варсонофия.

23 Сведения о Гавр. Вас. и Ал. Гавр. Бочарниковых заимствованы из семейной летописи, составленной сыном Алекс. Гавр. *Александром Александровичем Бочарниковым* под заглавием: «Мои записки. История моего семейства. 18 марта 1890 года». Рукопись на разноцветной альбомной бумаге, большого формата, писана красивым крупным шрифтом. Так как для составителя этой «Истории» служили источником и письма Гавр. Вас. Бочарникова, то принятые мной сведения проверены по подлинным письмам. *Автор.*

24 Подлинное письмо, на почтовом листе, от 9-го сентября 1864 г., — в келейном архиве о. Варсонофия.

25 Копия приговора — в архиве о. Варсонофия.

26 Копия прошения, на почтовой бумаге в 1/8 листа — в архиве о. Варсонофия.

27 См. Т. Е. Ведомости, 1864 г. №18, прибавл. стр. 255 и 1866 г., № 7, стр. 381.

28 Подлинное письмо на почтовом листе, от 8-го мая 1866 года — в архиве о. Варсонофия.

29 Подлинное письмо, на полулисте почтовой бумаги, от 14 мая 1866 года — в архиве о. Варсонофия.

30 Подлинное письмо, на почтовом листе, от 23-го мая 1866 года — в архиве о. Варсонофия.

31 Подлинное письмо, на почтовом листе, — от 4-го июня 1866 года — в архиве о. Варсонофия.

32 Подлинное письмо, на почтовом листе, от 20-го июня 1866 года — в архиве о. Варсонофия.

33 Подлинное письмо, на почтовом листе, от 21 июля 1870 года — в архиве о. Варсонофия.

34 Протокол Свят. Синода 1868 г., №№ 907 и 1227. Дело синодальной канцелярии, № 33. См. обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764—1869 г.). Составил П. Григорович. СПб. 1869. Стр. 205—208.

35 Копия отношения консистории в т. г. думу, выданная В. И. Макарухину 3 окт. 1868 года за № 4517 — в архиве о. Варсонофия.

36 Подлинное письмо писано о. Макарием собственноручно на почтовом листе, с литографир. изображением Св. Велм. Пантелеймона. Письмо исколото карантинной иглой, — в келейном архиве о. Варсонофия.

³⁷ Письмо на почтовом листе, писано писцом, подписано собственноручно о. Макарием. В начале — литографир. изображение иконы св. Велм. Пантелеимона.

³⁸ Это «свидетельство» хранится в ризнице монастыря.

³⁹ Копия прошения — в архиве монастыря. Имена родных, коих должно, по прошению, поминать на литургии «о упокоении», по собственноручной записке Вас. Ива-ча, суть следующая: Иоанн, Евдокия, Вера, Григорий, Татьяна, Василий, Евдокия, Иоанн, Матрона, Иоанн, Параскева, Илья, Елизавета, Алексей, Иоанн, Феодор, Мария, Иоанн, Татьяна, иеромонах Никандр (строитель), Иоанн.

⁴⁰ Подлинное прошение — в архиве Богородичного монастыря. Собственноручная подпись Вас. Ив. к сему прошению «московский купец Василий Иванов Макарухин», дотоле обыкновенно писавшаяся тонким, совершенно правильным почерком, увы! — уже сделана в сторону и обнаруживает большое дрожание старческой руки и упадок зрения.

⁴¹ Подлинное прошение — в архиве Богородичного монастыря. Собственноручная подпись на этом прошении и не полная, как прежде — «моск. куп. Василий Иван. Макарухин» сделана уже по линейке, что обнаруживает решительный упадок силы руки, прежде столь крепкой для рисования и изящного почерка.

⁴² При сем должно заметить, однако, что первоначально был выстроен один средний шатер и храм был одноглавым. Но В. И. Макарухин, возвращаясь в то время из Киева в Москву, посетил Щеглово и, осматривая храм, нашел, что он представляет собой скорее огромную часовню, нежели монастырский соборный храм, каким он имел быть по своему назначению. А потому тогда же сделал распоряжение, чтобы были поставлены и остальные четыре шатра и храм был бы пятиглавым. В этом распоряжении очевидно обнаружился взгляд строителя-москвича, привыкшего к пятиглавым московским церквям.

⁴³ Подлинный указ — в архиве Богородичного монастыря.

ТУЛЬСКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

*Историко-археологический очерк
по поводу свершившегося 300-летия
царствующего дома Романовых*

Древняя Православная Русь изначала бытия своего отличалась любовью к иноческим обителям и, благоговевя пред подвигами отшельников — молитвенников ее, шла на места их многотрудных подвигов, — поучения ради, и от слова их, а еще более от их святого жития.

Отсюда понятно, почему такие обители всегда находили многочисленных обитателей и благотворителей, которые не жалели своих средств на их существенное обеспечение и украшение. Обители постепенно приходили в цветущее состояние — на радость русскому народу.

Особенно умножались и процветали монастыри на Руси во второй половине XVI-го и затем, по миновании «лихолетья», во второй половине XVII столетия. О последнем времени составитель одной «Космографии» XVII в., при описании «Царства Российской державы», между прочим, говорит: «Российский Царь един самодержавствует во всей земли той, еже в полунощи одержит. Монастыри ж и церкви во градех благолепием зело красятся, и чудным зданием, и доброшумными конбанарии, еже есть колоколы. И во всей Европии подобне тоя земли несть»¹.

Наиболее важными и постоянными благотворителями монастырей были, конечно, люди более состоятельные и сильные мира сего, к коим обращались постоянно и сами обители, в лице своих настоятелей, и, разумеется, более всех — к великим князьям и царям, как самым мощным и право правящим. Царям нередко принадлежала даже и мысль об основании монастыря и самое «строенье» оною.

Вот такая мысль именно об основании и Тульского Успенского монастыря первоначально принадлежала царю и великому князю Федору Иоанновичу, сыну царя Грозного [1; 382].

По мысли благочестивого царя Федора, монастырь должно было строить в Туле, на «старом Тульском городище». В Писцовой книге по городу Туле за 1587—89 годы сказано:

«По Государеву Цареву и великаго Князя Федора Ивановича всяя Русии наказу Тульские писцы Иван Олексеевич Жеребцов да диак Иван Мешаев Старое городище, что усть (против устья) речки Тулицы, отмерели под новой девичь монастырь в длину 70 саж. [= 149,4 м], а поперег 30 саж. [= 64 м], и туленом князем и дворяном и детем боярским в том месте на старом городище устроити девичь монастырь»².

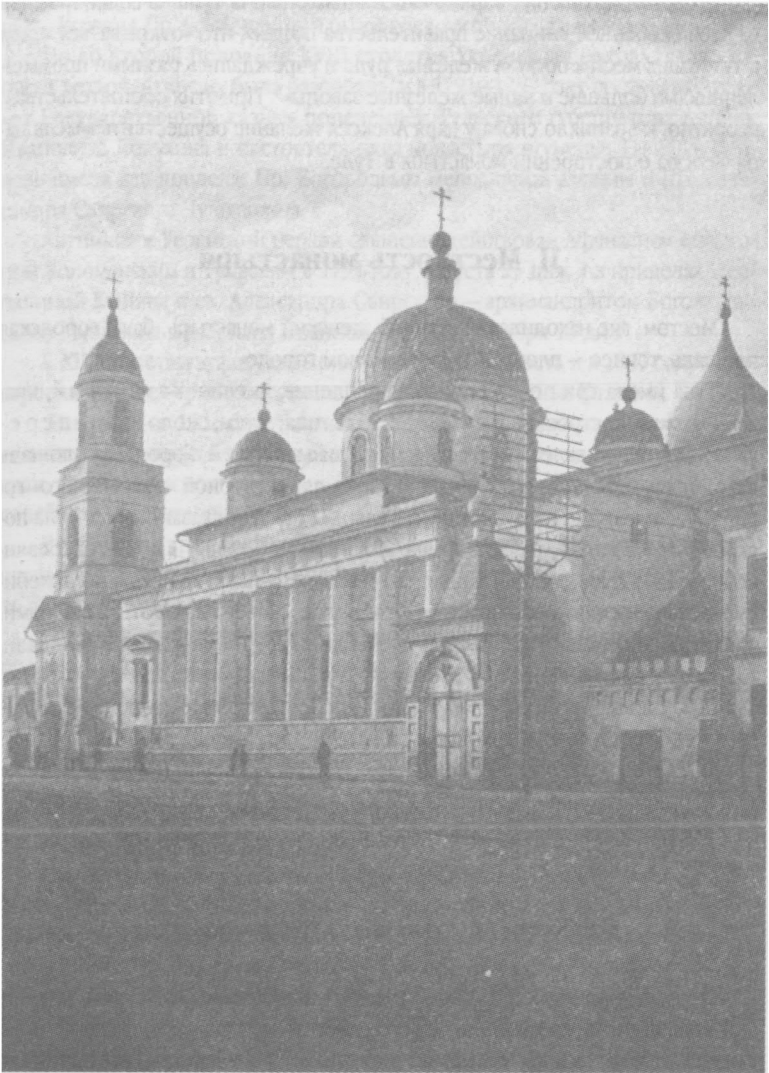
По причине неблагоприятных обстоятельств: кончины царя Федора, а затем смутного времени и междуцарствия, дело построения нового монастыря в Туле замедлилось надолго; но мысль о нем не осталась в забвении,— ему суждено было возникнуть и постепенно достигать цветущего благосостояния... Это и осуществил царь и великий князь Алексей Михайлович [2; 382].

I. Строитель и время построения

В Писцовой книге, составленной в 1685 году князем Вадбольским, при описании «деревянного города» в Туле, между прочим, сказано: «Монастырь девичей Успения Пречистой Богородицы, строенье Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всяя великия и малыя и Белыя России Самодержца»³.

Но в каком именно году царствования царя Алексея построен Успенский монастырь,— на это нет точного указания. Однако есть положительное известие, что до 1649 года этот монастырь уже существовал. В «Выписи с строенных Тульских книг» стольника Трофима Хрушова, строившего Тульский посад, упоминается несколько раз об этой обители под 1649 годом. Там, между прочим, сказано: «Да не в оброке место девичья монастыря Успения Пресвятыя Богородицы старицам полклети длина 6-ть сажень»... Или: «Лавка Бориса Одинца в девичь монастырь»... Или: «Место девичьяго монастыря пономоря порожня идучи в москательный ряд на леве, длина две сажени»... Или: «дом дьячка девичья монастыря дано в крепостного место (вместо крепостного) — оброку 10 денег»...⁴

Царь Алексей вступил на престол в 1645 году; а если Успенский монастырь в 1649 году уже существовал, то, очевидно, он построен в первые же годы царствования царя Алексея Михайловича, т. е. между 1645—1649 годами.

Храм Преображения Господня

Во время правления царя Алексея Михайловича Тула начала обращать на себя особенное внимание правительства потому, что «открываться стала в тутошних местах богатая железная руда и учреждались разными промышленниками большие и малые железные заводы»⁵. При этих обстоятельствах, вероятно, и возникло снова у царя Алексея желание осуществить мысль царя Федора о построении монастыря в Туле.

II. Местность монастыря

Местом, где находился Успенский женский монастырь, была городская площадь, точнее — площадь в «деревянном городе».

Тула имела три г о р о д а, т. е. укрепления, именно: к а м е н н ы й, иначе — кремль, построенный от 1514 до 1521 года, затем, около него — д е р е в я н н ы й и еще далее — з е м л я н о й, или з а в и т а й. Городская площадь находилась между стенами — южной кремля и северной «деревянного» города. Это очевидно из «Описания г. Тулы 1775 г.», где сказано: «Гор. Тула построен при великом князе Василье Иоанновиче [3; 382] в 1509 г. деревянной, а с 1514 г. каменной, окончен в 1521 г., чему ныне 254 года; положением в весьма низком месте, состоит при р. Упе; из него 4 ворота с башнями, а по углам 4 башни; онаго города стены длиною: 1-я, лежащая к площади, 139 саж. 2 арш. 4 верш. [$\approx 298,2$ м],— 2-я, противулежащая ей, к р. Упе, 142 саж. 2 арш. 3 верш. [$\approx 304,5$ м],— 3-я, с наружной же стороны, редовая (т. е. где были и теперь находятся ряды) 99 саж. [$\approx 268,4$ м]— 4-я, противулежащая ей, к Ивановскому монастырю, 96 саж. 12 верш. [$\approx 260,8$ м]»⁶. Таким образом, площадь прилегала к южной стене кремля, против которой и был построен Успенский монастырь, где он находится и доселе.

III. Храмы, колокольня и часовни

Первый и древнейший храм в Успенском монастыре был в честь Успения Пр. Богородицы, по имени которого и монастырь стал называться Успенским. Этот храм был каменный. По известиям 1770 года,— «в Туле на посаде девичей монастырь, котораго ограда и кельи деревянные, церковь о 2-х апартаментах каменная»⁷. В «Описании города Тулы 1775 года», между прочим, сказано: «Монастырей два, в них четыре церкви, все каменные»⁸. В Туле был мужской монастырь Иоанна Предтечи [4; 382], в нем было три церкви: Иоанна Предтечи, Похвалы Пр. Богородицы и Смоленской иконы Богороди-

цы, четвертая церковь, по «Описанию», принадлежала женскому монастырю — Успения Пр. Богородицы и была, следовательно, тоже каменной.

Но во второй половине XVIII столетия Успенская церковь была уже очень ветхой, а потому была разобрана, и в 1791—1792 году построена новая «от Государственной казны» попечением Тульского губернатора Андрея Ивановича Лопухина и настоятельницы монастыря игуменьи Тавифы. Церковь имела два придела: Пр. Богородицы Неопалимой Купины и Пр. Александра Свирского Чудотворца.

Антиминс в Успенской церкви священнодействован Афанасием епископом Коломенским и Тульским в 1793 году, августа 23 дня, а в приделах Неопалимой Купины и св. Александра Свирского — архимандритом Богоявленского Голутвина монастыря Иоанном, в 1792 г. октября 10 дня⁹.

В XIX столетии эта церковь опять пришла в ветхость и в 1857 году перестроена, точнее — распространена, попечением игуменьи Клавдии.

Наконец, — в 1902 году Успенская церковь разобрана до основания и на ее месте воздвигнут весь новый двухэтажный обширный и великолепный храм, тщанием настоятельницы игуменьи Агнии и игуменьи Магдалины, при содействии благотворителей.

Вторым был храм св. Николая Чудотворца и назывался «Никола на площади» (в отличие от «Николы на Ржавце» и «Николы за земляным городом, за Дедиловскими воротами»¹⁰).

Сей храм известен издревле, он стоял рядом с северной стеной монастырской ограды, но вне ее. Первоначально он был приходским, а затем уже в 1723 году он принадлежал монастырю и включен в число монастырских зданий¹¹.

Позднее, за обветшанием Николаевского храма, на его месте в тридцатых и сороковых годах прошедшего столетия устроен двухэтажный обширный храм Преображения Господня с шестью престолами, по проекту (план и рисунок) архитектора В.Ф. Федосеева¹².

Вверху главный престол во имя Преображения Господня; здесь же южный придел в честь Тихвинской иконы Пресв. Богородицы, северный — св. Николая Чудотворца (в память прежнего храма).— Внизу главный престол в честь иконы Пр. Богородицы, именуемой «Утоли моя печали», на южной стороне — Архистратига Михаила, на северной — св. Великомученицы Варвары. В него два входа, внутренний — из монастыря и наружный — для мирян и только в верхний этаж. В нижнем храме главный престол Богородицы «Утоли моя печали» освящен в 1836 году, ноября 22 дня преосвященным Дамаскином, епископом Тульским и Белевским, и в тот же день освящен придел имени Великомученицы Варвары Белевского Преображенского монастыря архимандритом Никоном; а в следующем, 1837 году, октября 12 освящен придел имени Арх. Михаила тем же преосвященным Дамаскином.

В 1842 г. декабря 14 дня епископом Дамаскином освящен храм Преображения Господня. В 1843 г. ноября 20 дня освящен придел во имя иконы Богородицы Тихвинской тем же преосвященным, и в тот же день освящен придельный храм во имя св. Николая Чудотворца Покровским протоиереем Иоанном Романовым¹³.

Строительницей как Преображенского храма, так и переустроительницей Успенской церкви, перестроенной в 1857 году, была настоятельница монастыря игуменья Клавдия.

Построение одной и переустройство другой церкви игуменья Клавдия производила на подаяния доброхотных дателей.

Колокольня

Колокольня, построенная вместе с церковью Успения Пр. Богородицы в 1791 году, первоначально была внутри монастыря, а потом, при распространении той же Успенской церкви, разобрана и в 1856 году построена новая над воротами монастыря, между церковью Преображения Господня и кельями настоятельницы,— по линии северной стены монастырской ограды.

На колокольне 7 колоколов, из них примечательны:

1. Колокол большой, на середине между пролетами. На нем в венце надпись: Церкви Преображения Господня что на площади 1784 года Ноября 10 де весу 77 пуд. 9 ф. [= 1,3 т]. Внизу: лит в Москве на заводе Леона Струговщикова.

2. Колокол полуелейный, в северном пролете. Внизу надпись: Сей колокол в Тульской Успенской девичей монастырь вылит в Туле 1751 года Сентября дня. На нем изображено Рождество Пр. Богородицы.

Во втором ярусе колокольни в 1856 году тщанием настоятельницы игуменья Клавдии устроена малая церковь Знамения Пр. Богородицы.

Под колокольней главные ворота, створы их из кованого железа.

Над воротами помещена надпись, вырезанная на листовом железе: 1795 года Мая 10 дня, Тульского Успенского монастыря сделаны ворота при Преосвященном Епископе Афанасии и игуменье Тавифе, подаянием заводчика Ивана Родионова Баташева.

Часовни

При монастыре две часовни каменные, одна — «Успенская», в юго-восточной башне, а другая — «Никольская», по линии северной стены монастырской ограды, между главными воротами и кельями настоятельницы, устроенная в 1884 году, вместо прежней деревянной.

Храм Успения Пр. Богородицы

IV. Святыня монастыря

Древнейшая и главнейшая святыня монастыря — иконы чтимая чудотворная икона святителя Николая Чудотворца, именуемая «Тульской» [5; 382]; она известна, как таковая, уже с XVI столетия. Посему святыня эта главная и древнейшая не только в Успенском монастыре, но и во всей Туле.

О происхождении иконы сохранилось и уже было записано такое сказание. Еще в XVI столетии один из днепровских казаков построил в Туле, на площади, храм во имя св. Николая Чудотворца, икону которого нашел этот казак где-то на болотистом месте и поставил ее в этом храме. Эта «явленная» икона с того древнейшего времени особенно почиталась казаками. Была и в Преображенском храме эта икона св. Николая и остается доселе также весьма чтимой казаками под названием «Никола Тульский». Полнейшая достоверность этого предания подтверждается тем, что уже в том же XVI столетии в г. Казани, вскоре после взятия ее войсками царя Грозного (1552 года), была построена церковь св. Николая «Тульского», т. е. в честь Тульской иконы Святителя. Это свидетельствуется древним «Сказанием о явлении чудотворного образа Пр. Богородицы в Казани».

«Сказание о явлении Пречистые Богородицы во граде Казани» начинается такими словами:

«В лето 313 (7087, т. е. от Р. Хр. 1579) в июля 11 (8-й) де при державе благовернаго и Христолюбиваго Государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и самодержца и при благородных царевичах князе Иване Ивановиче и князе Федоре Ивановиче и при святейшем митрополите Антонии Московском и всея Руси и при архиепископе Казанском Иеремее июня в 13 (27-й) де. на память святых мученицы Агренены бысть пожар в новопросвещенном граде Казани по взятъе града 16 (26-е) лето яко достовернейшии сами видели загореся в полуденное время близ церкви святого Николы иже зовется Тульской и во дворе некоего воина царева Данила Онучина и малая часть посаду ошашась и половина града к соборной церкви идучи двор архиепископа ошастя»¹⁴.

Причиной, почему вскоре по взятии Казани войском Царя Грозного одна из церквей была построена во имя Тульской чудотворной иконы св. Николая, было особое обстоятельство.

Известно, что в то время, как Грозный пошел на Казань, в 1552 году, Крымский хан Девлет-Гирей предпринял поход на Москву, — с целью отвлечь русского царя от Казани, и приступил к Туле. Хан был отбит защитниками города под руководством боярина-наместника Темкина-Ростовского. В этой блестящей победе над татарами, здесь, в Туле без сомнения видели помощь и заступничество Угодника Божия и чудотворца Николая, коего явленная икона была в его церкви, что на городской площади, — тем

Икона св. Николая Чудотворца, именуемого «Тулским»

более, что туляки отбили приступ татарского полчища без участия царских войск, следовательно, при явной помощи Господа Бога и Его святого Угодника Николая. Этого обстоятельства не могли не иметь в виду и победители Казани в том же году и, конечно, просили помощи и заступления св. Угодника Николая и, одержав также блестящую победу над татарами, одну из первых церквей в новопросвещенной Казани посвятили имени св. Николая «Тульского». Составитель «Сказания о зачале Царства Казанского» и проч. пишет:

«Царь Государь пойде с Москвы к Коломне месяца Июля в 16 день в то же время придоша с поля станишники поведающе благоверному царю яко идет на Резань Крымский Царь Девлет Гирей, а с ним люди Крымския и Нагайския и иных орд и наряд с ними пушки и пищали Турского Салтана. Сия же слышав благоверный Царь прииде к Коломне, и повеле моления начати. Царь же Крымский пришед на Тульские Украины и распусти воя, а сам ста у города у Тулы. И тако Божию милостию и пречистыя его Богоматери нападе нань страх и трепет, убоясь вельми скоро ко орде побеже. Воеводы же Благовернаго Царя гнаше их, и много их убиша. Слышав же православный Царь яко Крымский царь побежал, и возрадовался радостию великою и воздав хвалу Богу и пречистой его Матери. Того ради благоверный Царь поскорбе о приходе Крымскаго царя, зане хотя его возвратити с путного шествия, по совету Казанских татар. Но Бог ему не попусти разсыпати совет его... И посылает (Царь) в царствующий град к Москве, к брату своему к князю Георгию Васильевичу и к царице своей Анастасии и ко отцу своему Макарию Митрополиту: Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси здравствует, и божию помощию и пречистыя Богородицы милостию и всех святых молитвами Царь Девлет Гирей прииде, и скоро с срамом побеже, воеводы ж наши гнаша его, и многих побиша...»¹⁵

Что между этими «святыми» военные люди царя Грозного видели осоебое, даже преимущественное участие и св. Николая Чудотворца, об этом составитель «Сказания» говорит следующее: «Некий человек богобоязлив, именем Тихон, слуга Ивана Петрова сына Головина, сей уязвен на брани вельми, болезнуж лежаше, во сне виде дивное чудо, яко верховней Апостоли Петр и Павел и прочии мнози святыя с ними ж великии святии Николае Чудотворец по воздуху ходяжу, на земле ж виде, яко Московстии людие полки скачуже и выспр вопияху: святой Николае помози нам на брани на Казанское воинство, святой же Николае обратився ко святым Апостолом и главоли к ним: преблагий Бог благоволи зде православия быти немедлите убо, но вскоре благословите, и освятите место сие, яко повеле вам Господь, Они же благословиша град Казань и светом к высоте въздоша и невидима быша». — И еще: «Некто воин Нижегородец упразднися от стражбы чреды своея и от многого труда возляже в кущи своей, хотя опочинути. И слыша

некоего повелевающе ему встати. Он же отвеща не дей меня да почину, занеже утрудися на стражи моей. И абие видев святого Николу глаголющу ему: иди и рцы Царю и великому Князю: да повелит итти, себо предает Бог град сей Казань в рuce его. Он же скоро тече и поведает сие благочестивому Царю, яко повеле ему святыи Николае. И тако по Бозе благонадежен быв скоро разряди воинство свое, сам же ездя около града соглядадая всякия брани и хитрости и подкопы на взятии града устрои»¹⁶.

По «Сказанию», очевидно, св. Николай из всех святых является здесь борником православия и в деле взятия Казани посредником между Богом и царем. Это и увековечено в самой Казани построением одной из первых церквей во имя Тульской чудотворной иконы Великого Святителя.

Весьма примечательно, что в 1579 году, когда обретена была Чудотворная икона Божией Матери в Казани, здесь, при церкви св. Николая Чудотворца «Тульского» священником был Ермолай (по преданию, из казаков), впоследствии святейший патриарх всея Руси. По поручению Казанского архиепископа Иеремии, Ермолай-Гермоген принял и поставил в своей церкви новоявленную икону Пр. Богородицы. Им же Ермолаем-Гермогеном составлено и «Сказание о явлении Чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы в Казани». По сему можно предположить, не этот ли казак Ермолай-Гермоген был строителем и Тульской «церкви св. Николая, что на площади», где помещена также явленная икона св. Николы Тульского, «обретенная неким казаком Днепровским»? И не авторитетом ли патриарха Гермогена (в мире казака Ермолая) объясняется такое давнее и постоянное почитание иконы «св. Николы Тульского» именно и особенно казаками?

Эта-то известная и знаменитая из глубокой древности икона святителя Николая и составляет теперь драгоценнейшее достояние Тульского Успенского монастыря. Первоначально св. Икона находилась в Тульской приходской церкви «св. Николы, что на площади», затем, по упразднении прихода, когда церковь эта перешла к монастырю и вошла в его ограду, Икона принадлежала уже монастырю. Потом, когда в 1842 году Николаевская церковь была разобрана и на ее месте построена Преображенская, то знаменитая икона св. Николая находилась в северном приделе ее, устроенном в честь св. Николая, где находится и теперь.

Чтимая из глубокой древности не только в Туле, но и на отдаленном северо-востоке, «Тульская» икона святителя Николая остается и доселе главной святыней города: и как в древности ее особенно чтли воины и преимущественно казаки, когда она находилась еще в древней приходской Николаевской церкви; так и теперь, когда она перенесена в Николаевский придел Преображенского храма, ее также чтут все граждане города и особенно казаки. «С тех пор и до наших дней казаки, проезжая или проходя

через Тулу, всегда служили и служат молебны св. Николаю Чудотворцу, прежде в церкви «у Николы на площади», а ныне в храме Спасо-Преображенском, воздвигнутом на месте той древней церкви. В 1807 и 1812 годах проходящие через Тулу полки и команды этого храброго войска исполняли религиозные обеты, внушенные им преданием. А это доказывает, что храмостроитель церкви, где первоначально находилась знаменитая икона, действительно принадлежал к казачеству¹⁷.

Мера иконы: длина 1 арш. 10 верш. [$\approx 1,2$ м], ширина 11 $\frac{1}{2}$ верш. [$\approx 0,5$ м]. Святитель изображен в рост. Письмо очень древнее. Риза, венец и корона на Святителе серебряные вызолоченные; на короне 30 разноцветных камней разной величины. Штемпель на ризе 1780 года, на окладе с правой стороны штемпель также 1780 года. Оклад с чеканным травчатым орнаментом, шириной с обеих сторон в 7 верш. [$\approx 0,3$ м], вверху и внизу 1 $\frac{1}{2}$ верш. [$\approx 6,6$ см] Изображение лика и рук Святителя покрыты слюдой. На правой стороне оклада приписано изображение пр. Симона, в рост, дл. 2 $\frac{1}{2}$ верш. [$\approx 11,1$ см]¹⁸. По сторонам изображения Святителя, в круглых клеймах изображены Спаситель и Богоматерь, в рост, в облаках. Клейма кругов серебряные вызолоченные.

V. Причт

XVII век.— По Грамоте царя Алексея Михайловича в Тульском Успенском монастыре были два попа, дьякон, дьячок, пономарь, просвирница.

XVIII век.— В Переписной (Ландратской) книге 1715 г., при описании «Деревянного города», сказано: «Успенский девичь монастырь, в нем церковь Успения Богородицы, у той церкви служат: поп Евсигней Иванов, поп Алексей Нефедьев, дьякон Роман Кузьмин, пономарь Андрей Григорьев, дьячок Константин».

XIX век.— По книге «Приходы и церкви Тульской Епархии», в 1895 году в Успенском монастыре были два священника и два дьякона¹⁹.

В настоящее время здесь служат: протоиерей, два священника и два дьякона (на псаломщицкой вакансии).

VI. Монашество

XVII век.— По Грамоте царя Алексея Михайловича 1657 года, в Тульском Успенском женском монастыре были: игуменья София и пятьдесят старец и слушка.

XVIII век.— По Переписной (Ландратской) книге 1715 г., в Тульском Успенском девичьем монастыре были: игуменья Митрополия и 40 монахинь²⁰ и по Книге 2-й ревизии — слушки, 7 душ²¹.

В первой половине этого столетия в истории монастыря имело место следующее обстоятельство. В 1725 году из Коломенского Успенского женского монастыря, ввиду малочисленности его сестер, «игуменья Александра с восемью монахинями высланы были в город Тулу в девичий же монастырь». Но «города Коломны разных чинов люди, бургомистр Иван Ушаков с товарищи» подали прошение в Св. Синод и, по нескольким основаниям, просили возвратить «высланных» и монастырю быть по-прежнему... Св. Синод, приняв во внимание прописанное в прошении коломенских горожан, удовлетворил их ходатайство и указом преосвященному Варлааму, епископу Коломенскому, предписал «оному, в городе Коломне обретающемуся Успенскому девичу монастырю быть, и бывшую в нем игуменью Александру с восемью монахинями из Тульского девича монастыря в тот Успенский монастырь перевести, по-прежнему, того ради, что в городе Коломне, кроме того, иного девича монастыря не имеется»²².

XIX век.— По книге «Церкви и Приходы Тульской Епархии», в 1895 году в Успенском женском монастыре число монашествующих доведено до 400 человек²³.

В 1911 году штатных монахинь было 17, сверхштатных 55, послушниц определенных («казных») 148 и проживающих в качестве послушниц 188.

VII. Игуменья

Вот имена всех настоятельниц Тульского Успенского ж. монастыря, о которых имеются некоторые сведения²⁴.

Игуменья София. 1657. 1662 г.

Игуменья Анисия. 1680 г.

Игуменья Марфа. 1700 г.

Игуменья Евфросиния. 1703 г. ²⁵

Игуменья Митрополия. 1708. 1715. 1721 г.

Игуменья Анфиса. 1739 г.

Игуменья Маргарита. 1765—1774 гг.

Игуменья Евгения. 1779. 1781 г.²⁶

Игуменья Тавифа. 1791 г.

Игуменья Епафродита, из поселянок, пострижена в монашество в Тульском Усп. ж. монастыре, в коем с 1802 по 1808 год отправляла должность казначей, с того же 1808 г. апреля 3 определена в оном Успенском мо-

Игуменья Тавифа

Игуменья Елафродита

настыре в игуменьи, за болезнью была уволена от настоятельской должности, а по выздоровлении 1828 г. марта 21 дня указом Тульской дух. консистории назначена настоятельницей в Белевский девичий Крестовоздвиженский монастырь и управляла им до августа месяца 1845 года, в коем перемещена, по воле преосвященного Дамаскина, настоятельницей же в Тульский девичий монастырь. Скончалась 19 июня 1848 года, 72 лет от роду. Она оставила по себе в Белевской обители добрую память благоразумным управлением и кроткими свойствами, собрала до 100 сестер²⁷.

Игуменья Клавдия, в миру Екатерина Андреевна Ордина, из дворян: утверждена настоятельницей Тульского Успенского монастыря в 1821 году на место игуменьи Епафродиты, переведенной в настоятельницы Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В 1844 году игуменья Клавдия уволена на покой, с переводом в Киев во Флоровский женский монастырь на жительство. Она выехала из Тульского монастыря 15 августа, т. е. в храмовый праздник Успения Божией Матери, в управление Тульской епархией преосвященного Дамаскина. После нее на должность настоятельницы Тульского Успенского монастыря переведена обратно из Белевского монастыря игуменья Епафродита. По смерти игуменьи Епафродиты, в 1848 г., в настоятельницы Тульского Успенского монастыря снова была вызвана из Киева игуменья Клавдия. Она возвратилась в монастырь 26 сентября, на память св. Евангелиста Иоанна Богослова. Старанием игуменьи Клавдии устроен каменный двухэтажный теплый храм во имя Преображения Господня. Игуменья Клавдия умерла в 1859 году 25 декабря, т. е. на самый праздник Рождества Христова.

Игуменья Виталия, в миру Варвара Александровна Васильева, из дворян, родная племянница игуменьи Клавдии Ординой: была казначеей Тульского Успенского монастыря, а после смерти тетки своей, игуменьи Клавдии, в 1860 году утверждена настоятельницей сего монастыря. Игуменья Виталия умерла 12 февраля, в ночь под 13-е 1864 года. День ее Ангела 22 апреля.

Игуменья Макария, в миру Серафима Павловна Болотникова, девица из дворян, Псковской губернии, Торопецкого уезда: начало монашеской жизни она положила в Великолуцком женском монастыре, потом перешла в Белевский Крестовоздвиженский монастырь, где приняла и пострижение в мантию. Она была под руководством опытного в духовной жизни старца иеромонаха Оптинской пустыни Макария. В 1864 году она была переведена в настоятельницы Тульского Успенского монастыря, куда и прибыла 25 мая. В 1866 году игуменьей Макарией была устроена богадельня на неопределенное число лиц, для призрения сестер престарелых и не имеющих средств к

Игуменя Клавдия

Игуменъ Макария

содержанию себя,— в том корпусе, где прежде помещался приют для сирот духовного звания, который был приобретен в пользу монастыря, именно для размещения сестер обители. За сие игуменье Макарии было преподано «благословение Св. Синода» (Указ от 22 марта 1868 г. за № 892). В 1869 году игуменья Макария уволена от настоятельской должности на покой с переводом в Белевский Крестовоздвиженский монастырь, куда она и выехала 2 сентября того же года, передав управление Тульским Успенским монастырем вновь назначенной, избранной сестрами, рясофорной послушнице Магдалине, в миру Марии Антоновне Теплової. Игуменья Макария умерла в 1884 году 14 февраля, на Сырной неделе во вторник, в 6-м часу вечера.

Игуменья Агния, в миру Мария Антоновна Теплова, в рясофоре Магдалина, в схиме Феодосия [6; 383], девица из дворян Тульской губернии. В настоятельница Тульского Успенского монастыря избрана сестрами из рясофорных послушниц. Управляла монастырем с 31 августа 1869 года по 31 декабря 1897 года, всего 28 лет и 4 месяца. По прошению ее, вследствие преклонных лет и слабого здоровья, она была уволена на покой 31 декабря 1897 года. В схиmu пострижена 7 июля 1896 года. Скончалась 28 января 1900 года 78 лет.

Вот что говорит о ней сослуживец ее, протоиерей В.М. Любомудров: «Не блестяще было образование покойной. Домашнее воспитание ее ограничилось лишь умением читать славянскую и русскую грамоту и писать; но зато в православно-русской семье, среди патриархального быта своих благочестивых родителей, она приобрела добрые, святоотеческие навыки и обычаи, научилась свято чтить правила и уставы святой Церкви. По достижении совершеннолетия, не искала она светских развлечений и удовольствий, не стремилась к семейной жизни. Все помыслы ее были устремлены на угождение Господу, пламенным желанием ее было посещать святые обители, прославленные святостью подвизавшихся в них угодников Божиих и нетленно почивающими мощами их. И вот, в одно из посещений Киево-Печерской лавры, душа ее прониклась непреодолимым влечением к отречению от мира, чтобы послужить Господу в звании монахини. Тогда она обратилась за благословением своего намерения к известному своею духовною мудростью и пользовавшемуся в то время большим уважением иеромонаху Киево-Печерской лавры о. Парфению (по происхождению из Тульской губ.), прося его совета и напутствия на поступление во Флоровский девичий монастырь в Киеве. Но прозорливый старец на все ее просьбы отвечал настойчивым советом отправиться в Тулу, говоря, что она там будет нужна. И скоро Господь указал ей путь для поступления в Тульский женский монастырь.

Во время пребывания в Киеве покойная познакомилась с бывшей настоятельницей Тульского женского монастыря, игуменьей Клавдией Ординой,

Игуменя Агния

проживавшей несколько лет в Киевском Флоровском монастыре на покое. В сентябре 1848 года игуменья Клавдия возвратилась вновь на управление Тульским монастырем. Тогда-то девица из дворян Мария Антоновна Теплова, узнав, что Тульским женским монастырем управляет знакомая ей настоятельница, 31 марта 1849 года поступила в сей монастырь сверхштатной послушницей, а 17 мая 1858 года определена указом консистории в число штатных послушниц. 27 октября 1861 года пострижена в рясофор с именем Магдалины. При этом она проходила в монастыре следующие послушания: была некоторое время клиросной певчей, псаломщицей, стояла при свечном церковном ящике: будучи рясофорной, по благословению настоятельницы, служила в алтаре, что прежде допускалось по нужде, так как штат манатейных монахинь [7; 383] был очень недостаточен. Наконец, свыше трех лет несла она послушание сборщицы добротных подалий на нужды монастыря, и в этом послушании путешествовала и в Петербург, и в Одессу, и на Кавказ, и вынесла очень тяжелое впечатление от этого послушания, так что, сделавшись сама настоятельницей, она никогда не посылала сестер монастыря по сбору.

После увольнения в 1869 году игуменьи Макарии от должности настоятельницы Тульского монастыря, бывший преосвященный Тульский Никандр предоставил сестрам монастыря самим закрытой баллотировкой избрать себе настоятельницу. Непривычные к совершенно новому для них способу избрания настоятельницы, сестры монастыря никак не могли прийти к взаимному соглашению относительно избрания настоятельницы из числа манатейных монахинь. Тогда, после нескольких неудавшихся выборов, они, с разрешения преосвященного, приступили к баллотировке рясофорных монахинь, и совершенно неожиданно оказалась избранной ничем не выдававшаяся, самая скромная рясофорная монахиня Магдалина Теплова. Всех, даже самих избравших, удивил такой неожиданный результат выборов. И вот, 31 августа 1869 г. Магдалина была определена исправляющей должность настоятельницы монастыря, а 7 сентября того же года пострижена в мантию с именем Агнии.

Много горя и неприятности пришлось понести покойной в первые годы ее настоятельства. Зависть и недоброжелательство никак не могли смириться, и в избрании настоятельницей смиренной, всегда молчаливой послушницы Магдалины не хотели видеть указание Промысла Божия. Не раз со слезами на глазах, уже спустя много времени, покойная рассказывала нам, как тяжело и больно ей было на первых порах слышать укоры и попреки старших монахинь, подозревавших, что она искательством и другими нечестными способами достигла избрания в настоятельницу. Только спустя несколько лет она своим смирением, незлобием, готовностью всем служить, всех прощать, заслужила любовь и расположение вверенных ее попечению

сестер. Наконец, 15 января 1871 года она была утверждена Святейшим Синодом в звании настоятельницы монастыря, а 3 июня того же года возведена в сан игуменьи.

Будучи настоятельницей, игуменья Агния употребляла все усилия к тому, чтобы поддержать в обители дух древнего благочестия, чтобы предохранить сестер монастыря от равнодушия и пренебрежения к обетам монашества, к чему так много поводов подавал тогдашний дух времени. Посещая неопустительно церковные службы, она все старание и все свое влияние употребляла на то, чтобы в храме все совершалось благообразно и по чину, чтобы чтение и пение совершалось неспешно, с соблюдением всех указаний устава. Заботилась она и о келейном соблюдении правил и уставов монашеской жизни, следила за тем, чтобы в кельях монахини проводили время в трудах и молитве, чтобы не сходились для праздных разговоров и пересуд. Для достижения этого она и сама нередко посещала келью сестер, и посылала ближайших своих помощниц, казначею и благочинную. Особенно же она прилагала все старание к тому, чтобы удержать, отговорить молодых монахинь и послушниц от продолжительных отлучек из монастыря и путешествий, так как, по ее словам, такие путешествия соединены с большими соблазнами и нередко приносят больше вреда и искушений, чем пользы. Не чужды ей были заботы и о внешнем благосостоянии святой обители. Ее неусыпными трудами и стараниями, ее бережливостью, при помощи сторонних пожертвований, собраны были средства, которые дали ей возможность расширить недвижимые владения монастыря, частью покупкой соседних с монастырем усадеб, принадлежавших сторонним лицам, частью разрешением, по ее ходатайству, со стороны городской Думы застроить проходивший через монастырские владения переулок, а частью обменом прилегающих к монастырю причтовых усадебных мест на приобретенные для сей цели места на Барановой (ныне Тургеневской) улице. Благодаря всем этим мерам, усадебные места монастыря распространились настолько, что явилась возможность построить на них два каменных двухэтажных корпуса с кельями для сестер, и третий корпус с лавками в нижнем этаже, выходящими на Барановую улицу, и с помещением в верхнем этаже для церковно-приходской школы. Кроме того, ею устроен каменный двухэтажный корпус для помещения монастырской больницы, богадельни и аптеки. При этом же корпусе покойная приготовила и для себя помещение на случай выхода на покой, где и провела последние годы своей жизни. Корпуса эти и до сих пор составляют лучшие здания монастыря. В декабре 1893 года ею открыта была трапеза, в которой каждый день получают пищу все манатейные монахини, а также слабые, больные, неспособные собственным трудом добывать пропитание, и все несущие очередное послушание по церкви: певчие, псаломщицы, пономарки, церковницы, звонарки, свечницы

и пр. В воскресные же и праздничные дни трапеза готовится для всех без исключения сестер монастыря. Очень желала и старалась покойная устроить и ежедневную трапезу для всех сестер, но недостаток средств не позволял ей привести это желание в исполнение... В августе 1894 года ею была открыта одноклассная церковно-приходская школа для девочек с отнесением всех расходов по содержанию ее на средства монастыря. Попечительницей сей школы состояла она сама с 31 июля 1894 года до удаления на покой в 1898 году.

По удалении на покой бывшая игуменья Агния восприняла великий ангельский образ — пострижена в схиму с именем Феодосии. Время пребывания в схиме она посвятила полнейшему отречению от мира и приготовлению к исходу из сей жизни. Покойная не раз говорила нам: «Редко мне приходилось подумать о себе, позаботиться о душе своей, пока я была настоятельницей. Заботы о других, попечение о монастыре отвлекали меня от мысли о своей душе». И вот, глубоко и усердно благодарила она милосердного Господа, что *Он не погубил ее со беззаконии ея, но дал возможность прочее, последнее время живота ея в мире и покаянии скончати.*

Не может град укрытися верху горы стоя (Мат. 5: 14). Не укрылись и труды покойной, ее заботы о внутреннем и внешнем благоустройстве монастыря, а также и ее личная благочестивая жизнь. Она всегда пользовалась большим расположением и уважением граждан, а также вниманием начальства, которое не забыло ее и наградами. Так, 12 апреля 1875 года она награждена была за заслуги по духовному ведомству наперсным крестом, от Святейшего Синода выданным, а 5 апреля 1887 года удостоена награждения золотым наперсным крестом с украшениями из кабинета Его Величества. Кроме того, покойная имела: серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III и знак Красного Креста за предоставление в его распоряжение 12 сестер для ухода за ранеными воинами в Русско-турецкую войну 1876 и 1877 годов.

Наконец, добрая, благочестивая жизнь покойной завершилась поистине христианской кончиной. Не отличаясь никогда особенно крепким здоровьем, она во всю жизнь истощала плоть свою постом, бдениями, трудами, так что к 70 годам возраста организм ее представлялся совершенно истощенным, дряхлым и постоянно болезненным. Несколько раз в течение последних пяти лет здоровье ее находилось в безнадежном положении, так что доктора находили возможным предсказывать ей скорую кончину. Но именно на состоянии и свойствах ее организма человеческие соображения оказывались ошибочными и, вопреки предположению врачей, она пережила указанный ими срок ее смерти. Тем не менее, мысль о смерти, память о Суде Божиим никогда не покидала ее: усердно изо дня в день готовилась она к страшному часу исхода из жизни сей, очень часто исповедовалась, и

приобщалась Святых Тайн ежедневно. За то, когда определение Божие совершилось и печальный благовест не в урочное время возвестил о смерти покойной, тотчас же проявилась вся сила любви и расположенности к ней. Все время, по смерти до погребения, прах и гроб ее окружали толпы глечущих и молящихся почитателей ее... Глубоко умиленное архиерейское служение литургии и погребения, совершенное всегда высшим в отношении к покойной милостивым, ласковым и почтительным владыкой Питиримом, в сослужении многочисленного сонма священнослужителей, между которыми были два священноархимандрита и высшие представители белого духовенства, производило глубокое впечатление на переполнивших церковь многочисленных богомольцев. И до сих пор нельзя без слез умиления вспомнить, с каким благолепием был совершен чин монашеского погребения почившей. («Некролог», в Тульских Епарх. Ведомостях, 1900 г.).

Игуменья Магдалина, в миру Мария Максимовна, девица из мещан, домашнего образования. Поступила в Тульский Успенский женский монастырь 24 октября 1859 года; определена в число послушниц 3 сентября 1865 года; облечена в рясофор 30 апреля 1866 г., определена казначеей 9 января 1896 г., Указом Св. Синода, от 31 декабря 1897 г., утверждена настоятельницей монастыря с возведением в сан игуменьи 11 января 1898 г. С 31 марта 1909 года пребывает в том же монастыре на покое.

Игуменья Херувима, в миру Вера Петровна Кирсанова, девица из дворян, получила образование в Московском екатерининском институте. Первоначально поступила в Каширский Никитский женский монастырь в число послушниц и проходила послушание учительницы в монастырской школе. Указом Св. Синода, от 9 декабря 1909 г., назначена настоятельницей Тульского Успенского женского монастыря и 6 августа 1910 г. возведена в сан игуменьи.

VII. Быт

Жизнь монастыря строго и точно определяется уставом.

Богослужения в церкви: вечерня, утренняя и литургия совершаются ежедневно,— по церковному уставу. Поучения св. Отцов и Пролог читаются на кафизмах [кафизмах] в утрени. Правило в церкви читается после вечерни. Во время трапезы сестер читаются творения св. Отцов и жития святых.

При богослужении в церкви обыкновенно бывают монахини и послушницы. Многоразличные послушания соблюдаются всеми и по церкви, и по монастырю. При алтаре служат манатейные монахини, и прочие сестры отправляют при богослужении чтение, пение и иные обязанности, наблюдают

за отоплением и чистотой в храме, справляют возлагаемые на них соответственные обязанности во всех богоугодных и благотворительных монастырских учреждениях и хозяйственные поручения.

Кроме церковно-богослужбной молитвы, игум. Агнией в 1871 г. при настоятельских кельях учреждено непрерывное денно-нощное чтение Псалтыри для молитвенного поминовения благотворителей. А с 24 октября 1902 года игум. Магдалиной учреждено по субботам поминовение усопших игумений, монахинь, послушниц и благотворителей монастыря с служением заупокойных всенощных и литургий, а по окончании оных — панихид. Кроме того, сестрам разрешается чтение Псалтыри по усопшим и на домах, по приглашению граждан г. Тулы; это так называемое «надгробное» чтение.

В кельях сестры занимаются чтением священных и других нравственных книг, раздаваемых из монастырской библиотеки.

Рукоделия

К домашним занятиям сестер относятся рукоделия, приличные лицам монашеского звания и служащие для них источником средств для жизни. Рукоделия эти разнообразны, именно: простое белье, строчка, филейное, шитье шелком, золотом; кроме того: церковные облачения, одежды для священно-церковнослужителей, монашеские одежды, одеяла и пр.; некоторые сестры занимаются живописью, изготовлением искусственных цветов и пр.

Нельзя не отметить особенно художественные работы золотом, как шивание риз на иконы и пр.

В этом роде выдающимся делом сестер Успенской обители было восстановление шитой ризы на Казанской иконе Пр. Богородицы, глубоко чтимой всеми гражданами г. Тулы, в 1890 году. Дело это — шитье шелком, серебром, золотом и жемчутом, трудное и весьма ответственное, было исполнено ими отлично. В деле потрудились: Магдалина Соловьева (впоследствии Игуменья), Евгения Калашникова, Ольга Соловьева, Анна Калашникова, Елизавета Баранова, Анастасия Насонова, Екатерина Клепикова²⁸.

Подобные златошвейные произведения были неоднократно поднесены и высочайшим особам в дар от монастыря и удастивались милостивого принятия и одобрения. Так, в 1889 году, в январе, от Тульского Успенского женского монастыря настоятельницы игуменьи Агнии с сестрами была препровождаема в С.-Петербург св. икона Господа Вседержителя в золотошвейной ризе, монастырского рукоделия, для поднесения Его императорскому величеству в память чудесного избавления от угрожавшей опасности всему августейшему семейству 17 октября 1888 года близ станции Борки [8; 383]. Икона писана на кипарисной доске. Спаситель изображен сидящим на

троне: на главе Его корона и венец, в правой руке скипетр, в левой мировой шар: у подножия Спасителя херувимы в облаках и надпись, шитая по золоту серебром: *Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасении Твоем возрадуется зело. Псал. XX, ст. 2.* — Риза на иконе и поля шиты золотом; на одежде, короне и венце по золотому шитью украшения из жемчуга. Икона сзади обита малиновым бархатом со следующей надписью на серебряной дщице:

**«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ усерднейше приносится сия святая
икона от Тульского Успенского женского монастыря
в память чудесного избавления всемогущею силою Божиею
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
и всего Августейшаго Семейства от угрожавшей опасности 1888 года
Октября 17 дня.**

Молим Господа, да продлит жизнь ВАШУ на многие лета и утвердит царство Ваше во век века».

Икону сопровождали в С.-Петербург казначея монастыря монахиня Сергия и послушница Мария Соловьева (впоследствии игуменя Магдалина), с письмом к г. обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, чтобы передать икону по назначению при его посредстве. К. П. Победоносцев принял посланных сестер, но представить их лично государю нашел неудобным и решил представить икону государю при своем рапорте и о последующем уведомил игуменью письмом на имя архиепископа Никандра. В письме обер-прокурор сообщает, что государь на его докладе изволил написать следующее:

«Очень им благодарен и очень тронут их подношением. Работа чистая и хорошая. Действительно, лично принять их не могу, так как отклонил массу депутатий, а делать исключение невозможно»²⁹.

Подвиги благочестия

В монастырском быту Успенской обители имели место явления и особого порядка: от времени до времени появлялись или особого подвига или особого пострига. Таковы юродивые, старицы и схимницы.

Подвиг юродства исключительный и в русском народе пользовался всегда особым вниманием и уважением. Известно, как неукротимо стремился православный русский народ в святые обители: здесь он кормится, молится, учится, подвизается и умирает в надежде жизни вечной. Здесь во все времена ковал он свой железный характер, перенесший всякие историче-

ские бури... Высота и сила этого христианского характера обнаружилась блестящим образом: под воздействием Духа Божия и в среде русского народа воспитывались такие богатыри, которые действительно вели победоносную борьбу даже и со стихиями. Это подвижники, стоявшие на той высоте веры и крестоносного подвига, о которой апостол Павел сказал, что она «...позибающим убо юродство есть, а спасаемым сила Божия есть» (1 Кор., 1, 18). И поистине велика эта «сила Божия» в душе, подъявшей крестоносный подвиг юродства. Греко-римский мир гордился своими философскими стоическими школами, гимнософистами и т. д.; индийские факиры славятся самоистязанием и пр. Но ни одна религия и ни одна философия не воспитала характера такого человека, который бы, не издеваясь над своей телесной природой, не самообольщаясь мыслью о силе своего разума и воли, не удаляясь из мира людей, был на такой высоте духовной свободы и силы, на которой стояли наши святые «Христа ради юродивые». Это люди, раз сознавшие, что всякое земное величие, всякая сила и всякая слава разбиваются о гробовую доску, упраздняются, нисходят в реку забвения, раз сознавшие это, облеклись в образ тления, надели рубище, отреклись от всякой земной почести, но в то же время не удалились в пещеры и пустыни, напротив, среди всей суеты мира, среди соблазнов торжища человеческой жизни, среди всяческих лишений и оскорблений, в борьбе даже с вредными влияниями стихий и резкими переменах климата, они кротко совершали свой подвиг религиозной жизни, посвященный на вразумление людей. Своим живым, непрменным и постоянным примером они учили одному — *слава и жизнь только со Христом*. Могущественно было влияние этого примера на народ — в миру его веры.

Необычайное уважение русского народа ко святым «Христа ради юродивым» засвидетельствовано иностранцами, которых так поражали и самый образ юродивого, и глубочайшее к нему уважение, и сила его слова. Английский купец Иеремия Горсей, бывший в Москве в 1584—1590 годах, в качестве посла королевы Елизаветы, знавший русский язык, читавший русские летописи, так описывает встречу одного юродивого с царем Иваном Грозным. «Во время военных действий в Ливонии царь прибыл во Псков. Здесь, говорит Горсей, его встретил один человек, которого считали святым: его звали «Микола-свят». Увидев царя, он осыпал его сильными проклятиями, заклинаниями, угрозами: называл его царем кровопийцей, пожирателем христианских тел и клялся ангелом, что он не избежит смерти от бывшей в то время молнии, если он, или кто-либо из его воинов коснется волоска последнего дитяти в этом городе, который хранится Божиим ангелом для лучшей участи, чем разграбление. Он говорил, что царь должен уйти из города прежде, чем восстанет огненное облако, которое висит над его головой (а в это время действительно была страшная гроза). Эти слова потрясли царя до то-

го, что он просил молитв святого о своем избавлении»³⁰. Так смирился тот, пред кем трепетали Псков, Новгород и Москва и все города русские. Горсей сам видел этого юродивого: он ходил нагим летом и зимою, переносил крайнюю стужу и зной: его все боялись и уважали, за ним ходили в след весь народ и царь³¹.

Другой англичанин, также бывший послом королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу, в 1588 году, Флетчер [9; 383] (прекрасный писатель, но крайний лютеранин), в своем описании России также свидетельствует, что «юродивые ходили совершенно нагими, закрывая лишь среднюю часть тела тряпьем, с дикораспущенными волосами на голове, которые у них ниспадали на плечи, с железной цепью на шее, с которой не расставались даже зимой. На них смотрели как на пророков или людей особенной святости; они пользовались свободой и говорили, что им было угодно. По словам Флетчера, «один из них, Василий юродивый укорял Грозного за его жестокости: он причтен к лику святых и его тело перенесено в великолепную церковь близ дворца»³². Разумеется, это св. Василий Блаженный, коего мощи почивают в Покровском соборе, а по народному названию, в храме «Василия Блаженного». Промыслу Божию угодно было, чтобы святое имя величайшего из подвижников русской церкви Василия Блаженного-юродивого соединено было с «великолепным» памятником русского церковного зодчества, который поставлен на Красной площади первопрестольной столицы православной России как красноречивейшее свидетельство о том, какой высоты достиг православный самоотверженный подвижник благочестия и до какого совершенства возвышался творческий талант русского народа.

Слава Богу, не перестают появляться такие герои духа и в наши дни. Видела их в своих стенах и так еще недавно и такая скромная обитель, как Тульский Успенский женский монастырь: имела она к ним особое почтение и хранит искреннее уважение.

Вот имена «блаженных» и существующие сказания о них сестер-современниц, из коих некоторые здравствуют доселе и пребывают в той же обители.

1. *Александра Акимовна*. В монастырь она была привезена в детстве, вместе с сестрой родной к настоятельнице, игуменье Тавифе, у которой они и воспитывались, но откуда — неизвестно. Александра Акимовна, по записям в монастыре, значится по отчеству Григорьевна, а всегда звали ее «Акимовна», она сама так себя назвала, а почему это, достоверно не известно. Она очень не любила, когда ее кто называл Григорьевной. Говорят, что она именовала себя по крестному отцу. Обе сестры фамилии не имели, а значились только, что из крестьян. Послушание Александра Акимовна проходила клиросное. А сестра ее родная, с которой она привезена в мона-

стырь, Мария Григорьевна, в монашестве Максимила, была даже уставщицей. Впоследствии Александра Акимовна заболела странной болезнью, как рассказывали о ней, и была прикована на цепь; сколько она была в таком положении, об этом никому не известно и в настоящее время никто не знает. Впоследствии она ходила свободно по монастырю, жила она в келье своей, бывала в церкви за службой, но вела образ жизни юродивой: иногда расхаживала по церкви и про себя что-то бормотала неразборчиво; а когда ей вздумается, подойдет к кому-либо из молящихся мирских и что-нибудь скажет или даст что: кому просфоры часть, кому крестик, иному пояс. Иногда пойдет по солее, прикладываясь к иконам начнет, а где высоко, не достанет приложиться, то платком белым потрет икону и приложится к платку. Одевалась всегда в монастырское платье послушницы: ряса и шапка церковная, без покрывала; зимой иногда надевала шубу на заячем меху или рясу на вате и теплые сапоги большие, вязанные из шерсти,— зимой, большей частью в сырую погоду, одевалась в шубу и сапоги. К ней приходили многие из мирян за советом. Говорила она всегда иносказательно и в это время трудно было ее понять, а после сбывалось то, что она говорила. В разговоре она очень часто употребляла слова: «право, право»... и, как бы не по связи речи, а между тем знаменательно... Когда ей что принесут, то у одних она возьмет, а у других и не возьмет, а иногда даже и прогоняла от себя или в келью не пускала. Все принесенное ей она всегда отдавала кому-либо из сестер. В келье у ней всегда был большой беспорядок. Свои сестры относились к ней с большим доверием и почтением, а многие из них обращались к ней с разными вопросами и за благословением на какое-нибудь дело.

Передают о следующем случае, который у многих и доселе в памяти. Одна старушка послушница, Олимпиада Артемьевна (в рясофоре Авраамия), ныне умершая, рассказывала о себе: «Однажды я встретила на дороге Александру Акимовну и говорю ей: «Как быть мне: вот я стала плоха здоровьем, если умру и гроб-то будет не на что купить». Она на это отвечает ей: «Право, право не заботься,— гроб останется, вот и скоронят». Это было сказано задолго до смерти их обеих. Действительно, так и случилось. Александра Акимовна умерла 23 февраля 1873 года, в пятницу первой недели Великого поста, в управление игуменьи Агнии. Гроб был куплен от игуменьи не дорогой, как обычно и другим умершим монахиням покупали. Покойная была положена в него. Потом почитатели ее пожелали купить лучший гроб. Тогда переложили покойную в хороший гроб, а прежний остался свободным. Проходит несколько дней, заболела и послушница Олимпиада Артемьевна, и 4 марта умерла; ее и положили в оставшийся гроб. Так сбывлись слова блаженной Александры Акимовны.

Многие сестры помнят, что ее слова, сказанные им, каждой в отдельности, по отношению их самих, сбывались верно всегда. Александру Акимовну

отпевали на 6 день, в среду, на второй неделе великого поста, по случаю неполучения из Петербурга от преосвященного Никандра разрешения, чтобы похоронить блаженную в ограде монастыря (владыка в то время был на очереди в Св. Синоде). До отпевания тело стояло в нижней церкви Преображенского храма, панихиды служились почти непрерывно. В день погребения ее было множество молящихся в храме; к могиле едва могли пронести гроб с телом покойницы.

Могилка находится в ограде монастыря, недалеко от алтаря Успенского храма; на могиле имеется памятник из простого камня, окрашенного краской. Надпись на памятнике такая: «Под сим камнем погребено тело послушницы сего монастыря, Александры Акимовны, скончавшейся в 1873 году 23 февраля, в 5 часов вечера. Жития ее было 80 лет. Подвизавшейся в юродстве 40 лет». На другой — *Многи скорби праведным и от всех их бавит я Господь*. В головках: *Помяни мя, Господи, во царствии Твоем*.

2. *Надежда Ивановна Сампсонова*, или «блаженная Надя», как ее все звали, девица из мещан г. Тулы. В монастырской Ведомости о проживающих она значится с 1866 года³³. Но она появилась в монастыре гораздо ранее, вскоре после смерти Александры Акимовны, в начале восьмидесятых годов прошлого столетия. Вначале она приходила к утрени из миру, очень рано, иногда и церковь еще не отворяли; она ждала на церковной паперти, всегда становилась где-нибудь в уголке, иногда повертывалась лицом к стене, где часто ее видели плачущей; вначале она плакала очень тихо, а впоследствии начала громко плакать и даже кричать на всю церковь. Когда она появилась, то одевалась в простое платье — блузу; голова была открыта, волосы кверху зачесаны и распущены. Потом она переменяла вид своей одежды, стала одеваться в мужское пальто, на голову надевала шляпу, а зимой шапочку; прежде ходила с железной палкой с крючком, а когда сердилась на кого, то этой палкой размахивала, потом заменила железную палку тросточкой. Некоторые сестры стали принимать ее к себе в кельи, иногда у кого-либо из них она оставалась и ночевать. Игуменья Агния предложила ей поселиться в монастырском саду в беседке, где она и пребывала. К ней сюда слетались птицы, большей частью голуби; она их всегда кормила хлебом; куски и корки хлеба мочила в воде и крошила ножницами, отчего у нее образовались на пальцах мозоли, так как она почти постоянно этим занималась. Благотетели ее давали ей разных семечек для птиц, иногда она и подсолнухами кормила птичек.

В церковь Надя постоянно ходила ко всем службам, иногда ходила в другие церкви, а чаще всего в собор, к ранней литургии; в церкви всегда плакала, иногда очень громко, так что приходилось ее останавливать. Часто исповедовалась и причащалась Св. Тайн, к Св. Причастию подходила в той

Блаженная Наля

же одежде, в какой всегда ходила, т. е. в мужском платье, но впоследствии стала надевать белый халат, вроде рясы, с широкими рукавами. Зимой ходила ночевать к монастырским сестрам, к кому сама вздумает; иногда отправлялась в мир, к своим хорошим знакомым, очень редко у кого в миру она оставалась ночевать, всегда возвращалась в монастырь. Вообще, она вела жизнь очень странную... По временам бывала очень раздражительна: если, бывало, кто в это время обращался к ней с каким вопросом, то она вдруг заплачет очень громко и прогонит от себя; а иногда, наоборот, очень бывала весела, любила слушать чтение житий святых, также любила петь что-нибудь из церковного, или псалмы, очень часто певала любимую свою канту: «Не унывай, душа моя». Вот слова этой канты:

«Не унывай, не унывай, душа моя,
Уповай, уповай на Господа.
Видишь, Господи, печаль мою:
Ты кого пошлешь на помощь мне?
Или Ангела-Хранителя?
Или Сам сойдешь, Владыко мой?
Я Твоя овца заблудшая,
От Твоего стада отставшая.
Нападает враг, искушает злой,
На свои дела, научает он...
Я прошу Тебя, не оставь меня,
Ты в любви Своей утверди меня».

Слова она выговаривала неправильно (всегда вместо буквы *л* говорила *р*). На праздник Рождества Христова ходила по кельям «славить Христа», но не ко всем, в заключение пела очень громко «многая рета».

Очень многие замечали ее слова: кому что скажет, то очень часто сбывалось. Особенно замечено было: когда Надя придет в псалтырную келью, где читается «неугасимый псалтырь», попросит ладану и накурит им, то непременно кто-нибудь из монастырских сестер умрет. Один случай живо остался в памяти у многих, это было в 1889 году в декабре месяце. Во время утрени в нижней церкви Преображенского храма Надя плакала, вначале тихо, стоя позади певчих, в конце утрени все сильнее и сильнее стала плакать, а выходя из церкви, на паперти громко закричала: «Ой, задавири, рошадь задавири!» Несколько раз так прокричала: ее уговаривали, но она и слушать не хотела. Действительно, получено было известие, что одна рясофорная послушница-монахиня, немолодая, по имени Алексия, поехала к родным в село Дедилово на лошади, и когда она проезжала через монастырский лес, то в небольшой ложине лошадь дернула и телега опрокинулась, она попала под телегу и так умерла; а женщину, с которой она ехала, в сторону отбросило, и она жива осталась. Это было 11 декабря 1889 года.

В июле месяце 1897 года Надя почувствовала себя очень плохо, пришла в монастырскую больницу, пожелала особороваться, заметно стала слабеть, часто приобщалась Св. Тайн; болезни своей никому не открывала, лежала на полу, постели себе никакой не принимала: как ни упрасивали ее, чтобы она позволила положить ее на кровать или хотя на полу постлать ей, она все отстранила. Скончалась 23 августа 1897 года 65 лет. Когда тело ее обряжали, у нее оказалась рана на груди, о которой она никому не говорила.

Могила ее находится рядом с могилой Александры Акимовны, недалеко от алтаря Успенского храма, на могиле крест цинковый.

3. *Монахиня Глафира*, в миру Гликерия Федоровна Четверикова, в рясофоре Людмила, из мешан, поступила в монастырь 7—8 лет к своей тетушке, при игуменье Клавдии, как сама говорила, в 40 году, т. е. 1840, но, говоря точнее, определена в монастырь 17 января 1845 года. Воспитывалась она в монастыре при бедной обстановке и в строгом, беспрекословном послушании. Здесь она выучилась читать и поставлена была на клирос (в то время, обыкновенно, и маленьких, от 5—6 лет, приучали к пению). Юная Глафира очень любила пение и, по отзыву всех, ее знавших, была замечательной певицей. Впоследствии она была регентшей: даже когда она, по случаю тяжелой болезни, сошла с клироса, то к ней в келью приходили учиться или прослушиваться певчие. Исполняя многозаботливое послушание регентши, при своем кротком, миролюбивом характере, она никогда не возмущалась, всегда умела сдерживаться и была ласковой со всеми. Общение она имела со всеми сестрами, но особенно близко ей пришлось сойтись и некоторое время жить вместе с м. Афанасией Писецкой, тогда еще рясофорной послушницей Рафаилой. Построив себе новую келью, Глафира пригласила Афанасию к себе для большего удобства шить церковные облачения, чем также занималась для приобретения средств содержания. Была близка к ней также и рясофорная послушница Гавриила, впоследствии м. Памва, отличавшаяся также кротким, терпеливым характером. С этими сестрами, а также со многими старичами Глафира постоянно поддерживала доброе иноческое общение.

Когда м. Глафира заболела и принуждена была оставить клиросное послушание, то жила в келье одна (что было в 70 годах прошл. ст.). Не имея никакого послушания, она стала принимать к себе народ, приходивший к ней за словом утешения, совета и с просьбой — помолиться о скорбящих и страждущих. С этого времени Глафира является особенно усердной и постоянной молитвенницей. Этому поспособствовало решительно особое обстоятельство. М. Глафира получила со св. Горы Афона икону Спасителя «Страстного». Молясь пред этой иконой, она получила исцеление от своей болезни, с этого времени и сама Глафира, и приходивший к ней народ осо-

бенно усердно стали молиться пред этой иконой. Начиная нередко прямо от ранней обедни (7 часов утра) и до самой поздней поры, когда уже несколько раз напоминали ей, что запирают монастырскую калитку, она молилась и беседовала с приходившими к ней. Но бывало и так: иногда подолгу стучались к ней, и она не открывала дверей кельи; а когда спрашивали ее потом, почему она так долго не открывает, она отвечала: «Кому надо, подождут, ведь они не ко мне пришли, а к Спасителю» (разумеется, келейная икона Страстного Спасителя). Случалось, что от утра и до 4 часов пополудни она не открывала своей кельи. Занимаясь целый день с народом, она забывала и принимать обычный обед: случалось, что ей подавали что-нибудь в чайной чашке и предлагали кушать, но, за беседой, она оставляла ее без внимания, и приносимое относили назад... Ночью она большей частью не спала, а только к утру несколько забывалась.

Это была добродетель чисто иноческого гостеприимства, которое стояло в духовной радушной беседе и молитве с приходящими... Много неприятностей приходилось, однако, переносить матушке Глафире из-за стечения к ее келье народа: многие и разное рассуждали о таком ее посещении. Одни легкомысленно подозревали, что она принимает мирских людей ради приобретения от них каких-либо стяжаний, но при кончине этой молитвенницы обнаружилась ее истинно иноческая совершеннейшая нестяжательность; другие предполагали даже, что здесь, может быть, кроется что-либо сектантское... Такие толки побудили даже начальство монастыря предложить ей передать чтимую ею икону «Страстного» Спасителя в церковь. Испытание это для монахини-«молитвенницы» было тяжелое, она лишалась единственного и последнего утешения. Но, конечно, хорошо понимая, от какого врага молитвы идет искушение, Глафира не только согласилась, но и спешила исполнить волю своего начальства и, с детской покорностью, спрашивала: «Когда же нести икону?» Но Господь, видя ее подвиг, мало понятный для прочих, утешил ее: само начальство, однако, не исполнило того, на что было решилось, и все осталось по-прежнему. Только сама Глафира вскоре после этого была пострижена в мантию, 19 марта 1894 года, и приняла это имя Глафиры. После этого года три она проходила послушание при св. Алтаре, читая синодики, а затем сосредоточила свой молитвенный подвиг, главным образом, в своей келье. Но когда сломали ее старую келью, в числе прочих, чтобы на том месте строить новый каменный корпус, а ее саму перевели жить в келью казначеи Сергии, то свою, столь чтимую, икону Спасителя она сама отдала в церковь, но когда заболела, то немедленно просила приносить ее. Во время предсмертной болезни икона Спасителя находилась у нее в келье. И было замечено, прощаясь с приходившими к ней или давая им свои наставления, она посылала их приложиться к иконе Спасителя. Послушание и смирение были ее истинным украшением: своим

глубоким смирением она прямо изумляла многих, кланяясь им до земли... Но высшим ее подвигом и венцом добродетели была непрестанная молитва. При непрестанной молитве м. Глафира приобрела особый дар духовной проницательности, так что, иногда несколько прикровенно, а иногда прямо и наперед она говорила о предстоящем каком-либо обстоятельстве. В предании непосредственно знавших ее сестер сохранились рассказы о нескольких случаях такой ее прозорливости.

Одна послушница пришла к м. Глафире и говорит ей:

— «Матушка, я очень скорблю, что у меня келья нет».

— «Не скорби,— отвечает Глафира,— Бог даст, будешь напротив меня сидеть».

Послушница ждала и думала, что ей будет предоставлена келья в том же корпусе, через коридор, напротив кельи Глафиры. Вскоре м. Глафира умерла; в ее келью перевели ее племянницу, а ту, что была напротив, продали двум монахиням. Но вскоре эти монахини также умерли, а послушнице передали их келью, которая окнами приходилась как раз против могилы м. Глафиры (похороненной в монастыре, что было наперед неизвестно). Так сбылись ее вещие слова.

Приходит однажды к м. Глафире одна женщина. Та спрашивает пришедшую:

— «Что, ты знаешь грамоту?»

— «Да,— отвечает та,— читаю понемногу, а писать не умею».

— «Ну, мы тогда выучимся, когда одни останемся»...

Посетительница не поняла, как она одна останется, потому что у нее был муж и двое детей. Но муж вскоре умер. Вдовая, она занялась и выучилась писать и вспомнила слова м. Глафиры.

Однажды в келье м. Глафиры сидели одна дама и послушница.

— «Дайте мне денег»,— сказала Глафира.

— «Матушка, извольте, сколько вам надо взять»,— и предлагает ей много монет, даже золотых, нисколько не жалея.

— «Нет, вот она мне даст»,— тихо говорит Глафира, обращаясь к послушнице.— «Давай все, сколько у тебя есть».

— «У меня есть»,— отвечает послушница,— но немного: вот медных копеек 60».

Получив деньги, Глафира уходит в переднюю и отдает их там все за спасение кого-то... Затем спрашивает:

— «Который час?»

— «Пять часов»,— отвечает послушница.

— «Это я твои слезы утерла»,— говорит возвратившаяся Глафира.

Послушница не понимала, что это могло значить, но в тот же день встречает своего брата, который сообщает ей: «А я сегодня совсем было сле-

лался покойником, меня задавила было лошадь на улице, вылетевшая из-за угла». На вопрос сестры, когда это было, отвечает: «Это было в пять часов». Вот, значит, за спасение кого м. Глафира раздала все деньги послушницы, сестры едва не погибшего брата.

Такие и многие другие случаи совпадений слов м. Глафиры с предугазанными ею обстоятельствами обнаруживали в ней особое настроение и просветление мысли, обращали на нее особое внимание, внушали к ней уважение, как к «молитвеннице» и «человеку Божию», не только среди сестер обители, но и в приходящих к ней от мира.

Пред началом предсмертной болезни м. Глафира была особенно весело настроена: с приходящими пела, утешала их, провожала на крыльцо. Болезнь (паралич) постигла ее с начала Сырной недели и продолжалась до дня ее блаженной кончины. По словам бывших при ней, она предугазала день своей кончины. Так, приходивших к ней посетителей она спрашивала, где они бывают на выносе Плащаницы, и на ответ, что в соборе, звала их приходиться непременно в монастырь...

Чувствуя приближение своей кончины, еще в Вербное Воскресенье, она просила позвать к ней м. игуменью: прощалась с ней, благодарила ее и просила, чтобы ее келью отдали ее племяннице и м. Парфении (тогда еще Параскеве); затем приглашала к себе некоторых монахинь, делала им последние наставления, говорила с ними совершенно ясно, не как прежде, и благословляла их, прощаясь с ними особенно сердечно, привлекала к себе одной, здоровой, рукой и целовала их последним целованием при жизни... Отсутствующим знакомым в благословение оставляла иконы. Кончина ее последовала в Великий Четверток, 11 апреля 1905 года. В этот день она приобщилась, просила духовника особенно разрешить ей все грехи, окропить св. водой ее и ее келью, что и было исполнено. И вот, в 5-м часу пополудни, во время повечерия, когда заметно было, что ей сделалось плохо, она попросила читать для нее акафист «Страстному» Спасителю, пред Его, чтимым ею, чудотворным образом, который по ее указанию был поставлен пред нею. Вспоминая богослужение св. дня, она сказала: «А теперь на повечерии трипеснец поют: *«мрак души моя разжени, Светодавче»*... Сказав это, она тихо скончалась в 5 часов вечера. Наутро гроб ее вынесли в нижнюю церковь.

Узнав о кончине «матушки Глафиры», многие из ее знакомых и почитателей оплакивали ее искренними слезами. Погребение ее было совершено во Вторник на Пасхе. Погребение совершал преосвященный Лаврентий, епископ Тульский и Белевский. На погребение стеклось громадное множество народа, вследствие чего обнесение гроба вокруг церкви с хоругвями и иконами совершалось очень продолжительно. На свежей ее могиле немедленно поставлен был деревянный крест ее усердными почитательницами,

который потом был заменен чугунным памятником в виде часовни, где была поставлена небольшая икона Страстного Спасителя и пред ней лампада, а келейная икона «Страстного» Спасителя поставлена в храме, где находится и доселе.

Так, подвиг непрестанной молитвенницы Глафиры пред иконой «Страстного» Спасителя, очевидно, Сам Господь благословил, даровав ей мирную кончину *именно в тот день*, когда Церковь, вспоминая *Его страдания*, читает 12 Евангелий о *страстях* Его, и в самое навечерие *дня Его смерти*... Жизнь и такая кончина матушки Глафиры глубоко назидательны.

4. *Схимонахиня Херувима*, в миру Елизавета Андреевна Калашникова, девица купеческого звания, образования домашнего, определена в монастырь 6 мая 1870 года; пострижена в монашество 7 марта 1890 года, а 11 декабря 1899 года приняла схиму с наречением имени Херувима.

5. *Схимонахиня Серафима*, в миру Анна Андреевна Калашникова, девица купеческого звания, грамотная, родная сестра сх-м. Херувимы. Поступила в монастырь в 1871 г., определена в число послушниц 15 апреля 1885 г., пострижена в монашество 12 августа 1895 года, а 18 декабря 1904 г. приняла схиму.

Сестры-схимницы живут вместе, занимаются изготовлением церковных облачений и исполняют золотошвейные работы (преимущественно ризы на иконы).

IX. Средства содержания

Строитель Успенского монастыря царь Алексей Михайлович был и его первым благотворителем. По ходатайству своего духовника, Благовещенского протопопа Лукиана Кирилловича, при Тульском воеводе Иване Андреевиче Ивашкине и при игуменье Софии, царь Алексей повелел давать Тульскому Успенскому девичьему монастырю «денежную годовую ругу», и на это в 1657 году дал свою именную грамоту. По этой грамоте «денежную ругу» [10; 383] монастырю повелевалось производить для Успенской обители из таможенных доходов³⁴. Около 50 лет ружные деньги выдавались монастырю беспрепятственно, но в 1700 году в выдаче этих денег встретилось, вероятно, со стороны местных властей, затруднение. У монастыря явилось в «калашном ряду» место (на площади, примыкавшей к монастырю с северной стороны). По сему, хотя нужные деньги продолжали выдавать, но не вполне,— делался вычет. По этому делу игуменья Марфа с сестрами «Великому Государю били челом, что то место дано им для садного сажения на всякую ружную под клети, а не на пропитание, и что то место взять у них на

Великаго Государя, а им давать ружные деньги по-прежнему» (в полной прежней сумме). Марта 27-го 1702 года дана была «Память Тульскому земских дел и кружечнаго двора бургомистру с товарищи, что бы они удержанные за разное время 226 рублей 11 алтын [11; 383] деньги выдали монастырю с распискою на лицо, а за очи, подставою (посторонняго лица) и по умершим не давать», а место в «калашном ряду» отдать в земскую избу охочим людям внаем, с торгу, больше кто даст»³⁵.

Сохранилось известие, что «за оным Успенским монастырем по переписным книгам 186 года (т. е. 1678 г.) дворов церковных и быльских не написано и не имеется. По генеральному свидетельству мужеского пола душ монастырских служителей — 7. Пашни и сенных покосов и окладных и неокладных доходов никаких не имеется»³⁶.

В XVIII столетии «с 1729 года на церковные и монастырские строения по 20 по 2 рубля на год не давано, а точию выдавалось по указам из статс-конторы по 1737 год на содержание церквей по 15 рублей, да на пропитание игуменьи с монашествующими по 80 по 1 рублю по 50 коп. итого по 90 по 6 рублей по 50 коп. на год, а с того 1737 года той руги в даче не было»³⁷.

Кроме того, сохранилось известие, что монастырь имел свой приход, хотя и очень малолюдный, который состоял из разночинцев. Именно, в «Книге второй ревизии» по г. Туле, при подробном описании всех приходов города, между прочим, сказано: «В приходе девичьева монастыря церкви Успения Пресвятыя Богородицы: Алексей Петров с. Вялов, 47 лет, у него дети: Осип 23, Иван 15 лет, Минай 14 л. Степан Васильев с. Рукавкин 52 л. у него с. Какар 18 л. Итого в приходе 6 душ». Все они записаны и в прежнюю перепись — 1720 г.³⁸

В XIX столетии, кроме обычных монастырских доходов и подааний, источниками содержания служили и теперь служат: 1 — отпускаемая из Государственного казначейства сумма 337 руб. 43 коп. ежегодно, 2 — доходы с капитала, из которых часть идет на содержание, а часть специально — на расширение храмов и 3 — доходы, которые доставляют владения монастыря.

Х. Владения

До 1864 года монастырь имел данные ему правительством в разное время владения в нескольких уездах Тульской губернии, а именно: в Алексинском у. при с. Волковичах — рыбные ловли по р. Оке на две версты, в гор. Веневе — мельницу, в Веневском у. при Гремячевском селении — 30 десятин пахотной земли, в Тульском у. при с. Горшкове также 30 дес. земли. А в 1864 году, вместо всех этих владений, монастырю выделена от казны земля в Богородицком у., близ с. Дедилова, которой по имеющемуся плану значится:

99 дес. 52 сажени [≈ 108,2 га], под лесной площадью 27 дес. 10 саж. [≈ 29,5 га], сенных покосов 35 дес. 13 саж. [≈ 38,2 га], под постройками и неудобной 2 дес. 158 саж. [≈ 2,3 га]. Часть сей земли отдана в арендное содержание местным крестьянам, остальная земля в распоряжении самого монастыря. На этой земле в 1884 году игуменьей Агнией устроен хутор с хозяйством, сначала в небольших размерах, а с 1892 года заведены постройки жилые и хозяйственные, пчельник, садик, две сажалки и пр. В 1913 году игуменьей Херувимой устроено здесь большое деревянное, на каменном фундаменте, жилое помещение, как для сестер, трудящихся на хуторе при летних полевых работах, так и для больных, требующих чистого полевого воздуха.

В 1870 году, при игуменье Агнии, богородицкой мешанкой А. Ф. Селезневой, жившей в г. Михайлове Ряз. губ. в ж. монастыре (впоследствии мон. Антония), пожертвована монастырю земля в Ефремовском уезде, при деревне Христофоровой, которой земли по плану 1911 года значится: пахотной 55 дес. 1650 кв. саж. [≈ 60,8 га], луговой 6 дес. 1320 саж. [≈ 7,2 га], сенокосной с редким дубовым лесом 1 дес. 1200 кв. саж. [≈ 1,6 га]. Означенная земля сдается в аренду крестьянам Ефремовского у.

В 1875 году сентября 13 утвержден во владении монастыря городской проулок, с южной стороны между монастырем и усадьбами купцов Каширских. В том же 1875 году приобретены для монастыря, посредством дарственной записи от пот[омственного] поч[етного] гражданина Николая Никитича Добрынина, два смежных с тем проулком усадебных места, купленные Добрыниным у вдовы тульского купца Ольги Федоровны Каширской с ветхим одноэтажным каменным домом и надворными постройками.

В феврале 1876 г., с высочайшего соизволения, настоятельницей монастыря игуменьей Агнией приобретено от губ. секр. Ник. Ник. Тимофеева усадебное пустопорожнее место в г. Туле, 1 ч.[асти] на Барановой (ныне Тургеневской) улице, длиной в 26 саж. с полуарш. [≈ 55,8 м], шириной 13 саж. 1 арш. [≈ 28,5 м], по купчей крепости, утвержденной Тульским старш. нотариусом. Это усадебное место, с разрешения епархиального начальства, в 1876 г. предоставлено для поселка двум священникам монастырской Успенской церкви, прежние их усадьбы присоединены к монастырскому месту как смежные с вышеозначенным проулком.

В 1894 году, с разрешения епархиального начальства, попечением игуменьи Магдалины куплены у наследников умершего священника монастырской церкви Никиты Успенского стоявшие на монастырском церковном месте: деревянный одноэтажный дом и каменные лавки, выходящие на Воронежскую улицу [ныне — Оборонная]. Дом и лавки сдаются в аренду: доход с этого дома назначен на ремонт и содержание школы и служащих в ней.

В 1901 году при игуменье Магдалине, по духовному завещанию вдовы поручика Марии Матвеевны Есиповой, утвержденному Тульским окружным

судом 22 сентября 1900 г., поступило во владение монастыря 132 дес. 1200 саж. [$\approx$ 144,8 га] земли, заключающейся в разных угодьях, с усадьбой, находящейся при дер. Воробьевке Крапивенского у. Из сей земли сдается в аренду: 78 дес. [$\approx$ 85,2 га] пахотной, 3 дес. 300 саж. [$\approx$ 3,4 га] луговой крестьянам Крапив. у. Усадьба же с постройками к ней, сажалкой и огородами, находится в пользовании монастыря. В 1912 году игуменья Херувима на этом хуторе выстроила кирпичный дом для помещения сестер, при нем каменный скотный двор, крытый железом, и сарай для выделки кирпича.

В 1908 году попечением игуменьи Магдалины приобретен в пользу монастыря, посредством дарственной записи от государственного крестьянина Алексинского у. Егора Архипова Мыскова, каменный двухэтажный дом с флигелями, усадьбой (19 саж. дл. и 10 саж. шир.) [$\approx$ 40,5 м и 21,3 м] и надворным строением, находящийся в Туле на Барановой (Тургеневской) улице (бывший Соловьева), рядом с усадьбой, принадлежащей церкви женского монастыря, предназначенный для священников той же церкви. На принятие сей усадьбы монастырем последовало высочайшее соизволение в 20 день марта 1909 года.

В 1912 году, по ходатайству игуменьи Херувимы, выделен от казны во владение монастыря участок леса площадью 63,58 дес. [$\approx$ 69,5 га] казенной дачи Сосенки, Козельского уезда Калужской губ. Означенный участок представляет главным образом листовое насаждение с разнообразной примесью ели, различной полноты, в возрасте от 5 до 30 лет. В 1913 году от казны прибавлен дополнительный смежный участок леса в 26,42 дес. [$\approx$ 28,9 га]. В этом лесу той же игуменьей Херувимой выстроен деревянный дом с хозяйственными службами. Владение приобретено при непосредственном содействии высокопреосвященнейшего Парфения, архиепископа Тульского и Белевского.

В 1913 году, по постановлению епархиального начальства, от 16 октября, за № 635, принят монастырем в свое пользование навсегда, для монастырских нужд, участок монастырской усадебной земли, находящейся в юго-западной стороне монастырских владений и состоявший в пользовании монастырского причта. И это владение приобретено также при содействии высокопреосвященнейшего Парфения, архиепископа Тульского и Белевского.

XI. Здания

По известиям 1770 года, «в Туле, на посаде девичей монастырь, которая ограда и кельи деревянные, церковь о 2 апартаментах каменная»³⁹. В XIX столетии деревянные здания постепенно стали заменяться каменными.

Первым из каменных зданий был двухэтажный дом, занимаемый теперь кельями настоятельницы монастыря, находящийся по линии северной сте-

Высокопреосвященный Парфений, архиепископ Тульский и Белевский

ны монастырской ограды, при нем службы: кухня, погреб, деревянный сарай — для дров церковных, лошадей и экипажей.

В 1842 году внутри монастыря, на западной его стороне, попечением преосвященного Дамаскина, епископа Тульского и Белевского, построен второй каменный двухэтажный дом с мезонином и внизу со службами, в котором, на благотворительные суммы, с помощью от духовного попечительства, воспитывались до 50 сирот духовного звания. Воспитанницы находились в заведовании первоначально игуменьи Клавдии, при которой основано учреждение, а потом ее преемниц. Это так называемый «Приют», вместо которого впоследствии устроено Епархиальное женское училище.

В 1876 году 12 апреля приступлено было к разборке старого здания на приобретенных в пользу монастыря местах для постройки корпусов. Июля 7 того же года заложен был бут под 3-й новый каменный корпус на приобретенном новом месте, и прибавление ограды с устройством в ней башни и четырех каменных лавок. В 1878 году 18 октября совершено освящение 1-го каменного корпуса — для помещения сестер.

В 1880 году 30 мая совершена закладка 4-го каменного корпуса на том же новом месте.

В 1882 году возведен 4-й двухэтажный каменный корпус, в нижнем этаже его — разные службы: кухня, подвал и проч.

В 1901 году, попечением игуменьи Магдалины, на месте бывшего деревянного корпуса, рядом с больницей, возведен 5-й двухэтажный каменный корпус — для монастырских сестер.

В 1901 году, в ночь под 15 ноября, бывший «приютский» большой каменный корпус подвергся пожару. Помещавшиеся в нем до 75 сестер лишились имущества и кровя. На возобновление сего корпуса поступило: высочайшее пожертвование от щедрот ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА в 2000 рублей; от протоиерея Иоанна Сергиева Кронштадтского 2400 рублей. При помощи Божией и сих пожертвователей, а также при содействии и других благотворителей, настоятельницей монастыря, игуменьей Магдалиной, сгоревший корпус возобновлен, причем вместо бывшего на нем деревянного мезонина надстроен третий этаж каменный, с кельями по обеим сторонам коридора. Ровно через год после пожара, 15 же ноября 1902 года совершено освящение возобновленного корпуса, и сестры водворились в свои кельи.

Кроме существующих зданий, настоят неотложная надобность в построении еще нескольких зданий с разными назначениями. Так, на основании составленных проектов и сметы (инженера В. А. Михайлова) на постройку 2-классного училища, с 6 отделениями, при монастыре и на постройку нового корпуса келий монастыря потребуется расход по первой постройке на сумму 32 799 руб. 88 коп., по второй — на сумму 69 290 руб. 75 коп....

Преосвященный Дамаскин, епископ Тульский и Белевский

При наличной ветхости существующих деревянных келий монастыря, в количестве 84-х, опасности в случае пожара, вследствие крайней скученности их, недопустимости производства капитального ремонта их, так как существующие деревянные постройки в деревянных кварталах остаются до сноса их, по ветхости, без капитального ремонта — является неотложная потребность в постройке вместо существующих келий в западной стороне монастырского участка также нового здания келий с трапезной при них, как-вая постройка, принимая во внимание расценку сметы на новый корпус келий и кубатуру второго корпуса келий — может выразиться в сумме около 50 000 руб.

Так как впредь до сноса ветхих деревянных келий и постройки новых корпусов келий необходимо перевести монашествующих в какое-либо временное помещение, а такого помещения в монастыре, вследствие переполнения всех монастырских зданий, не оказывается, явилась необходимость в составлении проекта на постройку на малом дворе монастыря малого корпуса келий на сумму около 20 000 руб.

Означенный корпус, по выстройке двух указанных выше главных корпусов келий, будет обслуживать монастырь, как служебный для монастырских нужд корпус.

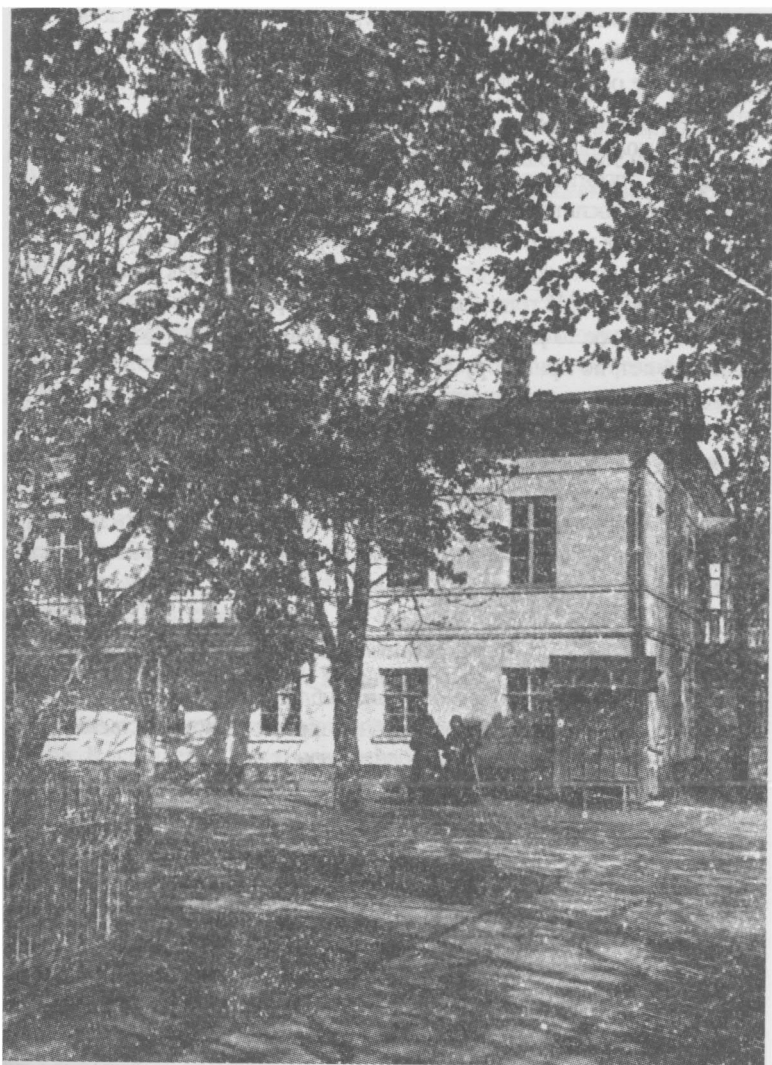
Таким образом, по составленным проектам и сметам, на неотложные строительные нужды монастырю крайне необходимы средства не менее 170 000 рублей.

ХII. Учреждения и благотворительность

При монастыре в разное время постепенно возникли разные учреждения: просветительные, благотворительные и пр.

1. Школа

При монастыре имеется церковно-приходская школа. Открыта в 1894 году, при игуменье Агнии. Первоначально она была в деревянном помещении, но в 1897 году над каменными лавками, выходящими на Барановую (Тургеневскую) улицу, был возведен второй каменный этаж, куда и перемещена была школа. Заведующим школой состоит настоятель монастырских церквей священник Михаил Успенский, преподавателем Закона Божия монастырский священник Димитрий Нелюбов, учительницей — рясофорная монахиня Марионилла, другой — рясофорная послушница Мария Сампсонова и помощницей их Анастасия Соколова; она же, Соколова, дает дополнительные уроки по церковному пению. Ученицы м. школы, при церковной

Кельи настоятельницы

службе, принимают участие в пении. Содержится школа на монастырские средства. В монастырской школе обучаются родственницы сестер обители, живущие в их же кельях. Замечается, что юные питомицы монастырской школы настолько проникаются любовью к монастырской жизни, что, окончив школьное обучение, они уже не желают выходить в мир и охотно поступают в число сестер.

Кстати, должно заметить, что, имея при себе школу, сам-то монастырь для мирских служит школой.

Доверие к воспитательному и облагораживающему влиянию монастырской жизни, с ее непрерывным богослужением и вообще религиозным настроением, имеют и такие государственные учреждения, как Окружной суд. Так, с 24 октября 1911 года в здешнем монастыре содержится арестантка, крестьянка Тульского у. Зайцевской волости, деревни Антюшево Ольга Борисова, 15 лет, по приговору Тульского окружного суда, от 13 сентября 1911 года, за преступление кражи разного рода имущества у мещанина Трусковича, присужденная к помещению в православный женский монастырь до достижения 18-летнего возраста. По распоряжению его Высокопреосвященства, 3 октября 1912 года она определена для исправления в Тульский Успенский женский монастырь. Так бывало и прежде: и содержавшиеся в монастыре на исправлении выходили из него действительно в лучшем строении.

2. Библиотека

В 1870 году при монастыре основана библиотека, в ней всех книг 1914. Кроме того, имеются книги богослужбные и религиозно-нравственного содержания в собственно церковной библиотеке.

3. Трапеза

Начало общей трапезы положено при игуменье Агнии, в 1893 году 6 декабря,— по незначительности имеющихся в монастыре на сей предмет капиталов, на первых порах — на сорок монастырских сестер, а в праздничные дни трапеза устраивалась для всех сестер, затем постепенно увеличивалось число сестер, пользовавшихся ежедневно трапезой. А с 1907 года монастырские сестры пользуются трапезой ежедневно.

4. Просфория

По благословию Преосвященных, она существует с давних пор, со всеми приспособлениями; в ней трудятся одиннадцать сестер, занимаясь из-

готовлением просфор для церквей г. Тулы, под надзором старшей монахини и под непосредственным наблюдением настоятельницы.

5. Богадельня

Для призрения монастырских сестер престарелых и не имеющих средств к содержанию, в 1866 году основана богадельня настоятельницей монастыря, игуменьей Макарией,— пока на неопределенное число лиц. В 1911 году здесь призревалося, на монастырском содержании, восемь сестер.

6. Больница

В 1885 году 25 мая попечением игуменьи Агнии совершилась закладка каменного двухэтажного корпуса больницы для монастырских сестер. В 1886 году 18 ноября совершено освящение больницы в этом новом корпусе. На небольшой капитал, пожертвованный от разных благотворителей, содержится 10 кроватей. При больнице устроена домашняя аптека, в которой, под надзором врача, девицы А. Конст. Мелодиевой, занимаются составлением лекарств, по рецептам ее, монастырские сестры, монахини Гавриила и Михаила с тремя помощницами. Медикаменты сестрам отпускаются на счет монастыря. Необходимо отметить, что на содержание м. больницы имеется средств около 700 р. в год, между тем, полное содержание оной обходится слишком в 2000 р. ежегодно.

7. Водопровод

К благоустройству монастырского общежития относится также и водопровод. В устранение давно испытываемых монастырскими сестрами неудобств и затруднений в снабжении доброкачественной водой водовозами за плату, в 1895 году, с разрешения епархиального начальства, игуменьей Агнией устроен, через присоединение к магистральной линии городского водопровода, монастырский водопровод. Из этого водопровода монастырские сестры пользуются водой бесплатно, а монастырь уже платит из своих сумм в Тульскую городскую управу установленную плату, по указанию водомера, согласно изданным Управой «Временным Правилам».

Кроме того, монастырь вносит ежегодно:

а) в Духовную семинарию 100 рублей (с 1866 года согласно указу Тульской дух. консистории, от 9 февраля 1867 года, за № 732);

б) в Духовное училище 150 руб. (с 1881 года, согласно протоколу № 8 съезда духовенства тульского училищного округа, бывшего в том же 1881 году);

в) в Тульский епархиальный училищный совет на церковно-приходские школы Тульской епархии 200 руб. (с 1911 года, согласно определению епархиального начальства, от 20—24 января 1911 года).

ХIII. Посещения

Тульскую Успенскую благоустроенную женскую обитель удостаивали своего посещения и августейшие и другие высокопоставленные особы. Так:

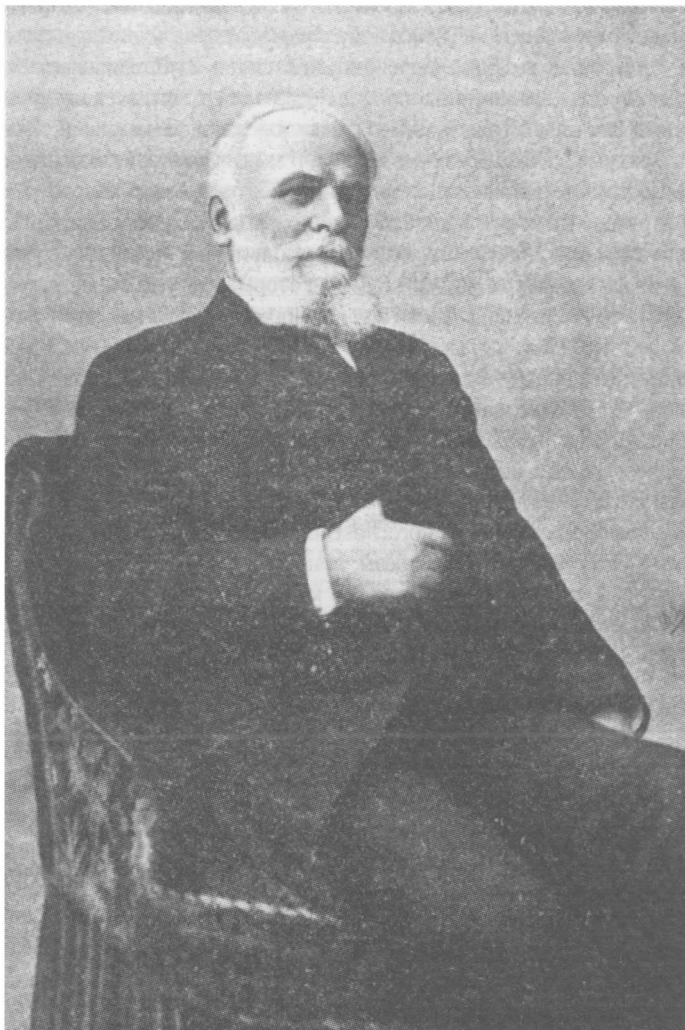
В 1884 году 23 мая посетил монастырь высокопреосвященнейший Платон, митрополит Киевский в сопровождении высокопреосвященного Никандра, архиепископа Тульского.

В 1887 году посетил высокопреосвященнейший Иоанникий, митрополит Московский.

В 1888 году посетили Успенскую обитель Их Императорские Высочества великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна. Высокие гости были в храме и в кельях настоятельницы, которая удостоилась поднести великому князю Владимирскую икону Божией Матери в золотошвейной ризе, а великой княгине — саше (для платков), шитое золотом, — все шитье монастырской работы.

Кроме того, в разное время монастырь посетили: Сергей, митрополит Московский, Дмитрий, архиепископ Одесский (бывший Тульский) и обер-прокуроры Св. Синода К. П. Победоносцев и в настоящем 1913 г. 19 октября В. К. Саблер.

В два часа пополудни Владимир Карлович изволил посетить Успенский женский монастырь. На паперти храма он был встречен игуменьей монастыря Херувимой и старшими сестрами с хлебом-солью. В храме Владимира Карловича встретил в полном составе церковный причт. Старший из причта о. протоиерей Б. А. Виноградов приветствовал дорогого посетителя краткой речью и поднес ему икону Святителя Николая — точную копию с образа Николая Чудотворца «Тульского», пред которым, по преданию, молился Свят. Патриарх Гермоген. Владимир Карлович пожелал видеть длинную святую икону и пред нею коленопреклоненно усердно молился. Во время пребывания его во храме монастырский хор пел тропари и стихиры тем святым, к образам которых Владимир Карлович прикладывался. Из храма высокий посетитель и усердный богомолец с высокопреосвященнейшим архиепископом Парфением проследовал в покои игуменьи. Здесь хор певчих пропел входное «Достойно». Потом раздались нежные голоса учениц местной церковно-приходской школы, которые под управлением учительницы А. Соколовой пели тропарь равноапостольному князю Владимиру, небесному покровителю Владимира Карловича. Все присутствующие,

Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер

благодарные Владимиру Карловичу за его посещение и внимание, с особым усердием молились о драгоценном его здравии. В данный момент сердца всех слились воедино, и каждый, помимо всякой официальности, чувствовал особую близость к себе его высокопревосходительства. После пения ученица 2 отделения Н. Аврамова обратилась к дорогому посетителю с такими словами: «Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый, добрый и дорогой Владимир Карлович! Позвольте от лица всех нас, учениц, выразить Вам свою глубокую признательность за Ваше посещение. Только сейчас открылись наши детские сердца, и мы глубоко поняли, как дорого Ваше посещение в стенах приютившей нас обители. Много мы слышали от наших руководителей о Вашей высокой и плодотворной деятельности и одного желали — видеть того, кто так много и горячо заботится об учащих-ся. И вот настал давно ожидаемый день, который навсегда останется самым светлым воспоминанием в нашей жизни. Примите же от нас, детей, искреннее, сердечное желание, да сохранит Господь Ваше драгоценное здоровье и Вашу жизнь на многие, многие годы!» Школьницы пропели патриаршее многолетие. От школьниц поднесены были в подарок дорогому посетителю предметы их рукоделия. Владимир Карлович благодарил школьниц за их пение, скромное поведение и рукодельные труды. По его предложению школьницы пропели владыке многолетие галицкого распева. Учительница А. Соколова — воспитанница Богословской учительской школы, поэтому переносит и в Тульскую школу напевы, принятые там.

Откушав чая, Владимир Карлович в конце 3-го часа проследовал с высокопреосвященнейшим владыкой в Духовную консисторию⁴⁰.

XIV. Памятники

В монастыре сохранилось доселе немало предметов достопамятных,⁴¹ а именно:

1. *Крест напрестольный*, с частями мощей 20 святых, коих имена означены на оборотной стороне. Внизу надпись: *Сей крест моление Леонтия Михайлова сына Разнотовскаго 1720 года Июля 20 дня.*

2. *Ковчег* для хранения Св. Даров, серебряный (в 20 фун.) [≈ 8,2 кг], с надписью: *Старанием игумены Тавифы в 1791 году.*

3. *Плещаница*, ценная, изящной работы, устроенная в 1852 году попечением настоятельницы и трудами послушниц обители.

4. *Икона Спасителя*, поясная, дл. 7 вершк., шир. 6 вер. [≈ 31,1 см; ≈ 26,7 см], оклад XVII века, серебряный, чеканный, с травчатым орнаментом. В клеймах: *Ис. Хр. Господь Вседержитель.*

5. *Икона Пр. Богородицы Казанской*, длина доски 11 вершк., шир. 9 верш. [$\approx 48,9$ см; ≈ 40 см]. Доска очень ветха. Письмо древнее. Внизу (под окладом) надпись полууставом: *Изображение образа с чудотворнаго пресвятыя Богородицы Казанския*. На оборотной стороне надпись чернилами (шрифт поздний): *1639 году генваря 6-го дня представила сей образ Казанская покойная гостыжа Марья Александровна Иванова...* (остальные буквы стерты). Эта надпись, вероятно, взята из древней описи храма (ср. № 7), а сама икона поступила из старой церкви. Риза на иконе серебряная, штемпель 1824 года.

6. *Икона Коронования Пр. Богородицы*. Длина 1 арш., шир. 12 $\frac{1}{2}$ верш. [≈ 71 см; $\approx 55,6$ см]. Оклад серебряный вызолоченный. Штемпель 1753 года.

7. *Икона Пр. Богородицы Владимирской*. Длина 7 верш., шир. 6 верш. [$\approx 31,1$ см; $\approx 26,7$ см], покрыта толстым серебряным позолоченным окладом, чеканной работы. Венец на Богородице с короной, с изображением ангелов и херувима. Штемпель на ризе 1757 года. На оборотной стороне, вверху, на правом углу, надпись (чернилами): № 219.— *подар Картов риза чеканная венец с короною весу...* Шрифт XVIII столетия.

8. *Икона Пр. Богородицы Владимирской*. Принесена в дар Тульскому Успенскому монастырю в 1878 году от трех родных сестер: Евдокии, Анны и Екатерины Ивановных Прокопенко. Они девицы из дворян, жившие в своем имении, сельце Тумаеве, в приходе села Заглухина, Каширского уезда (недалеко от родины игуменьи Агнии): вскоре после этого все сестры переехали в монастырь на жительство (теперь все уже умершие). Эта икона их родовая, древняя. Получена была эта икона в серебряно-вызолоченном окладе, а теперь в ризе, шитой золотом. На иконе, кроме лика Богоматери и Спасителя, вверху изображение Господа Саваофа, а по сторонам — семи Архангелов и Иоанна Крестителя (которому, вероятно, был тезоименит отец жертвователницы); на венце два Ангела, поддерживающие корону Богоматери из разноцветных камней; оклад и венцы серебряно-вызолоченные, чеканной работы. Убрус Богоматери и пояс на Спасителе шиты крупным натуральным жемчугом и украшены восемью аметистами; отделка на ризе из разноцветных камней, частью жемчугом; две звезды украшены бриллиантовыми розочками, в середине их алмазы; четыре стразовые броши; буквы из камешков. Подпись: *Вышита риза в 1879 году усердием сестер Успенского монастыря*.

9. *Икона Пр. Богородицы Боголюбской*. Длина 7 $\frac{1}{2}$ вершк., шир. 6 $\frac{1}{2}$ вершк. [$\approx 33,3$ см; $\approx 28,9$ см], в серебряном вызолоченном окладе, внизу на нем штемпель 1781 года.

10. *Икона Пр. Богородицы Смоленской*.— «Одигитрия». Дл. 7 $\frac{1}{8}$ верш. [$\approx 31,7$ см], шир. 6 $\frac{3}{8}$ верш. [$\approx 28,4$ см]. По сторонам приписаны Апостолы: Андрей, Прохор, Тимофей, Пармен, Тимон и др. По краям иконы оклад серебряный вызолоченный, на нем вставные драгоценные разноцветные кам-

ни, сверху четыре, внизу пять. На Богородице и Спасителе венды серебряные вызолоченные, в них камни разных цветов. На оборотной стороне иконы прикреплена серебряная пластинка, в виде пламенеющего сердца, на ней выбита пунктиром надпись: *си святая икона: копия в том: что: была: в тульском: муском: предтечевым монастыре: в церкви во имя: смоленския. богома(тери): построением убиеннаго: князем: михайлой: чернаго волконскаго: которой: убиен: в Серпухове: списан; в 1801 году, 10 чи.*

11. *Икона Пр. Богородицы Иверской.* Оклад вызолоченный (более 25 ф. веса) [≈ 10,2 кг], украшенный дорогими камнями и частью бриллиантами. Подан в 1858 году.

12. *Икона Пр. Богородицы Тихвинской.* На ней с левой стороны имеется надпись: *Истинное изображение и мера с чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Тихвинския.* Когда эта икона поступила в монастырь, об этом точного документального известия не имеется: но есть устное предание, переданное одной рясофорной монахиней Каллистой. Она была келейной послушницей игуменьи Клавдии, у которой жила с молодых лет (была первоначально ее крепостная). Каллиста слышала от самой игуменьи Клавдии и передавала следующее. Однажды вечером, очень поздно, кто-то, постучавшись в калитку монастыря, на вопрос монастырского дворника «кто там?» ответил: «Просят отворить калитку и получить ящик с посылкой». Тогда пришла монахиня, и отворена была калитка. Дожидавшийся за воротами мужчина передал монахине ящик и сказал: «Получите икону», — а на вопрос монахини: «От кого?» — отвечал: «Вам этого знать не нужно». Ящик был принесен к игуменье; открыли и увидели икону Пр. Богородицы Тихвинской, без ризы. Икона эта в монастыре считается чудотворной. От нее получил исцеление один помещик, страдавший болезнью ног: ему было во сне сказано, чтобы он просил Царицу Небесную и помолился пред иконой Божией Матери Тихвинской, находящейся в Тульском девичьем монастыре. И действительно, помещик этот получил исцеление от своей болезни ног по молитве у этой иконы. Так об этом передавала игуменья Агния и так же рясофорная монахиня Каллиста. В благодарность за исцеление пред этой иконой помещик тот устроил на нее ризу в 1792 году. Риза и венцы на иконе серебряно-позлащенные, чеканной работы; на венце Божией Матери два Ангела, поддерживающие ее корону, украшенную разноцветными восточными камнями; буквы и на венцах лучи из белых простых камней; на венце Спасителя три камня аметисты, из них средний осыпан 47-ю мелкими бриллиантами; на бурсе и плечах Богоматери три звезды из белых стразовых камешков. Внизу на ризе выгравирована надпись: *Тула 1792 года. Весу в ризе с камнями 11 фун. 54 золот.* [≈ 6,8 кг]. На этой же иконе повешен золотой наперсный крест, украшенный камнями, полученный схи-игуменьей Феодосией (Агнией) из Кабинета Его Величества во время ее настоятельства в Тульском

Успенском монастыре, который она завещала и просила после ее смерти повесить на икону Божией Матери Тихвинской. Кроме того, на сей же иконе есть и еще привески серебряные — дар от получивших исцеление по молитвам пред этой иконой. Над сей иконой устроена сень на шести колоннах, резные из дерева позолоченные на полимент червонным золотом.

13. *Икона Преображения Господня*. Длина 9 $\frac{3}{4}$ верш., шир. 8 верш. [= 43,3 см; ≈ 35,6 см]. В первом углу надпись: 1739 года. Писал Иван Васильев Епимахов.

14. *Икона Св. Николая Чудотворца*. Дл. 7 $\frac{1}{2}$ верш., шир. 6 верш. [= 33,3 см; ≈ 26,7 см]. Письмо древнее. Покрыта серебряным вызолоченным окладом, чекан XVII века. Вверху чеканная надпись вязью: *агиос николе чудотворец*.

15. *Икона Св. Николая Чудотворца*. Дл. 10 $\frac{1}{2}$ верш., шир. 8 $\frac{2}{3}$ верш. [= 46,7 см; ≈ 38,5 см]. Изображение неясное. Риза, венец и корона серебряные. Письмо древнее. По сторонам, кроме Спасителя и Богоматери, приписаны Григорий епископ Нисский и мученица Наталия оба в рост. Внизу на ризе штемпель 1792 года. На оборотной стороне иконы надпись чернилами, скорописью XVIII века: *приписать приписью на сем образе мученицу Наталию, Григория Нисскаго сентября 10 дня*.

16. *Икона Свв. мучеников Флора и Лавра*. Длина 7, ширина 6 верш. [= 31,1 см; ≈ 26,7 см]. Вверху налево Флор, направо Лавр; в середине Ангел Гоподень с распростертыми руками и крыльями; над ним Нерукотворный образ Спасителя, внизу три всадника на конях, которые гонят четырех коней к воде, имена всадников Сиф, Егласи, Елисиф. Риза серебряная, вызолоченная. Эта икона, вероятно, из «церкви Св. Николая, что была на площади», где торговали лошадьми и прочим скотом, и к этому имела отношение, так как народ считает Флора и Лавра покровителями домашних животных.

17. *Евангелие на престольное* 1657 г., в поллист, дл. 7 $\frac{1}{2}$ верш., шир. 4 верш. [= 33,3 см; ≈ 17,8 см]. «Печатся в царствующем граде Москве в типографии, прежде множицею изданное, ныне же со стихами и главами первое издадеся. Повелением благочестиваго Государя Царя и великаго Князя Алексиа Михайловича, вся великия и малыя и белыя России самодержца. В тринадцатое лето благочестивыя державы царства его. И в четвертое лето рождения сына его, Государя нашего, благовернаго царевича и великаго князя Алексиа Алексиевича. Благословением же великаго Государя, святейшаго Никона Архиепископа Московскаго и вся великия и малыя и белыя России патриарха. В шестое лето патриаршества его. В лето от создания мира 7165. От воплощения же Бога Слова 1657-е, месяца Августа в 29 день». На окладе, вверху, налево, Ев. Иоанн с Прохором, направо св. Матфей; внизу, налево, ев. Марк, направо ев. Лука; все без символов. В середине Спаситель-Царь, по сторонам — Пр. Богородица и св. Иоанн Предтеча. За ними св. Ни-

колай Чудотворец и С. А. С. (т. е. святой Александр Свирский). Это Евангелие, вероятно, вклад царя Алексея Михайловича и дано им в одно время с грамотой 1657 года.

18. *Евангелие* средней величины на полуалександрийской бумаге, Московской печати 1809 года; по обрезу позлащенное, вокруг обложено пунцовым бархатом; верхняя доска серебряно-вызолоченная, чеканной работы, на ней образа: в середине Восстания Христова, а на углах четыре Евангелиста, черневой работы, на нижней доске средник, угольники и защипки серебряно-вызолоченные, 84-й пробы. На нем внутри на листе следующая надпись: *Благословен Бог во веки, Буди Его и на Вас Благословение, Сестра и Мать Клавдия с Виталиею и Дай Господи тебе добрую кончину под хровом Киевскаго владения по хребтю Богоматери данной от Сына Ея Госюда нашего Иисуса Христа. Недостойный Парфений Иеросхимонах дарю сие Евангелие тебе и молися за мя.*

Подпись собственноручная отца Парфения. Год, месяц и число в его надписи не обозначены.

19. *Евангелие напрестольное* 1701 г., расположенное по четырем Евангелистам, в $\frac{1}{4}$ листа, дл. $6\frac{3}{4}$ верш., шир. $4\frac{1}{4}$ верш. [≈ 30 см; $\approx 18,9$ см]. Печатано «повелением Преосвященных Архиепископов, между патриаршеством, в лето... от Рождества по плоти Бога Слова 1701 индикта, 9, месяца августа», в Москве. В начале по листам внизу надпись, скорописью начала XVIII века: *Сие святое Евангелие града Тулы церкви Успения пресвятыя Богородицы что в Успенском девичьем монастыре.* Переплет его в деревянных крышках, обложен малиновым бархатом. На окладе, в особых клеймах, 4 евангелиста, посредине — Воскресение Иисуса Христа — «Сошествие во ад». На нижней доске также 4 клейма. На заставках чеканное изображение апостолов Петра и Павла.

20. *Триодь* постная. Подпись скорописью: *Сию книгу тредь поскую думной дворянин Дементей Минич Башмаков дал за спасение свое и по родителей своих по отце Мине, и по матери Агрипине, и по супруге Екатерине на Тулу в монастырь Пресвятыя Богородицы Успения и Александра Свирского Чудотворца игуменьи Еуфросиньи Протопопове с сестрами июля в 31 день, нынешняго 1703-го году Града Тулы Успенска девичья монастыря церкви Успения Пресвятыя Богородицы.*

21. *Евангелие напрестольное*, в лист, дл. 15 верш., шир. 10 верш. [$\approx 66,7$ см; $\approx 44,5$ см]. Печатано 1759 г. в Москве. Переплетено в досках, дл. 1 арш $\frac{1}{2}$ верш., шир. 11 верш. [$\approx 73,3$ см; $\approx 48,9$ см], изнутри обложено малиновым атласом. Оклад серебряный позолоченный, шпатель 1791 года. По гербу «Св. Георгий», работа Московская. На лицевой стороне верхней крышки, в сияющем кругу на финифти — Воскресение Иисуса Христа, над ним Успение Пр. Богородицы; в углах: налево ев. [ангелист] Иоанн, направо ев. Матфей,

внизу налево ев. Лука, направо ев. Марк, в середине св. Александр Свирский. Изображения украшены разноцветными камнями. На нижней крышке изображен жезл Иисуса. Внизу праотец Иисус в полулежачем положении, над ним Пр. Богородица с Предвечным Младенцем, над нею Св. Дух в виде голубя, над ним Господь Саваоф. На ветвях дерева, справа: царь Соломон, над ним вверху: Моисей, Исаия, Иаков и (ближе к Богородице) Симеон, Мелхиседек; слева: Давид, Даниил, Илия, Аввакум и (ближе к Богоматери) Аарон и Захария. У проковок свитки со словами их пророчеств. Аввакум — *Бог от юга придет...* Илия — *ревнуя поревновах...* Даниил — *аз виде тя гору...* Давид — *воскресни Господи...* Захария — *аз видех серп...* Аарон — *снизет про...* Соломон — *непостижимое Богом...* Моисей — *со скрижалями.* Исаия — *се Дева во чреве приимет...* Иаков — *аз виде тя лестницу...* Симеон (в одежде первосвященника, с уримом и туммином и в тиаре) — *пройдет оружие...* Мелхиседек — *Господи, и да будет нас с...* На переплете изображение символических вещей ветхозаветного богослужения. Застежки металлические, массивные, с изображением Апостолов Петра и Павла.

22. *Ацфологон* си есть Цветослов, изданный в 1697 г. По листам надпись: *1723 года Августа в 15 день подана сия книга в церковь Божию Николая Чудотворца, что на Туле на площади девичья Монастыря.*

23. *Фелонь* из штофа. Оплечье шито по шелку пряченым серебром с позолотой, подложено крашениной. На заплечье, в кругу с огнезрачным сиянием изображено положение Иисуса Христа во гроб, при котором — у головы две жены Мирносицы, в середине св. ев. Иоанн, за ним крест с тростью и копьем; вне круга, в нижнем ряду два шестикрылатых херувима и два евангелиста: на правой стороне Марк, на левой Лука, оба в кругах с огнезрачным сиянием; над ними два Ангела с рипидами, осеняющие Тело Христа, лежащее во гробе; за ними, на передней половине — евангелисты: направо Матфей, налево Иоанн, между ними, прямо противоположно положению во гроб — изображение воскресшего Господа с победным знаменем — в кругу с огнезрачным сиянием. Остальное пространство покрыто звездочками, среди которых лики двух херувимов. Сияние символизирует мысль, что Иисус Христос *из гроба плотски всем возсия...* Оплечье по нижнему краю 1 арш. 4 1/2 вер. [= 91,1 см].

24. *Крест храмозданный* (летописный), на нем надпись: *1836 года Ноября 22 дня в царствовании благочестиваго Государя Императора Николая Павловича всяя России, Преосвященнейшим Дамаскиным, Епископом Тульским и Белевским, в Тульском Успенском девичьем монастыре освящен храм по имя Пресвятыя Богородицы, «Утолимья печали», попечением Настоятельницы онаго монастыря Игуменьи Клавдии: того же дня по благословению Преосвященнейшаго освящен придельный храм на левой стороне во имя Святыя Великомученицы*

Фелонь XVIII в.

Варвары Белевского монастыря Архимандритом Никоном: а в 1837 году Октября 19-го дня освящен на правой стороне в оной же церкви придел во имя Архистратига Михаила тем же Преосвященным Дамаскиным. Длина креста 1 аршин [= 71,1 см].

25. Крест храмовозданный (летописный), на нем надпись: 1842 года Декабря 14 дня в царствование благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича всея России, Преосвященнейшим Дамаскиным, Епископом Тульским и Белевским и кавалером в Тульском Успенском Девичьем монастыре освящен храм во имя Преображения Господня, попечением настоятельницы онаго монастыря игумены Клавдии, а в 1843 году Ноября 20-го дня освящен храм во имя иконы Пресвятыя Богородицы Тихвинския, на правой стороне тем же Преосвященным Дамаскиным: Того же дня, по благословению Преосвященнаго, освящен придельный храм на левой стороне во имя святителя и Чудотворца Николая Благочинным города Тульы, церкви Покрова Пр. Богородицы протоиереем Иоанном Романовым Романовым же, т. е. по отчеству и фамилии Романовым.

XV. Некрополь

Внутри монастыря, в недрах его священной земли, под сенью св. храма, с постоянным в них богослужением, и среди мирных келий, с непрестанной молитвой их обитательниц-инокинь, нашли вечный покой не только настоятельницы и сестры обители, но многие и многие благотворители монастыря и граждане г. Тулы и ее окрестностей, разных чинов и званий люди. Здесь погребены, между прочими:

1. Тульский гражданский генерал-губернатор Андрей Иванович Лопухин, который принимал деятельное участие в построении Успенского храма в 1791 году. Его могила находится в нижнем этаже Преображенского храма, о чем свидетельствует здесь надпись на бронзовой доске: «Здесь покоится прах Тайного Советника Андрея Ивановича Лопухина. Родился 1738 г. Октября 2 дня, преставился 1817 года Октября 19 дня. Жития его было 79 лет и 17 дней».

2. Игуменя Амфия, рожденная княгиня Козловская, кавалерственная дама, проживавшая в монастыре на покое. Над ее могилой камень, грубо обделанный в виде срезанного, с обрубленными ветвями и засохшего дерева. Это так называемый «столетний дуб», выражающий мысль о твердом перенесении многих несчастий, преследовавших почившую игуменью во всю ее жизнь; он сделан, как говорили, по ее мысли и незадолго до ее кончины.

3. Николай Андреевич и Ольга Никитична Ордины. Н. А. Ордин (родственник игуменьи Клавдии Ординой) был несколько лет вице-губернатором

Калужским, потом Могилевским. Он был храмостроителем церкви в селе Прудном, что близ Тулы, которое тогда принадлежало О.Н. Ординой.

4. Настоятельница Успенского монастыря игуменья Епафродита; ее могила рядом с могилой Н.А. Ордина. Надпись: «Здесь погребено тело настоятельницы Тульского Успенского женского монастыря игуменьи Епафродиты, скончавшейся в 1848 году Июня 19-го дн. 72 лет. *Взысках Господа и услиши мя и от всех скорбей моих избави мя».*

5. Игуменья Клавдия. Надпись: «Здесь погребено тело настоятельницы Тульского Успенского женского монастыря игуменьи Клавдии, в мире Екатерины Андреевны Ординой, девицы из дворян Тульской губернии, скончавшейся в 1859 году Декабря 25 дня 97 лет. Мир праху твоему, незабвенная матушка игуменья, за усердное попечение о построении ею храма во имя Преображения Господня.

6. Евпраксия Петровна Рылева, которая, приняв иночество, прожила в монастыре 55 лет.

7. Белевского Крестовоздвиженского монастыря игуменья Евграфы и сестра ее монахиня Асенефа Нарышкина.

8. Княгиня Мария Николаевна Гагарина; ее могила у южной стены алтаря Преображенского храма.

9. Настоятельница Успенского монастыря игуменья Виталия; ее могила также у южной стены алтаря Преображенского храма.

10. Мария Николаевна Клибер, жена генерал-майора.

11. Игуменья Агния; ее могила под церковью Успения Пр. Богородицы, в северо-восточном углу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Грамата Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича на Тулу Воеводе Ивашкину. Писана 1657 года, Августа 14.

От Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержца, на Тулу, Воеводе Нашему Ивану Андреевичу Ивашкину. В нынешнем в 165 году, Марта в 6 день, послана к тебе Наша грамота, по челобитью Богомольца Нашего, Благовещенскаго Протопопа Лукьяна, что у Нас, Великаго Государя, на сенех, а велено тебе на Туле Успения Пречистыя Богородицы девича монастыря Игуменье Софьи с сестрами, пять-десять старицам, давать Нашего жалованья по двести рублей ежелет, без Московския волокиты. И ныне бил нам челом, Великому Государю, он

же Богомолец Наш, Благовещенский протопоп, Лукьян; по его де Богомольца Нашего Протопопову Лукьянова досмотру, в том Успенском в девичьем монастыре два попа, дьякон, дьячек, пономарь, просвирница, слушка, двадцать пять стариц, а Нашего де жалованья денежные им рути, и на воск, и на ладон, и на просвиры, и на вино церковное, из тово Нашего жалованья, из денежных рути, из дву сот рублей давать не указано; и Нам ево пожаловать, велеть из того Нашего жалованья, из дву сот рублей, учинить денежную годовую руту тем, которых он, Богомолец Наш, ныне в монастыре на лицо видел, а на воск, и на ладон, и на просвиры, и на вино церковное, против ево росписки, какову он Нам, Великому Государю, подал подчелобитную; и дати б о том в дом Пречистыя Богородицы в Успенской монастырь Нашу жалованную грамоту. И мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержец, с Тулы Успенскаго Пречистыя Богородицы девича монастыря попов, и диакона, и дьячка, и пономоря, и просвирницу, и Игуменью с сестрами и слушку пожаловал велел им давать Нашего жалованья по двести рублей в год, из Тульских таможенных доходов по вся годы, безпереводно, без Московския волокиты: двум попам по двенадцати рублей, диакону десять рублей, дьячку восемь рублей, пономарю да просвирнице по четыре рубля, Игуменье восемь рублей, двадцати пяти старицам по четыре рубли, слушке пять рублей, на воск восемь рублей, на ладон и на вино церковное пять рублей, на просвиры два рубля, да на церковное и на монастырское строенье двадцать два рубля. И как к тебе ся Наша грамота придет, и ты бы на Туле Успения Пречистыя Богородицы в девичь монастырь велел давать Нашего жалованья, годовыя денежные рути, по двести рублей на год: двум попам по двенадцати рублей, диакону десять рублей, дьячку восемь рублей, пономарю да просвирнице по четыре рубли, Игуменье восемь рублей, двадцати пяти старицам по четыре рубли, слушке пять рублей, на воск восемь рублей, на ладон и на вино церковное пять рублей, на церковное и на всякое монастырское строенье двадцать два рубля из Наших, из Тульских из таможенных доходов ежелет, безпереводно, без Московския волокиты, на срок Марта в 1 день; и в тех деньгах таможенным головам и целовальникам у них иметь описи, за отцем их Духовным за руками, впредь для счету. А прочет сю Нашу грамоту и списав с нее список слово в слово, оставил у себя в съезжей избе, а другой список таков же велел дать в Таможню верному голове с целовальники; а сю Нашу подлинную грамоту велети отдать для иных Наших Воевод и приказных людей Успения Пречистыя Богородицы девича монастыря попом с причетниками и Игуменье Софьи с сестрами, почему им впредь Наше жалованье, годовую руту иметь. Писана на Москве, лета 7165, Августа в 14 день.

На обороте грамоты написано: «С приписью Диак Томила Кузьмин. Справа подъячего Ивашки Чернеева».

Грамота эта в подлиннике хранилась у игуменьи Тульского Успенского монастыря Клавдии, а точный список с нее издан в печати Ив.П. Сахаровым⁴².

2. Дело о бытии Коломенскому Успенскому девичьему монастырю самостоятельным по-прежнему и возвращении в него обратно игуменьи и монахинь, переведенных в Тульский девичий монастырь

Города Коломны разных чинов жители, бургомистр Иван Ушаков с товарищи в прошении своем, от 5 Февраля 1726 года, изъяснили: В прошлом де 7060 году (1725 г.) указом, блаженные и вечно достойныя памяти, Великим Государем, Царем и Великим Князем Иоанном Васильевичем всея России построен в Коломне внутри города Успенский девичь монастырь, по мирскому званию Ерусенской, а строения в том монастыре имеется две церкви, одна Успения Пресвятыя Богородицы каменная, другая деревянная Иоанна Златоустаго, 22 кельи деревянные, и в тех церквях божественная служба совершается повседневно. А оной монастырь зачался быть тому ныне 174 года. А в прошлом 725 году из онаго монастыря игуменья Александра со осьмью монахинями высланы в город Тулу в девичий же монастырь, а оставшия 21 монахиня да в искусе 8 не высланы за болезнми своими, и за старостию и дряхлостию, и имеются в том же Успенском монастыре. А по Духовному де Регламенту, где имеется монахинь 30, таких монастырей сводить не повелено. А город де Коломна от Москвы не в далном разстоянии, и чрез Коломну имеются пути от Москвы до Воронежа, и до Астрахани и других краев столбовою дорогою, також и военной поход, по которому пути ездят знатные персоны, и в том монастыре молебствуют и каждый, по своему обещанию, монахиням на пищу подают, да при том же монастыре имеется вкладныя две пустоши в Коломенском уезде, которыя отдаются в наймы, а найму за те пустоши приходит по 90 рублей на год. И тем де, и их градских жителей подаванием, и с отдаточных пустошей взятым помянутыя церкви в божественной службе содержаться и игуменья с сестрами пропитаться могут без нужды, и чтоб Ея Императорскаго Величества указом повелено было, для поминовения, блаженных и вечнодостойныя памяти, Императорскаго Величества, оному Успенскому монастырю быть по прежнему, а игуменью с монахинями из Тулы из Успенскаго же девичья монастыря в Коломну в тот Успенский монастырь возвратить по-прежнему ж, дабы в оном монастыре по обещанию, для пострижения и душевнаго спасения, монашескаго сана и

другим было прибежище, понеже в Коломне, кроме того девичья монастыря, иного не имеется, и о том бы им в Святейшем Синоде указ учинить.

Святейший Правительствующий Синод, по выписке против поданного города Коломны жителей разных чинов людей прошения, что в прошлом де 7060 году указом, блаженная памяти, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича всея России построен внутрь онаго города Коломны Успенский девичий монастырь, и строения де в нем: две церкви, каменная и деревянная, да двадцать две кельи деревянные ж, и божественная же в тех церквах служба повседневно совершается, а в прошлом де 725 году из того монастыря игуменя Александра с осмью монахинями выведены в город Тулу в девичь монастырь, а оставшия де двадцать одна монахиня да в искусе осмь, обоего двадцать девять человек, и поныне обретаются в том Успенском монастыре, и чтоб тому Успенскому монастырю в городе Коломне быть, и помянутую игуменью с осмью монахинями из Тулы во оной монастырь возвратить по-прежнему, понеже де другога девича монастыря в Коломне не имеется, согласно приговорили: оному в городе Коломне обретающемуся Успенскому девичу монастырю быть, и бывшую в нем игуменью Александру с осмью монахинями из Тульского девича монастыря в тот Успенский монастырь перевести, по прежнему, того ради, что в городе Коломне кроме того иного девича монастыря не имеется, и пропитание оным игуменью и монахиням иметь по прежнему из доходов в тот монастырь собирающихся, а именно: из девятиоо рублей, о которых во оной выписке показано, также и от подания вышеозначенных просителей, чего для в Коломенском архиерейском доме взять у них, просителей, с подтверждением, по обыкновению, письменное обязательство, ежели того Успенскаго девича монастыря игуменя с сестрами, сверх вышеписанных монастырских доходов, впредь какого пропитания ни откуда получать не будет, то их тем просителем по возможности своей надлежащим к пропитанию довольствоваться, дабы ни в каких потребностях, кроме излишества, нужды не было, и то обязательство прислать, при обыкновенном доношении, в Святейший Синод без замедления, неотложно. И о том к преосвященному Варлааму, епископу Коломенскому и коширскому, послать указ, при котором для известия и с вышепоказаннаго подлиннаго прошения приобщить точную копию⁴³.

3. Возобновление Казанской иконы Пр. Богородицы, находящейся в Казанской церкви г. Тулы

В Тульской Казанской церкви находится храмовая древняя Казанская икона Пр. Богородицы. Мера иконы: в длину 1 ар. 13 верш., в ширину 1 ар. 5 в. [≈ 128,9 см; ≈ 93,4 см]. Икона эта, как древняя и местно чтимая святыня,

употребляется в крестных ходах⁴⁴. До прошедшего 1890 года Казанская икона покрыта была ризой, богато унизанной жемчугом по золоченой фольге (на картоне), украшенной стразами и разноцветными камнями в серебряном позлащенном окладе, а в 1890 году произведено полное возобновление иконы. Этот выдающийся факт в истории святыни, столь усердно чтимой в г. Туле, и бесспорно достопамятный для местной летописи, совершился при следующих обстоятельствах.

Марта 6 числа 1890 года в Тульскую духовную консисторию поступило прошение от священно-церковнослужителей и старосты Казанской церкви о разрешении возобновить Казанскую икону Богородицы. По указанию его высокопреосвященства, Никандра, архиепископа Тульского, консистория обратилась ко мне, как члену Императорского Московского археологического общества, с предложением предварительно осмотреть Казанскую икону, с археологической точки зрения, и дать свое мнение об ее возобновлении. В подлинном отношении консистории ко мне, от 16 апреля 1890 года, за № 2460, было сказано: «Консистория покорнейше просит Вас, Милостивый Государь, осмотреть в Казанской г. Тулы церкви древнюю и чтимую городом икону Казанской Божией Матери и дать Консистории свое заключение о том, насколько представляется древнею та икона, к какому времени можно отнести ее по живописи, к какому времени относится устроенная на ней риза, шитая серебром по золотой фольге; чем особенно замечательна та риза в археологическом отношении и можно ли допустить, как очистку лика Богоматери от наслоения образовавшейся от времени черноты, чрез опытного Московскаго художника, так и замену шитой ризы чеканною сребро-позлащенною».

В ответ на это отношение консистории, по тщательном осмотре св. иконы, мною были представлены, от 20 апреля того же года, следующие соображения, в порядке поставленных мне вопросов пунктов:

1. Вопрос о том, насколько представляется древнею Казанская икона Богородицы и к какому времени можно отнести ее по живописи, заключает в себе некоторое недоумение: православная древность знала только письмо образом, *иконопись*, а не живопись, которая проникла к нам с Запада только в сравнительно недавнее время (с XVII стол.) и внесла с собою отчасти католический характер. А потому в отношении Казанской иконы, и притом древней и чтимой в Туле (по выражению самой же консистории), может быть только вопрос — сохранился ли *иконописный*, единственный древний, стиль письма этой иконы или нет. На этот вопрос отвечаю: да, основные черты св. ликов Богородицы и Христа-Младенца сохранились в стиле иконописи древней, XVII века, а поправка, произведенная в недавнее время (за отсутствием церковно-приходской летописи, неизвестно точно, лет 15 или 20 назад), коснулась только тона изображения.

2. Что касается вопроса о том, к какому времени относится устроенная на иконе риза, шитая серебром по золотой фольге и, чем «особенно» замечательна та риза в археологическом отношении, то а) консистория имеет неточные сведения на этот счет: по осмотре, произведенном мною, оказалось, что риза на чтимой иконе Богородицы шита не серебром, а жемчугом, и не по золотой фольге, а по серебряной-вызолоченной, б) в археологическом отношении рисунок шитья представляет весьма изящный травчатый орнамент, который как бы сквозной узорчатый покров, наподобие ажурной металлической сетки, покрывает ризу Богородицы. Он устроен в сравнительно недавнее время (за неизменением церковной летописи, неизвестно точно — лет 20 или 30 тому назад), но он воспроизводит тип древнего убруса и оплечья этой иконы.

3. По вопросу — можно ли допустить, как очистку лика Богоматери от наслоения образовавшейся от времени черноты, через опытного московского художника, так и замену шитой ризы чеканною серебряно-позлащенной,— отвечаю: очистку лика Богоматери произвести необходимо, но не потому только, что на нем «чернота», которая могла и может быть в составе краски (вохра), а потому, что на этом лике наслоена грязь, под которой, особенно внизу лика, на шее, полопался левкас,— обстоятельство, которое требует закрыть лик слюдой, как делалось в старину. Что касается замены шитой ризы серебряно-позлащенной, то я должен сказать следующее. Когда возникает дело о возобновлении древней и чтимой иконы, то по моему мнению, не может быть и речи о замене шитой ризы чеканной: а) такая замена изменяет вид иконы, к которому, как особенно чтимому, *привыкли* почитатели (в данном случае — жители губернского города Тулы), б) наша древность не знала чеканных риз, а знала писанные и шитые (и основательно не вводила их, ибо никто не носит металлических одежд и не носил никогда, кроме, конечно, воинов), в) устройство чеканной ризы и обыкновенно рельефной противоречит тону православной иконописи и характеру иконопочитания: потому что металл не передает колера ризы, что иногда, как и в данном случае, характерно для стиля иконописи, и потому, что металлическое рельефное изображение, приготовляемое посредством млатобинения и вообще ковачества, напоминает изображение кумиров, почему в нашей церкви и запрещены резные рельефные иконы и статуи святых, г) в частности, Тульская Казанская икона Богородицы, как в древнее время не имела, так и теперь не имеет металлического убруса и оплечья. По Писцовой книге г. Тулы 1685—1686 гг. известны два «образа Казанской Богородицы» в таком виде: первый шит золотом и серебром, второй — убрус и ожерелье жемчужные, низаны по красному атласу⁴⁵. И так, шитье, низанье жемчугом по атласу и притом именно по *красному* атласу, составляет типическую принадлежность Казанской иконы Богороди-

цы. Должно заметить, что красный цвет ризы на этой иконе удерживается доселе и в иконописи. Не служит ли это намеком на то, что икона, по древнему сказанию о ней, явилась на пепелище сгоревшего дома и в видении оной от лика Богородицы исходило пламя?⁴⁶ На существующей Тульской Казанской иконе серебряный, 84 пр., вызолоченный оклад устроен в 1854 году, как это видно из двух штемпелей на нижнем крае оклада, но при этом свято-традиционно удержана шитая жемчугом риза, что соответствует и чудотворным иконам в Петербургском и Московском Казанских соборах, и в других храмах России⁴⁷.

На основании изложенных соображений я решаюсь просить консисторию — ходатайствовать перед епархиальным начальством о том, чтобы: а) дозволить только промыть св. лик Богородицы и залевкасить только его нижнюю часть, поручив это *иконописцу*-художнику; б) убрूस и оплечья иконы Богородицы *ни в каком случае* не заменять металлическими, а если дозволит денежные средства, то ризу Богородицы и Христа-Младенца устроить шитьем жемчужным *по красному* атласу, травчатый или сплошным; в) предварительно возобновления св. иконы снять с нее фотографический рисунок и передать в Тульское епархиальное древлехрамиллице.

По получении этого ответа, консистория 25 того же апреля постановила такое определение: «Соглашаясь с заключением д. члена Императорскаго Московскаго археологическаго общества, преподавателя семинарии Николая Троицкаго, по делу о замене шитой жемчужной ризы на местно-чтимой иконе Казанской Божией Матери в Тульской Казанской церкви чеканною сребро-позлащенной, консистория полагает: просьбу причта с церковным старостою помянутой церкви о разрешении заменить шитую жемчугом ризу на храмовой иконе Казанской Божией Матери чеканною сребро-позлащенной иждивением прихожанина, Тульскаго купца Дмитрия Яковлева Ванькина *отклонить*, а предложить и разрешить помянутому причту с церковным старостою Казанской г. Тулы церкви и усердствующему жертвователю г. Ванькину: а) всю ризу Богородицы и Христа-Младенца устроить жемчужным шитьем по красному атласу или сплошным и ни в каком случае не заменять убруса и оплечья иконы металлическими, сохранив при шитье ризы прежний, травчатый, весьма изящный орнамент; б) промыть затемненный св. лик Богородицы и заменить нижнюю часть его, а в предохранение от образовавшихся наслоений на лике чрез прикладывание к нему молящихся, закрыть таковой слюдою, поручив это иконописцу-художнику; в) предварительно возобновления св. иконы, снять с нея фотографический рисунок и не менее трех экземпляров его представить в консисторию для передачи в Епархиальное древлехрамиллице и г) об окончательном устройстве ризы и возобновлении иконы в том виде, как выше прописано, донести Консистории с удостоверением г. Троицкаго о том, что икона возобновлена и риза устроена со-

гласно предложению Епархиального начальства, и со сведениями и количестве затраченной на сие пожертвованной суммы». На журнале консистории по этому делу, за № 406, последовала резолюция Его Высокопреосвященства такая: «2 Мая. Утверждается».

После сего дело возобновления иконы и ризы начато немедленно, причем промыть лик и залевкасить шею изображения Богородицы поручено московскому иконописцу-художнику Щепетову, а вышить жемчугом убрус, оплечье и ризу Богородицы поручено сестрам Тульского Успенского монастыря. На все это пожертвована надлежащая сумма денег Тульским купцом Дмитрием Яковлевичем Ванькиным.

В высшей степени отрадно видеть и оставить в памяти граждан Тулы это дело, в котором щедрая жертва усердного благотворителя и сердечная готовность нескольких благоговейных сотрудниц потрудиться ради православною святыни встретились так, что одна не уступала другой: жертвователю не жалел денег на дорогой материал, а труженицы не щадили здоровья и полагали в дело все свое усердие и искусство. Сестры-сотрудницы предвзрительно сняли точный рисунок травчатого жемчужного орнамента прежней ризы иконы, затем промыли жемчуг, потом начали нашивать его на красный атлас плотным накладным швом, точь-в-точь по рисунку, с тщательным выбором, пригоняя каждое зерно жемчуга для строения ветки орнамента, а при столь тщательном подборе каждая нитка являлась как бы выгравированной. Великолепно вышит и жемчужный убрус Богородицы, на котором помещена большая бриллиантовая звезда (над челом Богородицы). Этот крайне кропотливый и в высшей степени усердный труд, поистине, возможен только в среде иноческой, он живо напоминает такие же работы древних православных инокинь, так мастерски добросовестно исполненный, он делает честь и славу Тульскому Успенскому женскому монастырю. Над вышиванием ризы Богородицы потрудились следующие сестры: Магдалина Соловьева, Евгения Калашникова, Ольга Соловьева, Анна Калашникова, Елизавета Баранова, Анастасия Насонова, Екатерина Клепикова, при постоянном участии и под непрестанным надзором казначеи монастыря, монахини Софьи Андроновой, как самой опытной. При моем неоднократном осмотре детальных работ шитья и низанья ризы Богоматери неослабно-настойчивый труд предупреждал всякие строгие требования научной критики и мне оставалось только молитвенно желать, чтобы физические силы тружениц не изменили их святому иноческому усердию и подвигу.

По мере того как приходила к концу работа над ризой Богородицы, возобновлялась и сама иконопись, а вместе с тем готов был и новый серебряно-позлащенный оклад, чеканной работы московского фабриканта Хлебникова. В декабре того же 1890 года возобновление иконы Казанской Божией Матери было окончено вполне. Теперь, в своем обновленном виде, но в

прежнем стиле, св. икона представляет великолепный памятник женского иноческого искусства, прекрасный пример частной благотворительности и руководственный образец благопочтения к заветной святыне, преданной нам от лет древних.

*Императорского Московского археологического общества
действительный член Николай Троицкий.
(Из «Памятной книжки Тульской губернии на 1890 год». Стр. 36—42.)*

4. Письмо игуменьи Агнии
Обер-Прокурору Св. Синода
К. П. Победоносцеву

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,
Милостивый Государь Константин Петрович.

Движимые чувством умиления к великому Милосердию Божию, оказанному всему нашему отечеству чудесным избавлением БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВСЕГО АВГУСТЕЙШЕГО ИХ СЕМЕЙСТВА от ужасной опасности 17 Октября 1888 года, я и все сестры нашей обители имеем искреннее желание и усердие, с соизволения и благословения нашего Архиепископа, преподнести ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Св. Икону Господа Вседержителя в золотошвейной ризе монастырского рукоделья, в память сего чудесного события, и молим Господа, чтобы и впредь сохранил ИХ во всех путях жизни от всякого зла душевного и телесного Всемогущее Десницею Своею.

О чем долг имею донести Вашему Высокопревосходительству и осмеливаюсь прибегнуть со всепокорнейшею моею просьбою, благоволите принять милостивое Ваше участие и содействие в исходатайствовании пред ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ о принятии искреннейшего и усерднейшего нашего приношения Св. Иконы от всей нашей обители, в сопровождении монахини Сергии и послушницы Марии, чем окажете нам великую милость.

Желаем и Вашему Высокопревосходительству всех милостей от Господа, душевного спасения, здоровья и во всех Ваших добрых делах помощи и благословения Божия.

Чсть имею пребывать с глубочайшим моим высокопочитанием и душевною преданностью Вашего Высокопревосходительства Милостивейшего Государя нижайшая послушница.

*Тульского Успенского женского монастыря настоятельница
Игуменья Агния.*

5. Письмо Обер-Прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева Архиепископу Никандру

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДЫКО

Вчера явились ко мне Казначей женского монастыря Сергия с послушницей и принесли, с письмом Вашего Преосвященства, икону для Государя Императора и 2 полотенца для Императрицы, с просфорой.

Слезно кланялись и просили, нельзя ли им лично все то представить Государю. Но я объявил им, что подобные приношения вступают ежедневно и нет возможности утруждать Их Величества личным представлением.

Сегодня я все принесенное переслал уже Их Величествам при докладе. О чем изволите получить от меня на днях Официальное известие, а между тем, при сем случае, спешу известить Вас, что Государь на моем докладе изволил написать:

«Очень им благодарен и очень тронут их подношением. Работа чистая и хорошая. Действительно, лично принять их не могу, так как отклонил массу депутаций, а делать исключение невозможно».

Без сомнения, почтенной Игуменье приятно будет узнать, что Государь похвалил их работу.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорный слуга

К. Победоносцев.

6. Слово при погребении рабы Божией Схиигуменьи Феодосии

Блажени нищи духом, яко
тех есть царство небесное.

Знаменитый вития нашей Церкви, покойный Архиепископ Иннокентий, в одной из проповедей на Великий Пяток, передает такой нравственно-назидательный рассказ: «Одному благочестивому пустынночку надлежало сказать что-либо братии, ожидавшей от него наставления. Проникнутый глубоким чувством бедности человеческой, старец, вместо всякого наставления, воскликнул: братие, давайте плакать! И все пали на землю и проливали слезы».

Что иное и мы сегодня можем предложить вам, слушатели благочестивые и преподобные матери и сестры святой обители сей, в утешение и назидание, как не совет проникнуться глубоким чувством бедности человеческой. Да, поистине бедна, жалка и беспомощна природа человеческая. В особенности эта бедность и беспомощность проявляется пред лицом смер-

ти, губительное жало которой не шадит ни знатного, ни убогого, ни славного, ни бесчестного. Славные мира сего, великие благодетели человечества, всю жизнь посвятившие благу и счастью ближних, подвержены смерти и тлению, как и смиренные, неведомые миру простецы. Вот и предлежащий нам гроб незабвенной матери нашей, схигуменьи Феодосии должен возбудить в нас чувство бедности и беспомощности, как потому, что, несмотря на нашу искреннюю любовь, на наши усердные молитвы, и она не избежала смерти и тления; так и потому, что вся жизнь покойной была непрерывным подвигом смирения, сознания бедности и беспомощности нашей природы. Смирялась она и тогда, когда, будучи дочерью природного потомственного дворянина, пришла в монастырь и старалась ничем не выказать превосходства своего происхождения пред другими сестрами.

Почившая матушка, на первых порах своей монастырской жизни, знала только одну дорогу в церковь Божию, куда и являлась ежедневно одной из первых. С терпением и смирением приняла она на себя и несла самый тяжелый подвиг, самое трудное послушание — сборщицы добротных подаваний на украшение монастырских храмов и другие нужды монастыря. Чего не перенесла тогда эта смиренная, юная монахиня. Чего не насмотрелась и не наслушалась эта скромная, молодая возрастом, но зрелая духом, бывшая монахиня Магдалина во время отдаленных и продолжительных странствований по городам и весям обширной России. Терпела она холод и другие лишения не телесные только, но и духовные, терпела укоризны, насмешки, брань и разные оскорбления, неизбежные для сборщицы подаваний на поддержание святых обителей.

И в сане игуменьи немало пришлось ей пострадать и потерпеть. Вступление ее в должность настоятельницы совпало с тем печальной памяти временем на Руси, когда тлетворный дух неверия и сомнения, подобно заразе, проник во все слои русского общества, когда и монашество подвергалось унижению и отрицанию, когда люди, принявшие на себя этот подвиг для спасения души, подвергались насмешкам, презрению и оклеветанию. Видела она поправление и отрицание правил и преданий святоотеческой православной веры, глубоко скорбела о разращении века, о растлении добрых нравов и благих обычаев. Видела она все это, и своими неусыпными молитвами да примером собственной добродетельной жизни охраняла вверенную ей попечению обитель от соблазнов, растления нравов и пренебрежения добровольно принятыми на себя обетами монашества. Всю жизнь смирялась она, и своим искренним смирением, своими любвеобильными наставлениями и вразумлениями смиряла дух гордости, непокорности и неповиновения, иногда проявлявшийся и в стенах обители, среди насельниц ее. Итак, глубокое смирение, полнейшие преданность и покорность воле

Божией, вот что прежде и более всего должен возбуждать в нас гроб покойной скигуменьи Феодосии, вот чем мы больше всего можем почтить ее незабвенную память.

Но искреннее сознание своей беспомощности пробуждает в человеке сокрушение сердечное, возбуждает скорбь и слезы как о себе, так и о тех, кто разлучается с нами. И мы сегодня прежде и больше всего должны скорбеть и сокрушаться о себе, должны плакать о том, что, в случае неприятности, напасти, искушения, мы уже не будем иметь наставницы и утешительницы в лице усопшей. При жизни покойной мы были уверены, что всегда найдем у нее утешение в скорби и вразумление в сомнении и недоумении. И вот нет ее, нашей печальницы, хранительницы и молитвенницы. И невольно тоска сжимает сердце, скорбь пронизывает и давит его своей тяжестью: слезы невольно застилают глаза. И скорбь наша вполне благовременна и слезы эти вполне естественны.

Скорбеть и плакать пред гробом почившей матери нашей не только естественно, но и не противно званию христианина. Слово Божие поведает нам, что сыновья Иакова с большим плачем проводили тело отца своего из Египта в Ханаанскую землю для погребения, что сыны Израиля оплакивали сорок дней смерть своего вождя и избавителя Моисея, что, наконец, сама Мать Божия, по церковному преданию, стояла при кресте Господа и плакала.

Но скорбь христианина о разлуке с умершими должна растворяться, с одной стороны, надеждой на лучшее будущее, на неизреченное блаженство, уготованное Господом для всех благочестно и праведно поживших в веке сем, а с другой — уверенностью, что со смертью не прекращается наше общение с умершими. Мы были постоянными свидетелями смирения и кротости почившей, видели ее труды, бдения, ее всегдашнее стремление к посещению храма Божия, ее любовь к благолепному, истовому богослужению. Не скрыты были от нас ее сострадательность, ее любовь и милосердие ко всем скорбящим, обремененным болезнями, нуждой и бедностью. Когда была она настоятельницей, не было ни одной больной в монастыре, которую она не навестила бы, не утешила бы своим ласковым словом и вниманием, не облегчила бы страданий своим участием. Кажется, во все время настоятельства покойной ни одна монахиня, ни даже послушница не скончались без ее присутствия, всех она старалась утешить и проводить в вечную жизнь. Милосердие же ее к бедным было столь велико, что она раздавала все, что получала по должности настоятельницы и, удалившись на покой, по своему обету нестяжательности, не понесла с собой никаких сбережений.

И вот, зная богоугодную жизнь покойной, видя ее непостыдную христианскую кончину, мы должны стараться подражать ее добродетелям, под-

держивать и развивать в себе эти добрые качества покойной и, таким образом, *взирающе на скончание жительства, подражать вере ее*. С другой стороны, будем утешать себя надеждой, что за ее добродетели милосердный Господь не оставит ее и за гробом, простит ей *все вольные и невольные согрешения* и сподобит ее дать добрый ответ на страшном суде Его. Со своей же стороны будем усердно молиться, чтобы Господь помог ей непостыдно пройти предлагающий страшный путь мытарств, чтобы Матерь Божия и Ангел хранитель не оставили ее своей помощью на сем пути и не предали в руки *миродержителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных*. О сем всегда молила и просила она нас при жизни, о сем взывает она и ныне, говоря: «Возлюбленная моя братия и сестры, се предсташа множество лукавых духов, держаще моих грехов написание, и зовут зело, ищуще безстыдно смиренныя моя души. Помянуше моя, возлюбленнии, еже к вам дружбы, Христа молити призрети на злополучную. Помянуше, возлюбленнии, еже к вам моя беседы, помолитесь Владыце нашей и Пречистой Матери Бога нашего, яко да преклонится с вами и преклонит Сына Своего на милость ко мне» (Кан. на иск. души).

И не к одним только сестрам святой обители сея относится эта просьба покойной, так как не они одни пользовались ее любовью и расположением, а ко всем знавшим покойную: не за себя только и она молилась при жизни, даже и не за обитель только нашу, но и за весь град наш, а также и за все веси и грады христианские. И мы уверены, что, как при жизни покойная молилась и своими молитвами испрашивала мир, утверждение и благосостояние граду нашему, так и по смерти, аще обрящет благодать, не оставит всех нас своим молитвенным предстательством и заступлением пред престолом Божиим.

Но вот чего еще нельзя забыть пред последним целованием, пред предстоящей разлукой с почившей матерью и молитвенницей нашей, что мы иногда злоупотребляли ее добротой и оскорбляли ее своим непослушанием. Вспоминается нам при этом ее скорбь и искреннее желание примирить враждующих, восстановить мир между несогласными. Прости же нас, родная наша, за все скорби и огорчения, причиненные тебе кем-либо из нас и когда-либо. Иди бестрепетно и безбоязненно, куда позвал тебя Господь, потому что *блажен путь, в он же идещи днешь*. Мы вполне уверены и этой уверенностью утешаемся в разлуке с тобой, что Господь по своему милосердию уготовал тебе в Своих вечных обителях блаженное успокоение, где ты не оставишь и нас своим предстательством и любовью и своими молитвами поможешь нам прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати и сподобиться христианской кончины живота нашего и доброго ответа на страшном судище Христовом. Аминь

Протоиерей В. Любомудров.

7. Слово при погребении девицы Надежды Ивановны Зайкиной или Сампсоновой, 25 Августа 1897 года

Исповедаются Отче Господи небесе и земли, яко утаил еси тайны царствия Божия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем. (Лук. 10: 21).

Что за необычайное собрание сегодня в нашем храме? Какое необыкновенное торжество, какое важное событие привлекло столько народу в храм в самый обыкновенный, будничный день? И что это за гроб, привлекающий к себе такое сильное, всеобщее внимание? Не лежит ли в нем какой-либо знатный сановник или вельможа, благодетельствовавший своей полезной общественной деятельностью отечеству, или по крайней мере, наш город? Не собрались ли мы воздать последний долг любви и благодарности мужу науки, своими трудами способствовавшему к улучшению нашей жизни, изобретшему какие-либо практические приспособления для облегчения труда рабочего человека, или открывшего новое средство к излечению недугов и болезней рода человеческого? Или, может быть, не провожаем ли мы сегодня в могилу человека богатого, от своих избытков щедрой рукой благодетельствовавшего всем сущим в нужде и бедности, устроившего на свои средства дома призрения для старости и юности беспомощной, или приносившему щедрые подаяния на украшения св. обители, на улучшение жизни и положения сестер ее? Нет, в сем малом гробе, приобретенном для покойницы усердием почитателей ее, или как она сама называла, благодетелей ее, вмещаются тленные останки ничем не прославившейся, ничем особенно не замечательной смиренной девицы Надежды.

Не славилась покойная ни знатностью рода, ни ученостью, *не собирала она и сокровищ на земле, идеже червь и тля тлит и идеже татие подкапывают и крадут*. Рожденная в средней купеческой среде нашего города, покойная в детстве и юности жила той жизнью, какой, лет сорок тому назад, жило большинство девушек ее круга. Получивши самое незначительное домашнее образование, едва-едва выучившись грамоте, не имея почти никакого понятия о предметах веры и благочестия, она проводила беспечную, рассеянную жизнь светской девушки из обеспеченной семьи. Но скоро она должна была испытать нужду и лишения, так как родители ее впали в бедность. И вот, что для других служит причиной несчастья, что приводит иногда к отчаянию и гибели, то для покойной послужило толчком к нравственному возрождению, к пробуждению от рассеянной, нерадящей о спасении души жизни, ко вступлению на путь покаяния, на путь спасения. В

горе-нужде не пошла она по вчерашним друзьям и знакомым за помощью, за милостыней, не протянула она руки за подаванием на церковной паперти. Храм действительно сделался ее прибежищем, где она находила и утешение в скорбях и восполнение своего религиозно-нравственного образования и воспитания. Св. обитель наша сделалась ее тихим пристанищем: до-стопочитаемая матушка Игуменья и сестры св. обители сей приветили, приласкали бедную, беспомощную сироту, дали ей приют в садовой беседке, в которой она и подвизалась много лет в посте и молитве, почти и непрестанном плаче, лето и зиму проводя в нетопленном помещении. А потом уже, когда слава о ее добродетельной жизни стала распространяться, явились у нее и благодетели, готовые всячески помочь и успокоить ее.

Верная последовательница Небесного Жениха своего, Христа, она стала как дитя, приняла на себя образ младенца по смирению, и доверчивости, и незлобию. Вот разгадка, вот объяснение того уважения и почитания, которым пользовалась покойная при жизни и которое привлекло так много народа на ее погребение. Ничем не выдаваясь, нигде не выставляя себя напоказ, напротив, всячески удаляясь от посетителей и от разговоров с ними, она привлекла к себе общее внимание. Многие, очень многие приходили и добивались посмотреть на эту смиренную, на эту себя уничившую ради Царствия Божия, рабу Божию, искали случая услышать хоть несколько слов из уст ее, которые она так редко и так неохотно открывала для ответа на предлагавшиеся ей вопросы. Все ее помыслы, все мечты и заботы были устремлены на небо: небесное отечество, вечные, нескончаемые радости и блаженство праведников составляли предмет ее самых пламенных желаний. Но, с другой стороны, муки грешников в аду, их плач и скрежет зубов всегда возбуждали в ней такой страх и ужас, что при воспоминании о них она трепетала, и слезы неудержимо лились из ее очей. Да, много слез пролила покойница. Господь дал ей такой обильный источник слез, что она почти постоянно, дни и ночи проводила в слезах, и не только постелю и все одежды свои омочала слезами, но проливала их бесчисленные токи...

Странной и непонятной покажется такая жизнь сынам века сего, располагающим жизнь свою по учению земных мудрецов, по стихиям мира сего, а не по Христе: не найдут они для себя ни поучения, ни примера для подражания в жизни покойной; для них непонятно будет то совершенное, по истине детское смирение и доверие, с каким она относилась ко всем догматам православной веры, ко всем словам Спасителя, Апостолов, Пророков и учений св. отцов Церкви. Все обычаи, заповеди и уставы св. Церкви служили для нее непререкаемыми и несомненными указаниями и руководством в жизни. Одному только она боялась верить, в одном только допускала сомнение и со страхом вопрошала: простит ли Господь ее грехи, смеет ли она надеяться, что, по бесконечному Своему милосердию, Господь не отвергнет

ее, не воздаст ей по делам ее, так как она всегда считала себя первой грешницей. Но простые сердца верующих, сердца людей, смиренных тем смирением, которому поучает нас Спаситель, говоря: *приидите ко Мне все труждающиеся и обремененнии... и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*, понимали величие смирения и незлобия покойной, с удивлением и умилением смотрели на потоки слез, на стоны, воздыхания и рыдания, которыми покойная молитвенно оплакивала грехи свои, и беззакония и неправды окружающего ее мира. Многие шли к ней, другие добивались возможности принять ее у себя в доме, в надежде на ее слезные молитвенные ходатайства и воздыхания. Вот и теперь многие и многие приходили преклониться пред прахом покойной, помолиться у гроба ее о прощении вольных и невольных согрешений ее и об упокоении души ее в райских селениях Отца Небесного, куда так пламенно, так усиленно стремились всеми своими помыслами покойная. И можем надеяться, что усердные молитвы ее, сопровождаемые слезами, ее пламенные воздыхания услышаны Господом. На наших глазах Господь сподобил ее поистине христианской кончины, непостыдной, мирной. Уже несколько лет она каждую неделю сподоблялась причастия Св. Тайн Тела и Крови Христовой, а в предсмертной болезни она уже приобщалась через день. И нужно было видеть, с каким трепетом и благоговением приступала она к сему таинству, как светел и радостен был для нее этот день. Случалось, что к вечеру, в день причастия, забудется она, омрачится лицо ее, слезы затемнят глаза ее; но стоит только напомнить ей, какого блага, какого счастья сподобилась она в этот день, и светлая радость осияет ее, блаженная улыбка засветится на лице ее.

Возлюбленные о Христе братья и сестры. Хорошо вы сделали, что собрались почтить память покойной, потому что, по выражению псалмопевца, память *праведного с похвалами*. Но воздавая последний долг, восхваляя и ублажая почившую праведницу, мы должны подумать и о себе, должны, при виде гроба покойной, вспомнить и умиленно вздохнуть о том, что пример покойной не возбуждает в нас искреннего желания подражать ему, что мало заботимся мы о приобретении той детской веры, того младенческого незлобия и смирения, того доверия и беззаветной преданности Промыслу Божию, той полной нестяжательности, которыми покойная привлекала наши сердца, возбуждала в нас удивление и уважение к себе. Редко мы вспоминаем о своей смерти, все нам кажется, что наша жизнь не подвержена опасности ныне или завтра прекратиться, и что тогда будет с нашими попечениями и заботами о земном. Редко мы принимаем слухом и сердцем к глазам жизни вечной, исходящим из уст Иисусовых и начертанных на страницах Евангелия. Не страшит нас грозный глас Господа, обращенный ко всем, подобно нам погрязшим в тине забот и попечений житейских: *безумне, в сию ночь истяжут душу твою, а яже уготовал еси, кому будет?..*

Будем чаще приводить себе на память слова церковной песни: *и ты мир, душе, ожидает, и Судия хочет твою обличити тайная и лютая: не пребуди убо в здешних, но предвари вопиющи Судии: Боже, очисти мя и спаси мя.* Ведь вот покойная не собирала себе сокровищ на земле,— не заботилась чрезмерно, как заботимся мы, грешные, о том, что есть и пить и во что одеться. А между тем, и при жизни ни в чем нужды не знала, напротив, сама иногда помогала бедным и нищим, и по смерти — посмотрите, с какой пышностью и торжественностью совершаются похороны ее. А там — высоко, высоко витает душа ее, несомая Ангелами пред Светлое Лице Божие, и мы веруем, что она, по милосердию Божию, за свою твердую и искреннюю веру удостоится вселения в недрах Авраама, Исаака и Иакова.

Возлюбленная сестра наша, девица Надежда. *Блажен путь, в онь же идеши днесь* — не забывай же нас своим вниманием и любовью, когда сподобишься предстояния престолу всеправедного и нелицеприятного Судии, вспоминай и нас, грешных, в своих молитвах, предстательствуй и ходатайствуй за нас, да прибавит Он Свою милость к нам, недостойным, да не прогневается на нас праведным Своим гневом до конца, но в милостях и щедротах помилует нас и поможет нам прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати и удостоиться Христианской кончины и доброго ответа на Страшном Судище Его. Мы же, с^в своей стороны, будем возносить усердные молитвы и жертвы Тела и Крови Христовой, да омоет Господь честною Кровью Своею вольные и невольные согрешения новопреставленной девицы Надежды, и да избавит ее от козней и наветов духов злобы поднебесной, ищущих погубить ее. Мир праху твоему и вечное блаженство душе твоей, достоблаженная, и приснопоминаемая сестра наша, девица Надежда. Аминь.

Духовник Протоиерей В. Любомудров.

Библиография

1. Краткое историческое известие о Тульском Успенском девичьем монастыре. «Москвитянин». 1952 г. XXIII, 132—136.
2. Историческое известие о Тульском Успенском девичьем монастыре. Андреева. Тульские губернские ведомости. 1852 г. № 49.
3. О несомненной древности иконы св. чудотворца Николая в Тульском Успенском женском монастыре. Андреева. Тульские губернские ведомости. 1853 г. № 18 и 19.
4. Тульский Успенский женский монастырь. Тульские губернские ведомости. 1864 г. № 47.

5. Тульский Успенский женский монастырь. Тульские епархиальные ведомости. 1872 г. № 19.

6. Тульский Успенский женский монастырь. П. Мартынова. Тульские губернские ведомости. 1873 г. № 3.

7. В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. Т. II. С.-Петербург. 1892 г. № 1303. Стр. 382—383.

8. Н. А. Любинецкий. Землевладение церковей и монастырей Российской Империи. С.-Петербург. 1900 г.

9. Л. И. Денисов. Православные монастыри Российской Империи. Полный список мужских и женских монастырей. Москва. 1908 г. Стр. 873.

Примечания

¹ Космография 1610. Издание Общества Любителей древней письменности. С.-Петербург. 1878—1881 г. Стр. 10—11-я.

² Писцовые книги Московского Государства. Ч. 1-я. Писцовые книги XVI века. Издание Императорского Русского Географического Общества, под редакцией д. чл. Н. В. Калачева. Отделение II-е С.-Петербург. 1877 г. Стр. 1095-я.

Примечание.— «Старое Тульское Городище» было там, где теперь Императорский Тульский Оружейный Завод, точнее — где церковь Воскресения Христова, которая в старину всегда писалась «Церковь Воскресения на городище». См. Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. Москва. 1884 г. Стр. 121, стл. 2.— 196 стл. 2.

³ История общественного образования Тульской губернии. Часть первая. Москва. 1832. Ивана Сахарова. Стр. 28-я.— Примечание. Известно, что этот титул «всея великия и малыя и белыя России самодержца» царь Алексей принял в 1655 году, после покорения Литвы и взятия Вильны, во время войны с Польшей, возникшей вследствие присоединения Малороссии.

⁴ Выпись писана при царе Федоре Алексеевиче, на нескольких листах. Принадлежала Н. Фед. Андрееву. См. его «Историческое известие о Т.У. ж. монастыре». Стр. 3.

⁵ Так говорится в «Описании города Тулы 1775 года». См. Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. Москва. 1884. Стр. 239-я.

⁶ Тула. Материалы. Стр. 236 и стр. 239 — Примечание. Эта площадь в 1835-м году отошла под бульвар, окаймляющий кремлевскую стену.

⁷ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Тома первого часть третья. Московской губернии Калужской провинции остальная часть, да Тульская и Углицкая провинции. С.-Петербург. 1772 г. Стр. 218-я.

⁸ Тула. Материалы: Стр. 237, стл. а и стр. 339, стл. б.

⁹ Н. Андреев. Историческое известие о Тульском Успенском девичьем монастыре. Стр. 6—7.

¹⁰ Тула. Материалы. Стр. 168 и стр. 163 и 170.

¹¹ См. Тула. Материалы. Стр. 120, стл. б. 165, ст. б. 133, ст. б. 214, ст. б. Сохранилось предание старожилов, что приход этого храма, вместе со священником его Матвеем, перешел к церкви Св. Николая, что за валом, предположительно — около 1780 года.

¹² Н. Андреев. Историческое известие о Тульском Успенском Девичьем монастыре. Стр. 8.

¹³ См. далее. Гл. XIV. Памятники. Храмовые (летописные) кресты.

¹⁴ По рукописи начала XVII века, принадлежащей моей собственной библиотеке. Автор.

¹⁵ История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. С.-Петербург. 1791 г. Стр. 190—194.

¹⁶ Там же. Стр. 207—209.

¹⁷ Ср. Н. Андреева: О несомненной древности иконы Святителя и Чудотворца Николая, находящейся в Тульском Успенском монастыре. См. Св. храмы гор. Тулы. Сборник, составленный Н.И. Троицким и Ю.В.Арсеньевым. Тула. 1888 г. Стр. 194—195.

¹⁸ Пр. Симон, вероятно, тот святой, которому был тезоименит Днепровский казак, впервые обретший икону св. Николая, которая поставлена была в «Никольской церкви, что на площади» в Туле, и называлась «Никола Тульский». Автор.

¹⁹ Церкви и Приходы Тульской Епархии. Тула. 1895 г. Стр. 769.

²⁰ Тула. Материалы. Стр. 119—120.

²¹ Там же. Стр. 193.

²² Интересное и характерное для своего времени «Дело Св. Синода» об этом см. Приложения, № 2.

²³ Церкви и приходы. Т. Е. Стр. 769.

²⁴ Ср. Списки Иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Сост. Павел Строев. С.-Петербург. 1877. Столб. 796.

²⁵ См. гл. XIV. Памятники, № 20.

²⁶ Собрание нужных вещей для сочинения новой Географии о Российской Империи трудами Филиппа Генриха Дитгеля, обоим прав доктора и профессора. Часть первая. О Тульском Наместничестве. Переведена Ростовского Карабинерного полку Ротмистром Иваном Борисовичем фон Пестелем. С.-Петербург. 1781 г. Стр. 33.

²⁷ Историческое описание Белевского девичьего Крестовоздвиженского третьеклассного монастыря. Сост. И.Л. (Леонид Кавелин, впоследствии Архимандрит и Наместник Троице-Сергиевой лавры). С.-Петербург. 1863 г. Стр. 168.

²⁸ Подробное сведение об этом см. в Приложениях, № 3. «Возобновление Казанской иконы Пр. Богородицы, находящейся в Казанской церкви г. Тулы, трудами сестер Т. У. Ж. М. в 1890 году».

²⁹ Письмо игумена К.П. Победоносцеву и его письмо Архиепископу Никандру см. в Приложении, № 4 и 5.

³⁰ Л.П. Рушинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. Москва. 1871 г. Стр. 103—104.

³¹ То же. Стр. 104.

³² То же. Стр. 104—105.

³³ По выписи из Метрической книги, выданной священно-церковнослужителями Свято-Духовской церкви г. Тулы, от 13 февраля 1874 г.— Необходимо заметить, что сказание об этой юрдивой Наде есть уже в печати, но там изменено ее имя (она называется Настя, что неверно) и многое не справедливо, что опровергается преданием многих лиц, непосредственно, продолжительно и хорошо знавших ее здесь. См. Народная библиотека «Кормчего» (журнал). Книжка 79-я. «За чужие грехи». Из старинных (?) преданий одного города. Л. Коцевольской. То же сказание перепечатано в издании: «Райские цветы с Русской земли». Сборник, составленный Павлом Новгородским. Сергиев Посад. 1912 г. Стр. 290—301. Приложение к журналу «Христианин».

³⁴ См. Приложения, № 1.

³⁵ П. Мартынов. Тул. Успенский женский монастырь. См. Тул. епарх. ведомости. 1872. № 14. Стр. 42.

³⁶ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода. Том XXI. Успенский девичь монастырь в городе Туле на посаде имеющийся.

³⁷ Там же.

³⁸ Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. Москва. 1884 г. Стр. 196, стл. 2.

³⁹ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи. Тома первого часть третья. Московской губернии Калужской провинции остальная часть, да Тульская и Углицкая провинции. С.-Петербург. 1772. Стр. 218.

⁴⁰ Тул. епарх. ведомости. 1913 г. 8 Ноября, № 42, стр. 717—718.

⁴¹ Примечание. При составлении своего «Исторического известия о Тульском Успенском девичьем монастыре» Н.Ф. Андреев обратился к игуменье Виталии с просьбой «дозволить ему осмотреть монастырское книгохранилище», но «настоятельница обители уверила его, что в ризнице соборного храма нет ни одной старопечатной книги, ни одной рукописи»... г. Андреев и передал это заявление иг. Виталии на память потомства. См. его «Истор. известие», стр. 4. Отсюда сложилось мнение, будто в монастыре вообще не сохранилось никаких памятников. Это, не проверив, повторяет П. Мартынов в своей статье (легкая переделка «Известия» Андреева): «Тульский Успенский женский монастырь». См. Тульские епархиальные ведомости. 1872 г. № 14, стр. 40. То же — и составитель статьи об Успенском женском монастыре, помещенной в издании (под редакцией П. И. Малицкого): «Приходы и церкви Тульской Епархии. Тула. 1895 года». Здесь, без проверки, прямо уже говорится, что «несмотря на свою древность, монастырь не имеет никаких древних памятников, благодаря (?) неоднократным пожарам» и пр. Стр. 768. Мне, в свою очередь, однако беспрепятственно дозволено было игуменьею Агнией осмотреть все в храмах и ризнице монастыря, где, при тщательном осмотре, и оказалось сравнительно немало интересного в разных отношениях. Автор.

⁴² Иван Сахаров. История общественного образования Тульской губернии. Часть первая. Москва. 1832 г. Стр. 90—93.

⁴³ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству Православного Исповедания Российской империи. Том V. Стр. 335—336. № 1752.

⁴⁴ Пр. А. Романов. Тульская Казанская церковь. См. Сборник «Св. Храмы г. Туль». Изд. Тул. Губ. Статист. Комитета, под редакцией Н.И. Троицкого и Ю. Арсеньева. Тула. 1886 г. Стр. 227.

⁴⁵ Тула. Материалы для истории города XVI—XVII столетия. Москва. 1884 г. стр. 57.

⁴⁶ Пр. Дебольский. Дни богослужения Правосл. восточной церкви. Т. I. Изд. 8. СПб. 1887 г. Стр. 197—198.

⁴⁷ П. Саввантов. Описание Семигородской Успенской пустыни. Изд. 2. Вологда. 1870 г. стр. 15.

ВЕНЕВСКИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ (УПРАЗДНЕННЫЙ) МОНАСТЫРЬ И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Город Венев, по древнему произношению «Венева», судя по этому самому его наименованию, которое доселе удержалось в народном говоре, первоначально был местом поселения финского племени и представлял собой городище обыкновенного вида (типа) устройства, в виде приблизительно равнобедренного треугольника. Оно было расположено на выступе гористого берега реки Веневы, по-теперешнему — Веневки, и ограничивалось с северной стороны берегом этой реки, с южной — берегом речки, теперь суходольного оврага, Моржевки, с западной — глубоким рвом, который соединял Моржевку с Веневкой, и к востоку имел насыпной вал в виде щита с воротами. На месте бывшего городища в настоящее время стоят общественные казенные учреждения (к востоку от соборного храма).

Представляя, таким образом, первобытное финское городище, Венева, потом Венев, стал городом русского княжества, затем Московского государства и, наконец, Российской империи, иначе говоря, начиная с доисторического времени, был городом во все периоды истории нашего отечества.

По историческим актам, грамотам и другим памятникам, летопись Венева начинается со второй половины XV-го века. Московский царь и великий князь Иван Васильевич [1; 383], по договору с Рязанским князем в 1483-м году, купил Венев вместе с Тешиловым и Растовцем. Вероятно, как предполагает И. П. Сахаров, эта покупка была именно у Рязанского князя. По договорной грамоте ц. и вел. кн. Ивана Васильевича с вел. кн. Литовским Александром в 1494-м году, Венев был возвращен Москве вместе с Новосилем, Одоевым и другими городами. Таким образом, Венев в XV-м веке не только существовал как город, но и имел особое государственное значение, почему

и переходил различными способами из рук в руки разных владельцев. Такое значение он сохранял и в начале XVI-го века, как это видно из договорной грамоты вел. кн. Василия Ивановича с королем Польским Сигизмундом I-м 1506 года, где великий князь говорит: «Так же тебе не вступатися в нас, в нашу отчину, в Тешилов, и в Рославль, и в Венев, и во Мстиславль, и в Тарусу, и в Оболенск, и в Пронеск, и во всю Пронскую землю, и во все то, што к тым местом потягло...»¹ В 1576-м году в состав пограничной линии Московского государства с Литвой и Польшей вошло несколько новых городов, в том числе и Венев, а именно: Почеп, Стародуб, Серпейск, Калуга, Новосиль, Болхов, Одоев, Плова, Солова, Венева, Мокшанск и Оскол. Первые три города вместе с Серпейском представляли из себя как бы новую западную границу, выступившую значительно вперед, сравнительно с предыдущей. Что же касается [...] * остальных, то они дополняли прежнюю внутреннюю линию укреплений. Расширился, следовательно, один только западный рубеж: все другие остались без перемены².

Соответственно своему политическому значению в XVI-м веке, Венев получает лучшее свое гражданское устройство, как показывает Писцовая книга 1571—1572 года. Она говорит: «Город Городенеск (т. е. собственно город Венев, в отличие его от посада) на р. Веневе, под засеяным лесом, поставлень боярина Ивана Васильевича Шереметева Большаго». Из этого указания следует, что Шереметев воспользовался местоположением старого городища и обстроил его в виде значительно сильной крепости, наподобие других таких же городов Московского государства того времени. Та же Писцовая книга указывает в это время только две церкви: «В городке Городенеску церковь теплая Христова мученица Парасковья, нареченная Пятница, с трапезою, поставлень приходное», «да на Веневе же на посаде церковь Преображенье Спасово, клетцки, с олтарем, да придел Николы чудотворца, а соружали ее приходом ново»³.

В XVII-м веке, в начале царствования Михаила Федоровича [2; 383], именно в 1615 году, все украинные города разделялись на пять отделов: собственно украинные, рязанские, северские, степные и низовые. Венев принадлежал к рязанским⁴. К тому же времени еще более обстраивается г. Венев и его посад. «Дозорная и переписная книга г. Венева 1636-го года» свидетельствует, что в нем было уже семь церквей в самом начале XVII-го века, а именно: Пятницкая, Преображенская, Благовещенская, Рождества Пресвятой Богородицы, Георгиевская, Ильинская и Введенская⁵. Но так же «Дозорная и Переписная книга 1636 года» повествует: «Во 141-м (т. е. 7141 от С. М. [летосчисление от Сотворения Мира] или 1633-м от Р. Хр.) году августа во 2 день приходил под город Веневу Крымской царевич со многими людьми и к городу приступил четыриже с огненным боем и на тех приступех и на вылазках посадских людей оброчные слободы тяглецов побито и

переранено, живых взято 38 человек и дворы и животы и лавки разорили и пожгли и животину их всякую поймали и хлеб весь выточили а достальной хлеб в гумнех сожгли и запустело их от того разоренья 42 места дворовых... а после разоренья Крымскаго царевича приходу живут они в погребях и в ямах». В это разоренье были сожжены и церкви Преображения, Рождества Богородицы, Георгия Победоносца, пр. Илии и Введения Богородицы, т. е. находившиеся на посаде⁶.

В половине XVII-го века Венев находился под управлением воевод, назначаемых Московским государем ежегодно, по причине часто повторявшихся набегов крымских и ногайских татар. Так, в 1640-м году 8 марта в Венев были назначены воеводами князь Василий Меньшой Гр. Ромадановский и Ив. Фед. Еропкин; в 1641-м г. 1 мая кн. Гр. С. Куракин; 24-го декабря 1645 г. кн. Ив. Ан. Меньшой Хилков; 9 мая 1649 г. стольник Алексей Дм. Охотин-Плещеев⁷.

В XVIII-м столетии Венев входит в состав Российской империи в качестве провинциального города. В 1708 году император Петр Великий разделил Россию на 8 губерний, причем Московская губерния разделена была на 9 провинций с городами. По этому делению к VIII-й провинции Московской губернии, именно Тульской, принадлежали города: Тула, Крапивна, Алексин, Дедилов, Богородицкий, Епифань и Венев⁸.

В XVIII-м веке Венев, конечно, уже не испытывал тревог по случаю нашествия внешних врагов и крепость его становилась ему не нужной, а потому и не поддерживалась; часть ее была уничтожена в 1764-м году и уже не восстанавливалась; а другая часть еще сохранялась в некоторых местах. Окружность укрепления простиралась на 203 сажени [= 433,1 м]. Но если не от внешних врагов, то от пожаров Венев был страшно опустошаем, в особенности в 1736-м и 1834-м годах; в последний пожар сгорели и остатки деревянных укреплений его кремля.

Несмотря, однако, на разного рода опустошения, в Веневе остались памятники его древнего быта, из них главные, монументальные, принадлежат Богоявленскому монастырю, в прошедшем столетии упраздненному в числе подобных других.

В целом ряде исторических памятников, до второй половины XVII-го столетия, не встречается свидетельств или указаний на то, что в Веневе существовал монастырь, или на то, что была церковь Богоявления Господня. Но, что касается второй половины XVII-го века, то сохранилось документальное свидетельство, что в это время существовал в Веневе Богоявленский монастырь, и первоначально под именем «пустыни». В известных «Списках иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» значится: «Города Венева Богоявленской пустыни черный поп Гавриил — 1666-го и апреля 1672 годов». Наименование «пустыни» указывает, что первоначально

была устроена одна церковь Богоявления на посаде, который обращен в пепел «в приход Крымского царевича» в 1633-м году. Эта церковь, существовавшая на пустоши посада, и именовалась, по обыкновению того времени, пустынью. А позже здесь образовался монастырь (как это также обыкновенно было и везде).

О существовании Богоявленского монастыря, в собственном смысле этого слова, во второй половине XVII-го века сохранилось точное и документальное свидетельство — это Напрестольное Евангелие с подписью по листам такого содержания: «196-го (т. е. 7196 г. от С.М. или 1688 г. от Р.Хр.) года января в 31 день сию книгу святое Евангелие в монастырь Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа что на Веневе дал вкладу розрядной думной дьяк Василей Григорьевич Семенов по радителех своих от жития сего отшедших ко Господу для вечнаго помяновения того монастыря при строителе иеромонахе Маркеле и из церкви сеи книги без благословения иерейскаго никому не имать». Таким образом, в 1688-м году в Веневе существовал монастырь Богоявленский, ему принадлежала и церковь Богоявления каменная, существующая и донныне. Она помещается по-прежнему на посаде, по-теперешнему на красной площади.

В XVIII-м столетии, при Богоявленской церкви, почти рядом, построена также каменная церковь во имя Казанской иконы Пр. Богородицы. О построении этой церкви свидетельствует летописная надпись на каменной доске, вделанной в южную стену снаружи. Надпись, резанная обронно вязью, следующего содержания: «1764 года мая в 10 де. построися сия церковь Божия во имя Пресвятыя Богородицы Казанския при благополучном царствовании благоверной Государыни Императрице Екатерине Алексиевне и при наследнике Ея Благовер[н]ом Государе и великом князе Павле Петровиче по обещанию купцов Емилиана Баравкова, Андреана Барадина». Обе эти церкви принадлежали монастырю до так называемого открытия штатов. В 1764-м году от 10 февраля вевенский воевода, надворный советник Иван Завалишин, на запросы Академии наук, отвечал: «Внутри города соборная церковь каменная; а на посаде приходских каменных 2, деревянная 1; да монастырь один, в котором церковей каменных две». Что одна из этих двух церковей была Богоявленская, а другая — Казанская, это очевидно из подписи на одной минее за июль месяц, хранящейся в Богоявленской церкви, следующего содержания: «Сия книга минее града Венева храма Богоявления Господня и Казанския Богородицы Богоявленскаго монастыря».

Богоявленский монастырь, имея две каменные церкви, был, однако, так беден, что по «по штатам духовным» 1764 года не причислен ни к какому штату и был закрыт, а церкви его были приписаны к Никольскому приходу, при котором состоят и теперь⁹.

Упраздненный Венев-Никольский монастырь.
Конец XVII в.; западная сторона

Богоявленский монастырь был мужской, как это показывает следующий список известных его настоятелей со второй половины XVII-го века:

1. Черный поп Гавриил 1666 г., в апр. 1672 г.
2. Строитель Авраамий, в мар. 1676, 1677, 1680.
3. Строитель иеромонах Маркел 1688.
4. Строитель Авраамий, 1697 и 1698.
5. Строитель Павел, 1701—1703.
6. Строитель Совватий [так в тексте Троицкого], 1739.

По всей вероятности, монастырь возник на могилах убиенных граждан. При монастыре же хоронили и покойников. Доселе сохранились отчетливые признаки могил существовавшего при монастыре кладбища; уцелел даже один намогильный камень близ юго-западного угла Казанской церкви со следующей надписью: «1769 году декабря 6 дня преставился раб Божий веневский купец Георгий Семенов сын Аникеев жития его было 2... года 1 месяц 10 дней». На том же камне: «1767 году апреля 28 преставился раба Божия Марфа иванова дочь Никитина. жития ея было 47 лет а в супружестве была

за веневским купцом Семеном Аникеевым 28 лет». Здесь, очевидно, мать с сыном покоятся под одним камнем.

Памятники, сохранившиеся в самой Богоявленской церкви, следующие:

а) Антиминс Богоявленской церкви, освященный Афанасием, епископом Коломенским и Тульским 1793 года, месяца июня в 15 день.

б) Антиминс Казанской церкви, освященный также Афанасием, епископом Коломенским и Тульским в 1793 году, месяца июня в 14 день. Оба антиминса, конечно, уже переменные.

в) Крест напрестольный, четырехконечный, серебряный, вызолоченный [серебряный крест, покрытый позолотой], с мощами многих святых. На лицевой стороне — Распятие с предстоящими: крест на Голгофе за Иерусалимом; от основания креста идут две вьющиеся ветви и восходят до его вершины; это древний тип «животворящего древа». Ветви исполнены филигранью. Рукоятки витые. На оборотной стороне в клеймах имена св. мощей.

г) Евангелие напрестольное XVII-го в., с подписью думного дьяка Василия Григорьевича Семенова, 1688 года (см. выше). Переплетено в досках, обтянуто малиновым бархатом, на лицевой стороне 4 наугольника с евангелистами, чекана XVII-го века.

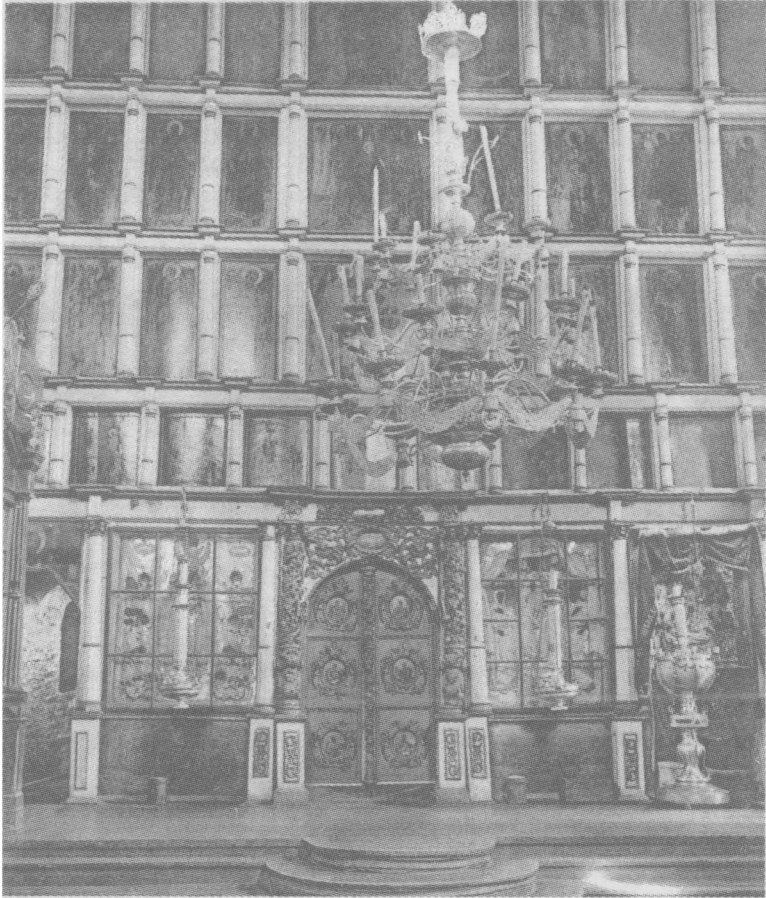
д) Минея — июль с подписью XVIII в. (см. выше).

е) Трещник, с подписью: «Пожалован до монастыря благородными государынями и великими княгинями Сусаны и Феодосии Алексеевнами в монастырь веневского Богоявления». Ниже другая подпись, параллельно с первой: «17... в 7 де пожалован... того монастыря строителя иеромонаха Павла». Язык подписи обличает в подписавшем южно-русского человека, и это был, вероятно, сам строитель Павел.

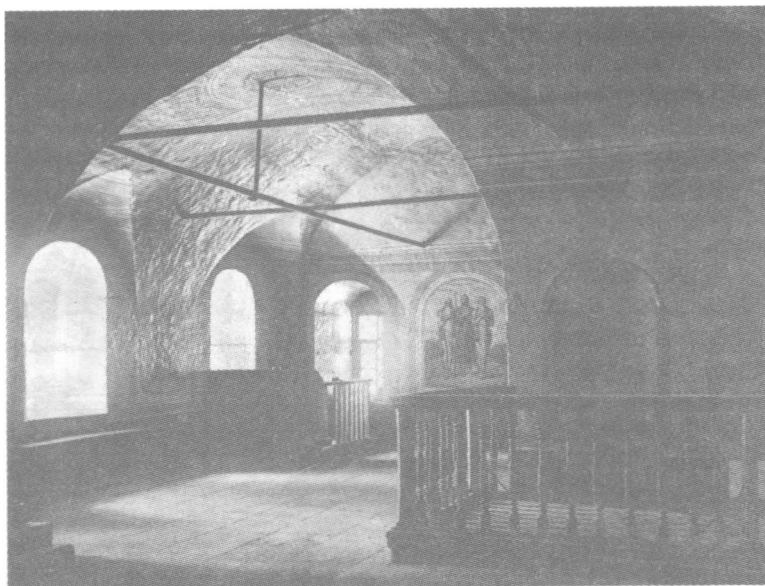
Но самый достопримечательный памятник Богоявленской церкви в научном отношении относится к области русской иконографии, это —

ж) Иконописное изображение двух Сивилл [3; 384]. Изображение каждой Сивиллы помещено на щите правого клироса [4; 384], в особом клейме. Так как на этом клиросе помещены и сохранились только две и притом 3-я, и 4-я, то необходимо предположить, что были и другие — 1-я и 2-я - и, конечно, помещались на другом, левом, клиросе в таких же клеймах: на этом клиросе, действительно, есть два такие же клейма, как и на правом, но изображения в них, видимо, отпали совсем с грунтом (левкасасом). И из существующих изображений вполне уцелело только одно — третьей Сивиллы, именно Дельфики, и изображение 4-й, именно Хивики, теперь в поврежденном виде; однако же, и в ней существенное сохранилось все — лицо, и стан, и ее пророческое изречение.

Сивилла Дельфика представлена в виде девы, с непокрытой головой и открытым лицом, волосы распущены и свободно падают на плечи. Стан

Упраздненный Венев-Никольский монастырь;
иконостас верхней Успенской церкви. 1701 г.

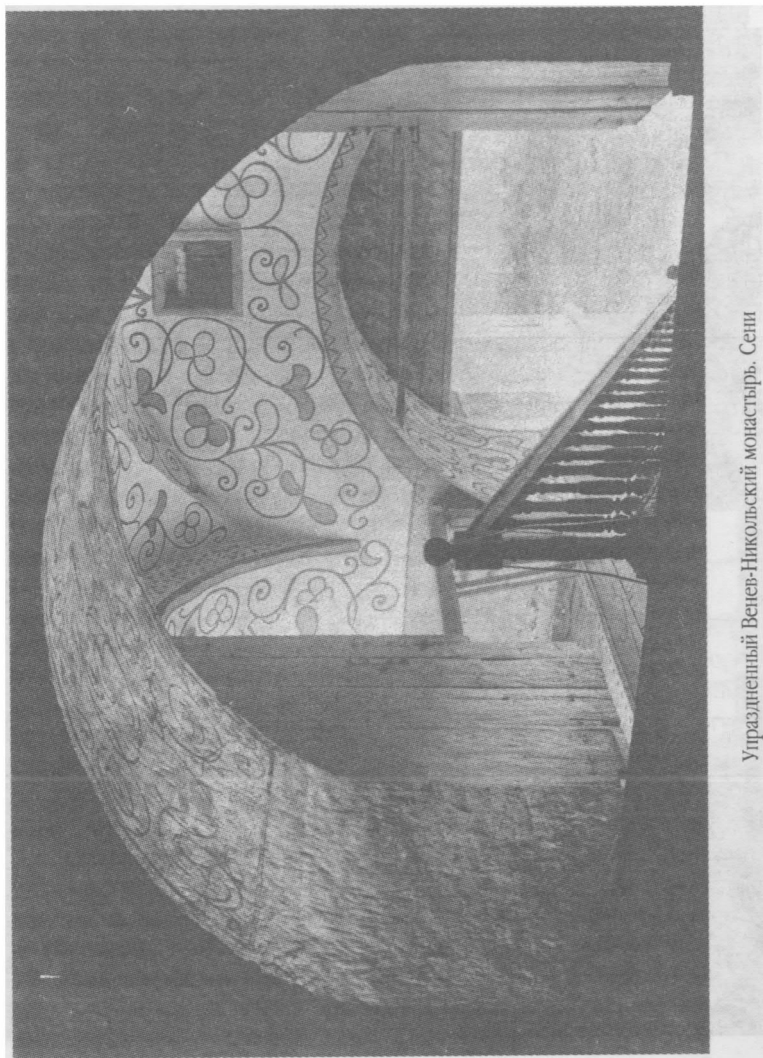
Упраздненный Венев-Никольский монастырь;
нижний этаж — церковь во имя св. Николая. 1696 г.

одет в туннику, красивые складки которой замыкаются узорным воротом плотно около шеи. Поверх тунники широкий плащ, расположенный также крупными висячими складками, пышно окутывает всю фигуру от плеч до ступней ног, обутых в красные глухие сапоги. Правая рука ее приподнята и с открытой ладонью, знак, что она произносит речь; а левая приложена к сердцу, как бы в знак заверения в истинности произносимого пророчества. Рисунок, изящный во всех отношениях, отлично представляет классическую оратристу-пророчицу. Над ее головой помещается и само ее пророчество в виде надписи мелким полууставом [5; 384], такого содержания: «З Сивилла именем Делфика сице рекла в чистую деву Бог вселится того уразумеют людие Господа своего сеи приидет Господь ради твоего избавления просветит верных сердца и вечно наследствует».

Сивилла Хивика также дева, но сравнительно старшего возраста. Голова открыта, волосы на темени перевиты, но в косы не заплетены и свободно спускаются назад; в переплете волос вставлены три продолговатых листа какого-то растения; легкое, прозрачное покрывало головы, свободно от-

Упраздненный Венев-Никольский монастырь. Северная паперть

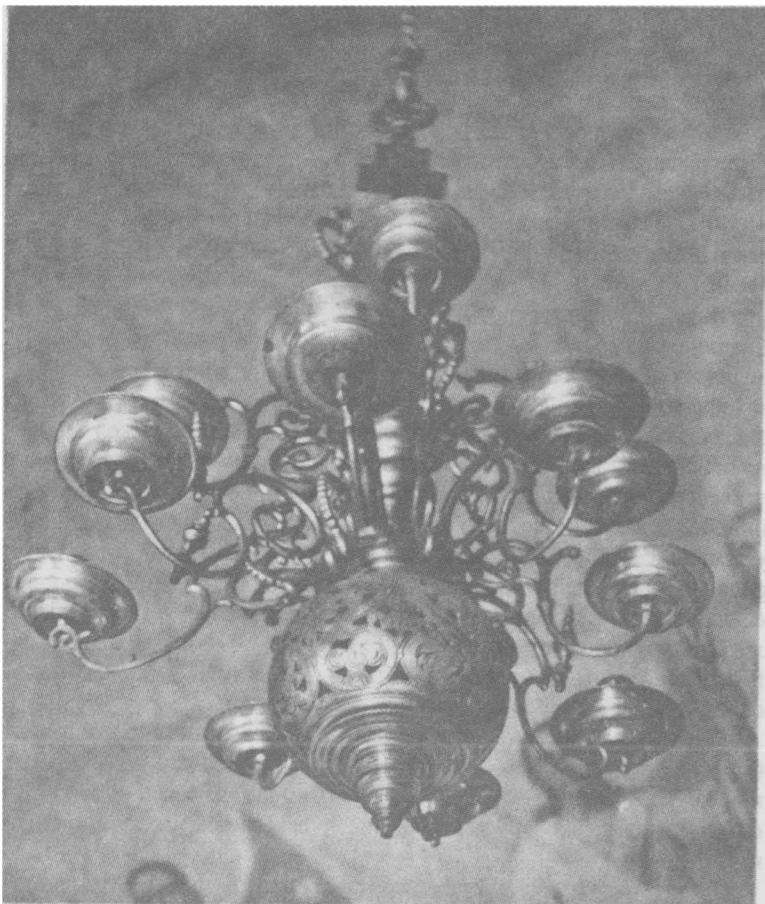
Угрядненний Венер-Никольский монастырь. Сени

брошенное назад, широкими и красивыми складками развевается за плечами. Стан одет в синюю тунику, но ворот не замкнут (по-восточному?), так что грудь остается полуоткрытой на середине; поверх туники — широкий красный плащ, спускающийся до ног. Правая рука протянута вверх, ладонь полуоткрыта, три пальца прижаты, а большой и указательный впрямь, к небу; левая рука опущена, но что в ней — неизвестно (она сохранилась только до кисти, равно не сохранились и ступни ног). И этот рисунок отличается художественной постановкой во всех чертах и также представляет орагиссу-пророчицу. Над головой и этой Сивиллы имеется также полууставная надпись: «4 севилла именем Хивика сице рекла будет девица во младых летех честна и велика от всех жен и родов и блаженство примет на своих руках велия царя понесет приведени будут трои цари и поклонятся ему 3 дары совершенно верою».

Интереснейший факт иконографии — присутствие изображений Сивилл не на вратах, а в самом храме православном — сам по себе, приводил исследователя к предположению: не было ли и нет ли еще и в других храмах Венева подобных изображений? При тщательных розысках оказалось, что изображения Сивилл были еще и в кладбищенской церкви, но при перестройке ее были приняты [удалены] и сложены где-то на чердаке. При тщательном розыске удалось, однако, найти изображение одной, именно 8-й, Сивиллы; а всех их было здесь, вероятно, 10-ть; по указанию местного священника они были также помещены на щите клироса в особом клейме каждая. Имя этой Сивиллы, а равно и надписи ее пророчества невозможно разобрать; но изображение ее вполне уцелело. Она представляет также деву, с цветущей ветвью в правой руке. В общем рисунок далеко не представляет того изящества, как вышеописанные.

Очевидно, в конце XVII-го и в начале XVIII-го века Сивиллы получили было значительно широкое распространение и не только в монастырских или соборных храмах, но и в приходских. Отсюда возникает вопрос: чем объяснить появление Сивилл вообще и в Богоявленском монастыре в частности?

Из летописи г. Венева известно, что он был пограничным и сторожевым городом, между прочим, и на польско-литовской линии. А, с другой стороны, из истории заселения южной окраины Московского государства известно, что, когда устанавливалась пограничная сторожевая линия между Московским государством, с одной стороны, а Литвой и Польшей, с другой, то «сюда обыкновенно являлись выходцы из Литвы, желавшие поступить на службу Московских государей»¹⁰. Следовательно, этот край должен был стать под культурное влияние Польши—Литвы; должно было возникнуть, между прочим, и влияние церковно-литературное, которое, в свою оче-

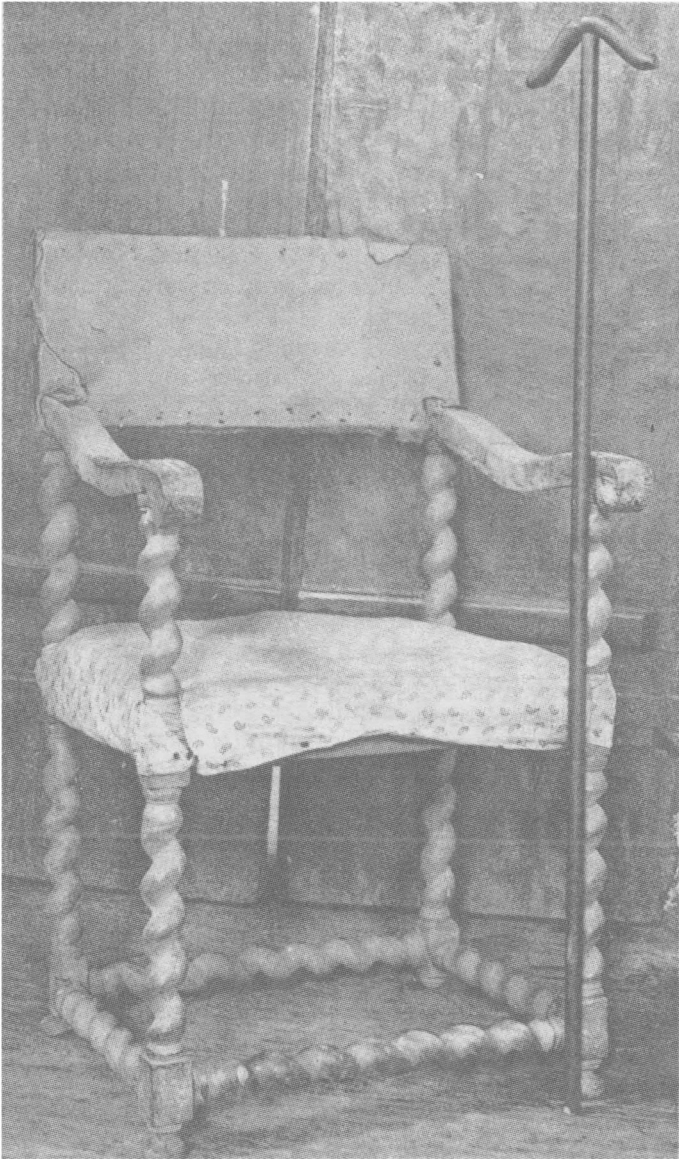

Паникадило XVII (?) в. Венева монастыря.
Посеребрённый металл

редь, разнообразно отразилось на церквях и духовенстве украинских городов и города Венева. Так, по указанию «Дозорной и Переписной книги г. Венева 1636 года», «в церкви Преображения Господня» были «Евангелие в десть, печать Литовская» и «Евангелие Толковое печать Литовская»¹¹. А по подписи на сохранившемся Требнике (см. выше), очевидно, и монашествующие книжные люди были западно- или южно-русские, которые, находясь в Веневе, еще не забыли своего языка; а другие — русские книжные люди, несомненно через тех, стояли под влиянием как их самих, так и их южно-русских книг. А известно, наконец, также, что в конце XVII-го и начале XVIII-го века в юго-западной России появилось немало церковных писателей, и с громкими именами, которые за изречениями Сивилл признавали значение истинного пророчества (Симеон Полоцкий, Иоанникий Голятовский, Иоанн Максимович); и влияние этих людей, судя по распространенности их изданий, было громадное. Таким образом, колонизация южной окраины Московского государства, распространявшаяся с юга и юго-запада, с одной стороны, а юго-западная ученость и церковная письменность, с другой, вносили немало нового, и не к чистоте православной церковности этой окраины. Такое новшество определено и в значительной мере сильно сказало в распространении в здешнем крае резных икон в виде барельефов и отдельных статуй: Христа в темнице (как в польско-литовских капеллах), св. Николая Ратного, мученицы Параскевы и даже св. Георгия Победоносца в виде всадника; а потом — собственно в иконографии, отчасти в стенописи, отчасти в отдельных иконах, и здесь настолько сильно, что даже проникло в самые православные иконописные подлинники в виде некоторых осложнений прежнего цикла их сюжетов; сюда в это время вошли и Сивиллы. В свое время русским правительством это явление было замечено, его происхождение и характер его хорошо были поняты. Это очевидно из твердых слов указа Великого императора Петра I-го, 1722 года, именно по поводу резных икон. Сей указ гласит: «В греческих и других православных странах доселе оным резным и отливным образом содержания не бывало и ныне не обретается. А в Россию сей обычай, что резныя неумеренныя иконы устроить, вошел наипаче от Римлян и от последующих им порубежных нам Поляков»¹². Указ сей, как известно, строго воспрещает такого рода изображения. Этот указ, энергично вытесняя резные и литые иконы, однако, не достиг своей цели: они остаются и даже, как преимущественно чтимые, в Веневе, как и в других городах: Кашире, Алексине, Епифани и т. д.; тем менее он мог выгнать нововведение в иконографии. Вот почему остались и доселе изображения Сивилл.

Справедливость требует, однако, отметить, что хотя Сивиллы были приняты в иконографии, им было отведено место в храме, приличное их достоинству, как сюжетам апокрифическим: они изображались на щите кли-

Кресло XVII в. и посох, по преданию, Сергия Радонежского.
Венев монастырь

росов для назидания, но, как очевидно, не для поклонения, притом они обе изображены без нимбов.

Почему же Сивиллы, однако, изображены в христианском и православном храме? По воззрению некоторых древних церковных писателей: Афинагора, Феофила, Иустина, Климента Алекс.[андрийского], Лактанция, Тертуллиана, Евсевия, Августина и др., языческие мудрецы не были вовсе чужды истинного откровения, и они нечто провидели о Христе, хотя того не признавали ясно. В таком смысле пророчества Сивилл были признаны в русской (собственно южно-русской) церковной литературе, и изображения их приняты в лицевые иконописные подлинники¹³. Как пророчицы, в некотором смысле, Сивиллы помещались то на вратах храма, то на клиросах. Этим довелось знать, что по своим верованиям Сивиллы стояли при входе в царство Божие, близ алтаря Господня, как бы при подошве «горы блаженных», при дверях рая¹⁴.

Таким образом, при историческом взгляде на Богоявленский монастырь и его памятники, открывается, что он был не только твердым пунктом опоры колонизации края, но и, в частности, передаточным местом юго-западной русской образованности.

[...]* — в тексте стоит предлог «до».

Примечания

¹ Книга посольская княжества Литовского 1506.— В «Сборнике князя Оболенского». М., 1838. № 1. С. 104.

² Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. История колонизации. Москва. 1877 г. С. 38.

³ Писцовая книга XVI в. Изд. Имп. Р. Геогр. Общ. под ред. Н. В. Калачева. Ч. 1. Отд. 2-е СПб. Стр. 1538—1539

⁴ Багалей. Д. И. Указ соч. С. 52.

⁵ Дозорная и Переписная книга г. Венева 1636 года. С предисловием Токмакова. Тула. 1889. С. 3—6.

⁶ Дозорная и Переписная книга г. Венева 1636 года. Стр. 1—6

⁷ А. Зернин. Судьба местничества преимущественно при первых двух государях династии Романовых. В «Архиве истор.-юр. сведений, относящихся до России». Изд. Н. Калачева. Кн. III. СПб. 1861

⁸ П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел. Москва, 1850 г. Стр. 77—78.

⁹ В настоящее время близ Богоявленской церкви находится древнее здание, в котором помещается Городская дума: по стилю (крестчатый план и крестчатый с розетками орнамент стен) оно несомненно начала XVIII-го в. и, вероятно, было монастырским; это палаты с верхним и нижним жильем.

¹⁰ Багалей. Д. И. Указ соч. С. 38.

¹¹ Дозорная и Переписная книга г. Венева 1636 года. С. 4.

¹² Снегирев. О стиле византийского искусства, особенно ваяния и живописи, в отношении к русскому. (В «Ученых Записках», ч. VI).

¹³ Буслаев. Ф. И. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. XI. Литература русских иконописных подлинников. VI. С. 360 и сл.; Его же: Русские подлинники в литературном отношении (В «Атене»).

¹⁴ На вопрос об отношении иконографии Сивилл к православному храму даю краткий ответ в виду того, что этот вопрос имеет быть предметом моего особого реферата на предстоящем X-м Археологическом съезде в Риге, в 1896-м году.

ОДОЕВСКИЙ АНАСТАСОВ БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (УПРАЗДНЕННЫЙ)

Летописный очерк

Одоевский Анастасов мужской монастырь, от которого сохранился до селе древний каменный храм во имя Рождества Пр. Богородицы, интересной архитектуры, со многими достопамятностями, давно уже обращал на себя внимание любителей отечественной истории и местных древностей. А потому и о монастыре и об отдельных его памятниках есть уже своя библиография. Таковы именно статьи:

1. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. Составил Оптинной Пустыни иеромонах Леонид (впоследствии архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры). Москва. 1863 г. Стр. 164—170: Лихвинский Анастасов монастырь.

2. Анастасов Богородице-Рождественский монастырь. Вас. Ив. Шумова (преподавателя Тульской духовной семинарии). В Тульских епархиальных ведомостях. 1864 г. № 2-й. Января 15-го. Стр. 58—69.

3. Богородице-Рождественский Анастасовский мужской монастырь, близ Одоева, теперь приходская церковь. П. Мартынов. В Тульских губернских ведомостях. 1870 г. 2 декабря. Среда. № 62-й. Стр. 813—816.

4. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула. 1895 г. Стр. 582—587. Село Анастасово.

Кроме того, древний Синодик Анастасова монастыря бывал неоднократно на «рассмотрении» нескольких лиц, о чем есть записи в самом Синодике. В конце его читается:

а) «Для собрания исторических сведений об Анастасовом монастыре и городе Одоеве книгу сию рассматривал по поручению начальства штатный смотритель Одоевского уездного училища титулярный советник Петр Алексеев сын Покровский. Августа 2 дня 1835 г.» — Было ли что Покровским издано в печати,— неизвестно.

б) «По предписанию г. Военного Губернатора города Тулы и Тульского Гражданского Губернатора, на имя г. Одоевского земского исправника последовавшего, книга сия для извлечения из ней достойных примечания редкостей (?) рассматривалась в Одоевском земском суде февраля 26 дня 1838 года. Столоначальник Худяков». Те «извлечения», какие были сделаны г. исправником, если сделаны были,— где и когда изданы в печати,— точно неизвестно. Но известно, что в Калужских Губернских Ведомостях за 1848 год была помещена любопытная статья под заглавием: «Синодик Лихвинского Анастасова монастыря», которую, для сохранения этого единственного сведения о бывшей обители, приводит вполне, с замечаниями на некоторые места оной, о. иером. Леонид в своем «Описании Анастасова монастыря» (стр. 155 и сл.)¹.

Однако, как в этом «описании Синодика», так и в произведениях вышеупомянутых авторов излагаются сведения или необстоятельные, или неточные, или ошибочные, а главное — очень неполные. Так, опускаются все надписи на предметах церковной утвари, на церковно-богослужбных книгах, на могильных камнях и многое прочее, что имеет значительный научный интерес и в нескольких отношениях. Все это пополняется в предложенном здесь историко-археологическом очерке.

I. Местность

От города Одоева, точнее от Одоевского городища, внутри которого находится Соборный Воскресенский храм, на расстоянии около двух верст, на правом берегу р. Упы, находится село Анастасово. Это — прежде бывший мужской Богородице-Рождественский монастырь, построенный в первой половине XVI столетия удельным князем Иваном Михайловичем Воротынским [1; 384] и названный Анастасовым по имени первого настоятеля его, игумена Анастасия. Монастырь был упразднен во второй половине XVIII-го столетия. От монастыря остался храм, теперь приходская церковь: а в храме и вне его доселе еще сохранилось немало памятников, в историко-археологическом отношении весьма примечательных.

II. Основатель монастыря

По точному свидетельству так называемой «Вкладной Книги», приложенной к древнему монастырскому Синодику, Анастасов монастырь «ставили, и строили его всяким строеньем, и земли к тому монастырю подавали» князя Воротынские, потому что Анастасов монастырь находился в их вотчине, в Одоеве. (См. далее Вкл. Кн.).

Князя Воротынские — это древний княжеский и боярский род, происшедший от св. кн. Михаила Всеволодовича Черниговского († 1246), жившие в своем удельном городе Воротынске и от него получившие свое прозвание².

От кн. Михаила Всеволодовича, по прямой линии, произошли:

Симеон Михайлович (третий его сын).

Роман Симеонович, князь Новосильский. Теснимый татарами, он из Новосила перешел в г. Одоев, — в 1374-м году, и был первым князем Одоевским. Его сын — Юрий Романович, а его сын — Федор Юрьевич. Он женился на внучке литовского князя Ольгерда, около половины XV века, и получил в удел г. Воротынск, куда и перешел в 1492-м году на княжение. Этот князь Федор первый стал называться *Воротынским*. Но князь Федор Воротынский, «вместе» с прочими удельными князьями Черниговскими, находился в подданстве Литвы. Его старший сын — Михаил Федорович.

«Гонения на Греческую веру» были главной побудительной причиной, по которой князья Воротынские и другие, происходившие от племени св. Михаила, отложились от Литвы. Они начали переходить со своими отчинами под защиту России, и только для успокоения совести извещали польского короля, что слагают с себя обязанность его присяжников. Первый из князей Воротынских, перешедший на сторону России, был старший сын Федора — Михаил Федорович, — в 1484 году. Это обстоятельство послужило поводом к неприятельским действиям между Россией и Литвой. Тогда брат Михаила — кн. Симеон Федорович, вместе с братом Димитрием, в 1483 году, опустошив несколько мест «в земле Королевской, бил челом служить и с отчиною» великому князю Московскому Иоанну III, и, таким образом, перешел в подданство Московского государя, с великим числом своих людей, которые заселили города Серпейск и Мещовск.

В 1494-м году, 7 февраля, Московским договором признаны Литвой отчины князей Воротынских достоянием России, с тем, чтобы Литовскому правительству не вступаться в них, а государю Московскому решать спорные дела с Литвой.

В 1508-м году король Сигизмунд утвердил за Воротынскими их отчины.

Князя Димитрий и Симеон умерли бездетными, наследником оставался сын старшего брата их Михаила — князь Иван Михайлович Воротынский³.

Он отличался храбростью в «войнах против Литвы и татар», во многих битвах. Между прочим, в 1517-м году он отразил крымских татар, неожиданно появившихся под Тулой. Сей то «победоносный воевода» и был основателем Анастасова монастыря в своей вотчине, близ Одоева. Доказательством этого служит свидетельство подлинной «Вкладной Книги» Анастасова монастыря (описание ее см. далее). В начале этой книги говорится:

«Лета [...] * 7066-го (т. е. от Рождества Христова 1558-го) ноября в 1 де. приказали, князь Михайло, да князь Александр Иоанновичи в своей вотчине в Одоеве у Ржства Пречистые Богородицы в Настасове монастыре игумену Герману, и сщенником, и всем старцом по *родителех по своих* кормити кормы, потому что *они* те монастыри в своей вотчине *ставили* и строили их всяким строеньем, и земли к тому монастырю подавали, доколе и монастырь стоит» и пр.

Очевидно, что «ставили», т. е. первоначально основали Анастасов монастырь «родители» князей Михаила и Александра Ивановичей Воротынских, а именно князь Иван Михайлович и его супруга княгиня Анастасия, а дети их продолжали их «строение», т. е. благоустройство посредством обильной и разнообразной благотворительности,— ради поминовения родителей, как потом и их самих...

Когда «поставлен» монастырь? — Несомненно, в первой половине XVI-го столетия. Монастырская «Вкладная Книга», как в ней самой сказано, «устроена» игуменом Германом в 1558-м году; но в это время монастырь существовал, и сам игумен Герман был уже *четвертым* настоятелем монастыря (см. далее список настоятелей). При том, один из предшественников о. Германа, второй настоятель монастыря, строитель Игнатий Печенкин известен тем, что — по свидетельству «Вкладной Книги», — «его строенья в монастыре было много», а для этого, конечно, и времени требовалось не мало. Следовательно, монастырь был «поставлен» князем Иваном Воротынским, вскоре после одержанной им победы над татарами под Тулой, в 1517-м году и, вероятно, в благодарность за эту победу. Посему, может быть, и храм — во имя Рождества Пр. Богородицы, подобно тому, как построены были многие храмы этого имени после Куликовской победы также над татарами, совершившейся в незабвенный день Рождества Пр. Богородицы, 8 сентября 1380 года.

Откуда прозвание монастыря — «Анастасов»?

О. Леонид, В. И. Шумов, П. М. Мартынов и пр. полагают, что название «Анастасова» монастырь получил, по всей вероятности, по имени и в память строительницы, княгини Анастасии (В. Шумов), т. е. матери князей Михаила и Александра Воротынских и «общей любимицы» этих ее детей (Марты-

нов)⁴. Но ведь, если бы монастырь получил свое название от имени княгини Анастасии, то он назывался бы Анастаси^ин или, попросту, Настаси^ин, а не Анастасов. — Нет, монастырь назван «Анастасов» по имени первого настоятеля своего, игумена Анастасия; отсюда нередко и в памятниках он называется просто «Настасов» монастырь и никогда не называется «Настаси^ин».

III. Храм

По преданию, первоначальный храм Рождества Пр. Богородицы был деревянный, а в семидесятых годах XVII столетия был выстроен каменный храм, а именно — в 1673-м году. Строителем храма был игумен Иона, при содействии преосвященного Павла, митрополита Сарского и Подонского. Об этом точно свидетельствует так называемая «Летопись», находящаяся в конце древнейшего монастырского Синодика, непосредственно после записи «вклады». (См. полный текст ее далее).

Построенный игуменом Ионою каменный храм Рождества Пр. Богородицы с приделами существует доселе.

Настоящий Богородице-Рождественский храм в плане квадратный. Поставлен «на палатах». Стены нижнего этажа сложены из плитняка и частью цокольного камня. Все пространство этого этажа разделено на несколько разновеликих палат, сверху со сводами, назначенных для разных потребностей монастырского общежития (столовая, хлебная и т. п.). Окна перегороджены толстыми железными прутьями, а в стенах окон заложены крючья для ставней-затворов.

Верхний этаж храма из больших кирпичей (весом свыше 12 фун.) [= 4,9 кг], потолок сводчатый. Окна также скреплены железными прутьями и снабжены крючьями.

Своды трапезной опираются на одну толстую и невысокую колонну.

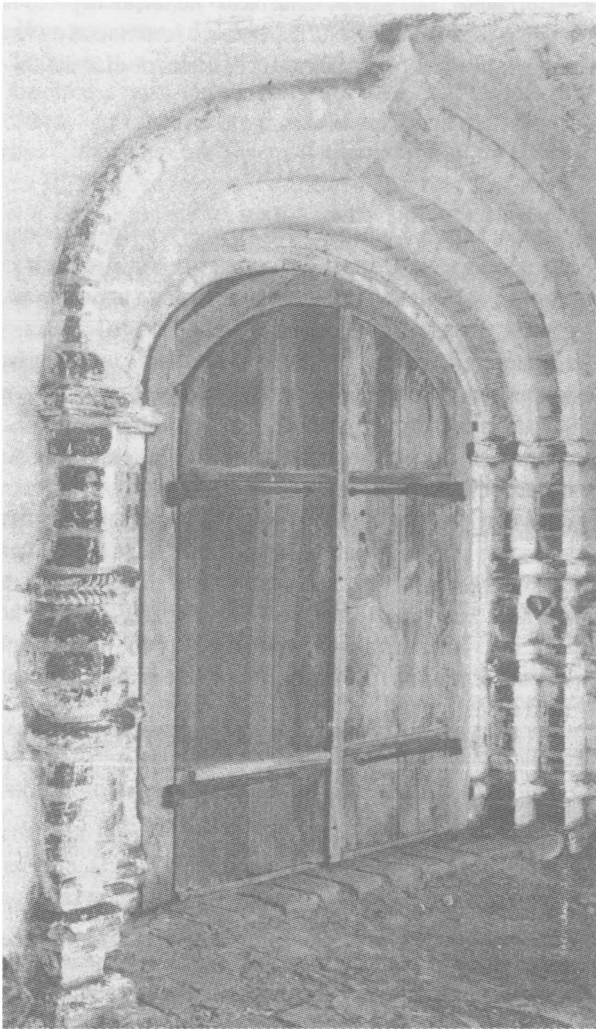
Алтарная стена внизу с тремя апсидами, вверху прямая, с тремя окнами.

Храм увенчан пятью главами, а шестая над приделом св. Варлаама Хутынского. Все главы увенчаны семиконечными крестами.

Все здание внутри скреплено в надлежащих местах железными полосами («связями»), замкнутыми снаружи железными толстыми прутьями⁵.

Пол в храме, по словам Мартынова, везде вымощен был трехчетвертными дубовыми квадратами, более вершка [= 44,5 мм] толщины. Квадраты эти, по своей тяжести, не требовали никакой пришивки. В алтаре и теперь можно видеть образчик подобной настилки, замененной недавно в других местах полами⁶.

Упраздненный Одоевский Анастасов монастырь.
Южный портал

В стенах здания одного храма, с северной его стороны, находятся два придела: один, меньший из них — к востоку, во имя пр. Варлаама Хутынского; а другой, больший — к западу, во имя великомученицы Екатерины.

По свидетельству той же «Летописи», храм и его приделы освящены не в одно время, а именно: а) придел святой великомученицы Екатерины освящен в 1673 г. ноября в 3 день; б) придел преподобного Варлаама Хутынского освящен в 1675-м году мая в 18 день; а соборная церковь Рождества Пр. Богородицы освящена в 1676-м году. «А все три церкви святил, по указу великаго Архиеерея (т. е. Митрополита Павла), Добраго монастыря архимандрит Варсанофий, того же монастыря с игуменом с Ионою и с прочими священники, собором»⁷.

С самой южной и западной стороны при храме устроена крытая галерея, с пролетами в виде арок.

IV. Колокольня

По свидетельству той же монастырской «Летописи», в 1674-м году построена была каменная колокольня, существующая доселе. Она невысока, но массивна, укреплена сильными железными связями, замкнутыми снаружи железными стержнями. Верх ее пирамидальный, шестигранный. Внутри нее небольшая комнатка; внизу — галерея со сводами образует вход в церковь: первоначально — в придел св. Варлаама Хутынского, а затем, через левый клирос, на солею и в среднюю часть настоящего храма⁸.

На колокольне примечательны колокола:

1. Еще прежде на монастырской колокольне висел старинный небольшой колокол, по словам П. Мартынова, «замечательный своими яркими, как-то особенно разносящимися звуками». На этом колоколе была сделана вязью надпись, свидетельствующая о том, что он дан вкладом в монастырь головою стрельцов Московских Михаилом Петровичем Колупаевым в 7166 (от Рождества Христова 1658-м) году. Вероятно, он висел еще на старой монастырской колокольне. За ветхостью он перелит в 1859-м году и весит теперь 51 пуд⁹ [= 835,4 кг].

По поводу этого колокола П. Мартынов рассказывает следующее: «Когда, вероятно, по распоряжению Преосвященного (Мефодия), этот колокол хотели снять, чтобы отвезти его в один из Белевских монастырей, то жители села Анастасова, во главе которых был Одоевский обыватель Каширин, открыто встали на притязателей, и дело, говорят, чуть не дошло до рукопашной... Виновник небольшой драмы, вследствие этого, был оставлен в покое, но до решения дела опечатан, с воспрещением звона. Местный священник Гавриил Авксентьев, вероятно, за подстрекательство прихожан, по

слан на год в Коломну (подначал), без допущения к священнодействию; а коновод восстания, Каширин, был отлучен от церкви (на какое время — неизвестно). Результатом этого отлучения было, что Каширин совратился в старообрядчество и скрылся в одном из старообрядческих скитов¹⁰.

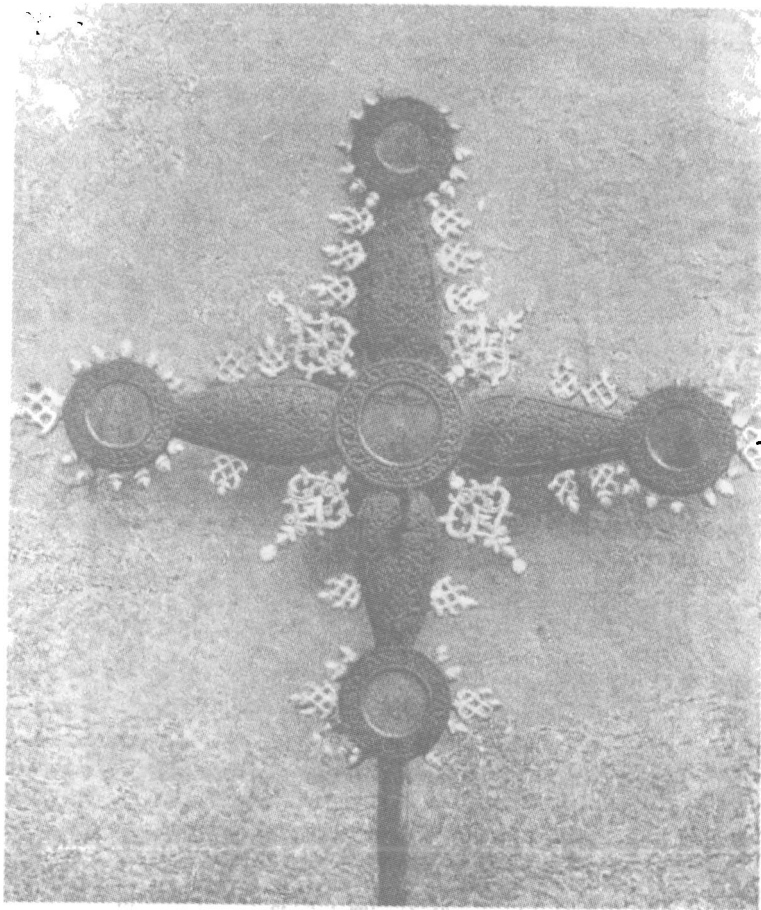
2. Колокол. Надпись резана вглубь: «1739 февраля 12 дня сей колокол в Настасов монастырь от господина генерала сенаора (сенатора) I кавалера Алексея Ивановича Тороканова в поминование деда сво околничего Михаила Петровича Колупаева и отца сво Ивана Никитича и протчих сво родителей весу 35 пу. 23 фу. [= 582,7 кг] лил Михайло Семенов Слизов».

«В одном акте архива Тульской Духовной Консистории, 1746 года, № 443-й, при колокольне значится еще часовня»¹¹. Она была построена, вероятно, на месте престола прежней церкви. Ограда около храма прежде была деревянная, но в недавнее время построена новая, из кирпичей с узорчатой кирпичной же решеткой.

У. Достопамятности

1. Крест напестольный серебряный, вызолоченный, в 70 золотников [= 3 кг], внизу, на рукояти — св. Николай Чудотворец. Рукояти украшено резным травчатым орнаментом. На рукояти надпись (чеканом): «Лета 7168 (от Р. Хр. 1660)го апреля 16 де. сделан сей крест в доме рожества пресвятыя Богородицы и святыя м. Екатерины Вкладчик голова московских стрельцов Михайло Петров сын Колупаев по своим родителям и по брате своем Василии Петровиче Колупаеве».

2. Крест напестольный, серебряный, вызолоченный, в 1 ф. 85 зол. [= 7,7 кг], покрыт травчатым орнаментом. На лицевой стороне: в середине — Распятие, на перекрестье: слева — Распятие Иисуса Христа, справа — снятие с креста; внизу — положение во гроб; вверху — Воскресение. На оборотной стороне, в медальонах — надписи (чеканом), содержащие наименование мощей, частицы коих хранятся в этом кресте. Всех частиц сорок, а именно: «Животворящее Древо, Иоанна Предтечи, Евфимия Великого, великомуч. Артемия, Александра Свирского, Александра Невского, муч. Андриана, великомуч. Прокопия, прор. Даниила, Андрея Первозванного, Лазаря Четверодневного, Евангелиста Марка, Игнатия Богоносца, Пимена Великого, Ефрема Сирина, Михаила Малиейна, Стефана Нового, первомученицы Феклы, великомуч. Варвары, великомуч. Марины, Феодосии Девицы, архидиакона Стефана, Георгия Победоносца, Феодора Стратилата, Иакова Персиянина, Евстафия Плакиды, царя Константина, кн. Георгия Владимирского, кн. Романа Углицкого, Богоматери Анны, великомуч. Екатерины, Иакова брата Господня, Антония Великого,

Запρεстольный резной деревянный крест.
Анастасов монастырь Олоевского уезда

Евфимия Суздальского, св. муч. Нестора, Василия епископа Амосийского, Антония Римлянина, Саввы Сторожевского, Евангелиста Матфея.

3. Крест запрестольный, четвероконечный, деревянный, покрыт резным, обронным, травчатым орнаментом и раскрашен с позолотой. (Точно такой же крест находится в соборе Преображенского монастыря, в г. Белеве).

4. Икона Христа-Эммануила, в серебряном венце, XVII века. На восточной стене алтаря главного храма.

Паникадило XVII (?) в; посеребренный металл.
Анастасов монастырь Одосвского уезда

5. Икона Рождества Пр. Богородицы, поставлена за правым клиросом в главной части храма,— древнего иконописания. Она представляет большой троючастный складень, со стрельчатым верхом. В середине изображено событие Рождества Богородицы; на створах — в два ряда — праздники. Поле иконы по краям обложено тонкой серебряной басмой. Икона эта, как складень и как особенно чтимая, несомненно была выносима из храма по разного рода обстоятельствам при общественном богослужении или — по домам, вне стен монастыря.

6. Ковчег серебряный, в виде голубя (образ Св. Духа), подвешен над престолом внутри сени (кивория) главного алтаря. В древности был обычай в таких ковчехах (из предосторожности от мышей и т. п.) хранить Св. Дары. Так, известно, что до 1812-го года в Московском Успенском Соборе, в глав-

ном алтаре, вверху сени над престолом, также был подвешен *золотой голубь* (изображавший Св. Духа), в коем хранились Св. Дары; он упоминается и в описи собора 1627 г.¹²

7. Ковчег, в виде малого храма, серебряный. На нем надпись:

«Лета 1701 г. июня в 13 день построен сей серебряный ковчег на сохранение пречистых святых таинов за благословением Преосвященнейшего Иллариона Митрополита Сарскаго и Подонскаго в Лихвинской уезд в домовой приписной Настасов монастырь в церковь Рождества Пр. Богородицы из ветхих сосудов что было подавание бывшего Преосвященного Павла Митрополита Сарскаго и Подонскаго, а в тот ковчег то ветхое серебро все изшло весу 2 фунта. 12 золотников».

8. Потир серебряный, вызолоченный, с обронным тиснением. По верхнему краю надпись (чеканом): «Тело Христово примите источника бессмертного вкусите аллилуия». По нижнему краю: «165 (т. е. 7165 — от Р. Хр. 1657) года сентября месяца 1 день дала сосуды посеребряные в Лихвинской уезд к рождеству Богородицы в Настасов монастырь вдова Марина Михайловская жена Ивановича Зыбина по муже своим и по себе вклад». К этому потиру принадлежат: *Дискос*, с надписью «Се Агнец Божий» и пр., *звездича*, *ложича*, большая, выгнутая, и две тарелочки, из коих на одной изображен Голгофский крест, с надписью: «Кресту Твоему поклоняемся» и пр., а другая с изображением «Знамения Пр. Богородицы» и подписью: «Все упование мое к тебе возлагаю Мати Божия сохрани мя во своем си крове».

9. Потир серебряный, вызолоченный, с обронным тиснением. По верхнему краю надпись: «Тело Христово примите источника бессмертного вкусите аллилуия». На яблоке рукоятки — «серафим» и «херувим». На поддоне — изображение страданий Христовых. Внизу подпись: «Лета 7205 (от Р. Хр. 1697) году месяца октоврия 19 день». По краю: «в Настасов монастырь в соборную церковь церковные сосуды по душе поминование окольного Михаила Петровича Колупаева поданное жены его вдовы Ксении Ивановны». К сему потиру принадлежат: *дискос*, с изображением Агнца — Христа в чаше, окрыленного херувимами. *Звездича* и две *тарелочки*: одна с изображением Знамения, окрыленного херувимами, и евангелистов.

10. Плащаница небольшая, шитая шелком и серебром с изображением Иисуса Христа в гробе: над ним ангелы с рипидами, между ними херувимы. (В настоящее время эта плащаница в Тульской палате древностей).

11. Кадило серебряное, в виде церкви, с шатровым пирамидальным верхом, главой и крестом, — на кольчатых цепях, покрыто травчатым обронным орнаментом. Надпись: «Лета 7180 (от Р. Хр. 1672) году месяца генваря в 30 день построил сие кадило игумен Иона на вкладные деньги разных вкладчиков в Лихвинской уезд в дом Пречистые Богородицы в Анастасов монастырь а весу в нем два фунта двадцать золотников».

12. Фелонь, по описанию П. Мартынова, парчовая, золотом по красной земле, подол обложен из насыпной белой парчи; крест и звезда шиты золотом по черному бархату, выпуклым швом»¹³.

13. Фелонь, по описанию П. Мартынова, обяриновая, белая, с травмами, оплечье по красному бархату; шита золотом, высоким швом; подол обложен черным атласом с серебряною сеткой; крест и звезда из красной парчи¹⁴.

VI. КНИГИ

В Анастасовском храме немало сохранилось книг, примечательных или по давности печати, или по убранству переплета, или по подписям на них. Таковы:

1. Евангелие на престольное, в л. Москва. 1668 года.
2. Евангелие на престольное, в серебряном, вызолоченном окладе. 1681 года. Надпись: «Нынешнего двухсотого (т. е. 7200-го, от Р. Хр. 1692-го) году октября в первый надесять день дала вкладу Евангелие вдова Татьяна Остафьева дочь Григорьевская жена Афанасьевича Кологривова по муже своем по Григорье же Афанасьевиче в дом Пресвятыя Богородицы в Лифеньской (Лихвинский) уезде в Настасов монастырь в вечное поминование».
3. Евангелие на престольное. Москва. 1794 г.
4. Евангелие Учительное, воскресное. Москва. 1794.
5. Апостол. Москва. 1699 г.
6. Минея общая. Москва. 1694 г.
7. Минея. Март и Май. Москва. 1705 г.
8. Октоих. Москва. 1666 г.
9. Синаксарь. Москва. 1677 г.
10. Пролог. Москва. 1677 г. Подпись по листам (курсив): «198 (т. е. 7198 г. от Р. Хр. 1690) год июня в 4 де, сию книгу пролог приложил в московском уезде в Сурожском стану в вотчину свою в село Александрово к церкви Рождества Пресвятыя Богородицы Никита Борисов и подписал моею грешною рукою аминь.— В нынешнем в двести третьем (т. е. 7203 — от Р. Хр. 1695-м) году января в 21 де. сию книгу марта 30 де. дал вкладу Никита ж Пушкин в дом пресвятыя Владычицы нашей Богородицы честного Рождества в Анастасов монастырь по сыне своем Афанасье а подписал моею рукою».
11. Св. Иоанна Златоуста. Беседы о покаянии. Москва. 1779 г. Подпись: «села Анастасова церкви Рождества Пресвятыя Богородицы священник Гавриил Авксентьев».
12. Требник. Москва. 1792 г.

VII. Кладбище

На южной стороне храма, по склону холма, сохранилось старое монастырское кладбище со многими надгробными памятниками, на которых еще хорошо читаются надписи. Таковы:

1. «Лета 7144 [1636] месяца августа в 28 день на память преподобнаго отца нашего Моисея Мурина преставися раб Божий Никифор прозвище Иван Михайлович Зыбин».

2. «Лета 7120-го года [1612] в Московское разорение убиен в Одоеве с башни Никита Луппович Калупаев за то что с изменики креста не целовал тело погребено в Настасове монастыре». То есть, Никита Колупаев сброшен с крепостной башни и убит за то, что не принял присяги на верность Лжедмитрию¹⁴.

3. «Лета 7152-го [1644] Июня в 25 день на память святых преподобных мученицы Февронии преставися раба Божия Евдокея Иванова жена Михайловича Зыбина во иноцех Ефимия».

4. «Лета 7163 апреля [1655] в день на светлое воскресение Христова день памяти Апостол Аристарха, Петра и Трофима преставися раб Божий зовомый Андреем молитвенное имя Варфоломей Михайлович Зыбин».

5. «Лета 7183-го [1674] Декабря в 25 день на праздник Рождества Христова преставися раб Божий Иоанн Андреевич Зыбин».

6. «Лета 7188-го [1679] месеца декабря в 22 день преставися раба Божия Кириллова жена Андреевича Зыбина».

7. «Лета 7199-го [1690] Ноября в 22 день на память святых (апостол) Архипа и Филимона преставися раба Божия (жена) столника... Афанасевича Кологривова поживе лета 43»...

8. «7207 (от Р. Хр. 1699-го) года июня в 8 день преставися раб Божий столник Гаврила Иванович Соковнин в день великомученика Федора Стратилата а тезоименитство его было июня в 13 день собор архангела (Гавриила) от рождения жития ево было по кончину 59 лет».

9. «Лета 7207 Февраля в 27 день преставися Антонина Ивановна князь Иванова дочь Тимофеевича Вадбольскаго Гаврилова жена Ивановича Соковнина а от рождения жития ея было по кончину 60 лет 9 месяцев а тезоименитство ее было июня в 10 день на память Тимофея епископа Прусскаго а имя наречено по прологу».

10. «От Рождества Христова 1707 марта в 13 день преставися раб Божий Кирила Андреевич (Зыбин)».

11. «Лета 1707-го июня в 14 день преставися раб Божий Иван Гаврилович Сомов сей камень положил сын ево комисар уб (?) Афанасий Иванович Сомов».

12. «Лета 1763-го августа 1 дне преставися раба Божия провожая сына своего под городом Рузою стольника Григорьева жена Афанасьевича Колодривова Татьяна Оставьевна».

VIII. Синодик О. В. Недоброго

Древнейший монастырский Синодик — рукопись XVII-го века, в лист. Переплет в досчатых крышках, не первоначальный. Древнейшая часть рукописи писана красивым полууставом, заглавия и начальные буквы — кинноварью. Синодик этот — дар монастырю от Осипа Васильевича Недоброго, о чем свидетельствует подпись полууставом внизу по листам: ...«июля в 7 день положил сию книгу синодик в Лихвенской уезд в Настасов Монастырь к церкви рожества Пречистые Богородицы и святые великомученицы Екатерины в вечное поминовение Осип Васильев сын Недоброва по своих родителех и впредь по души своей».

Так как в ряду имен Московских патриархов, записанных первым писцом, последним записан патриарх Питирим, то следует, что Синодик писан при патриархе Иоакиме.

В начале Синодика, по обыкновению, несколько статей предисловия, а именно:

1. Синодик или помянник, увещание люботщательному православному читателю в предисловии в книгу Синодика о пособии мертвым¹⁵. При этой статье три миниатюры, одна в начале и две в конце.

а) Первая миниатюра на особом листе: *Аггос Иияков брат Божий*. Апостол Иаков изображен в рост, с открытой головой, в широкой фелони, поверх которой белый крестчатый омофор, на правом бедре палица; подризник зеленый, на нем еще епитрахиль; на правом бедре — красный платок. Правая рука благословляет именовсловно, левая — на платке, держит Евангелие. Апостол стоит на открытом холме, за которым расположен город. Текст статьи начинается словами: *(Спаси)тель рече: служащии олтарю от олтаря да ядят*.

б) Вторая миниатюра: *Проповедь святых Апостол*. Внизу — город, вне его «Апостолы Господни», два многочисленных сонма. Над ними, на облаках Иисус Христос, благословляющий именовсловно обеими руками Апостолов. Из облаков выделяются четыре трубы, расположенные по направлению вниз и оглашающие вселенную; поверх сего еще ряд облаков, это — горное небо, откуда исходят стрельчатые лучи.

в) Третья миниатюра: *Страшное пришествие Христово*. Вверху — небо в виде свитка, с огнезračным сиянием, его свивают ангелы, под ним, в первом ряду — Христос на радуге и в радужном нимбе: Ему предстоит Богома-

ть, Иоанн Предтеча и сонм ангелов, все на облаках. Во втором ряду — двенадцать апостолов, сидящие на престолах: их разделяет престол, на котором Голгофский крест; под ним десница Божия, а в ней души праведных и весы, с надписью: *Праведных души в руке Божии и мерило праведное*. Престолу предстоит: слева «Апостол», справа — Богоматерь и Моисей с сонмом праведников Ветхого Завета. Внизу обычное изображение: справа огненные уста ада, с бесами и грешниками, а слева рай, где «разбойник Рах» и куда следуют праведники, для коих Ап. Петр ключом отпирает врата.

Затем следуют:

2. Притча Преподобного отца нашего Варлаама о животе и о смерти, и о суетном богатстве.

3. Притча Преподобной матери нашей Афанасии игумении об усопших душах.

4. Поведание Ангела Преподобному Макарию. При сем — г.) Четвертая миниатюра: *Муки грешников*. Рисунок представляет собой горный ландшафт. Вверху над ним, в небе — райские деревья. Между небом и землей — ангел Господень держит на руках душу в виде нагого человека, вознося ее в небесный рай. В недрах земли — пространство ада: внизу — Сатана восседает на двуглавом звере, с Иудой на коленях; за ним — грешники. Выше, в трех отделениях — особые места мучений: справа — *мразь лютый*, слева — *смола кипящая*, вверху — *огонь негасимый*.

Наконец, 5. Притча Преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. При ней:

д) Пятая миниатюра: *Зрю ты гробе и ужасаюся*. Рисунок представляет горный скалистый ландшафт. Между скалами виден монастырь, с высокими палатами, стенами и башнями. В нижней части ландшафта — погребальная пещера, в ней гробница, в которой скелет покойника, прикрытый накрест крышкой гробницы, перед ней с двух сторон предстоит иноки, размышляющие о смерти.

Затем следует «Поминование иже во блаженной памяти преставившихся присно поминаемых святейших вселенских патриархов, благочестивых царей» и пр., святейших патриархов Московских и всея России, преосвященных епископов Сарвских (Сарских) и Подонских и пр., великих князей всея России, царей и великих князей Московских и пр.

Роды князей, бояр и пр.

1. *Род боярина князя Иоанна Михайловича Воротынского*. Это — основатель Анастасова монастыря. Начало: «Помяни Господи души усопших раб своих и рабынь: Великого князя Василия (Васильевича), Царя и Великого князя Иоанна (Грозного)» и пр.

2. Род боярина князя Иоанна Никитича Одоевского. Начало: «Князя Симеона, князя Иоанна, князя Василия, князя Петра, князя Феодора, князя Романа» и пр.

3. Род князя Алексея, князь Васильева сына Барятинского.

4. Род Феодора Иоанновича Шереметева.

5. Род Григория Афанасьевича Кологривова.

6. Род Гавриила Ивановича Соковнина.

7. Род Сомовых.

8. Род Микиты Степановича Жданова.

9. Род Микиты Борисовича Пушкина.

10. Род Косьмы Филатьевича Безобразова.

11. Род игумена Ионы Анастасова монастыря. Это — строитель существующего каменного храма в селе Анастасове.

12. Род Осипа Васильева сына Недоброго. Это — строитель и вкладчик сего Синодика.

13. Род Зыбиных. Многие из них похоронены при монастыре (см. «Кладбище»).

14. Род Петра Лодыженского.

15. Род Ефима Панкратьевича Зыбина.

16. Род Игнатия Колупаева.

17. Род Раевских Алексея да Агея Титовых детей.

18. Род Василия Осипова сына Одоевцева.

19. Род Настасова монастыря игумена Тарасия.

20. Род старца Зосимы Пушечникова.

Затем следуют «роды» разных лиц. Всех таких родов свыше ста сорока. Здесь, между прочим, роды:

Алексия Брюлева, Салюмена Булканова, Феодора Соковнина, игумена Ионы, игумена Сергия, Прокуды Бунина, черного священника Серапиона, игумена Ионы из Серпухова, попа Василия Юра с Москвы, Иоанна Колупаева, Стефана Покрадуши, Василия Гололобова, Шерокина (Шаровкина) монастыря, села Стромка крестьянина Алексея Кондратова и пр.¹⁶

Настоятели

В монастырском Синодике, после ряда «родов» княжеских, боярских и пр., есть особое отделение — для настоятелей и монашествующей братии, под заглавием: «Здесь писать сего Анастасова монастыря игуменов, и строителей, священноинок и братию». И здесь из числа настоятелей записаны следующие:

1. Строитель Анастасий. При нем основан и по имени его прозван монастырь *Анастасовым*.

2. Строитель Игнатий Печенкин. Он записан с примечанием во «Вкладной книге», что строения его в монастыре много, род его записан в Синодике.

3. Строитель Нафанаил, его род записан в Синодике.

4. Игумен Герман, он по повелению кн. Михаила и кн. Александра Воротнских, «устроил» «Вкладные книги», в 1558-м году.

5. Игумен Феодосий.

6. Игумен Иосиф.

7. Игумен Ефрем.

8. Архимандрит Вениамин.

9. Игумен Пахнутий (Пафнутий).

10. Архимандрит Питирим.

11. Игумен Никон.

12. Игумен Галасий (Геласий).

13. Игумен Феодосий.

14. Игумен Никодим.

15. Игумен Филарет.

16. Строитель Афанасий.

17. Игумен Тарасий, его род записан в Синодике.

18. Священноигумен Никон.

19. Игумен Антоний.

20. Игумен Сергей, упоминается во «Вкладной книге» под 7122 годом, род его записан в Синодике.

21. Игумен Иосиф, упоминается во «Вкладной книге» под 7168-м [1660] годом.

22. Игумен Иона, строитель доселе существующего каменного храма, в 7177—7184 [1669—1676] г., его род записан в Синодике. «Он долго управлял монастырем и умер в 7207 (1699-м) году, похоронен под Рождественской церковью, как можно заключить по надписи на каменной плите, лежащей направо, при входе на каменную галерею»¹⁷.

Из XVIII-го столетия известны:

23. Игумен Моисей, уже в 1712-м году не имевший настоятельской должности за старостью лет и числившийся в братстве монастыря; в 1714 г., по жалобе на его буйство, поданной монастырскими крестьянами села Дряглова, выслан из Анастасова монастыря в Добрый монастырь.

24. Игумен Игнатий, преемник Моисея, известный с 1712 г., управлял монастырем по 1714-й год.

25. Игумен Дионисий был настоятелем с 1714 по 1718 г., в этом году он переведен из Анастасова монастыря в Перемышль, в Николаевский монастырь.

26. Игумен Корнилий, с 1718 по 1721 г.

27. Игумен Илларион, 1722 г.

IX. Вкладная книга

В одном переплете с Синодиком находится монастырская «Вкладная Книга». В ней в начале пишется:

«Лета 7066-го (от Р. Хр. 1558-го) Ноября в 1 де. Приказали, князь *Михайло* да князь *Александр* Иоанновичи в своей вотчине в Одоеве у Ржества пречистые Богородицы в Настасове монастыре игумену Герману, и священником, и всем старцам по родителех по своих кормити кормы, потому что они те монастыри в своей вотчине ставили, и строили их всяким строением, а земли к тому монастырю подавали, доколе и монастырь стоит. А кто дал пять десять рублей или больши, и тот написан в оба синодика в вечной и повседневной без выкладки, доколе и монастырь стоит. А кто дал меньше пятидесяти рублей, и того держати в повседневном синодике сколько рублей столько и годов, а в вечном без выкладки»¹⁸.

Затем следуют записи, в частности, о том, кого из князей вкладчиков и как помянуть. А именно:

1. «Пети и правити собором понахиды пети, и обедни служити по князе Феодоре Юрьевиче Воротынском, и корм кормити большой и написати его в оба синодика в повседневной и в вечной без выкладки, доколе монастырь стоит. А корм кормити на память его, месяца Ноября в 11 день. На память святых мученик Мины и Виктора и Викентия, святого отца нашего Феодора Студийскаго».

2. По князе Михаиле Федоровиче Воротынском.

3. По князе Михайлове Федоровича княгине, иноке скимнице Евфросинии.

4. По князе Иоанне Михайловиче Воротынском. Здесь — «подва корма на год большие кормити», «един корм на рождение его», а «другой корм кормити на преставление его». Здесь, между прочим, — «и милостыню раздавати нищим, по полтине на кормле, а на другой кормле потому же по полтине, доколе и монастырь стоит» и проч.

«А даяние княже Иванова Михайловича, к рождеству Пречистыя, в Настасов монастырь: деревня Рымшино, и Мартиновская, и Подроманово, тоже».

5. По княже Иоаннове Михайловича Воротынского княгине Настасии.

6. По князе Иоанне Иоанновиче Кубенском. Здесь, между прочим: «одноконечно не заложити князя Иоанна Иоанновича Кубенскаго, и милостыню по князе Иоанне Иоанновиче Кубенском нищим раздавати по гривне на кормле, а на другой кормле потому же по гривне, доколе монастырь стоит».

7. «По княжъ Иоаннове Иоанновича Кубенскаго иноке скимнице княгине Александре».

8. «По князе Володимере Иоанновиче Воротынском».

«А даяния князь Володимерова Иоанновича к Рождеству Пречистые в Настасов монастырь, деревня Филимонова».

Далее излагаются условия, как поминать вкладчиков живых и умерших, соответственно их вкладам, а именно, поминать того, «кто даст в Настасов монастырь село или деревню или 20 рублей денег, или 15 рублей, 10 рублей. А кто даст в Настасов монастырь меньше 5 рублей, и того поминати во всидневном синодикѣ, сколько полтин, столько и годов, а в вечном — без выкладки. А кто даст в Настасов монастырь рубль, и того написать в вечный синодик — без выкладки, а у иного взяти и полтина, а написати в вечной синодик».

«А даяния всяких людей игумену Герману, или по нем кто иной будет игумен и священником и старцам писать все книги рядом, кто что даст, и службы и кормы по ним записывати а в казенные книги даяния их писати же, а в келарския книги писати кормы по ним».

«Яз игумен Герман повелением государей своих князя Михаила да князя Александра Иоанновичев Воротынских сии книги в монастыре у Рождества Пресвятыя в Настасове монастыре устроил как по ним пети и кормити по всех умерших, а за живых Бога молить до его живота, доколе и монастырь стоит и руку свою к сим книгам приложил; а который игумен или строитель после меня у Рождества Пречистые в монастыре в Настасове будет и им по тем книгам пети и правити, и руки свои к сим книгам прикладывати, а который игумен или строитель по сим книгам пети и правити не учнет, и руки своей не приложит тот и сам ответ Богу даст».

Далее идут вкладные записи, вписанные строителем Нафанаилом, а именно:

1. «Пети и правити собором, понахиды пети и обедни служити и кормы кормити болшие по князе Александре Иоанновиче Воротынском в иноце Арсении.

2. По Василие по Уварове.

3. По Лаврентии по Михайлове сыне Бунине.

4. По Настасовском строителе по Игнатии Печенкине». Это — второй настоятель монастыря. О нем здесь сказано: «Написати его в оба синодика во вседневной и в вечной без выкладки, доколе монастырь стоит, а корму того не заложить, потому что строения его в монастыре много».

«По сим книгам строитель Нафонаил кормы кормил и руку приложил и впрядь кто по нем будет у Пречистой, и ему такоже не заложить и кормить по силе, а понахида и обедни пети собором. А который игумен или строитель заложит, и он сам в том Богу ответ даст».

За вкладной записью строителя Нафанаила идет ряд записей разных лиц, но без обозначения «кормов». Содержание вкладов по этим записям

весьма интересно в бытовом отношении, ибо они начинаются с половины XVI столетия. Вот весь ряд этих записей:

1. «Дал Иоанн Голоперов в дом Пречистыя по себе и своих родителях (что и сколько дал Голоперов, не сказано; вероятно, обычный незначительный денежный вклад).

2. Да того же году (?) дал в дом Пречистой пятницкой Еуфимей с с. Крутово мерин сивожелез за два рубли да два рубли денег.

3. Дал вкладу в дом Пречистой старец Артемий Темной три рубли денег.

4. Лета 7082-го (т. е. от Р. Хр. 1574-го) месяца Сентября в 8 день. Дал Пречистой в дом вкладу Насон поп Воскресенской з Головенек¹⁹ четыре рубли денег да мерин гнед с седлом да двои пчелы да десять копен ржи, а та рожь дана на поминки после моего живота.

5. Лета 7082 го. дал вкладу в дом Пречистой из Головина крестьянин Артемий три рубли денег.

6. Лета 7082 го. дал в дом Пречистой Бцы Покровской поп Стефан тринадцать рублей денег вытных что взял на Фектисте Гретщине сне на монастырском крестьянине вытных денег дватцет пять рублей и тех денег дватцети пяти рублей дал в дом Пречистой Бдцы тринадцать рублей денег.

7. Лета 7083 го. дал в дом Пречистой Бдцы вкладу крестьянин Никита Котов двои пчелы добрыя за два рубля.

8. Лета 7107 [1599 г.] го. дал в дом Пречистой Бдцы вкладу Денис Иванов сын Батишев с Черни мерина голубого за три рубли, да рубль денег.

9. Лета 7083 го. дал в дом Пречистой Бдцы в Настасов мнстрь вкладу Широкой Никифоров сн пушкарь доспех кольчужен восьмьдесят...

10. Дал в дом Пречистой Богородицы в Настасов вкладу Григорий Петров сн Дубовой два рубля денег да трои пчелы лутчие из шестерых.

11. Лета 7087 го. дал вкладу Пречистой Богородицы в дом Михайло Покровской с Павловскаго²⁰ скатерть 11 локот да ширинку золотом да серебром навожену.

12. Лета 7102 го. дал вкладу Пречистой Богородицы в дом Иван Борисов денег два рубли.

13. Лета 7108 го. дал Иван Борисов вкладу три рубли денег, а всего его вкладу пять рублей.

14. Дал Гриша Порошин вкладу пять рублей денег.

15. Лета 7105 го. постригся пушкарь Никита в Настасове монастыре дал вкладу трицать четвертей хлеба всякаго. да пятнатцет копен ржи немолоченой при игумене Сергие.

16. Лета 7108 го. постригся Евтихей а во иноцех Ефрем дал вкладу Пречистой Богородицы пять рублей денег при игумене Сергие.

17. Того же году постригся Сидор а во иноцех Симан дал в дом Пречистой Богородицы пять рублей денег.

18. Постригся Андрей Полянской дал вкладу две лошади.

19. Лета 7122 го [1614] году дал вкладу в дом Пречистые Богородицы и святых великомученицы Христовы Екатерины в Настасов монастырь князь Василий Михайлович Тюфякин две кипы хмелю за пять рублей.

20. Лета 7107 го. генваря в 6 день постригся Стефан Мозоловский дал вкладу в дом Пречистой Богородицы мерина каря да корову да тридцать четвертей ржи. да дватцеть четвертей муки. да десять ярового хлеба.

21. Того же дни постригся Долмат Тишков во иноцех Дамиан дал вкладу мерин саврас да корову.

22. Лета 7122 го году привез Петр Кожухов оброчных денег с крестьян с монастырских сорок алтын а взял их игумен Сергей.

23. Лета 7107 го году генваря в 8 день дал вкладу Григорей Минин сын Метченев мерина гнеда да кобылу ковуру а всего данья пять рублей.

24. 168-го (т. е. 7168.— от Р. Хр 1660 г.) Маия в 17 день дал вкладу Потап Деншин три рубля при игумене Иосифе да при келаре старце Антонии да при казначей старце Евфимии.

Х. Летопись

За «Вкладной Книгой» в Синодике следует летописное сказание о построении храма Рождества Пр. Богородицы:

«Лета **З.Р.О.З.** (7177) [1669] го маия в 5 д., в Лихвинском уезде в Настасове монастыре зачата строится каменная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы. с трапезою и с пределы и с папертьми. пределы стья великомчницы Екатерины. и прпдбного отца Варлаама Хутынского. на палатах. При царствии великаго князя, Алексия Михайловича, всея великия, и малья и белья россии самодержца. Меж патриаршества. по указу преосвещенного Павла митрополита сарскаго и подонскаго. и его тшанием. и радением довершена сия церковь, **З.Р.П.А.** (7181) [1673]. году а освещен предел стья великомученицы Екатерины, с трапезою, того же году, ноября в 3, день. а во **Р.П.В.** (182 т. е. 7182) году построена, колокольня каменная, а во **РПГ** (183, т. е. 7183) году маия во 18 освящен предел прпдбнаго отца ишего Варлаама Хутынского чудотворца. того же году построен погреб каменный; того же лета в Одоеве построена соборная црковь воскресения Христова каменная; а все то каменное строение, по указу великаго архiereя, строил того же анастасова мнстыря игумен Иона. и во **РПД** (184, т. е. 7184) году, сентября в 7, освящена соборная црковь ржства прстыя Бдцы, а все три цркви по

указу великаго архиерея, святити, Добраго мнстря архимандрит Варсонофин, того же мнстря с игуменом, Ионою, и с протчими игумены и священники собором; того же лета сентября в 9 день представися преосвященный Павел, митрополит сарский и подонский».

За «летописью» снова следует поминovenная запись «родов». Здесь, между прочим, вписаны:

«Род полковника Алексия Иоанновича Тараканова. А в ниже писанныя дни выдано от него, полковника, в монастырь вкладу. золотой одежде. по жаловать настоятелю служить за упокой литургию»...

Род Богдана Ботавина.

Род Арсениевых.

Род Куная Офросимова и проч.

XI. Синодик М. П. Колупаева

Рукопись 1691-го года в малую 1/4 л., в кожаном переплете²¹. Писан мелким полууставом. В начале виньетка в виде круга, раскрашенного синей, зеленой и красной краской. В нем вписано заглавие, с которого начинается запись вкладчика, окольного Колупаева, о его вкладах, а именно:

«Синодик Окольного Михайла Петровича Колупаева Писан Лета **ЗРҮ**-го (т. е. от Р. Хр. 1682-го) Июля в де. Дан в лихви(н)(с)кой Уезд в одоевскую припись в настасов мнстря что на Упе реке повыше города Одоева тут же дано вкладу по родителям ризы изорбаф вишневой травы большие золотые оплечья бархат цветной золотой подолен атлас красной к'ружива около оплечья и около подола козылбацкое цветное подкладка зеленой киндяк да к тем же ризам по(д)ризник изорбат цветной алой и иных разных цветов и шелков трав'ки золотые оплечья изорбат вишневой травы золотые большие подолень отлас зеленой кружива около облечья и подольня и рукав козылбатское цветное подкладка киндяк зеленой а тем ризам и подризнику цена Бог весть, и за тот вклад пожаловать игуменам и всем црков'ником поминать родителей моих кои писаны в' сем сенонике ниже сего».

За сим вместо обыкновенных «предисловий», в этом Синодике изложено только общее поминovenие всех «несчастных», кои особенно требуют молитв церкви или коих некому помянуть.

Начало этого поминovenия писано в особой виньетке, раскрашенной синей, красной и зеленой краской. Вот текст этого очень характерного и по языку, и по типу поминovenия:

«Помяни Господи души иже во Христа верующих и подвизавшихся за святяга Божия церкви и за пречестные обители, и за бловверныя цри и великия кнзи и за православное христианство кровь свою излиавших и за весь мир главы своя подклонивших из'биенных от татар и от литвы и от немец, и от всех поганых иноверных язык и от междусобныя брани из'бисны умерших».

«Помяни Господи души раб своих блаженных юродивых в'довиц и нищих хромых и слепых иже скитающихся по улицам, и на всяком месте не имещим где главы своя подклонити в'толицех скорбех и в' болезнях живот свой скончавших».

Писано уставом, начальные буквы фигурные и раскрашены.

Далее следуют «роды». Из них должно отметить следующие:

Род окольного Михаила Петровича Колупаева. Это тот Колупаев, которым дан вкладом настоящий синодик и, как в нем записано, драгоценные ризы. Здесь, в числе имен его рода записаны и «Лупп убиенный» и «Никита (Луппович) убиенн», — тот самый, который «с ворами креста не целовал» и за то был сброшен с башни Одоевской крепости.

Роды и имена разных родов. А именно: Лыковых, Недоброго, Оринкиных, Спешневых, Арсеньевых, Анымовых, Корташевых, Беликовых, Ворыпаевых, Колюбакиных, Чертовых, Ладьшных, Исканских, Ушаковых, Ждановых, Зыбиных, Ероховых, Хорошевых, Ботавиных, Клычниковых, Соковниных, Ртищевых, Афросимовых, Безобразовых, Филиных, Подгорецких, Яблонских.

Род стольника Ивана Никитича Тароканова.

Род Петра Дементьевича Соймонова.

Род Ивана Ивановича Незнанова.

Род Полуехта Ивановича Нарышкина.

Род думного дворянина Афанасья Осиповича Прончищева.

Род окольного Михаила Петровича Колупаева дворовых его людей.

Род боярина князя Юрья Ивановича Рамодановского.

ХII. Управление

В XVI, XVII и XVIII-м столетиях Анастасов монастырь причислялся к Лихвинскому уезду, — ныне уезд Калужской губернии, а бывший Крутицкой епархии — и был приписан к Крутицкому архиерейскому дому. Для уездов Лихвинского, Одоевского, Чернского и Новосильского, по делам епархиального управления, монастырь в XVIII-м столетии имел значение административного места, вроде духовного уездного правления, по крайней мере так было в первой четверти этого столетия. В монастыре была игуменская кан-

целярия с подъячим, который заведовал в ней письменной частью; впрочем, управление епархиальными делами по означенным уездам принадлежало не одному игумену, а было общее с поповскими старостами. Указ Крутицкого митрополита Игнатия 1719 г. так определяет права их власти и обязанности в этом отношении: «во всяких духовных делах ведать людей церковного чину; смотреть прилежно за сбором пошлин, чтобы никакой утайки не было; смотреть, чтобы никто не служил при церкви без грамот и памятей архиерейских, а у кого их нет, тех высылать в архиерейский казенный приказ; принимать челобитных, записывая их в книги, но кроме допросов никаких дел самим не вершать, а присылать записные книги для вершения на Крутицы (в Москве) по вся месяцы не отложно; иметь с наказов, посланных ответчикам, печатных пошлины и, наконец, пересылать поданные переписные книги попов и дьячков»²².

ХIII. Владения

Анастасову монастырю в разное время принадлежали села и деревни, а именно:

Около половины XVI-го столетия Анастасову монастырю даны были в вечное владение князьями Воротынскими деревни: Рымшино и Мартыновская, Подроманово тож — «даяние» основателя монастыря, князя Иоанна Михайловича Воротынского: деревня Филимоново — «даяние» князя Владимира Иоанновича Воротынского. В первой четверти XVIII-го столетия монастырскими вотчинами были: Лихвинского уезда Подмонастырская слободка (теперь собственно село Анастасово) с деревнями, в которой находился архиерейский скотный двор; Одоевского уезда село Дряплы с деревнями; Белевского уезда село Ласинское; Новосильского уезда село Подъяковлево. В одном указе 1714 г. о селе Подъяковлеве замечено, что оно истари было за Анастасовым монастырем и снова ему возвращено.

Из монастырских деревень упоминаются: Красенки, Филимоново, Татеево, Голенево, Подроманово и Гостыж. В росписи монастырских крестьян 1716 г. сказано, что большая часть из них или ходили по миру или жили в скудости; а многие из крестьян деревни Голеновой, пострадавшей от пожара 1713 г., разбежались *неведомо куда*. К 1716 г. монастырских крестьян было не менее 244 дворов.

При бедности крестьян состояние Анастасова монастыря не могло быть достаточным; это видно и из малочисленности монастырского штата. Так, в 1722 г. в монастыре, кроме игумена, не было ни одного иеромонаха, и службы церковной отправлять было некому²³.

В виду этой скудости, тем настоятельнее требовалось и удобнее было упразднение монастыря — в 1764-м году.

XIV. Упразднение

Во второй половине XVIII-го века Анастасов монастырь, как и многие другие в пределах Тульской епархии, был закрыт. Но, по словам П. Мартынова, — «законоположение 1764 года об упразднении многих мелких монастырей в России не тотчас было почему-то применено к Анастасову. (Не потому ли, — догадывается г. Мартынов, — что он, считаясь «домовым», владел даром частных лиц, а не государства?). Только через 20 лет, т. е. в 1784 году, обитель превращается в приходскую церковь»²⁴.

XV. Приход

По упразднении Анастасова монастыря село Анастасово причислялось также, как прежде и монастырь, к Лихвинскому уезду Крутицкой епархии; в акте 1786 г. оно причисляется уже к Одоевскому той же епархии; с 1788 г., с переводом города Одоева от Крутицкой епархии к Коломенской, село Анастасово переходит в ведомство епархии Коломенской²⁵, а затем с 1799 года — Тульской епархии.

По обращении монастыря в приход к нему были приписаны: Анастасово, Татево, Филимоново и Красенки, — с наделом приходских священно-церковнослужителей 35 дес. 2056 саж. [= 39,2 га] земли.

Причту положено было состоять из четырех лиц: священника, дьякона, дьячка и пономаря. Из священников с самого начала прихода известны:

Игнатий,

Стефан,

Пахомий, переведенный из Нижнего Посада, от упраздненной Успенской церкви. Это — бывшая слобода, расположенная на правом берегу р. Упы, против старого Одоевского городища.

Гавриил Авксентьев,

Гавриил Щеглов, сын Гавриила Авксентьева,

Алексей Постников. 1870 г.²⁶

Иоанн Малинин,

Иоанн Борисоглебский,

Николай Маккавеев,

Иоанн Ключарев,

Павел Знаменский,
Алексей Боговяленский,
Илья Кудряшев.

В прошедшем столетии, до 1870 года причт с. Анастасова состоял из священника, дьякона и псаломщика, но в этом году дьяконское место было закрыто.

К приходу села Анастасова приписан приход села Красного²⁷.

Теперь земли церковной 34 десятины 857 саж. [= 37,5 га].

С 1891 г. существует в селе церковно-приходское попечительство.

В 1891-м году в с. Анастасове была основана школа грамоты, которая потом, в 1897-м году преобразована в церковно-приходскую школу.

[...]* Опущено буквенное старославянское обозначение года.

Примечания

¹ В настоящее время этот Синодик хранится в Тульской епархиальной палате древностей. *Автор*.

² Г. Воротыньск упоминается еще в XII столетии. Он находился при р. Воссе, в 6 верстах от впадения ее в р. Оку. В 1708 г. Воротыньск был приписан к Смоленской губернии, в 1713 г.— к Калужской провинции Московской губернии, в 1776 г.— к Калужской губернии, и теперь — заштатный город Перемышльского уезда.

³ О князьях Воротыньских см. Энциклопедический Лексикон (изд. Плюшара). Том XII. СПб. 1838 г. Сл. «Воротыньские». Энциклопедический Словарь. Изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Том VII. СПб. 1892 г. Сл. «Воротыньские».

⁴ О. Леонид. Стр. 167-я, прим. 2-е, В. Шумов. Стр. 62-я. П. Мартынов. Стр. 813.— Все эти писатели ошибались потому, что не знали первого игумена монастыря, так как не имели в руках подлинного монастырского Синодика, где поименованы настоятели оного. *Автор*.

⁵ П. Мартынов. Стр. 814—815.

⁶ П. Мартынов. Стр. 815.

⁷ Лихвинский Добрый Покровский монастырь основан в 1477 году. Он находится в 10 верстах от г. Лихвина, на берегу р. Оки, близ села Доброго.

⁸ Ср. П. Мартынов. Стр. 815.

⁹ П. Мартынов. Стр. 813.

¹⁰ П. Мартынов. Стр. 813—814.

¹¹ В. Шумов. Стр. 6.

¹² Памятники Московской Древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. Соч. Ивана Снегирева. Москва. 1842—1845 г. Стр. 19.

¹³ П. Мартынов. Стр. 815.

¹⁴ Примечательно, что намогильный камень с подобною же надписью находится в г. Воронках, Крапивенского уезда, а именно: 7115 (от Р. Хр. 1607) 20 году октября в 5 день убиен раб Божий Иван Иванов сын... от вора Петрушки скинут з башни за православную веру.

¹⁵ В настоящее время это заглавие утрачено и приводится здесь по описанию Синодика, какое переиздано о. Леонидом из «Калужских Губернских Ведомостей» (о. Леонид, стр. 165).

¹⁶ С. Стромок или Стромки — в Белевском уезде.

¹⁷ П. Мартынов. Стр. 814.

¹⁸ «Выкладка» — это изъятие вклада, т. е. прекращение обязательства поминать вкладчика за истечением срока, — соответственно ценности вклада. Следовательно, без выкладки, значит — непрерывно, вечно. Автор.

¹⁹ С. Головеньки — в Крапивенском уезде.

²⁰ С. Павловское — в Одоевском уезде.

²¹ Этот Синодик в настоящее время хранится в Тульской епархиальной палате древностей. Автор.

²² В. Шумов. Стр. 66—68.

²³ В. Шумов. Стр. 65—66.

²⁴ П. Мартынов. Стр. 816.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Приходы и церкви Тульской епархии. Стр. 587.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ФРЕСКАХ ТУЛЬСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА

Тульский Успенский кафедральный собор, обращающий на себя внимание своими архитектурными достоинствами, в отношении обширности, легкости и освещения заслуживает тем большего внимания по своему внутреннему убранству, и притом как в художественном отношении, так в особенности со стороны церковной символики. В этом отношении замечательна его стенная фресковая иконопись. Хотя этот храм построен от 1762 по 1764-й год, а расписан *al-fresco* от 1765 по 1767 год, тем не менее эти фрески его замечательны в высшей степени и по своей технике и по стилю, а главное по своей полноте и содержательности. Сколько известно, эта роспись — последнее и совершеннейшее создание мастеров русского фрескового письма. В целом, стены, столбы, своды и пять куполов так благолепно расписанного храма производят на посетителя глубоко содержательное впечатление, которое обыкновенно испытывают не только люди, мало выдавшие церковное благолепие православных храмов, но и много выдавшие всяких красот в зданиях природы и произведениях искусства. Так, в 1804-м году, 14-го июня, в 2 часа пополудни, посетил Тулу и Успенский собор при обратном проезде из Киева в Москву известный своим высоким богословским образованием и представитель религиозной эстетики своего времени знаменитый московский митрополит Платон (Левшин). И вот, в своих «записках» он, между прочим, о Туле говорит: «Были в соборе (Успенском), который строением велик и внутри иконостасом и прочею утварию благолепно украшен и светел»¹ — рис. 1. Но если Успенский собор оставляет глубокое впечатление благолепием иконописи во всей ее полноте и совокупности во всяком посетителе, то

Рис. 1.
Тульский Успенский кафедральный собор

для ученого исследователя эта иконопись представляется особенно замечательной именно по своему содержанию и размещению настенных изображений. Заполняя все пространство поверхности стен, столбов, сводов и куполов, она представляет в прекрасных образах и лицах всю перспективу тысячелетий жизни Царства Божия на земле.

Размещение фресковых изображений, в основных чертах своего плана, имеет, конечно, большое сходство с известными росписями древних храмов, Владимирских, Московских, Ростовских, Ярославских, Вологодских и др. Таковы, например, древние фресковые стенописи в церкви Св. Иоанна Предтечи, что в Рошенье — в Вологде, и особенно — в церкви Св. Прор[ока] Илии в Ярославле и др.² Но тульские фрески непосредственно примыкают к ярославским подлинникам. И это потому, что, по выражению летописной надписи на северной двери собора, «трудившиеся о Бозе иконописцы были града Ярославля посадские люди стеннаго писания», именно: «Афанасий Андреев и Иван Андреев Шустовы, Михаил Алексеев Сопляков, Федор Родионов Потатуев, Дмитрий Семенов и Косьма Семенов Иконниковы, Иван Стефанов Сарафанков, Андрей Карпов Сапожников, Андрей Осипов Сапожников, Ефим Михайлов Сопляков, Василий Васильев Курецков, Иустин Никифоров Кружевников, Стефан Григорьев Завязошников, Иван Иванов и Василий Иванов Сафонниковы, Федор Петров Масалаев, Федор Андреев Мясников, Даниил Петров Масалаев, Федор Андреев Мясников, Даниил Петров Дьячков, Егор Семенов Коптелов, Андрей Семенов Иконников, Михаил Демидов Попов, Николай Гребенчиков, Иван Истомина, Григорий Резчиков, Стефан Ворохобин, а подводил левкасом настенное писание Алексей Иванов Щекин». Находясь в такой зависимости от ярославских подлинников, фрески Тульского Успенского собора имеют, однако, свою весьма замечательную особенность и в составе изображений, и в стиле писания. Как таковые, они служат и развитием фрескового дела и дополнением цикла изображений, принятых уже в древних храмах и, в частности, в ярославских. Выдающуюся особенность такого рода фресок представляют четыре более или менее обширные картины, составляющие целый ряд, или ярус (или пояс), и расположенные на западной стене храма, во всю ее длину, с изображениями, которые стоят в непосредственной связи с текстом Ветхозаветной канонической книги Песнь Песней Соломона. Как все фрески Тульского Успенского собора, так, в частности, и относящиеся к содержанию Песни Песней, находясь в родстве по внутреннему характеру с ярославскими и ростовскими, однако, имеют и свое отличие от них, что и составляет интерес их изучения. Тульские фрески, прежде всего, представляют особенность в стиле, хотя она касается, главным образом, декоративной стороны (костюмы, палаты, ландшафты) — дух и вкус эстетический XVIII-го века сказался на

этот раз весьма определенно и во фресковой росписи (обыкновенно традиционной), особенно в костюмах (узкий лиф платья). Но главное отличие тульских фресок Песни Песней от ярославских составляет сложность их состава и полнота содержания, ее обуславливающая: эти фрески воспроизводят все содержание книги Песнь Песней и дают свое особенное толкование ее основной идеи.

I

Чтобы уяснить и точнее определить, какого рода понимание книги Песнь Песней выражено в лицевых фресках, а вместе показать и значение этого понимания в нашей отечественной науке, необходимо, хотя кратко, припомнить существовавшие и главные взгляды на основную идею оной³.

1. Следы древнейшего понимания книги Песнь Песней усматриваются в неканонических учительных книгах Ветхого Завета. Здесь в образе невесты представляется Божественная Премудрость, а образ жениха принадлежит юному Соломону, стремящемуся к мудрости и всеми силами своей души любившему ее более всего. Это узкое, по своему взгляду, понимание полнее развито было в древней иудейской синагоге и представлено было в несколько ином виде.

2. По толкованию древней иудейской синагоги, представителем которой является знаменитый раввин Акиба (II-го века), в «святейшей» книге Песнь Песней под образом жениха иносказательно изображается Иегова [1; 384], возлюбленный Бог Израиля, а под образом невесты Его народ — Израиль, который Иегова возлюбил более всех народов на земле. При таком понимании, вся книга Песнь Песней является отражением истории Израиля, в перспективе всех ее веков, и неизбежно носит характер национальной гордости.

3. Первый и важнейший опыт перенесения толкования, которого держалась синагога, на христианскую почву представляет знаменитый Ориген [2; 384], толкование которого послужило для последующего времени источником или основой. Характер таинственного объяснения Песни Песней самого Оригена нравственно-психологический, потому что, хотя он и называет жениха Христом, а невесту Церковью, но, в частнейшем объяснении все значение Песни песней сводит на отношение Бога или Божественной любви к отдельной человеческой душе. Мнения Оригена держались последующие толкователи как православно-восточной, так и римско-католической церкви.

4. По Лютеру [3; 384], невеста Песни Песней олицетворяет еврейское общество, а тот внешний вид, в котором оно представлено, изображает отдельный момент истории этого общества, именно — его цветущее состояние при Соломоне, когда Песнь Песней была написана. Целью написания было прославление Иеговы как виновника народного благоденствия.

5. В новейшее время на Западе появилось очень много так называемых гипотез библейской критики, более или менее достойных внимания. Такова, между прочим, «гипотеза фрагментов», по которой Песнь Песней состоит из многих отрывков разного рода песней, имеющих один эротический характер, но относящихся к разным временам, воспевающих разных лиц и особой среды, то царя, то пастуха, то благородную женщину, то простую посялку.

6. «Гипотеза фрагментов» сменилась «гипотезой драмы», по которой Песнь Песней драматически изображает любовь пастушки Суламитянки и ее жениха-пастуха, соперником которому является сам царь Соломон.

7. Наконец, видоизменяя характер понимания Песни Песней как драмы, западная наука, в лице профессора Фр[идриха] Делича [4; 384], полагает, что идея Песни Песней есть идея брака. В ней всюду видно стремление двух возлюбленных к единению духовно-телесному, составляющему сущность брака,— стремление личности к личности. Но так как брак есть таинство, то и Песнь Песней имеет свой таинственный смысл: и если, по Апостолу [5; 384], таинство брака изображает отношение Христа к Церкви, то в Ветхом Завете оно заменялось отношением Иеговы к еврейскому народу.

II

Русская библейская наука в своих воззрениях на книгу Песнь Песней держалась мнения отцов восточной церкви: св. Григория Нисского [6; 384] и др., что совершенно определенно высказано в сочинении известного архиепископа Феофана Прокоповича [7; 385] о книге Песнь Песней⁴. Но в недавнее время профессор Киевской духовной академии А. А. Олесницкий в своем капитальном исследовании о книге Песнь Песней представил вниманию толкователей новую гипотезу, добытую им на Востоке. Заинтересованный в высшей степени загадкой Песни Песней и в то же время признавая несостоятельность всех дотоле существовавших взглядов на предмет ее содержания, наконец, не найдя возможности прийти к какому-либо решению ее на основах западной науки, проф. Олесницкий решился обратиться за помощью к науке восточной, к восточному миросо-

зерцанию и восточному искусству разрешения загадок. И вот, находясь в 1874 году в Палестине, он нашел одного еврея (по слухам, прозелита [пришельца, принявшего новую веру] из персов), прибывшего в то время в Иерусалим из Персии, где он «долгое время был сказочником в тегеранских кофейнях и, наконец, превратился в знахаря». Тем не менее, о нем распространена была слава как о необыкновенном мудреце: его почитали как пророка. Это был Самуил Тайяр. К нему-то самолично и обратился проф. Олесницкий за решением вопроса о предмете содержания Песни Песней. Тайяр сначала засыпал его выдержками из мидраша (раввинское толкование Песни Песней), но профессор требовал от Тайяра его собственного мнения, которое тот, наконец, и высказал, но в кратких намеках, отрывочных выражениях. Профессору Олесницкому пришлось их приводить в порядок и развивать, причем о многом едва можно было догадываться, так что, по выражению проф. Олесницкого, ему приходилось восстанавливать [восстанавливать] слова тайяра, как бы слова наполовину поврежденной рукописи. Этот взгляд Тайяра, составленный по соображениям проф. Олесницкого и оснащенный его домыслами, в своих существенных чертах таков:

Писатель Песни Песней имел в виду изобразить некую хорошо ему известную идеально прекрасную местность, богатую и цветущую, покрывую горами, холмами и долинами, лесами, садами и виноградниками, орошаемую источниками,— страну, политически зрелую и обезопасенную: писатель имел в виду изобразить именно Палестину и назвал ее невестой. Но если невеста Песни Песней принадлежит видимой природе или, по крайней мере, открывается в явлениях видимой природы, то жених Песни Песней также принадлежит природе видимой; жених — это солнце, именно палестинское солнце. Таким образом, стремление невесты Песни Песней, или земной природы Палестины, прежде всего обращено к видимому источнику жизни на небе, и именно к палестинскому солнцу, приносящему с собой свойственное Востоку сладостное ощущение бытия и негу. Но так как невеста Песни Песней есть не только палестинская природа — земля и воздух, флора и фауна, но и населяющий ее палестинский народ, представляющий венец природы по преимуществу, то и другая, противостоящая ей, олицетворяемая в Песни Песней, благотворная сила есть не одна только стихийная сила света и тепла — видимое солнце, но и сила политическая, которую библейский писатель олицетворял в образе солнца и представителем которой был царь Соломон; а потому солнце-жених называется Соломоном, а невеста-Палестина носит название его невесты — Суламиты. Наконец, изображением стихийной силы, хотя бы даже и такой, как солнце, и изображением царя, хотя бы даже и такого, как Соломон, указывались еще не все благотворные силы земли обетованной.

Как свет солнца, так могущество и мудрость Соломона стоят в существенной зависимости от Иеговы, а потому идеальный образ жениха можно перенести и на Иегову и на Мессию, как наилучшего видимого царя, воплотившего в Себе Божественную силу.

Изложив такой взгляд на книгу Песнь Песней «человека современной восточной науки», проф. Олесницкий допускает, что в нем есть нечто фантастическое; впрочем, окончательный приговор предоставляет сделать другим. Такой окончательный приговор над мнением «восточного мудреца», конечно, может сделать только подобный же «мудрец» или, что еще лучше, европейский ученый, основательно знакомый не только с еврейским языком и его литературой, но и другими литературами Востока. Трудно найти такого человека; но такой человек нашлся. Когда исследование проф. Олесницкого было представлено вниманию г. обер-прокурора Св. Синода [8; 385], Константина Петровича Победоносцева, то он передал книгу г. Олесницкого на просмотр известному ориенталисту, профессору С.-Петербургского университета К. А. Коссовичу. Незабвенный Казтан Андреевич, прочитав книгу, изложил свой отзыв о ней в письме к Константину Петровичу от 4 декабря 1882 г. в таких словах: «Приношу Вашему Высокопревосходительству мою сердечную благодарность за присылку мне очень интересной книги проф. Олесницкого о Песни Песней. Сочинение это как историческое изложение толкований священного памятника в разные эпохи очень примечательно и может принести несомненную пользу всякому занимающемуся им; но объяснение книги Песнь Песней, сделанное почтенному профессору иерусалимским евреем-прозелитом, более чем странно. Как ни старается проф. Олесницкий обставить это объяснение убедительными, по его мнению, доводами и ссылками на обычаи восточной поэзии, решительно в этом отношении он, как и сам опасается этого в конце своей книги, «напрасно трудился», ибо 1) ни одна восточная поэзия, в том числе и персидская, не представляет ни одного памятника, в котором выражение, например, «девушка прекрасная, как роза», значило бы: «роза прекрасная, как девушка», или «слон велик, как гора» — «гора велика, как слон», и т. п.; 2) подобное толкование поэтических сравнений противно самой их природе. На основании такого странного объяснения поэтических метафор проф. Олесницкий доходит до убеждения, что каждый член Суламиты (невесты) и ее возлюбленного изображает не что иное, как то или другое из явлений палестинской природы; в конце же концов, что сама Суламита у священного поэта не что иное, как Палестина. А Соломон не что иное, как солнце. К подобным заключениям и старается проф. Олесницкий вести своих читателей, сам увлекшись толкованиями ловкого иерусалимского пройдохи,— с большим искусством весьма заманчиво». Этот отзыв проф. Коссовича был сообщен

г. обер-прокурором ректору Киевской духовной академии, епископу Михаилу, при письме от 5 декабря 1882 г. с таким замечанием: «Книгу Олесницкого, весьма любопытную, я послал прочесть почтенному Коссовичу. Отзыв его, может быть, несколько заинтересует вас». Преосвященный Михаил, глубоко заинтересованный отзывом Коссовича относительно мнения Тайяра о Песни Песней, в свою очередь передал мне этот отзыв в подлинном письме проф. Коссовича⁵. По тщательном рассмотрении гипотезы Тайяра и подставных к ней объяснений проф. Олесницкого мне нужно было представить преосвященному Михаилу свой обстоятельный и беспристрастный отзыв о научном значении оной,— именно беспристрастный, потому что, как известно, проф. Коссович сам лично также трудился над переводом и объяснением книги Песнь Песней и, следовательно, мог навлекать подозрение в пристрастии при оценке чужого труда⁶. По изучении дела необходимо было вполне согласиться с отзывом Коссовича о мнении Тайяра, но невозможно было согласиться с Коссовичем в том, будто А. А. Олесницкий, излагающий и объясняющий взгляд Тайяра на книгу Песнь Песней, сам был убежден в истинности этого взгляда; такого убеждения навязать проф. Олесницкому нельзя. Но, соглашаясь с проф. Коссовичем в существо дела, я неизбежно пришел к трудной задаче — определить, какого же рода воззрение на предмет Песни Песней наиболее соответствует характеру библейского Откровения и основным требованиям православной библейской науки. Составлять какую-либо новую гипотезу в ответ на этот вопрос мне представлялось нецелесообразным, так как научные принципы западной библейской критики при истолковании предмета Песни Песней явно обнаружили свою неустойчивость. Но вот, по счастью, к решению предлежавшей мне задачи я неожиданно пришел совсем иным путем — путем археологических разысканий в области церковной иконографии, а именно через изучение фресковых изображений на западной стене Тульского Успенского собора.

III

Изучение тульских фресок выяснило идею книги Песнь Песней, по моему мнению, достаточно отвечающую не только характеру православной библейской науки, но и многим запросам западной библейской критики. Вот как представляется и раскрывается эта идея постепенно в картинах фресковой стенописи.

Рис. 2 и 3. Слева палата; в ней на высоком троне царь, юный Соломон; в правой руке его скипетр; в левой открытая книга с текстом Песни Песней; пред царем группа слушателей с первосвященником впереди. Это —

представители еврейского народа. Вне палаты, под открытым небом, но под тенью ветвистого и многоплодного дерева — яблони (точнее апельсинного дерева), восседает царственная Дева-невеста; за ней, вдаль, город. Близ нее, с правой стороны, Возлюбленный-Искупитель; в Его руках два цветка, которые Он подносит Деве-царевне, объятый чувством любви и погруженный в сосредоточенное раздумье. За Возлюбленным стоят первосвященник и священник с белым агнцем на руках (рис. 3). Вся картина иллюстрирует, во-первых, слова Девы-царевны: «Черна есмь аз и добра, дщери Иерусалимския, якоже селения Кидарска»...; во-вторых, слова жениха-Искупителя: «Аз цвет полный и крин удольный»... и, в-третьих, обращение невесты: «Яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его воскотех и седох и плод Его сладок в гортани моем»... (гл. 1,4; 2,1 и 3). Итак, царственная Дева-невеста — это Ветхозаветная Церковь, стремящаяся к своему Искупителю, ищущая Его с любовью; а ее Возлюбленный-жених есть Искупитель Христос, открывающийся ей, прежде всего, как совершенный образ чистоты и подающий ей благодать очищения в законе и жертвах и чрез то выражающий к ней Свою взаимную любовь.

Рис. 4. Палата, отчасти открытая, с видами на поле и на город; посредине царское ложе с резными вызолоченными столбами; на них червлёный балдахин. На ложе, на высокой голубой подушке, полувозлежит царственная дева в настроении молитвенного размышления: ее правая рука на груди, левая простерта вверх, с открытой дланью. Над ложем сверху, в облаках Христос, полувозлежащий; Его правая рука обращена вверх, указывает на небо; левая приложена к сердцу; правый бок обнаженный, с язвой от копья. Все изображение соответствует словам Девы-невесты: «На ложи моем в ношех исках Его же возлюби душа моя, исках Его и не послуша мене»... (гл. 3: 1). В связи с предыдущим изображением здесь образно выражена мысль о том, как усердно было искание Возлюбленного-Искупителя благоговейными людьми даже и при упадке благочестия в народе; особенно во времена нечестивых царей, как бы в течение томительных ночей исторической жизни Израиля. Так, великий пророк Исайя сквозь мрак ночи современной ему порочной жизни народов созерцал будущее явление света, которому надлежало озарить мир от Сиона (Ис. гл. 2: 2—3; 26: 9—10; 60: 1—14 и сл.; 62: 1—5).

Рис. 5. Берег моря; направо белеют обнаженные скалы, пред ними стоит город, слева лес, впереди пальма, близ нее белый олень, стремящийся к морю. Это образ праведника, стремящегося к Богу и при этом только долгоденствующего, как пальма (Пс. 41: 1; 91: 13—14). В середине ландшафта восседает под открытым небом царственная Дева-невеста; ее правая рука с открытой дланью, левая придерживает книгу, наполовину

Рис. 2.
Фрески Тульского Успенского собора

Рис. 3.
Фрески Тульского Успенского собора

раскрытую и положенную на колени. С правой стороны от нее Возлюбленный-Искупитель с крестом, указывающий на небо, где в облаках Св. Дух, изливающий лучи света на главу Девы. Пред ними расстилается виноградник с созревшими плодами. Изображение соответствует словам Девы-невесты: «Да снидет брат мой в вертоград Свой, да яст плод овощей Своих»,— и ответным словам Возлюбленного: «Внидох в вертоград Мой, сестра Моя, невеста» и пр. (гл. 5:1—2). Так выражается основная мысль уже о явлении Искупителя в среде спасаемой, но еще не спасенной Им Ветхозаветной Церкви: она еще томится жаждой и стремится к живой воде, как олень к источнику. И вот, искупитель близ нее и указывает ей на возрождающую благодать Св. Духа.

Рис. 6. Налево храм с портиком; внутри храма на небольшом возвышении стоит ветхозаветный первосвященник в полном облачении с скрижалями в руках, на которые он энергично указывает находящимся пред ним слушателям. Между слушателями присутствует и Дева-царевна. Но внезапно она обращает свой слух в другую сторону, потому что ее Возлюбленный-Искупитель, находясь в преддверии храма, подает ей руку сквозь узкое отверстие и касается перстами ее плеча. Это соответствует словам Девы: «Глас брата моего ударяет в двери, отверзи Ми сестро Моя, ближняя Моя» (гл. 5: 2 а). Вне храма простираются долины, высятся холмы и скалы, а на их склонах зеленеют леса и белеют крепости. И вот из-за леса вместе со своими подругами выходит Дева-невеста. Она ищет своего Возлюбленного, но не находит его здесь. Наконец, она появляется вдали и также в сопровождении подруг, останавливается, обращает взор свой к небу и здесь в облаках видит Искупителя. Он наклонился к земле, обратил свой взор к Деве-невесте с ее подругами; в левой руке Его книга, открытая на словах пророчества Иоиля: «Излию от Духа Моего на всякую плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши» (Иоиль гл. 2:28). Из ребер Искупителя истекает струя крови, падает на книгу, а отсюда вместе со Св. Духом нисходит прямо на грудь Девы-невесты (рис. 7). Все изображение соответствует словам Девы: «Отверзох аз брату моему: брат мой преиде; душа моя изыде в слово Его: зысках Его и не обретох Его, звах Его, и не послуша мене» (Иоиль гл. 5—6); во-вторых, словам подруг невесты: «Камо отъиде брат твой, добрая в женах, камо уклонися брат твой; и възъемц Его с тобою» (ст. 17); наконец, словам Девы-невесты: «Заклях вы, Дщери Иерусалимския, в силах и крепостех сельных: аще обрящете брата моего, возвестите ему: яко узвзлена любовию аз есмь» (ст. 8). Таким образом, вся картина выражает мысль ту, что хотя ожидаемый Церковью Ветхого Завета Искупитель уже и пришел, но Церковь, еще послушная настойчивому совету вождя своего первосвященника, все еще остается под кровом ветхозаветного храма, как внезапно Спаситель подает ей

Рис. 4.
Фрески Тульского Успенского собора

Рис. 5.
Фрески Тульского Успенского собора

Свою руку, с некоторым усилием привлекает ее к Себе и вводит ее в общение с Собой посредством Своей Пречистой крови и Св. Духа, т. е. вводит в новый завет бесконечной любви. Следовательно, картина по своей мысли соответствует существенно важным словам текста Песни Песней, именно — обращению Девы-царевны к Возлюбленному: «Обретши ты вне, целую тя, и ктому не уничижат мене... Положи мя яко печать на сердца своем, яко печать на мышце твоей: зане крепка яко смерть любви, жестока яко ад ревность: крила ея — крила огня, углие огненно пламы ея. Вода многа не может угасити любве, и реки не потопят ея» (гл. 8:1, 6—7).

Эту-то именно взаимную вечную любовь Искупителя и Ветхозаветной Церкви пророчески воспеваает Песнь Песней под символическим образом отношений жениха-Возлюбленного, именно царя Соломона, к невесте-Возлюбленной его, совершеннейшей Деве, именно Суламите, а вместе предызображает и любовь Христа и Новозаветной Его Церкви.

Итак, по толкованию фресковых лицевых изображений, находящихся в Тульском Успенском соборе, Песнь Песней Соломона воспеваает не отношение Божественной Премудрости к царю Соломону, на что отчасти указывает известная под его именем книга Премудрости, не народа израильского к Иегове, как учил раввин Акиба, не души христианина ко Христу, как проповедовал Ориген и другие христианские древние толкователи Песни Песней, не благополучного государства Соломона к нему — царю или к Иегове как народному благодетелю, как соображал Лютер, не отношение жены к мужу, состоящих в благословенном браке, как думает проф. Делич, и, наконец, не отношение Палестины к своему солнцу или еврейского народа к Мессии как всемогущему царю мира, как мудрствует Тайяр, нет и нет:

Песнь Песней пророчески воспеваает глубокую любовь Ветхозаветной Церкви к обетованному ей искупителю от греха, к Мессии, Которо го она знала, но не видала, а потому любила и искала, символически изображает пламенное стремление Ветхозаветной Церкви к новому завету вечной любви, — *к общению ее в плоти и крови с Иисусом Христом.*

Такое определение идеи книги Песнь Песней совершенно точно соответствует как духу и характеру Божественного Откровения вообще, так и самому существу Ветхого и особенно Нового Завета. И только при этой идее возможно было поместить книгу Песнь Песней в состав канонических книг Ветхого Завета, иначе она здесь совершенно неуместна.

Рис. 6.
Фрески Тульского Успенского собора

Рис. 7.
Фрески Тульского Успенского собора

Предметом содержания Песни Песней служит превосходное изображение взаимной любви Бога-Искупителя и человека, лежащей в основании Ветхого и Нового Заветов, под образом брачного союза жениха и невесты, проникнутых взаимной пламенной, духовной и телесной, но чистой и совершенной любовью.

Такое изображение такого предмета строго сообразно с характером Божественного Откровения. Если в основании завета Бога с человеком, до и после его падения, была совершеннейшая любовь, то для выражения этой любви и для изображения ее и не могло быть лучшего образа, как образ любви жениха и невесты, ибо эта любовь, по закону природы, сильнее, нежели любовь к отцу и матери (Бытие 2: 23—24. Ефес. 5: 35). Вот почему Господь, желая определить Свои отношения к Своей Ветхозаветной Церкви, Себя называл мужем, а Церковь Своей женой, то любимой, то отринутой, то снова воссоединенной. Посему и новый завет, новый союз Христа с Церковью, предызображался тем удобнее как брак жениха с невестой. Так:

Давид в псалме 44-м изображает царя, прекраснейшего из сынов человеческих, который в то же время Бог и помазанник. Он вступает в брак с царственной иноземной, т.е. с Церковью, для которой Он есть и жених и Господь (Пс. 44: 2—3, 7—12).

Пророк Исайя изображает помазанника Божия, Который, обращаясь к Сиону и возвещая ему вечный завет, приветствует его вечной радостью, причем сравнивает Себя с женихом, а Сион с невестой (Ис. 61: 7—8, 10). Затем, представляя новые отношения Господа к новой Церкви, Пророк говорит: «И будет якоже радуется жених о невесте, так возрадуется Господь о тебе» (Ис. 62: 1, 5).

Иоанн Предтеча, когда его ученики заявили ему, что Христос стал приобретать Себе многих последователей — членов Своей Церкви, сказал: «Не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостию радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась» (Иоан. 3: 28—29).

Сам Спаситель, присутствуя на вечери в доме Матфея-мытаря, назвал Себя женихом, когда, отвечая ученикам Иоанна Предтечи на их запрос, напомнил им слова их учителя и сказал: «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (Матф. 9: 14—15). Посему и

Апостол Павел в своем послании к Ефесянам учит о союзе Христа с Церковью под образом брачного союза мужа и жены, говоря: «Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела... Мужья, лю-

1. Гравюра из Библии Пискатора

бите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5: 2—3, 25; Ср. 31—32). Наконец,

Иоанн, евангелист последних судеб мира и Церкви, в своем Апокалипсисе открывает, когда Господь совершит Свой последний суд над миром и воссядет на престол славы, как царь-Вседержитель, то «настанет брак Агнца с его женой» и на его брачной вечери будут присутствовать «облеченные в виссон чистый и светлый», т.е. Святые, как «званные на брачную вечерю Агнца» (Апок. 19: 2, 6—9).

Итак,

Царь-псалмопевец Давид, мудрейший из царей Соломон, пророк и ветхозаветный евангелист Исая, Иоанн Предтеча, Христос Спаситель, апостол Павел и новозаветный пророк-евангелист Иоанн — вот величайшие авторитеты Божественного Откровения: и все они изображают сущность союза Бога и человека в Ветхом Завете и союз Христа-Искупителя с Его Церковью в Новом Завете то под образом союза мужа и жены, то под образом жениха и невесты. Иного более точного изображения и быть не может: ибо союз Христа с Церковью есть взаимное и существенное общение с Ним Церкви *не только в духе, но и в Его плоти и крови.*

С одной стороны, Спаситель Сам говорит: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Иоан. 6: 56); а с другой — апостол Павел говорит: «Освещающий (Христос, Сын Божий) и освещаемые, все — от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями... И еще: вот, Я и дети, которых дал Мне Бог. А как дети причастны плоти и крови, то и Он прискренне воспринял оныя»... (Ис. 8: 17—18. Евр. 2: 11—14. Ефес. 5: 25, 28—30).

Так определенная идея книги Песнь Песней устранила весьма многие недоумения и затруднения, выставляемые на вид библейской западной критикой, при последовательном толковании всего текста этой превосходной поэтической и вместе глубоко таинственной книги Ветхого Завета. А именно такому определению идеи книги Песнь Песней по фрескам соответствующим и символика их, т. е. размещение их всех именно на западной стене храма.

VI

Церковное учение о символическом значении храма и его сторон или частей издревле и доднесь незыблемое и совершенно определенно. Еще в «Постановлениях Апостольских» (кн. II, гл. 57), при изложении Чина литургии, между прочим, говорится: «Ты же Епископ... когда соберешь Церковь Божию, то, как бы кормчий великаго корабля, приказывай составлять собрание с полным знанием дела... И во-первых, самое здание должно быть продолговато, обращено на восток»... Это указание тем более важно, что далее в том же Чине литургии ему дается даже глубокое символическое значение, именно: «Все вместе, встав и обратившись к востоку, по выходе оглашенных и кающихся, пусть молятся Богу, возшедшему на небо небесе на востоки» (Пс. 67: 34), — в воспоминание также о древнем жительстве в раю, находящемся на востоке, откуда первый человек был изгнан за нарушение заповеди по наветам змия⁷. Блаженный Симеон, архиепископ Фессалоникийский, в своем учении о храме, между прочим (в гл. 46-й), говорит: «Иерарх, намеревающийся священнодействовать, нисходит от престола, которому предстоит, на средину храма и этим означает нисхождение к нам Сына Божия. Одеваясь священными одеждами, он знаменует всесвятое Его воплощение; нисходя до врат храма к западу — Его явление и жизнь на земле, смерть и нисшествие во ад. Ибо это означает выходить к западу и нисходить до врат», — подтверждает блаж. Симеон. Тот же церковный учитель (в гл. 78-й) еще определеннее говорит: «Алтарь, где находится святое святых, образует небо и то, что превыше небес, а собственно храм и притвор означают землю и все, что на земле. Когда архиерей выходит к западным вратам облачатся, тогда образует воплотившагося Господа, нисшедшаго (с неба)

на землю и даже до крайней глубины земли — до ада, низложившаго князя тьмы и избавившаго души, содержимыя там от века. А потому и первый вход означает нисшествие Господа на землю, Его смерть и вознесение» (на небо). Так, храм — это мир, алтарь — высшее небо; средняя часть храма — земля; западная стена — нижняя область земли, даже ад. И это символическое учение о храме становится в неразрывную связь с символическими богослужебными действиями епископа и потому получает непоколебимую устойчивость.

При этом символическом учении Церкви о храме совершенно понятно и отношение фресковых изображений предмета Песни Песней именно в западной стене Тульского Успенского собора. Запад — страна мрака, область скорби, место томления, воздыхания, надежды. И вот почему на западную сторону переносится и на западной стене храма помещается изображение Ветхозаветной Церкви, любящей своего искупителя, но еще скорбящей о Нем, ищущей Его, но еще не обретающей, встретившей Его, но нерешительно последовавшей за Ним; а вместе и изображение Искупителя, любящего Свою Церковь, говорящего ей о Себе, но еще страждущего за нее. Здесь образы жениха — Христа и невесты — Ветхозаветной Церкви совершенно соответствуют основной идее Ветхого Завета: Церковь и ее Искупитель взаимно стремятся друг к другу, взаимно любят друг друга, взаимно страдают в самой любви своей, но еще не вступили в сам союз любви, светлый, блаженный и вечный. Этот союз еще остается предметом надежды для Церкви и делом будущего для Христа: Искупитель уже открылся своей церкви, во всей полноте Своей любви, но еще не принят ею во всей полноте ее любви. Такова идея священных образов высоко поэтической Песни Песней, прекрасно переданная в превосходных фресках Тульского Успенского собора.

Так открыта только одна страница величественной хартии стенных росписей православного храма; но не очевидно ли, как величествен православный храм по своему символическому значению, как глубока его стенная иконопись по своим идеям? Беспределен он, как беспределен мир Божий; глубок он по своей идее, как глубок разум Божий; художествен он, как художественны картины исторических тысячелетий жизни Церкви Божьей.

VII

Глубине символического значения и священному достоинству предмета вполне соответствует художественный характер самого иконописания фресок.

Образ жениха — Иисуса Христа, при всякой его обстановке и во всяком виде в картинах фресок, неизменно величественный, Божественно-спокой-

ный и свято-благодостный, а в отношении к невесте без всякой хотя бы и самой слабой тени страстного порыва. Представляя собой по преимуществу Искупителя-Страдальца, Христос с крестом, благословляющей десницей, с отверстой и кровоточащей язвой прободенного ребра постоянно сохраняет одно настроение, и оно преимущественно сказывается в обращении и Его Самого и Его невесты к Нему.

Образ невесты также глубоко выразителен и совершенно соответствует не только понятию о ней как Церкви Божьей, но и всему смыслу отношений ее к жениху. В изображении этих ее отношений к жениху твердо выдержана та характерная мысль, что Возлюбленный невесты есть не только ее жених, но и Господь ее, которому она должна *поклониться*,— мысль, ясно и строго определенная в псалме 44-м, который, как пророческий (типологический), составляет прототип Песни Песней. Невеста-Дева представлена в царском одеянии, с короной на голове.

Внимание невесты постоянно занято ее Возлюбленным; лицо ее обращено к нему, но взоры их никогда не встречаются. Господствующиe черты внутреннего настроения Невесты — это стремление к возвышенному, молитвенное размышление, умиление и тихая благодатная радость. При безусловной скромности, господствующей во всем — во взорах, жестах, наклонении стана,— чувство любви остается постоянно сильным и совершенно свято чистым. Строжайшая выдержанность этой черты явно сказалась в самой внешней декоративной обстановке: столь обычных и для изобразительного искусства возможных принадлежностей роскоши или нескромных обнажений и очертаний стана решительно нет никаких. Живая и рельефная фигура Невесты, однако, выдерживает во всех своих чертах идеальный характер символа, во имя которого с превосходным умением сглажены черты бытвой житейской реальности.

Легко оценить достоинство характера православной иконографии фресок Тульского Успенского собора, если их сравнить с произведениями западноевропейской живописи, с которыми они имеют сходство и по идее и по художественной композиции: говоря точнее, они служат источником и оригиналом фресок тульских. Итак, какое отношение эти фрески имеют к миниатюрам, мозаикам и гравюрам европейского искусства?

М и н и а т ю р ы. Известно, что русские книжные люди через Польшу и Литву очень рано познакомились с изданиями латинской библии Vulgata, а следовательно, и ее миниатюрами. Так, в «Библиотеке русской старины графа Фед. Андр. Толстого», между прочим, имелась рукопись XVI века (in folio, на бумаге), содержащая перевод книг Иова, Притчей Соломоновых, Екклезиаста, Песни Песней, Иисуса Сирахова и Премудростей Соломоновых. Сей перевод сделан по Вулгате [9; 385] в 1568 году Василием Жутовичем «в великом месте Ярославском», в Польше, что видно из

предисловий и послесловий самого переводчика, находящихся при каждой из сих книг⁸. А отсюда следует, что были известны издания Библии-Вульгаты и с миниатюрами, выходявшие неоднократно в XVI столетии. Но здесь встречается или крайняя бедность состава композиции рисунка и малосодержательное его выражение или непристойная страстность при высокой степени выразительности. Так, *Textus Bibliae* 1526 года содержит следующую миниатюру в Песни Песней⁹. Дом царя Соломона; в нем царь на троне, на его голове зубчатая (муральная) корона, в правой руке скипетр, левая с жестом (указательный палец простерт вперед). Пред троном на коленях молодая женщина с открытыми руками вперед; на ней простое платье, но с открытым лифом. По сторонам главного изображения, в нишах столбов, две фигуры в чувстве умиления созерцают царя и его невесту: вправо муж, его правая рука на груди, в левой свиток; влево жена, ее правая рука также на груди, в левой нечто вроде факела без пламени (?). Одежда обоих длинная, замкнутая, головы покрыты. Если здесь, при малосодержательности еще достаточно скромности, то — *Biblia* 1590 года представляет в своей миниатюре нечто совершенно иное¹⁰. Здесь — справа царь Соломон на троне в пышной одежде, на голове его зубчатый венец, в нимбе, лицо отражает восторженно-страстный порыв, обращено к предмету страсти — невесте: уста царя-жениха широко открыты для громкого воззвания; длань [ладонь] правой руки открыта и простерта вперед, левая на груди. Налево от царя фигура женщины, совершенно обнаженной до чресл [до поясицы] и с открытой правой ногой, ее лицо отвращено вправо от Соломона (по чувству стыдливости?), на голове покров в виде зубчатого кокошника, и на нем венок с тремя звездочками; в правой руке факел, в левой открытая книга. За фигурой женщины — лес и две лани. Вообще во всей картине этой миниатюры преобладает выражение не только страсти, но и несдержанного сладострастия; а выражение оной имеет не только характер театральной сценичности, но и зазорной циничности...

Тем не менее, понимание смысла книги Песнь Песней в этих изданиях Вульгаты, а следовательно, и миниатюрах дается правильное, что жених — Христос, а невеста — Его Церковь. Так, в Библии 1590 года прямо говорится (в предисловии к V главе): *Hoc canticum totum est mysticum Christi erga Sponsam suam Ecclesiam, ac rursum, Sponsa erga Christum, in comprehensibus amoris plenissimus*¹¹.

Из сопоставления представленных образчиков библейской католической миниатюры XVI века с православной церковной фреской, при единстве предмета и толковании его основной идеи очевидно и существенное различие характера той и другой, или прямо превосходство одной над другой: православная иконография фресок строго верна тексту священной книги и

характеру церковного понимания его основной идеи: здесь над духом святости не преобладает художественный вкус миниатюриста и характер данного символа не искажается фантазией живописца. Иначе говоря, православная иконография, проникнутая стихией строгой византийской миниатюры, видоизменяясь по векам, если не всегда удерживает достоинство художественных форм, то все же постоянно стремится сообщить идеальное воззрение на священные предметы библии и охранить их святость в их изображениях.

М о з а и к и. Несравненно ближе стоят тульские фрески Песни Песней к иконографии мозаик древних римских базилик [10; 385]¹². Таковы —

1. Базилика Св. Марии Великой, построенная папой Сикстом III [11; 385] в 432 году¹³. В абсиде [12; 385] этой базилики Христос изображен сидящим на престоле двуместном; Он в крестчатом нимбе, правой рукой возлагает венец на главу Пр. Девы-невесты, сидящей с Ним одесную, но в полуобороте, с поднятыми руками, с открытыми дланями и обращенными к Нему молитвенно. В левой руке Христа открытая книга, а в ней слова:

Veni electa mea
Et ponam te thronum meum.

Престол в круглом небе, усеянном звездами; внизу между звездами, слева от зрителя, луна, справа солнце. Под престолом, по краю неба, надпись: *Maria. Virgo. assumpta de throno thalamum. in quo rex. regum. stellato sedet solio. exaltata. est sancta. dei genitrix. super choros angelorum ad caelestia regna.*

2. Базилика Св. Марии за Тибром, построенная папой Иннокентием II в 1135 году¹⁴. Здесь в абсиде (*abside ed arco*) изображен Христос, десницей обнимающий Невесту; у Христа открытая книга, в ней слова:

Veni electa mea
Et ponam in te thronum meum.

У невесты:

*Leva Ejus sub capite meo
Et dextera illius amplexabitur me* (Песнь Песней, II, 6).

Очевидно, в этих мозаиках идея книги Песнь Песней, что жених есть Христос, а невеста Пр. Дева-Богоматерь, как образ — олицетворение Ею Церкви, выражена совершенно определенно, и, по-видимому, не только была принята в глубокой древности, но и нашла себе прекрасное выражение в таких знаменитых храмах, как Св. Марии Великой и Св. Марии за Тибром. Тем не менее, однако, не этого рода памятники служили источником и оригиналом таких сложных композиций, какие являются в фресках Тульского Успенского собора.

Г р а в ю р ы. Содержание Песни Песней, с его великой идеей о Христе и Его Церкви, нашло себе полнейшее и превосходное художественное выражение в западноевропейской гравюре, именно в знаменитой библии Николая Пискатора. В этом издании шесть гравюр на отдельных листах и представляют последовательно все сцены из книги Песнь Песней. Эти-то именно гравюры и послужили оригиналом для росписей этой книги в храмах вологодских, ярославских, ростовских, а затем и Тульского Успенского собора, что совершенно очевидно при сопоставлении этих росписей с гравюрами библии Пискатора.

При сопоставлении тульских фресок Песни Песней с изображениями ее в библии Пискатора очевидно, что оригиналом служили рисунки Мартэна де Вос; но также очевидно и то, что русские иконописцы, «города Ярославля посадские люди», в своем деле были до известной степени самостоятельны. А именно:

а) Копируя рисунки гравюр Пискатора, русские иконописцы удержали общий серьезный тон православной иконографии;

б) Отчасти изменяя состав рисунка в лицах и ландшафтах, они очень значительно изменили, а частью заменили костюмы голландские русскими;

в) Лицам и ландшафтам дали свою самостоятельную расцветку в стиле русской иконографии, и

г) Что самое главное, это собственные подписи автора-художника, служащие объяснением рисунков-гравюр Мартэна де Вос, они заменили длинными словами текста самой книги Песнь Песней, что существенно изменяет толкование основной ее идеи.

Вот как, например, передается содержание книги Песнь Песней в свободном стихотворном переводе латинских подписей к рисункам Мартэна де Вос (по рукописи, принадлежащей Рижскому церковно-археологическому музею)¹⁵.

1. Соломон царь сый зело богатейший,
Никто же бо ин его бысть краснейший.
Мудростию же и многим державством,
И велик всяким бе благоприятством.
От Бога честным даром препенченый,
Имея престол злат преужищренный.
Многими в доволстве имущ человеки.
Не будет же ин сицев и во веки.
Сей песни песней сладце воспевает,
Таинственны же зело составляет.
Христа жениха церкви описуя
И друг к другу их любовь показуя.

2. Аз есмь цвет полный, жених возглашает,
Невесту же крин чистейший зывает.
Его же яблонь в древах нарицает,
Под его же сень витати желает.
Невеста: плодом его сладящихся,
И вином любви zde веселящихся.
3. На ложи моем исках тя любезне,
Невеста зовет жениха усердне:
Не обретши же всюду претекаю,
Тя любимиче обрести желаю.
По улицам же и по стогнам града
Да души моей явится отрада.
Се одр Соломон зело украшенный,
И избранных вой лики окруженный,
Столпы имей от злата чистейша
Почи бо на нем мудрость всечестнейша,
Правда мужество и рассуждение
Одра же сего есть украшение.
4. Се краснейшая моя, нарицает
Невесту жених: ю же ублажает.
Чудне: и ея красоте дивится,
Да к любви его тая восперится.
От Ливана ю по себе зывает,
И зело теплу любовь к ней являет,
От гор Ермона и аам (sic) глашает,
И благовонен сад ю нарицает.
Смирны аллоа и кассии полный,
И в нем же есть всяк различен цвет полный
Она же духа любви на ся просит,
И ему плоды своя вся приносит.
5. Невесту жених к обществу зывает
И в виноград ю свой внити глашает
Вкупе благих всех с ним наслаждатися,
И в свете его присно вселятися.
Она же зело сном бе преклоненна,
Сердцем слышаши: бысть же возбужденна.
Жених бо простре к ней руку в оконце,
И осия ю светом, яко солнце
Внутрь сердце ея к себе распаяя,
Да долняя в прах вменит ю пленяя.

6. Любезный мой мне: Невеста глашает,
И ся самую ему поручает.
Он же слово ей жизни подавает
И велию в ню благодать вливает.
Зело к ней любовь велику являя,
И паче многих девиц украшая.
Едину же ю чисту нарицает
И светлу яко солнце объявляет.

VII

Что библия Пискатора была даже в XVII столетии не только у наших мастеров-иконописцев, но и просто у иных любителей иконографии, это вне всякого сомнения. В 1908 году мной приобретен в Киеве экземпляр библии Пискатора: *Theatrum Biblicum hoc est Historiae sacrae veteris et novi Testamenti tabulis aeneis expressae. Opus praestantissimorum hujus ac superioris seculi pictorum atque sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem Anno 1674*¹⁶.

На этом экземпляре имеется собственноручная надпись (скорописью XVII века) о том, кому принадлежала книга, именно:

Сия библия дому боярина Тихона Никитича Стрешнева человека его Ивана Иванова сына Мишукова а подписал сию книгу своею рукою затем что дано за нее денег шестьдесят рублей для своей ахоты.

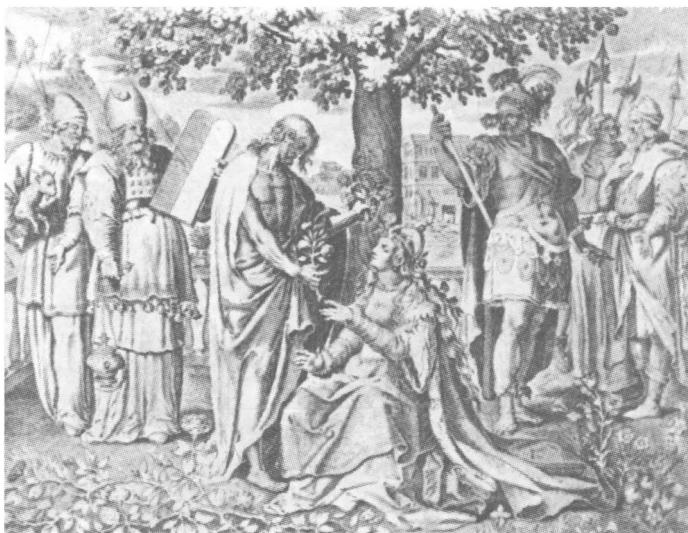
О том, кто составлял превосходные рисунки для библии Пискатора и кто их гравировал, известно положительно. В подлиннике под каждой картиной имеются подписи:

Marten de Vos inventor.
Viszcher excudit.

Итак, автором рисунков был Мартэн де Вос, а гравировал их Вишер.

Ввиду выдающегося значения произведений Мартена де Воса и Вишера вообще в нашей иконографии и, в частности, в росписях Тульского Успенского кафедрального собора, признаю не безынтересным сообщить и сообщаю здесь некоторые биографические сведения об этих художниках.

1. Мартен де Вос — художник-живописец, родился в Антверпене в 1531 году, умер 17 декабря 1628 года. Первоначальное образование дал ему его отец, Петр (Pieter), посредственный художник из Лейдена, дальнейшее образование его высокому таланту дал Франс Флорис (Frans Floris). Потом он отправился в Рим и Венецию, где он познакомился с Тинторетто [13; 385], от которого научился тайне колорита, между тем как и сам он рисовал

2. Гравюры из библии Пискатора

3. Гравюры из библии Пискатора

4. Гравюры из библии Пискатора

5. Гравюры из библии Пискатора

6. Гравюры из библии Пискатора

ландшафты в произведениях искусства этого художника. Потом он и сам делал опыты в живописи: рисовал большие картины и портреты многих лиц дома Медичи [14; 385] и своих знакомых.

По возвращении в Антверпен, Мартен был принят в гильдию [15; 385] Св. Луки и рисовал теперь многие аллегории (такова его «Победа Мудрости»), алтарные и другие священные изображения, кои обнаруживают в нем богатый дар изображения (*inventio*) вместе с прекрасным светлым колоритом; также и портреты он писал мастерски. Его рисунок легкий и правильный, но его фигуры имеют слишком сильные и принужденные обороты. Он исполнял также многие рисунки черным карандашом и пером, по которым потом гравировал Саделерс, Коллерт, Гольшус и др. (= свыше 600 гравюр)¹⁷. В Антверпенском музее находятся 33 его картины, между ними: «Триумф Христа», «Неверующий Фома», «Подаяние подати», «Лука живописец» (триптихи), «Сцены из жизни францисканца Конрадо Асколи». Кроме того, два портрета в Брюссельском музее, Св. Елоизий — в церкви Искупителя в Брюгге, «Брак в Кане» — *Lieb-Frauen Kirche* в Антверпене, «Св. Павел, ужаленный змеей» — в Лувре. А также: в церкви Св. Петра в Гамбурге — «Благословение детей», в Целле, в капелле при замке — «Распятие» и «Тай-

ная Вечеря», и «Снятие со Креста» — у графа Гарраха в Вене. Есть и еще другие в Брауншвейге, Вене (Бельведер) и Копенгагене.

Мартен де Вос имел многих способных учеников, между которыми и Венцеля Кубергера (Wenzel Coubergher). Его сын Мартен (род. 1576 г.), брат Петр и племянник Виллем также были художники-живописцы¹⁸.

2. Вишер (Viszcher Jan Claeszen), рисовальщик, гравер и торговец гравюрами, родился в Антверпене в 1580 году. Он гравировал красивые и приятные рисунки ландшафтов, с фигурами и зверями, — отчасти по собственному изобретению, отчасти по произведениям других мастеров; таков его «Вид замка Левенштейн». Главные его картины и по костюмам (драпировке) очень интересны; таковы: «Богатые дети насмеяются над своими родителями» и «Семейная молитва»¹⁹.

Примечания

¹ Путешествие высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 году. Собственною рукою с замечаниями его писано. Спб., 1813. С. 71.

² Постенные росписи этой замечательной церкви и, в частности, иконография кн. Песнь Песней в ней прекрасно изданы И. А. Вохрамеевым. См. его: Церковь во имя Святого и славного Пророка Божия Илии в Ярославле. Ярославль, 1906. С. 68—70. Ил. 61—64.

³ Подробное изложение всех мнений об этой книге см. в капитальном исследовании проф. А. А. Олесницкого. Книга Песнь Песней и ее новейшие критики. Киев, 1882. Ср. А. Глаголева. Комментарий на книгу Песнь Песней Соломона. С. Петербург, 1909. С. 11—13.

⁴ Рассуждение о книге Соломоновой, нарицаемой Песнь Песней, яко она есть, не человеческою волею, но Духа Святого вдохновением написана от Соломона, и яко не плотский в ней разум, но духовный и Божественный заключается и пр., сочиненное архиепископом Феофаном Прокоповичем. М., 1774.— См. Стефан Сабинин. В каком смысле должно разуметь книгу Песнь Песней, и что она содержит? См. Некоторые опыты упражнений воспитанников СПб-ской Духовной академии. Изд. 1821 г. Стр. 101—140.

⁵ Подлинные письма проф. К. А. Коссовича и К. П. Победоносцева доселе находятся у меня. Автор.

⁶ Canticum canticorum ex hebraeo convertit D-r Cajatanus Cossowiez. Petropoli. 1879.

⁷ См. Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык.— СПб., 1847.— С. 89, 91—92. О том, что «по большей части алтарь христианских храмов в древности действительно находился на восточной стороне», см. Н. Покровского. Происхождение древнехристианской базилики: Церковно-археологическое исследование.— СПб., 1880.— С. 173 и сл.

⁸ См. «Отечественные Записки», изд. Пав. Свиным. Часть I-я. СПб., 1820. С. 66—67. Статья: «Первое письмо из Москвы».

⁹ *Textus Bibliae. Biblia cum concordantiis Veteris et novi testamenti et sacrum canonum: nec non et additionibus in marginibus varietatis diversorum textuum, et cet. Venundatur Lugduni.* 1526. Fol. 148.

¹⁰ *Biblia sacra veteri et novi testamenti, secundum editionem Vulgatam.* 1590. p. 677.

¹¹ То же — и в *Biblia sacra Vulgatae editionis, Sixti V pontificis max. jussu recognita, et Clementis VIII Auctoritate edita.* Venetiis. 1706.

¹² Мозаики описываются здесь по изданию: *Musaici christiani e saggi de pavimenti delle chiese di Roma anteriori al secolo XV Tavole cromo-litografiche con cenni storici del commendatore Gio. Battista de Rossi con tradizione francese.* Roma.

¹³ A. Ch.Ad. Zestermann. *De Basilicis tres.* Bruxellis. 1847. Addenda. P. 174.

¹⁴ Zestermann. *De Basilicis.* Addenda. p. 175.

¹⁵ Перевод сообщен мне Ив. Мем. Тарабриным. Должно заметить, однако, что перевод этот далеко не соответствует латинскому тексту подлинных гравюр в библии Пискатора и представляет собой своеобразный русский вариант толкования рисунков Мартена де Воса. *Автор.*

¹⁶ Этот экземпляр библии Пискатора приобретен мной у антиквария М. Золотницкого, — в кожаном современном переплете, в досках, отличной сохранности. Латинский текст к рисункам большей частью переведен по-русски; перевод подписан мелким полууставом, подстрочно. *Автор.*

¹⁷ См. *D. Denkmale der Kunst-Atlas zu Kugler's Handbuch der Kunstgeschichte.* Taf. 89. fig. 5.

¹⁸ *Allgemeines Kunstlexicon oder Leben und Werke der berühmtesten bildenden Künstler.* A. Seubert, 2-te Aufl Stuttgart. 1879. Band. III, S-te 535.

¹⁹ A. Seubert. *Allgem. Kunstlexicon.* Band. III, S-te 521.

АРХИСТРАТИГ МИХАИЛ

*По памятникам иконографии, религиозной письменности
и церковного зодчества¹*

Основатель Археологических съездов граф А. С. Уваров неоднократно внушал нам обращать особенное внимание на памятники той местности, где открывается очередной Археологический съезд. Но памятники Киева изучались многими и разносторонне — да, однако же, еще далеко не все о них досказано, а нечто и вовсе не сказано. Вот почему, памятуя завет графа Уварова, я решился предложить благосклонному вниманию Киевского археологического съезда слово о предмете, с которым в такой или иной связи стоят два Киевских монументальных памятника, именно, знаменитые монастыри св. Архистратига Михаила — Выдубецкий и Златоверхий, а с ними и самый герб г. Киева. Предмет моего слова — Архистратиг Михаил, каким он представляется в отношении его к иконографии, в связи ее с литературой библейской, талмудической, греко-византийской и юго-западной русской, и в отношении к построению храмов его имени.

Едва ли есть еще какое-либо священное лицо, изображение которого имело бы такое распространение и приложение в отношении ко всякого рода предметам, как изображение Архистратига Михаила. Горы и города, иноческие обители и храмы, иконы и церковная утварь, кресты-энколпионы и амулеты-змеєвики [1; 385], знамена и гербы, оружие и вооружение, предметы убранства и вещи домашнего быта и прочие многие и многие предметы — то носят на себе имя, то имеют изображение этого Архистратига. Так, в 1216-м году вел. кн. Ярослав (в крещении Феодор) Всеволодович [2; 386], разбитый Мстиславом Новгородским [3; 386], в поспешном бегстве сбросил с себя даже вооружение. В 1808 году его шлем был найден на месте битвы и теперь хранится в Московской Оружейной Палате. На нем изображение св. Арх. Михаила и надпись: «Великий Архистратиге Господень Михаиле,

помози рабу своему Феодору»². В Музее Севастопольской обороны (в Севастополе) имеется сабля офицера-ополченца: на ее рукоятке выгравировано изображение Богородицы и Арх. Михаила — «на показ врагам, что Русь святую спасает Скорбящая Божия Мать и Архистратиг Михаил»³. В Императорском Российском Историческом музее (в Москве) хранится золотой древний перстень, найденный на Куликовом поле, с изображением Архангелов Михаила и Гавриила. В том же Историческом музее имеется древняя дорогая конская сбруя, украшенная серебряными бляхами; на двух из них, какие приходятся на лбу и на груди лошади, выгравировано изображение Арх. Михаила. И пр. и пр.

Чем же объясняется это разнообразие изображений Арх. Михаила на стольких и столь разнообразных предметах? Несомненно, самим разнообразием воззрений на лицо Арх. Михаила в разные времена у разных народов, под влиянием различных местных народных понятий.

Обширнейший материал для исследования нашего предмета по необходимости подлежит ограничению в реферате. Посему, оставая целый ряд других памятников по иконографии Арх. Михаила, и даже многие иконы, отдельно представляющие его как победителя змея — дьявола, как громовержца, и пр., и пр., останавливаюсь на той иконе, в которой отразилась полнота разносторонних представлений об Архистратиге, слились разные идеи различных мирозерцаний. Разумею икону «Собор Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил». Образцы такой иконы находятся в разных местах России, в Москве, в Костроме и пр., есть такая икона и в Тульской Епархиальной Палате Древностей. Здесь эта икона с точной летописью, именно: «1734-го (года) построил сий стый образ города Тулы посатской человек Максим Трифонов сн Подъемщиков в церковь Казанския Пресвятыя Богородицы по обещанию свосему». Затем следует подпись: «Писал сей образ города Серпухова изограф Яков Иванов сын Иконников з братом Иваном».

Состав иконописных изображений таков. В середине — Лик Христа-Младенца, или Еммануила [4; 386], в кругу с огнезрачным сиянием, за ним Архангел Михаил с обнаженным мечом в ладони правой руки и с вогнуто-выпуклым щитом на левой руке. Справа от него Архангел с цветоносной ветвью — это Гавриил; с левой стороны Архангел со скипетром — это Иегудиил; за ними неисчислимый сонм ангелов в нимбах. Под изображением Еммануила — шестикрылый Серафим; справа и слева от него два ангела коленапреклоненных, с выражением умиления. Весь этот сонм небесных духов представляет известное, принятое церковью, сказание о том, как Архистратиг Михаил сам устоял и весь подчиненный ему сонм ангелов — «чин его» — удержал в прежнем подчинении и служении Господу Вседержителю тогда, когда денница — Ангел сделался сатаной — отступником, отторг с собой подчиненный ему сонм ангелов, чрез то ставших демонами.

Таково главное содержание иконы «Собор Архистратига Михаила», но не в том ее главный научный интерес. На полях той же иконы, в особых вкладышах, размещены восемнадцать изображений разных событий из библейской и частью церковной истории — это «деяния Архистратига Михаила».

Эти «деяния Архистратига следующие» (в хронологическом порядке событий и с подлинными подписями к ним):

1. «С. Архангел Михаил Ноя праведнаго в потопе сохрани».
2. «С. Архангел Михаил Содомы огнем пожех и Лота выведе».
3. «С. Архангел Михаил явися пророку Моисею».
4. «Архангел Михаил порази египтян».
5. «Потопи фараона».
6. «С. Архангел Михаил запрети путь Валааму».
7. «С. а. Михаил Моисеево тело на горе погребс».
8. «С. а. Михаил Исусу Навину во бране помогая».
9. «Сампсон побил тысящу Филистимлян».
10. «Давид победи Голиафа и главу отсече».
11. «С. а. Михаил явися царю Давиду и обличил его».
12. «С. а. Михаил уби войска асирискаго во единой нощи сто п.е.» (т. е. 185 000).
13. «С. Архангел Михаил показа царствы пророку Даниилу».
14. «С. А. Михаил в пещи г отроки (избави)».
15. «С. А. Михаил царя вавилонскаго на вола претвори».
16. «Архангел Михаил пророка Даниила от львов свободи».
17. «С. а. Михаил Петра от темницы изведе».
18. «Чюдо святаго а. Михаила в Колосаех еже есть в Хонех».

По изображению нашей иконы, во всех этих событиях принимал непосредственное участие Арх. Михаил: между тем, по свидетельству Библии, он принимал участие только в трех или четырех из них; а в остальных не только не известно его участие, но его и подозревать бы нет оснований. Отсюда — вопросы, и многие и разнообразные для научного изыскания, и преимущественно о том, на каком основании признается участие Арх. Михаила в названных событиях, составляющих его «деяния», если для того нет прямых указаний в тексте библейских сказаний?

Прежде всего, несомненно, что не сам серпуховской «изограф» придумал такую комбинацию «деяний» Архистратига, он, как и многие его предшественники, стоял под влиянием книжной и обширной учености, ближайшей к нему по времени. Иначе нельзя объяснить самого распространения иконы Архистратига с таким составом его «деяний». Как известно, во многих таких случаях имела влияние отчасти византийская, отчасти западно-русская иконография и литература. Так это и в отношении настоящего памятника. Достаточно лицевой состав иконы «Собор Арх. Михаила» сопоставить, на-

пример, с двумя поучениями на праздник «Собор Арх. Михаила» в «Евангелии Учительном» Кирилла Транквилиона, чтобы видеть полное и точное отражение этих поучений в иконе⁴. И природные свойства, и внешний вид всего сонма ангелов переданы в иконописном изображении полно и точно так, как говорит о том Транквилион. Так, «изограф» на своей иконе представляет сонм ангелов *бесчисленным*. И Транквилион поучает: «Сотворены же суть Богом ангелы единым разом вси, множество *без числа*... толикое множество, елико их не постиже разум человеческий, число их величества преходит траву земную»⁵. На иконе ангелы представлены *огнезрачными*. И Транквилион говорит: «Духове суть... естество огневидное пламенноносное»⁶. Изограф представляет ангелов *сильными и вооруженными*. И Транквилион говорит: «Ангели духи невидимыя, *сильныи* крепостию своею, яко мог бы един Ангел, по повелению Господню, обвалити увесь видимый мир в мгновении ока, яко в едину ночь един ангел избив сто осмдесят и пять тысячх узброенаго (sic) воинства Ассирийскаго»⁷. Передавая затем ряд деяний Арх. Михаила, изограф снова следует автору поучений⁸.

Однако, и предшествовавшие художники — иконописцы и церковные писатели, как Транквилион, сами, в свою очередь, стояли под сильным влиянием своих источников, с одной стороны, именно — византийской иконографии, а с другой — и литературы, частью западной, частью восточной.

Известно, что еще священник Иоанн Наседка на «Евангелии» Транквилиона написал рецензию, по которой оно было тогда признано «папистическим». Царь Михаил Федорович и патриарх Филарет [5; 386] указом 1-го декабря 1627 года повелели сию книгу «собрать и сжечь»⁹.

Но в данном случае Транквилион находился отнюдь не под одним влиянием «папистической» литературы: изложенное им учение об Архистратиге Михаиле уходит в отдаленную глубь веков восточных литератур, греко-византийской и талмудической.

Зависимость свою от Талмуда [6; 386] [свода религиозных трактатов, закрепивших идеологические, культовые и религиозно-правовые представления иудаизма; его письменное оформление длилось III—V вв., как устная традиция возник значительно раньше] Транквилион не скрывает и сам. Он, между прочим, говорит: «вся синагога иудейская имаше в стража и помощника Архистратига Михаила от Бога им посланнаго на помощь»¹⁰.

Транквилион говорит о синагоге [7; 386] справедливо, но он не замечает и не дает знать о том, как злоупотребляла синагога именем Архистратига Михаила, когда истинное библейское понятие о нем, как Хранителе Израиля и повелителе над стихиями, совершенно произвольно применяла к частным событиям Библейской истории. И Транквилион, не подозревая этого произвола, слепо следует синагоге.

Так, Аггада в Bereschith rabba (par. 44), останавливаясь на словах Bereschith — Ur kasdim, т. е. «Ур Халдейский» (Быт. 15: 7), говорит: «Когда Халдеи хотели бросить Авраама в огненную печь за его веру в Бога, то его спас ангел, именно Михаил». То же повторяется в Schir haschgrim rabba (1, 12)¹¹. Очевидно, сказание Аггады придумано под влиянием сказания об избавлении трех отроков из печи Вавилонской. И очевидно, оно совершенно произвольно. Или: по словам Pirke Elise (на Быт. гл. 20), Арх. Михаил охранил Сарру от Авимелеха¹². Опять совершенный произвол. А Транквилион повторяет это сказание. Или: по свидетельству Bereschith rabba, Арх. Михаил был главным из трех странников-ангелов, пришедших к Аврааму: он пришел, дабы объявить Сарре радостное обетование о рождении от нее Исаака. Тот же Арх. Михаил пошел и в Содом, чтобы спасти Лота¹³. Опять произвольное придуманное известие. Но все это повторяет Транквилион с полным доверием.

Интересно, как держит себя Транквилион, когда талмуд стоит решительно против христианского церковного мнения. Так, в явлении Аврааму трех странников-ангелов церковные учителя усматривают явление Сына Божия и двух Ангелов, а в этом — образ пресв. Троицы. Транквилион по этому поводу говорит: «И егда явишася три Ангела Аврааму под дубом Ма[м]врийским, тых трох единого Авраам Господом именует, о сем нецци от богословцев реша быти образ св. Троицы: zde не доводы письма, но вера первое место засела»¹⁴. Замечание двусмысленное и шаткое, с перевесом в пользу Талмуда. А разве есть доводы, что Авраам был брошен в пламень печи и спасен Архистратигом Михаилом? Нет, тут уже не «вера засела», а засело суеврие и крайнее легковерие!

Но, если Талмуд обращается с библейскими событиями и лицами так произвольно, то как возможен был переход от талмудических понятий к христианскому — церковному взгляду? И здесь, конечно, основание то же — общее библейское представление об Арх. Михаиле. Транквилион, например, так соображает: если Архистратиг Михаил был стражем церкви Ветхозаветной, то «кольми паче в новой благодати... Той же Арх. Михаил есть от Бога посланный и данный церкви Христовой стражем и помощником и вину ополчается окрест ея, прогоняюще силы демонския далече, той же и чудеса многи сотвори в роде христианском»¹⁵.

Такому понятию совершенно благоприятствуют и Новозаветное Откровение (Апокалипсис) и святоотеческие толкования (бл. Феодорит) и церковные сказания о чудесах Архистратига Михаила¹⁶.

Однако, и тот факт на лицо, что некоторые и христианские (но не принятые церковью) представления и сказания об Арх. Михаиле носят свой определенный характер, как это отразилось и в иконографии этого Архангела, именно характер натуралистический, то менее, то более, а иногда и прямо

апокрифический. И это обстоятельство понятно уже не с догматической точки зрения, а с историко-этнографической.

Как уже сказано, Талмуд представляет Архистратига не только покровителем и поборником народа еврейского, но, вместе с тем, представляет его и главным повелителем всех стихий, особенно воды и огня, как это хорошо передает и Транквилион. По его словам, «Архистратиг Михаил страж, и строитель (т. е. страж порядка) всего видимого мира, с ангелы всего чина своего. Пристави его Бог ко всякой стихии, и ко всякому роду, даже родов не устанут (не перестанут быть) на земле»¹⁷.

Натуралистическое воззрение на Арх. Михаила у иудеев сложилось в противовес язычеству и дает видеть в Архангеле ту божественную, непосредственно действующую в мире силу, которая заменяет и вытесняет из него стихийных богов: там, где явления природы язычники объяснили подставными богами, Талмуд объясняет действием ангелов и преимущественно силой Арх. Михаила.

Под сутубым воздействием натуралистического воззрения иудеев и суеверного язычества и у некоторых христиан (особенно из иудеев) чистое библейское понятие об Архангеле Михаиле, как высшей духовной Силе, приняло окраску натуралистического воззрения, в смысле мировой силы. И это совершалось скорее всего там, где тому благоприятствовали местные этнографические условия. Прежде всего, это наблюдается в Египте — стране, издавна населенной евреями. Архистратиг сохранил здесь свой натуралистический облик, данный ему Талмудом, и, вследствие этого, удобно закрыл собой и устранил образы стихийных богов Египта. По свидетельству памятников, он стал здесь вместо Ориона, или, по Плутарху [8; 386], Гороса египтян, который убил змея лютого, крокодила — Тифона; а как владыка воды, Арх. Михаил заменил собой Аписа, древнего бога реки Нил, и пр. Здесь еще и во времена Клеопатры [9; 386] сохранялось не только имя, но и само изображение «бога Михаила» в Александрии. Примечательно, что здесь Арх. Михаил заменил собой богов даже и в народных заклятиях, как это очевидно в тексте заклятий на папирусах, хранящихся в Парижской Национальной библиотеке (и изданных Wessley в Denkschriften Императорской Академии Наук в Вене)¹⁸.

Совершенно подобное же обстоятельство наблюдается и в передней Азии, в областях Лидии, Фригии и Никомидии. И здесь это воззрение на Арх. Михаила также стоит в связи с многолетним пребыванием иудейского населения в этих странах. По Флавию [10; 387], еще Антиох Великий [11; 387] переселил сюда две тысячи иудейских семейств из Вавилонии и Месопотамии. Находясь здесь, под влиянием греческой культуры, евреи весьма изменили свои нравы и понятия, на что так жалуется Равви Шельбо в Талмуде; по его словам, «вино и бани фригийцев разделили Израиля». Так получилась нан-

лучшая почва для мировоззрения с сильнейшим натуралистическим оттенком, и это как для иудеев, так и под их влиянием для христиан, особенно для христиан из иудеев. И в византийских сказаниях именно Арх. Михаил то поражает громом-молнией, то является на источниках горячей воды, то отводит реку в подземелье, то спасает отрока из пучины морской, то обитает в подземельях-пещерах (на горе Гарган): как такой, он замещает и вытесняет собой то Зевса, то Нептуна, то Плутона¹⁹.

Переходя далее, из Византии на север, и здесь наблюдаем то же. Известно, что варяги прежде веровали в славянского Тора или Тура — Перуна. И вот почему в Скандинавии по низвержении кумиров Тура, который, по народному верованию, одержал победу над драконом, поставлено было изображение Арх. Михаила, низринувшего сатану; и суеверие народа продолжало смешивать Тура с Архистратигом. В древних храмах Скандинавии изображение Арх. Михаила остается доселе. А в Дании доселе день Арх. Михаила празднуется, наподобие праздника Перуна, с особенными обрядами и пиршествами²⁰.

То же и потому же, наконец, встречается и в культе славяно-руссов в Киеве.

Теперь, если, с одной стороны, в христианском культе существовало лицо с характером натуралистическим, как повелитель стихий — воды и огня, в воздушном пространстве и преисподней, а с другой стороны, и в язычестве были соответствующие ему божества: Бел — Ваал, Юпитер, Плутон, Тор, Перун [12; 387] и т. п., то понятно, что воззрения народа с одного легко переносились на другого, а потому и культ одного сменялся культом другого. И так действительно было всюду в христианской церкви, что иногда поддерживалось даже и благоразумием ее представителей на Востоке и на Западе.

Христианские императоры и епископы, искореняя язычество, насаждали христианство, и именно так: ставили алтари на местах, где стояли языческие жертвенники, созидали великолепные храмы там, где дотоле высились капища идолопоклонников, или сами эти капища особым священнодействием обращали в святилища Истинного Бога. Так действовал Константин Великий [13; 387]: то он приказывает разрушить языческий храм, построенный на месте гроба Господня, и на том же месте сам строит великолепный храм христианский; то, узнав, что под дубом Мамврийским совершаются языческие жертвы, он тотчас же отдает приказ, чтобы впредь ничего такого не было на месте, где жил Авраам, и затем это место также украшает христианским храмом²¹.

Константину Великому подражал Феодосий Великий [14; 387]: и он, искореняя язычество в Египте и Сирии, также повелевал разрушать языческие

капища, даже знаменитейшие (храм Сераписа в Александрии) или обращать их в христианские церкви²².

Так действовали на Востоке; так потом действовали и на Западе, и даже на самом отдаленном, здесь императорам подражали папы, и с глубоким пониманием дела. Так, по утверждению христианства в Англии (601 г.), папа Григорий святой [15; 387] писал аббату Мелитгу, первому помощнику первого епископа Англии, Августина, следующее: «Храмы идолов в этой стране (Британии) вовсе не следует разрушать, но ограничиваться только истреблением одних идолов; пусть окропят такие храмы святою водою, построят алтари и поместят мощи; ибо если эти храмы хорошо построены, то полезнее просто их обратить от служения демонам на служение истинному Богу; сам народ, видя свои храмы не разрушенными и изъязв из сердца заблуждения, будет тем охотнее стекаться в местах, к которым издавна привык, познавая и поклоняясь притом истинному Богу. И так как язычники имеют обычай приносить в жертву демонам многочисленных быков, то необходимо им заменить и это каким-нибудь торжеством в дни памяти или рождения св. мучеников, которых мощи положены там, пусть народ строит себе из древесных ветвей шалаша около церквей, обращенных из языческих храмов, и празднует такие дни религиозною трапезою, вместо заклания животных в честь дьявола, пусть они изготовляют мясо себе на пищу, во славу Божию, и приносят благодарность за свое насыщение подателю всего: когда им будет обеспечено материальное довольство, они легче воспримут и радость духовную. Отнять вдруг все у умов загрузбелых, это, без сомнения, невозможно, потому что и тот, кто хочет подняться наверх, идет по ступеням, а не вскакивает в один раз» и пр. (Беда Преподобный)²³.

Превосходным памятником такого отношения христиан к язычеству на западе служит Монт Сен-Мишель (гора Св. Михаила) — скала в открытом океане против города Авранша (во Франции). Первоначально это — Mons Belinus, гора Бела-Ваала, святилище друидов. «Оконечность этой скалы имела тогда форму алтаря, на котором сожигаемые люди приносились в жертву раздраженным богам. Когда же, во времена владычества Тиверия [Тиберию] [16; 388], народы, жившие на северных морских берегах Галлии, приняли ярмо римлян, они лишились и свободы и веры своей. Mons Belinus, столица их, взята была штурмом, и кровь последних друидов истекла на жертвенник при защите его. Величественный храм, воздвигнутый Юпитеру, занял тогда освещенное место. Но и новый этот бог не долго устоял на нем: ибо, когда известный указ императора Константина (313 г.) даровал всем народам Римской всемирной империи свободу веры и совести, и каждому подданному было предоставлено право обожать Зиждителя миров по произволу и по обрядам своим, жители этой страны отложились от ненавистного

им Юпитера и с ревностью приняли Христианскую веру. Они изгнали жрецов и сокрушили храм его. На месте его смиренные отшельники христианского исповедания воздвигли маленькую молельню во имя Архистратига Михаила. Впоследствии настоятелю этой молельни, св. Оберту, епископу Авраншскому, явился в первый час осьмого столетия Архистратиг Михаил и повелел ему соорудить на месте скромной молельни великолепный храм». Так возникло потом богатое Аббатство²⁴. Очевидно, здесь Арх. Михаил заменил собой и огневластного Ваала, и громовержца Юпитера.

Спрашивается теперь, как христианская церковь должна была отнестись к славяно-русскому язычеству в Киеве и, в частности, к главному божеству киевлян, громовержцу Перуну? Конечно, так же, как относились к своему язычеству представители церкви греко-римской. И киевского Перуна должен был заменить Арх. Михаил, и на месте, где стоял идол, должен был стать храм имени Архистратига. И было так.

По низвержении Перуна в Киеве вел. кн. Владимир построил на месте этого идола храм во имя св. Василия [17; 388]. Но, заняв место кумира, храм этот еще не мог вытеснить саму мысль о бже-громовержце: нужно было указать народу такое лицо в христианском культе, которое заменило бы собой всецело бога Перуна, т. е. приняло на себя его натуралистические свойства и стихийные действия в природе внешней и жизни народной. Митрополиты-византийцы в этом отношении могли указать только на Арх. Михаила. И вот в Киеве ставятся два храма во имя Арх. Михаила, один вскоре после другого. Кто строит эти храмы первоначально — митрополит ли Михаил или князя Всеволод и Святополк [18; 388], не то важно, а то, что один храм ставится там, где Перун, низвержимый в р. Днепр, пристал снова к берегу, а другой на холме, где стояло это «бесово беремище», и — строятся оба эти храма под руководством византийцев митрополитов²⁵.

Понятно после этого, какое грубое значение имеет и то обстоятельство, что и сам герб города Киева, — это знамение священнейшего русского народа, заимствован у Михайловского монастыря и представляет собой Архистратига Михаила — стража Русской земли и церкви Православной, именно здесь в Киеве. Здесь, на высоком берегу Днепра впервые были низложены стихийные боги Руси, — во главу поражено было язычество славяно-русское, со всем его злом, здесь впервые воссияла божественная правда Евангельская, — утвердилась священная княжеская власть и благодатная власть предстоятелей христианской церкви — митрополитов.

Да сияет же светлый образ Архистратига Михаила над священным городом Киевом вечно, и обители его имени да пребудут вечными памятниками возрождения великой Руси — в водах крещения.

Примечания

¹ Эта статья, в сокращении, была прочитана на XI-м Археологическом съезде в Киве, в качестве реферата, в заседании 3 августа 1899 г.

² Н.Е.Бранденбург. Исторический Каталог. Спб. Артиллерийского Музея. 1877 г. Ч. I-я. Стр. 176-я, прим. 13-е.

³ См. Исторический Каталог музея Севастопольской обороны с иллюстрациями. Спб. 1902 г. Стр. 24-я, № 129-й. В настоящем 1902-м году мне довелось видеть эту интересную саблю с изящной гравюрой не ее рукоятке. Автор.

⁴ Евангелие Учительное. Составлена трудолюбием иеромонаха Кирилла Транквилиона, в святой обители Уневской. 1696 года. Отделение 2-е: «Поучения избранна от Святого Евангелия».

⁵ Там же. Отд. 2-е, л. 47, обор.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См. Собрание Государственных грамот и договоров. Том III-й, № 77-й. Стр. 298—299. «Окружная грамота в Сибирь на Верхотурье, воеводе князю Семену Гагарину».

¹⁰ Евангелие Учительное. Отд. 2-е, л. 52, обор.-л. 53-й.

¹¹ Michael. Eine Darstellung und Vergleichung der jüdischen und der morgenländisch — christlichen Tradition vom Erzengel Michael. Von Wilhelm Lueken. Göttingen. 1898. st. 15.

¹² Lueken. 5 st. 16.

¹³ Там же.

¹⁴ Евангелие Учительное. Отд. 2-е, л. 52.

¹⁵ Там же, л. 53.

¹⁶ Таково, например, из числа малоизвестных, сказание о том, как Арх. Михаил явился императрице Елене в Каподокии [19; 388], на пути следования ее в Иерусалим с целью обрести Животворящий Крест Господень. Сказание это, записанное графом А. Виттом в его сочинении: «Монастырь Архангелов в Каподокии». Москва. 1850. Стр. 7—8.

¹⁷ Евангелие Учительное. Отд. 2-е, л. 51-й.

¹⁸ Lueken. 5 st. 71—72.

¹⁹ Там же, st. 73—80.

²⁰ И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. I. Москва. 1837 г. Стр. 76-я.

²¹ Проф. Ал.П.Лебедев. «Первый христианский Император на троне Римских Цезарей». Собрание церковно-исторических сочинений. Т. IX-й. Церковно-исторические повествования общедоступного содержания и изложения. Москва. 1900 г. Стр. 63—65.

²² Д.Иловайский. Очерки и рассказы из Всеобщей истории. Ч. 2-я. Средние века. Москва. 1886 г. Феодосий Великий и торжество христианства. Стр. 33–35.

²³ История Средних веков, в ее писателях и исследователях новейших ученых. М. Стасюлевича. Т. I. 2-е изд. СПб. 1885 г. Стр. 435–436, 445.

²⁴ Прекрасный рисунок Монт Сен-Мишель и сведения о нем см. во «Всемирной панораме или Галерее привлекательнейших видов, ландшафтов, памятников и развалин». Изд. Ив. Делакроа. Ч. I-я. Рига. 1835 г. Стр. 76–77.

²⁵ Ср. Описание Киева. Сочинение Николая Закревского. Москва. 1868 г. Ч. I, стр. 225 и др. Ч. II, стр. 502 и др.

НАРОДНОЕ СКАЗАНИЕ ОБ АРХИСТРАТИГЕ МИХАИЛЕ

Летом 1897 года, обозревая с научной целью восточную и северо-восточную часть территории Новосильского уезда, я, между прочим, остановился в с. Ново-Успенском на берегах р. Грязной, при самом впадении ее в р. Зушу. Местный священник, гостеприимный хозяин и добродушный собеседник, о. Симеон Петр. Кириллов, познакомил меня со своим храмом, приходом и его окрестностями. Беседа о. Кириллова сразу давала в нем видеть человека близко знакомого с народом, его говором, понятиями и обстановкой бытовой: видно было, что пастырю этому его словесное стадо свое в лучшем смысле сего слова. Это подало мне повод предложить ему несколько запросов научного характера, преимущественно по этнографии известного ему уголка. О. Симеон, откровенно, поведал мне все, что знал по наблюдению, о том, что меня интересовало; и, между прочим, пересказал мне представление народа об Архистратиге Михаиле, который, кстати заметить, особенно почитается в казачьих поселениях (теперь среди казенных крестьян Новосильского, Ефремовского и Богородицкого уездов). Пересказ о. Симеона был настолько типичным, столь близким к собственно народному говору и так воспроизводил творчество народной фантазии в резких чертах образа Архистратига, что все сказанное о нем сразу и твердо запечатлелось в моей памяти, и, казалось, без труда могло быть мною воспроизведено дома. Однако же, масса новых впечатлений при путешествии засорила, так сказать, яркий народный образ Архистратига в моем воображении, и я должен был снова просить о. Симеона передать мне то же сказание и тем же «народным складом». Переданное вторично так же, как и впервые, сказание явилось именно тем цельным и ценным произведением народного творчества, которое так важно для понимания глубокой души народа, его сокро-

венных дум о будущей жизни, его чувств под представлением Суда Божия, тона его сердечных струн...

Сказание передавалось о Симеоне со слов некоей крестьянки Ксении Гушиной из приходской деревни Сергеевки; и как устно, так и письменно оно передавалось в одинаковой форме изложения [...] — прозаической; но при внимательном чтении его письма нельзя было не заметить, что здесь мы имеем дело с эпическим стихосложением; иначе говоря, прозаический текст сказания сам собою делился на особые части и легко укладывался в стихи. Вот это сказание в виде стихотворения.

1. Как человек скончается,
Тут душу его грешную
И понесут лукавые
На гору на высокую.
5. А на горе высокой той
Стоят бочки дубовыя,
Все гвоздями исколочены.
Гвозди те длинные, железные,
Концы острые-преострые.
10. И посадят бесы грешника
Во ту бочку дубовую
И запустят того грешника
Что со той горы крутой,
Со крутой горы, ухабистой.
15. По камням бочка покатится,
По камням, по пням да по рытвинам,
Как по рытвинам-водоимам.
Крепко бочка та сколочена,
Качает-катит по камням она,
20. Не рассыплется, не расколется;
А грешник-то в ней мучится,
Весь исколотый, истыканный
Все гвоздями теми железными.
Как до луга зеленого докотится,
25. Разлетится бочка в мелки часточки.
Тут свободу он почувствует:
Встанет он на свои ноженьки.
Перед ним река широкая,
Река огненна, глубокая.
30. Через тоё ли речку перекинута
Жердь узкая и тонкая.
А за тою речкой огненной

- Рай пресветлый раскинулся.
 Возжелается тут грешнику
35. Перейти во тот во светлый рай,
 К лику праведных причислиться,
 Да страсть берет итить по жердочке —
 Упадешь ты в речку огненну,
 В смолу лютую-кипучую,
40. Упадешь, там и останешься.
 Ступит он по жердочке раз-другой,
 Ступит он и в третий раз;
 На четвертой ступне испужается,
 Он на жердочке зашатается,
45. Упадет он в реку огненну,
 Зачнет в ней он барахтаться
 И нырять в смолу кипучую,
 Потопать, опять выныривать.
 Тут Михаил ангаль Господень
50. Как увидит душу грешную,
 Что в реке она купается,
 Он возьмет сетку шелковую
 И пойдет с нею по жердочке;
 А ячейки в ней широкия —
55. Человек проскочит с ножками.
 И зачнет он сетку шелкову
 Кидать в реченьку глубокую —
 Того грешника вылавливать.
 Коль не дюжа грешен грешник тот,
60. В сетке шелковой зацепится,
 Ангель выкинет в пресветлый рай;
 А дюжа грешный не удержится,
 Он проскочит у ячейку ту
 И погибнет в бездне огненной.

Не говоря уже о таких особенностях языка, как это полнозвучное *жердь* вм[есто] жердь, *исколоченный* вм[есто] наколоченный, *часточки* вм[есто] частички, или таких оборотах речи, как «не дюжа грешен грешник тот» и пр., сказание представляет глубокий интерес со стороны понятий и поэтических представлений об Архистратиге и загробном мире и, тем более, что стоит в связи со многими апокрифами еврейской, греческой, немецкой и юго-славянской народных литератур.

Такое сказание об Архистратиге Михаиле представляет смесь понятий библейских, собственно христианских, церковных, народных и поэтических.

По библейскому откровению, Архангел Михаил есть Вождь небесных воинств, иначе — Архистратиг небесных сил. И здесь он всегда является как существо личное, духовное, выше — естественное, властное над естественным. Как таковой, он является властителем и над стихиями, преимущественно — над огнем и водой, а вместе и над жизнью и смертью человека. Он, по выражению Акафиста, «прю и возмущение стихий мира видимаго незримо укрощает» (Ик. 4-й). Его же велению стихии покоряются» (Ик. 7-й). Власть и сила Архистратига простираются и на виновника зла и смерти — на дьявола. По выражению Акафиста, «от него трепещут адския силы (Ик. 2). Им сатана, яко молния, с небесе низвержеся» (Ик. 3).

Но это правильное и чистое Библейское представление об Архистратиге Михаиле подверглось различным изменениям с течением времени, как скоро христианство стало достоянием народного понимания, частью еще в Византии, а потом у германских и особенно у славяно-русских племен¹. С принятием христианства на Руси учение об Архистратиге Михаиле встретилось с подобным ему представлением народа о громовержце Перуне: с него, громовержца, некоторые черты перенесены были на Архистратига.

По народным верованиям языческой старины, Перун — бог огня, грома и молнии. Молнией Перун прогоняет злых демонов: в верованиях народных он представляется даже спасительным орудием против всякого дьявольского наваждения и чародейства. И древний человек прибегал к богу-громовнику с мольбами укрыть его от вражеских замыслов своим облачным покровом... Эти представления с Перуна легко перенесли на Арх. Михаила². В Апокалипсисе говорится, что есть ангел огня. А народное сказание учит, что это именно Михаил Архангел и что самое происхождение огня совершилось при посредстве именно Арх. Михаила. Один старинный апокриф возводит оное к очам Божиим. В этом апокрифе некто спрашивает: «Как о огонь зачаша?» Ответ: «Архангел Михаил за(з)же онь от зунца (=зенницы) Господня и снес на землю», т. е. земной огонь произошел от Божественного глаза — солнца³.

Но, если огонь сам по себе есть стихия чистая, по происхождению своему Божественная и по силе разрушительная, то ... он и должен истреблять все нечистое, всякое зло и всех злых. Посему и Архистратиг Михаил проявляет свою власть над дьяволом посредством огня.

Библия говорит: «И бысть брань (война) на небеси: Михаил и ангелы его брань сотвориша со змием... И повержен бысть змий великий, змий древний, нарицаемый дивавол, испускающий из уст своих воду, яко реку» (Апокал. гл. 12). И только. Народное представление не довольствуется этим. По народному представлению, Михаил Архангел молнией-стрелой поражает

дьявола. Когда Бог прогневался на сатану и его сообщников и повелел Михаилу Архангелу гнать их из рая, то злые духи спрятались за [...]** «Прострел-траву»; Архангел бросил громовую стрелу и пронзил ею стебель травы от верхушки до самого корня»⁴. Или еще: «И сверзил Михаил Архангел с небеси сатанино воинство и попадало оно на землю в разные места, отчего и появились водяные, лешие и домовые»⁵. А по свидетельству немецких легендарных повестей, Архистратиг Михаил держит связанного дьявола в пекле (туче) и будет держать его в оковах до самого страшного дня...⁶ По сказанию еврейского апокрифа — «Книги Эноха», Архангел Михаил должен был крепко привязать всех злых духов под холмами земли и истребить все зло на земле, так, чтобы на ней наступило блаженное время, когда все сыны человеческие станут праведными и все народы будут поклоняться Всевышнему; тогда же всякий посев будет приносить вместо одной меры 10 000, а одна мера маслин будет давать десять прессов масла⁷.

Если такова власть Архангела Михаила над духом зла, то естественно, что она простирается и на души людей грешных, более или менее находящихся в зависимости от дьявола. Поэтому-то Архистратиг Михаил принимает участие в деле суда Божия над людьми и в судьбе душ умерших. По выражению Акафиста, он «в час смерти от злых духов хранит» (Конд. 4-й). По сказанию нашего народа, при одре умирающего присутствуют и спорят за его душу ангел-хранитель и дьявол...⁸ По свидетельству немецких памятников, во главе ангелов на борьбу с бесами за обладание душой усопшего выступает именно Архангел Михаил как проводник душ в райские селения⁹.

Собственно о том, как Архистратиг Михаил препровождает души умерших в рай, народные представления также неодинаковы. По мнению болгар, он, принимая душу усопшего, несет ее в мьгарства и передает другим ангелам, а сам возвращается за другими душами; души грешников он скатывает за волосы, а праведных обнимает, как мать своего младенца...¹⁰

По сказанию нашего народа, дело представляется иначе. Душу берут демоны и мучат; а потом, когда она шествует в рай через «реку огненную», то за нею наблюдает и переводит ее туда Архистратиг Михаил.

Это сказание находит для себя опору в весьма древнем апокрифе — «Апокалипсисе Ап. Павла». По этому апокрифу, Апостол, переходя из места в место с ангелом, приходит, между прочим, к некоему озеру и спрашивает своего спутника: «Господи, что сие?» Тот говорит ему: «Это — Ахеронское озеро, а внутри его Град Божий. Не все могут войти в него, разве только если кто покается во грехах своих: когда же покается и переменит жизнь, то передается Михаилу; и бросают его в Ахеронское озеро, а потом Архистратиг выносит его в город Божий вблизи праведных»¹¹. По нашему «сказанию», душа повергается не в озеро, а в «огненную реку».

Что касается самой «огненной реки», то должно заметить, что о ней остались предания у многих народов¹². Но о ней упоминается и в Библии. Книга пророка Даниила свидетельствует, что сей пророк в первый год Валтасара созерцал в видении престол Бога-Судии: «Престол Его,— говорит пророк,— пламень огнен, колеса его огонь палящ; река огненна течаше исходящи пред ним: тысяща тысяч служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему» и пр. (гл. 7, ст. 9—10). Это символическое представление о престоле Божьем повторяет и церковная песнь: «Егда приидеши, Боже, на землю со славою, и трепещут всяческая: река же огненная пред судищем влечет, книги разгибаются и тайная являютс^я»¹³. Но что в видении пророка и церковной песне представляется символическим, то в народном апокрифе делается географическим.

Собственно апокрифические известия об «огненной реке», как географической, до последнего времени были скудны и отрывочны. Но в 1896-м году проф. Новороссийского университета В. Мочульскому удалось найти в Парижской Национальной библиотеке один греческий рукописный сборник XVI-го века, а в нем полное Сказание о творении мира, где содержится обстоятельное известие и об этой огненной реке.

По этому Парижскому Апокрифу, вначале Бог сотворил небо и землю, и было небо не устроено и земля неустроенная и невидима была посреди воды и посреди света; и сотворил Бог семь столпов, поддерживающих небо долу земли, которые держат также и землю. Эти же столпы покоятся на водах, а воды — на огне, а огонь поддерживается тьмой, тьма же эта не имеет конца. Пламя огня согревает воду на 40 локтей [= 21,3 м]; над этой теплой водой находятся столпы ... один из них тянет теплую воду и разносит ее по лицу земли, каковые воды называются теплыми водами, откуда и исходит огненная река, которая окружает рай совне, где испытываются праведные и грешные. Ширина этой реки в 40 локтей. Здесь же был и мост в 12 пальцев (вершков) [= 53,3 см] ширины (через который должна была проходить каждая душа умершего); проходившие его входили в рай, а те, которые падали, попадали в огненную реку, в которой и терпели муки¹⁴.

Сказание об Арх. Михаиле говорит подробнее о самом способе и средствах, коими он избавляет души из огненной реки, именно шелковой сетью, которая в руках сего повелителя стихии огня не сгорает.

Очевидно теперь, из каких элементов сложилось народное сказание об Арх. Михаиле: оно есть продукт поэтического творчества, которое в своем свободном процессе обыкновенно представляет иносказательное буквальным, символическое географическим, а поэтическое историческим. Библия учит, что злой дух овладевает порочной душой; народное сказание повествует, что злой дух сажает порочную душу в бочку. Откровение свидетельствует, что Архангел избавляет души праведных от огня мучений; народная

фантазия ставит его на берегу огненной реки и дает ему в руки шелковый невод и т. д.

Изложенное здесь народное сказание об Архистратиге Михаиле, без сомнения, интересно во многих отношениях для всякого исследователя народной старины; но для местного исследователя важно и то обстоятельство, что это сказание сохранилось не где-либо в изящном шкафу Парижской Национальной библиотеки, а в свежей памяти некоей Аксиньи Гушиной, где-нибудь в углу берегов речки Грязной и Зуши; крепко оно хранилось, охраняемое благоговением, как скрижалю праотеческих верований, в ковчеге сердца!

[...]* В тексте именно.

[...]** В тексте траву.

Примечания

¹ Сказания об Арх. Михаиле недавно собраны в полноте и изданы W. Lueken'ом Michael. Eine Darstellung und Yergleichung der Iudischen und morgenländischen christlichen Tradition vom Erzengel Michael. Göttingen/ 1898 j. VI + 186 st.

² Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. II, 407.

³ Там же. I, 165—166. II, 7. *Примеч.* И древние жители Востока происхождение огня производили от солнца, как и молнию от звезд.

⁴ Там же. II, 593, 418.

⁵ Там же. II, 462—464.

⁶ Там же. I, 585. По сему «в Михайлов день кузнецы, оканчивая работу, имеют обыкновение ударять трижды по наковальне молотом, чтобы закрепить наложенные на дьявола пекельные оковы».

⁷ О. Гольцман. Литература эпохи Маккавеев. «Восход». 1898. V. Май. С. 76—77.

⁸ Афанасьев. III, 57.

⁹ Там же. Сравн. Послание Иуды: спор дьявола с Арх. Михаилом о теле Моисея.

¹⁰ Там же. III, 55—56.

¹¹ В. Мочульский. Апокрифическое сказание о создании мира. Одесса, 1896.—С. 5.

¹² Н.С. Тихонравова. Отреченные книги древней России. Очерк IV-й. Сочинения. Т. I. М., 1898. С. 178—197.

¹³ Кондак по 6-й песне, в неделю Мясопустную.

¹⁴ В. Мочульский. Апокрифическое сказание о создании мира. С. 3, 5.

КРЕСТ ХРИСТА — «ДРЕВО ЖИЗНИ»

Есть наука, имеющая предметом своим все мироздание. Это астрономия. По тысячелетним наблюдениям астрономия знает и учит, что все светила небесной тверди, по силе тяготения, движутся около одного своего центра, видимого даже простым глазом. Да, это очевидно и не требует доказательств. Но, есть иной мир, иное небо, иные светила: это мир духовный, человеческий, исторический, с его светилами: и для них есть свое всемирное средоточие, своя сила тяготения и своя «ось мира», около которой также во все тысячелетия вращается весь этот мир. И эта истина основывается на наблюдении исторической жизни человечества, на пространстве всех ее тысячелетий. Едва ли трудно отгадать, что эта сила тяготения в духовном мире есть любовь Бога к миру и человеку и любовь человека к Богу? Едва ли нужно говорить и доказывать, что видимое средоточие духовного мира есть крестная любовь Христа, а видимое знамение ее Крест Христов. Это средоточие любви Бога к миру и любви мира к Богу; оно, если угодно, есть и ось мира духовного, исторического, человеческого.

Мир, в самом его происхождении, обязан любви Божьей; человек, при самом его создании, явился сыном любви Божьей. Отсюда, все бытие мира и вся история человечества есть проявление любви Божьей. Но не было момента в истории, когда бы любовь Божья проявилась полнее, сильнее, выше и нагляднее, как в момент смерти Богочеловека на Кресте: мир не знал бы любви Божьей, в ее наивысшем совершенстве, если бы не видел Креста Господня; здесь она во всем блеске своего беспредельного смирения. В сознании только такой любви Божьей все тяготеет к Богу и не может не тяготеть. Отсюда, и Крест есть средоточие мира духовного и исторического. Ибо здесь — на Кресте, и только на нем — «милость и истина сретостеся,

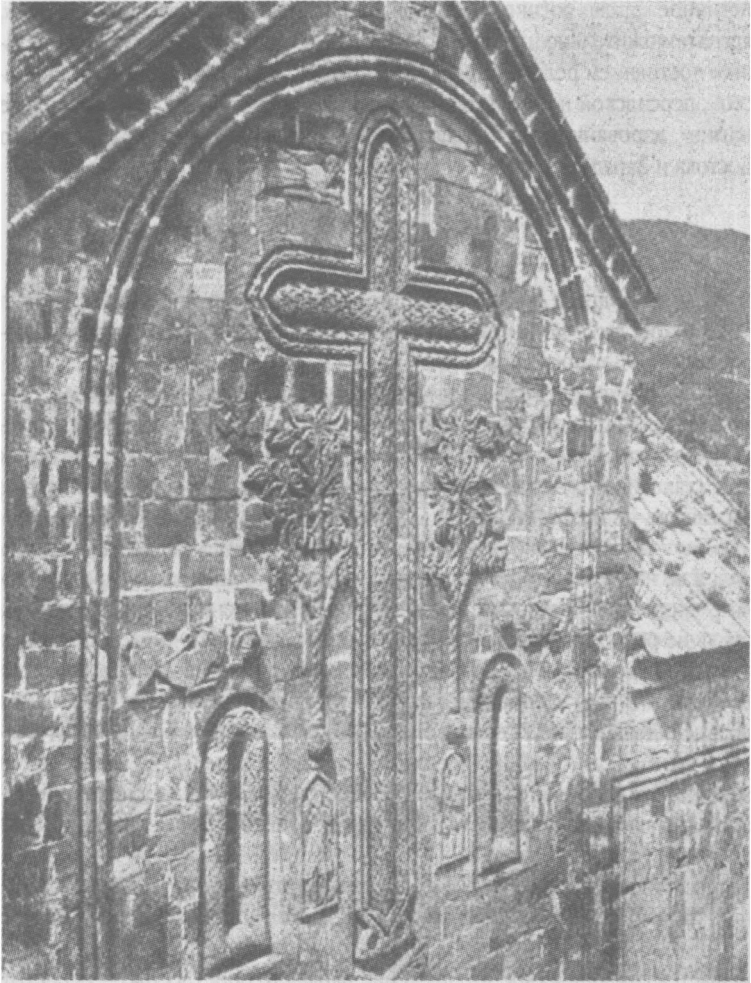
правда и мир облобызастеся: истина от земли воссия, и правда с небесе при-
ниче» (Псал. 84, ст. 11—12). А если так, то древо креста, это орудие искупле-
ния и воссоединения всего рода человеческого с Богом, без сомнения, есть
истинное «древо жизни». Этот взгляд становится непоколебимо твердым,
когда положительно известно, что понятие о «древе жизни» было изначаль-
ным достоянием религий древнего Востока — ассиро-вавилонской, индий-
ской, персидской и еврейской, как учение о Кресте Христовом, как «Древо
жизни», дарованном Искупителем, стало достоянием всего христианского
Востока и Запада¹.

I

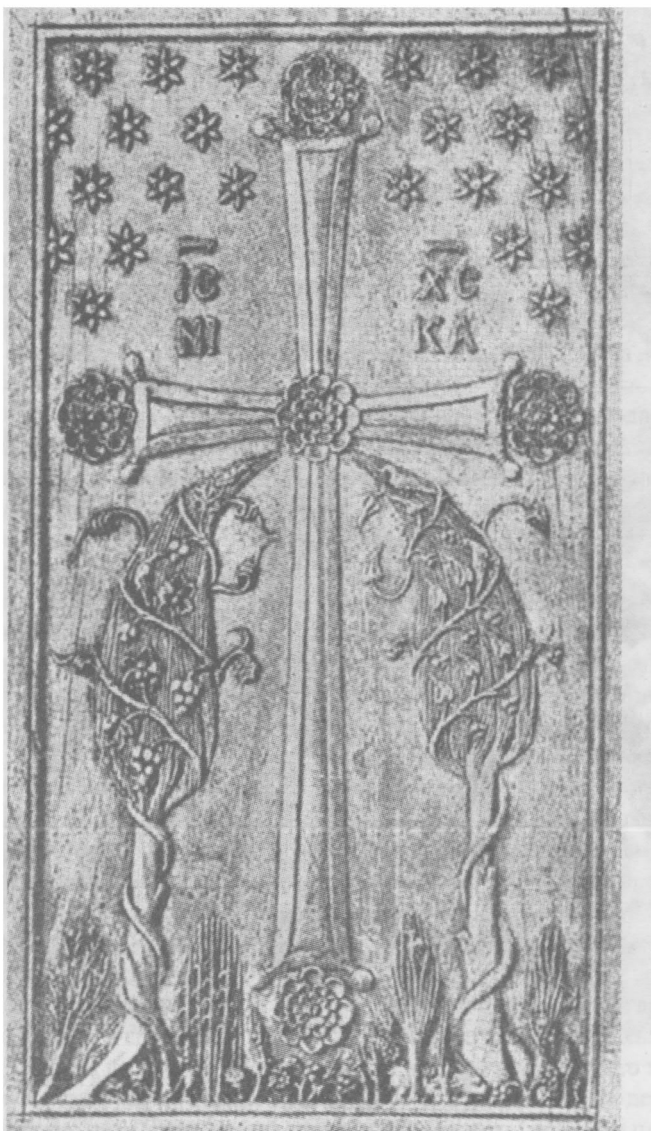
Мысль о «древе жизни» возводит наше воспоминание далеко назад, в
глубь веков, даже до начала бытия человека,— к тому «древу жизни», кото-
рое насадил Бог посреди рая (Быт. гл. 2, ст. 9).

По сказанию кн. Бытия, человек первозданный лишился райского «дре-
ва жизни» и самым лишением этим вынужден был ожидать иного, даже луч-
шего для него. Вот почему эта мысль о «древе жизни» сохранялась, в разных
представлениях о нем, в роде человеческом всегда, а в избранном народе
еврейском — в особенности.

Памятники о «древе жизни» дошли до нас из глубины древнейших вре-
мен. Так, известно, что на многих барельефах и цилиндрах Ассиро-Вавило-
нии, особенно в южной ее части, на нижнем течении Тигра и Евфрата,
очень не редко встречается изображение некоторого таинственного и свя-
щенного дерева. По всем признакам, однако, это — «древо жизни». Понятие
о «древе жизни», несомненно, было достоянием древних халдеев. Самое
древнее, досемитическое, название Вавилона на туземном языке было *Ti-
tir-ki*, что буквально значит «место древа жизни». Самое изображение «древа
жизни», как видно по памятникам, несомненно, было священным и пред-
ставляло высокую эмблему жизни вечной, райской. На изображениях это
дерево окружается божественной обстановкой и религиозным почитанием.
Так, на одном ассирийском барельефе из дворца Нимруда (Немврода, древ-
него Калаха) [1; 388], находящемся в Британском музее, изображено «дерево
жизни», охраняемое окрыленными гениями. Иногда над таким деревом по-
мещается символическое изображение парящего бога (Ассура) — перистый
диск, над которым иногда бывает бюст человека. Такая же эмблема изобра-
жается не только на барельефах ассирийских дворцов, но часто и на цилин-
драх, как вавилонской, так и ассирийской работы,— всегда при одинаковых
условиях и, очевидно, с важным значением, именно, как важный религиоз-
ный символ.

1. Ананурская церковь, южная стена. Грузия

2. Византийский складень-триптих из слоновой кости (средняя часть).
X в. Луврский музей

3. Мраморная плита предалтарной преграды из базилики Херсонеса.
Музей Херсонесского монастыря. Фото 1902 г.

Такое дерево, являясь символом вечной жизни, между прочим, помещается на саркофагах с эмальрованными фоном, относящихся к последним векам халдсейской цивилизации [2; 388], после Александра Великого. Они открыты в Варках'е, древнем Уруке.

Изображение «древа жизни» у ассиро-вавилонян было предметом религиозного почитания (культы). Так, на памятнике ассирийского царя Асшур-а'х-иддин [3; 388], известном под названием «Черный камень лорда Абердина», открытом в Вавилоне, изображение представляет жреца, который воздает поклонение священному дереву: оно, как кумир, помещается под кровлей храма; над ним — кидар, или прямая тиара [4; 389], украшенная многими, параллельно наложенными, парами рогов. За жрецом находится еще изображение священного дерева большого размера, а за ним — жертвенный бык [рис. 6].

Имея в виду изображение парящего божества (Ассура?) над «древом жизни», Дж. Роулинсон признает его символическим и объясняет так: это дерево представляет собою женское божество этнического [5; 389] характера и олицетворяет собою жизнь вообще и плодородие в частности. Иначе говоря, союз «древа жизни» с парящим над ним божеством пластически представляет божественную космогоническую чету (мужское и женское начало в образовании мира), как в религии греков Уран и Гея олицетворяют небесный свод и земную почву, с ее растительностью; или, как у финикийян и вообще в Ханаане, Бел и Ашера, или Астарты — богиня плодородия² [6; 389].

Есть свидетельство о «древе жизни» и даже о культе его в религии Зороастра [7; 389], у древних персов. Религиозные писания персов говорят о некотором дереве Хом, которое называют главою всех деревьев: оно почитается у них древом бессмертия; сок его при воскресении дает людям жизнь. Это дерево — род кустарника, который растет в Персии, и похоже на тamarisk. Оно употребляется при всех значительных жертвах и само было также предметом почитания, которое воздавалось ему огнем и водой³.

Подробное свидетельство о «древе жизни» находим в иудейской апокрифической письменности [8; 389] еще до Рождества Христова. Именно — в «Книге Еноха». Писатель, в своем сказании о путешествии по небу и земле, указывает на юге земли седьмую гору, состоящую из великолепных драгоценных камней, а средний из них подобен седалищу-трону, окруженному благоухающими деревьями. Между ними есть и «древу жизни», коего запах не может равняться ни с каким другим: его листья, цветы и самое дерево (ствол) вечно не увядают; плоды его прекрасны, но они похожи на плоды пальмы (финики?). На вопрос путника об этом дереве Архангел Михаил дает ему такое известие: «На этой горе Святой и Великий, Господь Слова, вечный Царь, будет иметь свой трон, когда Он сойдет на землю, чтобы посетить ее

благом. И этого дерева с драгоценным запахом никому не позволено касаться, до времени великого суда... От его плодов дана будет жизнь избранным»⁴.

Таковы смутные предания о «древе жизни» и представления о нем вне истинной церкви Божьей.

II

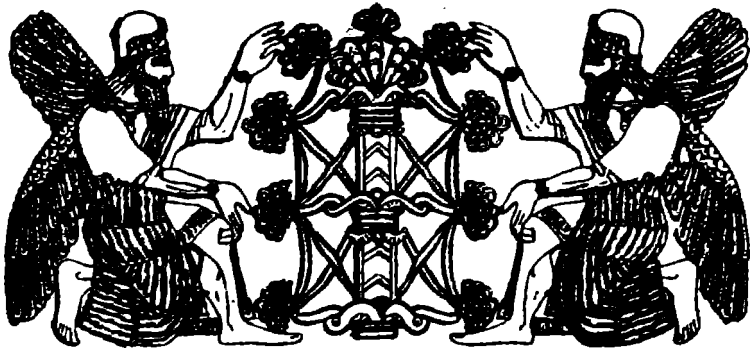
Мысль об истинном «древе жизни», в ее чистоте, сохранилась только в истинной церкви Божьей — в Ветхом Завете, ибо здесь она поддерживалась многочисленными знаменами и прообразами истинного «древа жизни», именно: Креста Христова.

Многочисленные ветхозаветные прообразы Креста, как «древа жизни», прекрасно раскрывают писатели древней христианской церкви. Впервые это делает св. Иустин, философ и мученик (около середины 2-го столетия по Р. Хр.). Райское «древо жизни» он прямо изъясняет как символ Христа и эту символику стремится провести через всю историю Ветхого Завета, имея в виду Крест Христа; при этом он берет во внимание дерево во всех его видах, как ветвь, посох, дрова. Он говорит: «Под деревом Бог явился Аврааму у дуба Мам[в]рийского; с посохом в руке Моисей, во главе народа, перешел море; при посредстве посоха из камня пробил ключ живой воды; в Мерре кусок дерева, брошенный в горькую воду, соделал ее сладкою; жезл Аарона, произведший цветы и плоды, назнаменал его первосвященником; с деревом, которое растет при источнике и приносит плод во время свое, Давид сравнивает праведника; как ветвь от корня Иессея должен был родиться Мессия, по пророчеству Исая».

Таково, по Иустину, значение дерева как орудия в деле спасения и как символа Крестного Древа. Подобный ряд знаменательных действий приводит и другой писатель древней церкви, Юлий Фирмиан, и отчасти восполняет Иустина. «Из потопа,— говорит Юлий,— род человеческий спасся посредством деревянного ковчега; Авраам возложил дрова на плечи своего единственного сына... Закон Божий был вверен деревянному ковчегу, и т. д. И все это для того,— говорит Юлий,— чтобы через все это, как через известные ступени к дереву Креста, достигнуть спасения человека».

Еще позднее св. Иоанн Дамаскин [9; 390], обнимая мыслью всю предварительную историю Креста Христова, говорит: «Древо жизни», выращенное Богом в раю, предизобразало драгоценный Крест; ибо как чрез древо пришла смерть, так чрез «древо жизни» должно было даровать и воскресение. Затем Дамаскин приводит те же прообразы Креста, как Иустин и Юлий.

Всех их повторяет потом Феофан Керамевс, архиепископ Тавромении (12-го столетия), в проповеди на праздник Воздвижения Креста, причем

4. «Древо жизни», охраняемое крылатыми гениями.
Ассирийский барельеф Британского музея

5. Свинцовая печать Херсонесского стратега Феодора. X в.

райское «древо жизни» он объясняет прямо как пророчество о Кресте: «Когда Бог, при создании мира, насадил рай на востоке, «древу жизни» Он повелел расти посредине Эдема; чрез это,— говорит Феофан,— оно, как бы с высоты, всем наперед возвещало, что будет посреди земли насаждено древо Креста, приносящее плод жизни». Подобным образом рассуждает Фома Аквинат [10; 390] и др.

Но из всех прообразов «древа жизни» в Ветхом Завете особенно глубоко знаменателен седмисвечник, собственно в виде дерева, и притом масличного, с семью ветвями и семью светильниками на них. Семь — священное число полноты; семь светильников с негасимым огнем — образ света и теплоты, или — просвещения и спасения, а вместе и — образ высшей, духовной, полной и вечной жизни⁵. Этот образ пророки раскрывают применительно к Лицу Мессии. Исаия говорит о Мессии под образом ветви, выходящей от корня древа (т. е. рода) Иисея, на которой почивают все семь даров Св. Духа (Ис. гл. 11, ст. 1 и сл.). Захария созерцает Мессию также под образом плодоносной ветви и говорит, что это «муж, имя которого Отрасль» (Захар., гл. 3, ст. 8; 4, 1—14). Как и где будет выращена эта божественная «Отрасль», говорит пр. Иезекииль: «Так говорит Господь Вечный: так, Я возьму ветвь с вершины высокого кедра... и возращу ее на горе высокой и возвышенной. На высокой горе во Израиле Я возращу ее, чтобы она дала ветви и приносила плоды и стала великолепным кедром, и чтобы обитали под ним всякие птицы и все крылатые, чтобы они обитали в тени его ветвей... (Иезек., гл. 17, ст. 22—24; ср. Мф. гл. 13, 31—32). Соответственно этому, и Евангелист Иоанн в Откровении созерцал Христа среди семи светильников, т. е. вместе с Его ветхозаветным прообразом, следовательно, как Мессию, исполненного всеми дарами Святого Духа, как Просветителя и Спасителя, как Источник полной, духовной и вечной жизни (Апок., гл. 3, ст. 15; 4, 27, 30).

При таком взгляде, понятно, что в истинной церкви Божьей мысль о «древе жизни», опираясь на символы, твердо сохранялась и оставалась в ее чистом виде как мысль о спасении чрез Мессию — Христа, и представление об оном не отождествлялось с самими символами, как то было вне церкви, у ассириян, персов, послепленных иудеев и пр.

III

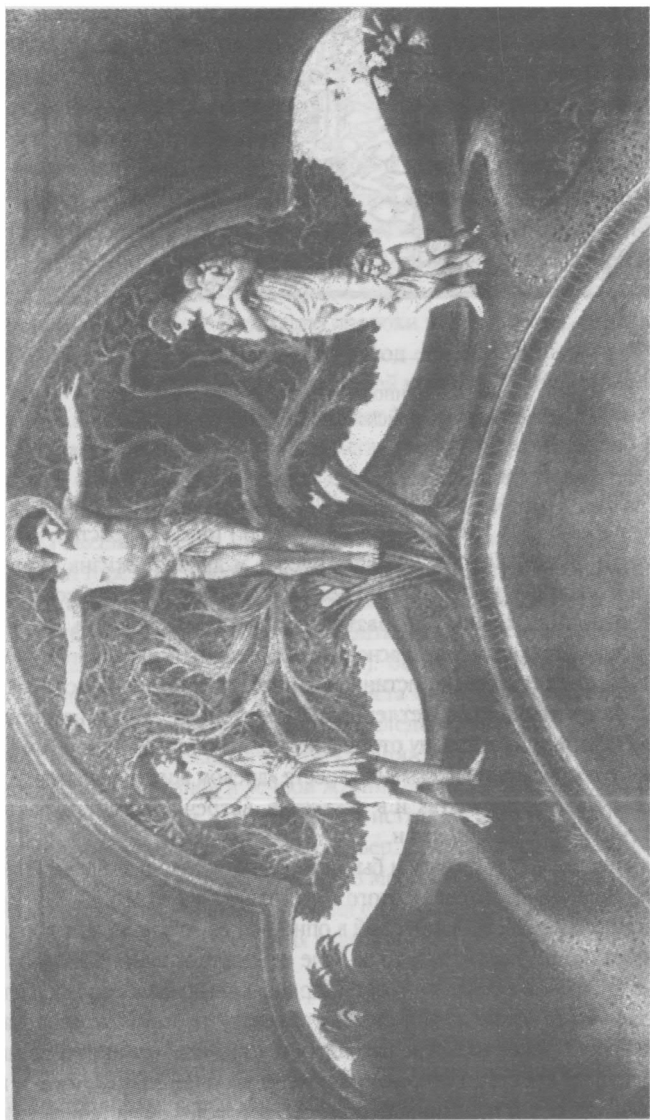
Итак, райское «древо жизни», как и целый ряд символов Ветхого Завета, было прообразом Креста. И Крест, действительно, является истинным «древом жизни». Ведь Христос мог умереть и иным образом: Он мог быть свержен со скалы, побит камнями (Лук., гл. 4, ст. 29. Иоан., гл. 8, ст. 59; 10, 31); но Он умирает именно на древе и дает жизнь миру (Иоан., гл. 6, ст. 33).

6. Жертвоприношение «древу жизни».
Памятник ассирийского царя Аспур-а'х-иддин

51, 11, 25.— 1 Иоан., гл. 1, ст. 2. 4, 9; 5, 11, 12 и пр.) [рис. 7]. Христос, как Искупитель, умирая на Кресте, победил смерть и даровал жизнь в любви своей. А потому и для искупленных Крест есть знамение не только страданий и смерти, но и жизни. Следовательно, Крест Христов есть видимое «древо жизни». Эту мысль прекрасно выражает песнь воскресного канона: «Древо процвело есть, Христе, истинной жизни: крест бо водрузися, и напоен быв кровию и водою от нетленного Твоего ребра, живот нам прозябе» (Гл. 6, песнь 4-я). Вот почему отношение понятия «древа жизни» ко Кресту, а вместе изображение и название креста «древом жизни» в церкви Христовой, как в литературе, так и в искусстве, встречается очень рано, и прежде всего в Греческой церкви.

Как известно, в IV-м столетии было обретоено подлинное древо Креста Господня. Во второй половине этого же столетия жила Макрина, сестра Григория Нисского [11; 390], который в описании ее жизни, между прочим, рассказывает: когда она умерла, то на теле ее нашли железное кольцо, которое она постоянно носила при своем сердце; кольцо было внутри пустое и содержало часть «древа жизни», между тем снаружи было выгравировано знамение Креста. Такое название находится и в греческих надписях на многих драгоценных крестах, которые сооружены позднее византийскими императорами. Один, 1-й половины X-го столетия, находящийся теперь в Вейльбурге, содержит посвящение императоров Константина VII-го, Порфирородного и Романа I-го [12; 390], которое начинается так: «Бог распростер

7. Надежда грешителей после грехопадения. С картины Б. Джона. Рим⁶

руки на «древо жизни» и чрез него источил свою силу». Другой, 1-й половины XII-го столетия, в настоящее время в Венеции, посвящен Искупителю императрицей Ириной, супругой императора Алексея Комнена, когда она была близка к смерти. Надпись начинается так: «И сие приношу я Тебе, наконец, уже приблизившись ко вратам преисподней, как божественный дар посвящения — «древо жизни», на котором Ты предал Дух Свой Отцу и окончил страдания, которые перенес с такой твердостью»⁷.

Затем, название Креста «древом жизни» рано встречается в церковной письменности, особенно в проповедях и преимущественно на праздник Воздвижения Креста. Так, Андрей Критский называет Крест «древом бессмертия», «животворящим деревом». В проповеди Иосифа, архиепископа Фессалоникийского, на тот же праздник, Крест называется «корнем жизни» и пр., в многочисленных песнях богослужебных канонов и т. п. Также называется Крест и в Латинской церкви в многочисленных гимнах, начиная со 2-й половины IV-го столетия⁸.

Название креста «древом жизни» на самом древе креста встречается и в древнейших памятниках Русской церкви. Таков крест преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, 1161 года. На перекрестье его вложена часть древа креста Христова, покрытая шестиконечным крестиком; а около него сделана надпись: ... *древо животьное*. Весьма примечательно, что на углах перекрестья изображены четыре евангелиста, в таком порядке: сверху вниз аг. Иоанн, аг. Матфей, аг. Лука, аг. Марк, чем ясно выражается определенная мысль, что церковь Христова и Апостольская в основании своем имеет Крест — «древо жизни». Этой идее вполне отвечают и многие лицевые изображения, а именно, кроме Спасителя, Богоматери и евангелистов, здесь изображены: Архангелы Михаил и Гавриил, ап. Петр и Павел, свв. София и Евфросиния, свв. Иоанн Златоуст, Василий Великий, первомученик Стефан, великомученики Георгий, Димитрий — с крестами в правой руке и Пантелеимон, т. е. представители всей новозаветной церкви Христа, как члены Его тела, как ветви одного животворящего Древа Креста⁹.

IV

Само собою разумеется, если понятие «древа жизни» было перенесено, и так конкретно, на самое древо Креста Христова, то, конечно, и самый крест должен был принять с внешней своей стороны такой или иной вид дерева. В этом отношении делу послужило искусство. При этом, самому искусству должны были благоприятствовать обстоятельства своего времени, как при постепенном раскрытии самого учения о Крестном древе, так, соответственно тому, и при развитии церковного искусства. В церковном искус-

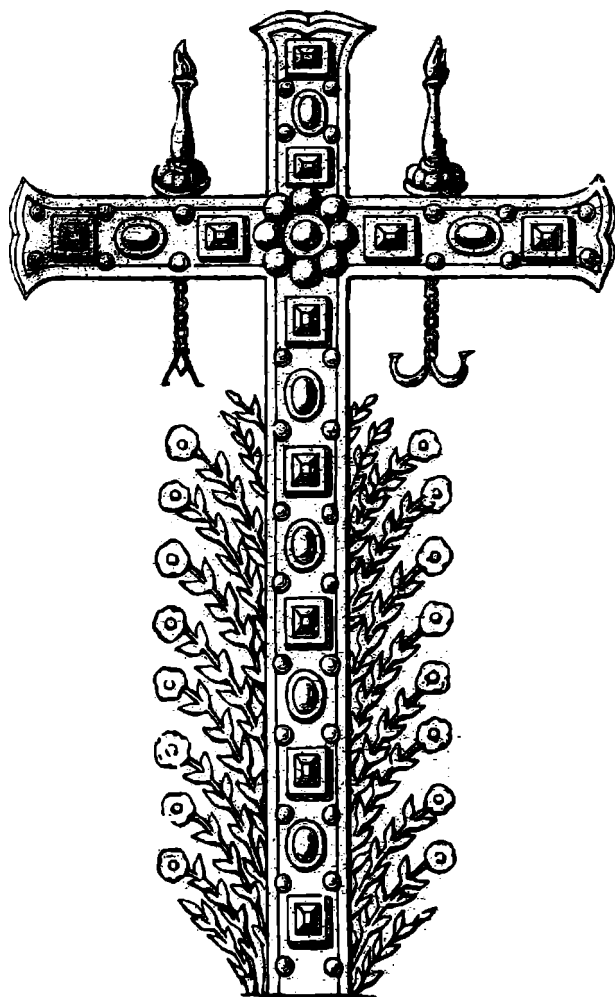
стве одновременно существовали изображения как «древа жизни», так и креста в виде дерева с ветвями, цветами и плодами.

Изображение Креста собственно в виде «древа жизни» в церковном искусстве, судя по памятникам, явилось очень рано и стояло, несомненно, частью под влиянием памятников древнейшей эпохи искусства восточного, частью под влиянием чистой библейской аллегории.

Известно, что между ассирийскими изваяниями, которые теперь находятся в Королевском музее в Берлине, есть два (из Нимруда), которые содержат изображение «священного дерева». Оно стоит между двумя окрыленными гениями, которые в одном случае с человеческой, а в другом с орлиной головой; причем каждый в поднятой правой руке держит кедровый орех, а в левой ведро; таким образом, они совершают моление с огнем и водой. Дерево имеет стройный ствол, расчлененный узлами, наверху с кроной, на подобие семилиственной пальмы; оно кольцеобразно убрано листьями и цветами, которые со стволом и меж собой соединены сетью связей. При другом таком дереве, на другом памятнике, те же гении, с человеческой головой, но без орехов и без ведер. Одно из подобных и наилучших изображений «древа жизни» имеется на сассанидской вазе IV-го века в Кабинете Древностей, в Париже. Дерево с листьями и плодами стоит меж двумя львами, которые поставлены впрямь, как те гении. Такова же золотая ваза, с изображением «древа жизни» на ее эмали, находящаяся в ризнице аббатства св. Маврикия в Валлисе, также персидско-арабского происхождения; она подарена калифом Гарун-аль-Рашидом Карлу Великому [13; 390], а им — аббатству св. Маврикия. На ней также дерево с двумя львами, впрямь.

Эти и подобные им другие предметы, поступая в церковь, естественно, нашли в ней свое применение. Вот почему то же изображение «древа жизни», с двумя львами при основании, нашло себе место и в скульптуре храмов: так — на церкви в Мариньи и пр. В других случаях, при изображении «древа жизни» являются и львы, и змеи; так в скульптуре на арках в соборе г. Хура (в Швейцарии): здесь ствол дерева наподобие колонны, от которой вверху с обеих сторон разделяются ветви, свитые в виде спирали, и оканчиваются широкими троючастными листьями, внизу, с обеих сторон дерева, сидят два льва, обращенные головой в противоположные стороны, с высунутыми языками. Вверху над деревом две змеи, свившиеся и кусающие свои хвосты. Это символ победы над демонической силой, над могуществом зла и смерти¹⁰.

Когда, таким образом, представление о «древе жизни» было перенесено в область церковного искусства, то и самое древо креста в том же церковном искусстве тем скорее должно было принять и приняло соответственную тому символическую форму, именно — вид дерева с ветвями, цветами, плодами. Простейший и вместе древнейший вид такого креста, это — четвероко-

8. Крест-гемма из катакомбы Понциана.
VI в. Рим

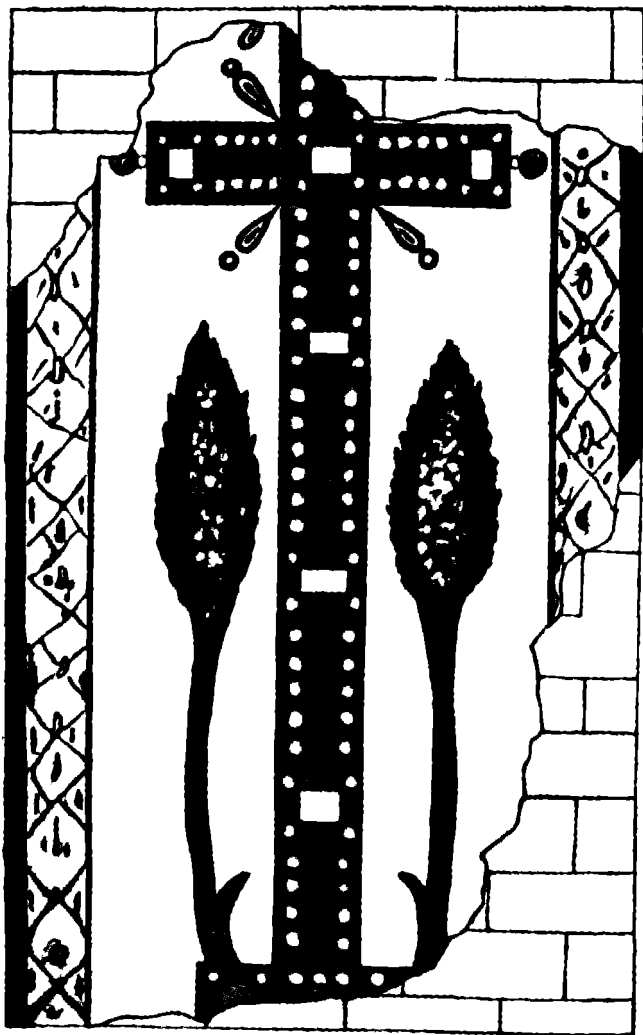
нечный крест, с расходящимися от его основания двумя ветвями. Таковые кресты изображались на базах и капителях колонн храма и на плитах иконостасной преграды. Символика такого креста не подлежит сомнению, особенно в следующих его типах, во множестве встречаемых в настенной живописи римских катакомб [рис. 8] и на многих памятниках Херсонеса и пр. Так, здесь на иконостасных плитах изображаются изгибающиеся ветви, а посредине, в медальоне, крест в виде монограммы; или помещается подобный же рисунок, но с изображением символического Агнца посредине. Встречаются кресты с ветвями и кистями виноградной лозы — символ Христа и Евхаристии [14; 390] и пр. Такого типа символический крест нашел себе большое применение и распространение и на Востоке, напр. в многочисленных миниатюрах рукописей Грузии и Армении, в древней России — на гробнице Ярослава в Киеве [рис. 10, 11], на Корсунских вратах в Новгороде [рис. 13] и пр.

В дальнейшем своем развитии древо Креста является в виде ствола с обрубленными ветвями, как на одном костяном рельефе из Бамберга, в Королевской библиотеке в Мюнхене, XI-го столетия; или в виде крестообразной четырехконечной ветви с тонкими листьями, как в рукописи XIV-го столетия, в Британском музее, в коей содержатся сказания о происхождении древа Креста Христова; или в виде древа с ветвями, цветами и плодами, т. е. полного жизни, как бы торжествующего над смертью: таков крест с Распятием, серебряный вызолоченный, на гробнице св. Елизаветы, XIII-го столетия, прежде бывший в Марбурге, теперь в Касселе. Наконец, небольшие ветви заменялись большими и принимали вид деревьев; так на троичастном византийском складне в Луврском музее, X-го века [рис. 2], и на фреске Успенского собора во Владимире-на-Клязьме, XII-го века [рис. 9] и пр.

Символическое изображение креста, как «древа жизни», нашло себе особенно многообразное применение на тельных крестах: здесь оно представляется или в виде двух веток при основании креста, или в виде троичастного разделения концов его, или в виде сетчато-травчатого, сквозного (ажурного) орнамента, или крест помещается на троичастном листике и т. п. [рис. 16]. Иногда изображение заменяется одной надписью «животворящее древо» или только начальными буквами оной — «ж» и «д», и пр.

V

Мысль о Кресте Христа, как о «древе жизни», требовала своего дальнейшего и полного раскрытия, ибо Крест не сам по себе является «древом жизни» (как в символике ассириян),— вся жизнь Христа есть Его крест; следовательно, и представление о нем, как о «древе жизни», должно совмещать в себе представление о всей жизни Христа, с Его происхождением, служени-

9. Фреска Успенского собора во Владимире-на-Клязьме

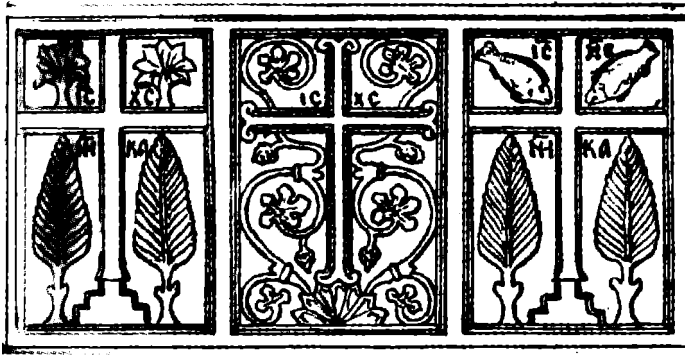

ем, уничтожением и последующей Его славой на земле и на небе. Иначе говоря, чисто символическое изображение креста, как «древа жизни», должно было принять характер исторический, идею «древа жизни» нужно было выразить в лицевых изображениях исторических событий. В литературе ранняя попытка представить и изобразить Крест Господа, как такое «древу жизни», встречается на Западе, в трактате «о древе жизни» знаменитого богослова Бонавентуры (†1274 г.) [15; 390]. Представляя всю жизнь Христа единым «древом креста», Бонавентура предложил и изображение его: «Ибо,— говорит он,— изображение помогает пониманию». В своем рисунке, на нижней части древа креста, по листьям его, Бонавентура обозначил события происхождения и жизни Искушителя, на средней — Его страдания, на верхней — Его славу. Рисунки Бонавентуры находятся в рукописи его, найденной Ф. Пипером в Британском музее в 1857 году¹¹.

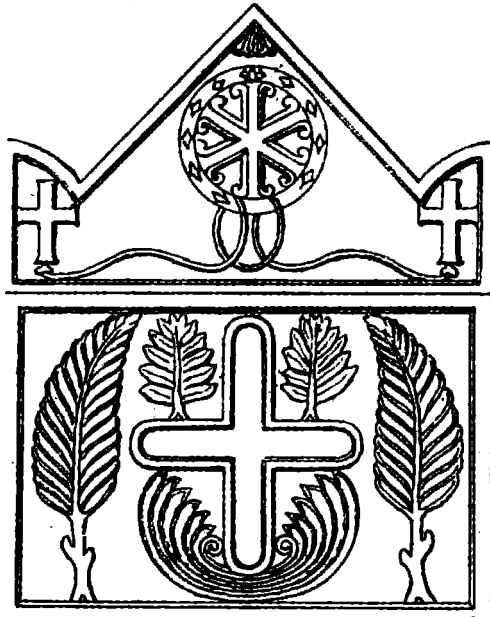
Между тем, в памятниках церковного искусства та же идея, с характером ее исторического представления, встречается гораздо ранее XIII-го века; таковы именно многие тельные и нагрудные кресты-энколпионы и т. п.

Но понятно, самое полное свое выражение идея «древа жизни» в кресте достигает тогда, когда в изображении его соединяются оба элемента — чисто символический и исторический. Такие кресты совмещают в себе представления о «древе жизни», какие встречаются как на скульптуре, так и в живописи всех веков и стран — у ассирийян, вавилонян, персов, арабов, евреев-талмудистов, христиан, как православных, так и католиков. В крестах такого типа есть все: и змеи-драконы, и львы, и птицы, и просто ветви с многочисленными лицевыми изображениями. Кресты такого типа есть, например, в Московском Румянцевском музее [16; 390] в собрании Севастьянова: два из них изданы известным археологом Г. Д. Филимоновым¹². Эти два креста представляют собой сильно развитый художественный тип «древа жизни»: у этих крестов при основании с двух сторон отходят — у одного две выходящие ветви [рис. 17], у другого — два дракона [рис. 18], извивающиеся в виде тех двух ветвей. Изучив эти кресты, Филимонов рассуждает так: «Древнехристианская символика довольно проста для того, чтобы не понять, что в виде дракона представлен здесь ветхозаветный змий, новозаветный диавол, побежденный крестом. Изображение креста, как символа спасения и победы, с змием внизу, весьма естественно составляло одну из первых задач христианского искусства, как это видно и по памятникам (напр. хоругвь — знамя Императора Константина Великого и др.)».

Затем, переходя к «крестам благословящим» того же типа, Филимонов, естественно, находит между ними существенное сходство, «только фигуры дракона под крестом не видно». «Чем же здесь он заменяется, чем выражается в этих крестах символ победы и спасения?» — спрашивает археолог и отвечает: «В некоторых «благословящих» крестах Афона встречается

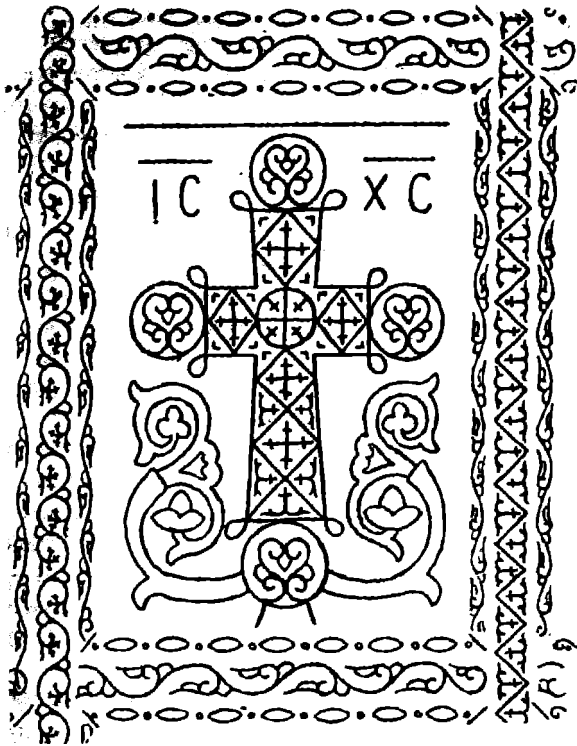

10. Гробница вел. кн. Ярослава I [Мудрого] (верхняя часть)
в Киево-Софийском соборе, XI в.

11. Гробница вел. кн. Ярослава I [Мудрого] (боковая сторона)
в Киево-Софийском соборе, XI в.

резное украшение, которое поражает своим сходством с фигурой дракона. Внизу креста от боковых стенок нижнего конца отделяются в обе стороны, в толщину боковой стенки, и как бы сделанные из того же куска дерева два отроча, из которых каждый изгибается в две дуги; с боковых стенок снабжены они небольшими побегам или ответвлениями: возникая широким концом внизу, они, по мере удаления вверх, по изгибу, слегка утончаются и оканчиваются узкой шейкой, подпирающей боковые концы креста, и разветвлением верхнего конца, напоминающим раскрытую пасть дракона; точно также, как другие разветвления этого орнамента представляют как бы крылья и ноги дракона. С лицевой и оборотной стороны этого драконообразного орнамента, по сторонам правильной кривой линии, в кружках, образующихся из ее разветвления, помещены поясные изображения святых. С первого взгляда покажется несколько странным появление изображения святых на украшении, заменившем собою дракона и ясно напоминающем этот старый символ; но неудобство это легко устраняется, если мы, с одной стороны, припомним, что и на шее дракона в напрестольных крестах [17; 391] помещались предстоящие, с другой, если узнаем, какие святые изображены по сторонам драконообразного орнамента: святые, имеющие к этому символу самое близкое отношение, святые ветхозаветные, преимущественно пророки и праотцы; наконец, если мы сообразим, что драконообразный орнамент все-таки орнамент, а не прямой первоначальный символ; идея дракона в нем уже сильно ослаблена орнаментикой, которая, в свою очередь, была вызвана, быть может, особым назначением крестов «благословлящих». Тогда как напрестольные кресты, стоя для мирян в недоступном месте, открыты были только их созерцанию, кресты «благословлящие» были в постоянном их чествовании, лобызании. Драконообразный орнамент со святыми изображениями был на последних, конечно, приличнее своего первообраза. Существенная разница между двумя изображениями того же символа, кроме уже замеченного нами, состоит в том, что в изображении дракона преобладает характер животного царства, в изображении орнамента — растительного. Последним признаком драконообразный орнамент под «благословлящим» крестом сближается с разветвлением растительного орнамента нижнего конца креста в древнейших памятниках византийской архитектурной орнаментики. Драконообразный орнамент занимает средину между последним архитектурным орнаментом в кресте и драконом и служит весьма удобным переходом от одного к другому. На памятниках древневизантийского зодчества, особенно внутри церквей, на мраморных щитах алтарной преграды, четырехконечный, а иногда и шестиконечный крест изображается снизу разветвляющимся. Два отроча по обе стороны креста идут совершенно подобно отрочам драконообразного орнамента, по той же кривой линии: вся

12. Византийский крест XI столетия
на бронзовых воротах базилики св. Павла. Рим

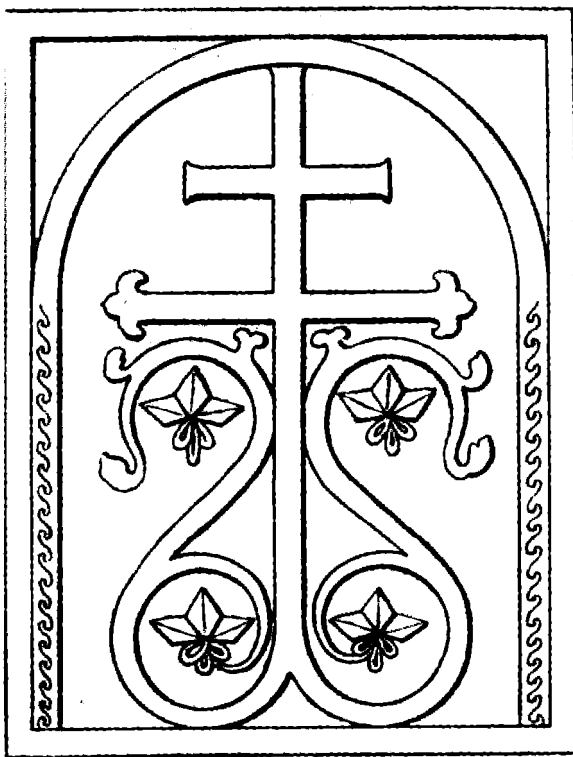
разница между теми и другими состоит в том, что в архитектурном орнаменте, на верхних концах двух полуколец, составляющих кривую линию, отделяющиеся побеги исполнены большой растительной силы, они вполне походят обыкновенно на листья аканты; кроме того, разветвление на две стороны креста образует здесь как бы его корень, от которого отделились две ветви; он составляет, таким образом, прямое продолжение развития боковых стенок нижнего конца креста. Только немногие исключения составляют те кресты, в которых отроги идут не прямо от нижнего конца, а отдельно, от нижней его части. Несмотря, однако ж, на это, различие между теми и другими крестами слишком существенно для того, чтобы мы предположили в изображениях их отрогов одну и ту же идею символа.

Для нас в этом отроге важно уже и то, что те и другие украшения имеют между собой довольно значительное наружное сходство...»

Заканчивая свое исследование, г. Филимонов замечает: «Как ни много здесь (в Севастьяновском собрании) однообразных крестов, все-таки есть еще, без сомнения, они и в других местах: для окончательных выводов надо еще отыскать довольно образцов, которые бы показали нам постепенность в переходе рисунка этих символов».

Такое рассуждение Филимонова, очевидно, заканчивается недоумением. Он не разъяснил себе вполне растительного орнамента в нижней части креста — двух ветвей или «двух отрогов», как он выражается, потому что смотрел на предмет односторонне и не давал ему освещения, какое дают памятники восточного искусства. Видя в кресте с драконом при его основании только «победу Христа над дьяволом», он уже никак не мог объяснить себе, почему два дракона в других случаях заменяются двумя ветвями — «отрогами». Между тем, крест того и другого типа представляет одно и то же «древо жизни» или один символ, только в разных видоизменениях при поступательном развитии его в искусстве. Если на памятниках Ассирии и Вавилонии, у персов и арабов, при «древе жизни» находятся или два крылатых гения, или два льва и пр.; то и у подножия креста, как «древа жизни», могут находиться или две крылатых змеи (драконы), или — вместо них — две змеевидных ветви, т. е. змеи заменяются ветвями: при этом или змеи изображаются с туловищем в виде ветви или ветви имеют змеиные головы. Именно такой тип креста и есть среднее или переходное звено от символики восточной к византийской и западно-европейской. Превосходный образчик такого типа Креста-«древа жизни» имеется в Тульской палате древностей и составляет ее драгоценное достояние. Этот крест деревянный, весьма изящной греческой (афонской) работы, приблизительно конца XV-го века [рис. 20, 21]. Он украшен как растительным орнаментом, так и весьма многочисленными лицевыми изображениями. Выдающуюся особенность этого креста составляют именно две змеевидные ветви при его основании, т. е. ветви со змеиными головами, с открытой пастью, прилегающие к самому дереву креста. Основание креста непосредственно покоится еще на головах четырех змей, свившихся в одно туловище (что служит рукоятисем креста). Змеевидные ветви сплошь покрыты изображениями святых Ветхого и Нового Завета. Символическое значение этого типа креста совершенно понятно: Крестом Христовым сила ада побеждена, власть дьявола упразднена и вместо смерти насаждена вечная жизнь: и Крест Христов стал, по выражению Церкви, «треблаженным деревом жизни».

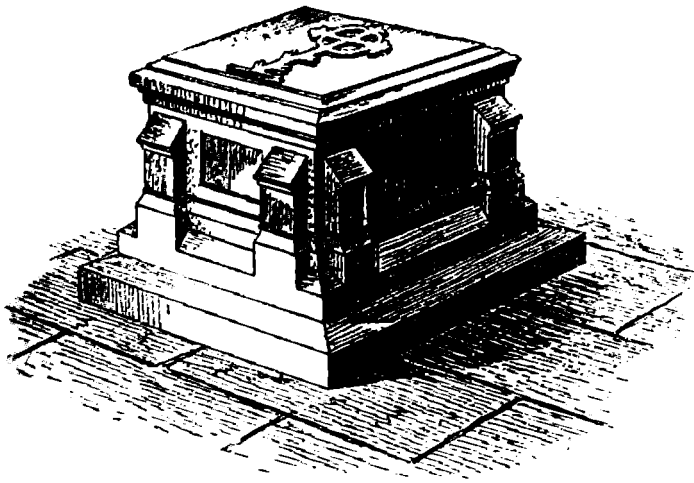
Такой тип Креста-«древа жизни», очевидно, совмещает в себе орнамент и звериный, и растительный, и лицевой, т. е. все то, что было вырабо-

13. Шведские (собственно Корсунские) врата
в Новгородском Софийском соборе

тано древним Востоком, христианским Западом и собственно Византией для художественного выражения идеи истинного «древа жизни».

Как ни прекрасен этот Афонский крест со змеевидными ветвями как произведение искусства, как ни содержателен он как символ идеи «древа жизни», однако, и он не исчерпывает этой идеи, во всей ее полноте или целом объеме. Ведь Крест Христа лежит в основе жизни всего мира, всей церкви: все народы, племена и отдельные люди суть ветви, ветки и веточки одного ствола — древа Креста Господня,— то малые и тощие, то жизненные и цветущие и никогда не увядающие. В Ветхом Завете пр. Иезекииль изображает благополучие избранного народа Божия, возвращающегося из страны изгнания в землю обетования, а вместе с тем, предъизображает и вечную церковь Христову — под видом вертограда Бо-

14. Надмогильный памятник короля Шотландского Джеймса III и его супруги Маргариты, XV в.

жия, вечно цветущего и плодоносного. «У потока, по берегам его,— говорит Пророк,— с той и другой стороны, будут расти всякие деревья, доставляющие пищу; листья их не будут увядать, и плоды на них не будут истощаться; каждый месяц будут созревать новые, потому что вода для них течет из святилища; плоды их будут употреблены в пищу, а листья на врачевание» (Иезек. гл. 47, ст. 12). Соответственно этому, и Спаситель представляет Себя единой виноградной Лозой, а своих учеников и всех верующих ветвями этой Лозы или единым вселенским виноградником. В том же смысле и св. Фруменций, Апостол Абиссинской церкви († IV в.), в речи «О домостроительстве Господнем» (гл. 5) добрых христиан называет деревьями: «Мы древа, братия, стоящая на поле Господнем; Господь же наш земледелец,— замечает Фруменций,— если не все приносим одинаковые и богатые плоды, то все же ни одно дерево не остается совсем бесплодно». Подобно тому говорит бл. Иероним, что «люди, в различных положениях своей жизни, подобны различного рода деревьям; каждый должен приносить плоды по роду своему и не должен искореняться вихрем горестей». Все такие библейские представления нашли себе выражение в памятниках христианского искусства¹³. Но для выражения величайшей идеи всемирной церкви Христовой нужен такой символ, который бы обнимал всю эту идею, представлял бы собою всю мировую церковь. Таким символом может быть только храм в виде креста, с символическим изображением в нем

15. Крест на окне Кафедрального собора в Бурге. Франция

«древа жизни». Тип такого храма и был открыт недавно, в 1902 году, в Херсонесе Таврическом.

Что идея Креста, как «древа жизни», присуща церкви-храму, на это указывают многие памятники именно в самих храмах. Так, изображение крестного древа с разветвляющимся нижним концом встречается на стенах храмов, на древних иконостасных преградах, на алтарных апсидах и пр. во многих греческих, кавказских и крымских храмах и в базиликах Херсонеса Таврического [рис. 3]. В особенности примечателен такой крест-«животворящее древо», иссеченный на алтарной апсиде в пещерной церкви св. Климента в Инкерманском скиту в Крыму. Ветвистый крест-«древо жизни» весьма нередко также помещается на главах древних русских храмов над главным куполом. Но превосходный выразитель идеи Креста, как «древа жизни» мировой церкви, это именно древнейший крестообразный храм Херсонеса Таврического.

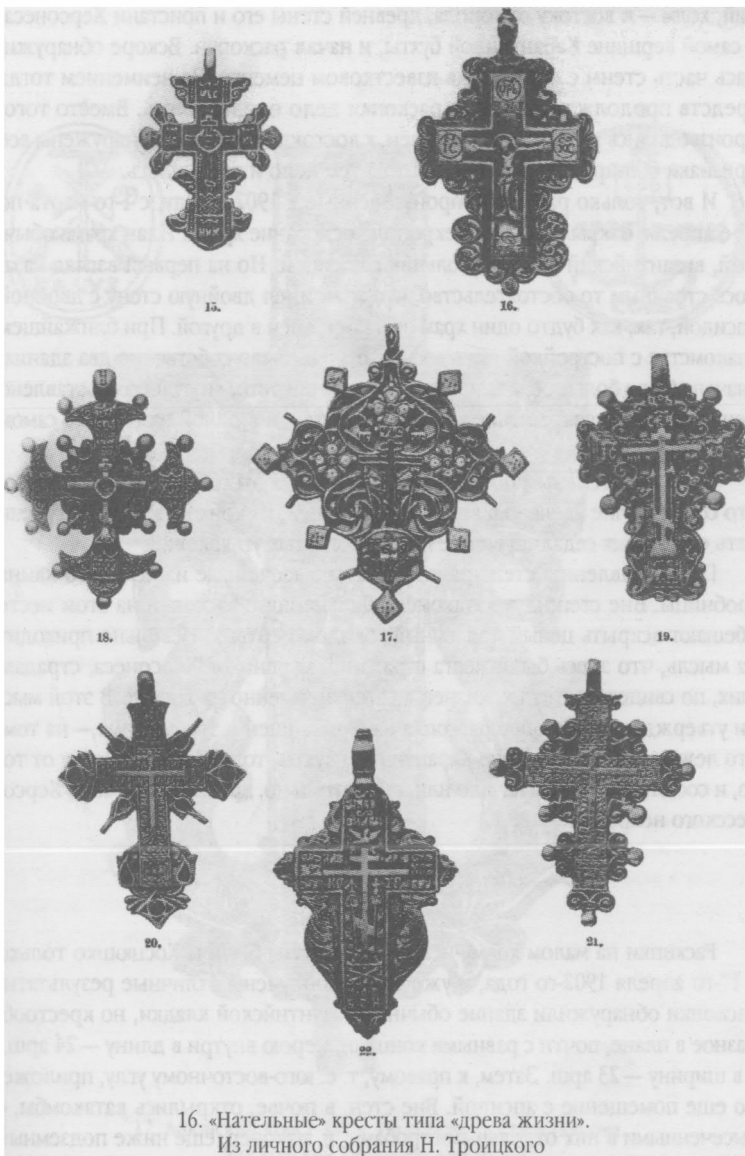
Но прежде чем подробно говорить о самом этом храме,— несколько слов о раскопках в Херсонесе.

В 1903 году исполнилось ровно 50 лет с того времени, как знаменитый основатель Императорского Московского археологического общества и русских археологических съездов, граф Ал. С. Уваров [18; 391], предпринял первые раскопки на месте, где некогда высился людный, торговый, богатый город Тавриды Херсонес.

Известно, что после отлично успешных раскопок гр. Уварова, т. е. после открытия им первой базилики в Херсонесе, дело раскопок остановилось: на смену научным изысканиям явилось хищение... Прекрасный классический мрамор нагружали в баркасы и отправляли в Севастополь — куда? в музей? — нет — на содовую фабрику... И не мрамор только, нет — брали и сбывали все, что попадалось под руку, что можно было брать и продавать днем или ночью. Так это было, и было бы доселе, если бы не был положен конец этому хищению 17 лет тому назад, вследствие энергичнейшего ходатайства от имени Императорского Московского археологического общества, которое представило 1-го июля 1888 года свой доклад об этом Самодержцу земли Русской и Высокому Покровителю и Охранителю святыни и древностей Отечества, в Бозе почившему Императору Александру III-му. Охотно, с радостью и благодарностью назвали бы мы дорогое имя того лица, которое собственно возбудило то энергичное ходатайство, если бы знали, что не оскорбится тем его скромность. Ходатайство гласило: «Повели, Государь, и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечет к изучению своих древностей не только русских ученых, но и путешественников из Западной Европы». Такая «мольба» тотчас вызвала желание Государя «с радостью поддержать» доброе дело изучения древностей Херсонеса: последовало Высочайшее распоряжение спасти сокровища Херсонеса от расхищения, «чтобы не прослыть варварами»¹⁴. Незамедлительно было приступлено к производству правильных раскопок, давших уже блестящие результаты, хотя раскопки производились и не в столь систематическом порядке, как бы это требовалось интересом науки археологии и притом отечественной. Известно, что из очень многого, что приобретено раскопками, многое издано Императорской археологической комиссией; но издано далеко не все, что безусловно интересно: таковы многие фрагменты плит, капителей и т. п., много еще говорящие специалисту, кои хранятся в сарайчике, по-местному — в музее. Обо всем этом много можно бы сказать, но на сей раз скажем лишь о том, что приобретено раскопками в 1902-м году и пока еще не издано¹⁵, и, главным образом, о крестообразном храме.

Еще в 1891-м году заведующий раскопками и музеем в Херсонесе, К. К. Косцюшко-Волюжанич, обратил внимание на один, сравнительно не высо-

16. «Нательные» кресты типа «древа жизни».
Из личного собрания Н. Троицкого

кий, холм — к востоку от города, древней стены его и пристани Херсонеса, в самой вершине Карантинной бухты, и начал раскопки. Вскоре обнаружилась часть стены с кладкой на известковом цементе. За неимением тогда средств продолжать трудные раскопки дело остановилось. Вместо того, производились разведки на соседнем, к востоку, холме, где обнаружены все признаки обширного некрополя. Тогда тем дело и окончилось.

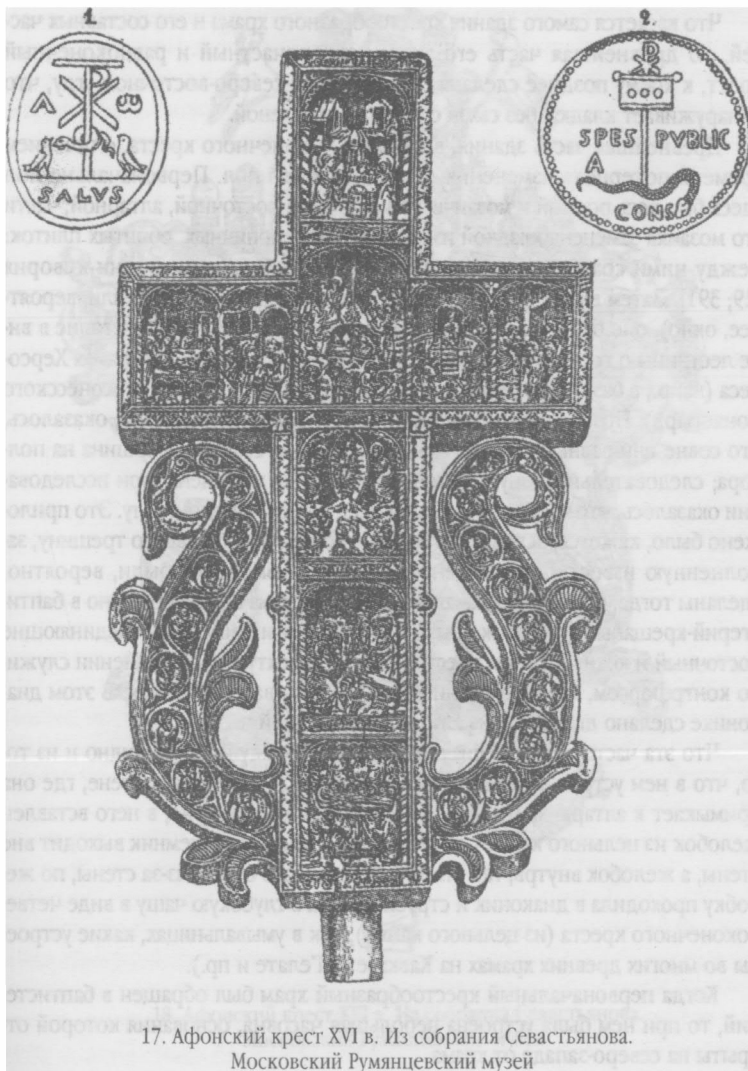
И вот, только раскопки, произведенные в 1902-м году, с 1-го марта по 11-е апреля, открыли на том некрополе основание храма. План храма обычный, византийский четверугольник с апсидой. Но на первый взгляд казалось странным то обстоятельство, что храм имел двойную стену с двойной апсидой, так, как будто один храм был поставлен в другой. При ближайшем знакомстве с постройкой оказалось, что здесь было собственно два здания: сначала было большое, а затем, по разрушении того, внутри его поставлено меньшее. Такое сокращение храма встречается и в одной базилике в самом Херсонесе.

К примечательным особенностям в деталях этого храма относится то, что сопрестолие сделано в виде трех ступеней, из коих на верхней ступени пять отдельных седалищ в виде кругло-вогнутых углублений.

По направлению стен храма открыты высеченные из цельного камня гробницы. Вне стен идут катакомбы. Дальнейшие раскопки на этом месте обещают вскрыть целый подземный городок мертвых. Невольно приходит на мысль, что здесь были места страданий мучеников Херсонеса, страдавших, по свидетельству их жизнеописателей, именно на холмах. В этой мысли утверждает еще более раскопка на ближайшем к этому холме,— на том, что лежит в самой вершине Карантинной бухты, только через дорогу от того, и составляет как бы начало или, сравнительно, древнейшую часть Херсонесского некрополя.

VII

Раскопки на малом холме-некрополе начаты были г. Косцюшко только с 17-го апреля 1902-го года, и уже теперь получены отличные результаты. Раскопки обнаружили здание обычной византийской кладки, но крестообразное в плане, почти с равными концами, мерою внутри в длину — 24 арш., а в ширину — 23 арш. Затем, к правому, т. е. юго-восточному углу, приложено еще помещение с апсидой. Вне стен, в почве, открылись катакомбы, с высеченными в них отдельными гробами, и, наконец, еще ниже подземный ход в виде сводчатого коридора, открытый в то время еще только на 11-ть сажень; от главного направления этого коридора идет ветка его в сторону, открытая на 4 аршина. Этот ход-коридор направляется к главному холму —

некрополю и, вероятно, служит соединением обоих. И все пространство холма замкнуто глухой стеной — оградой, которая открыта была еще только с севера и северо-запада.

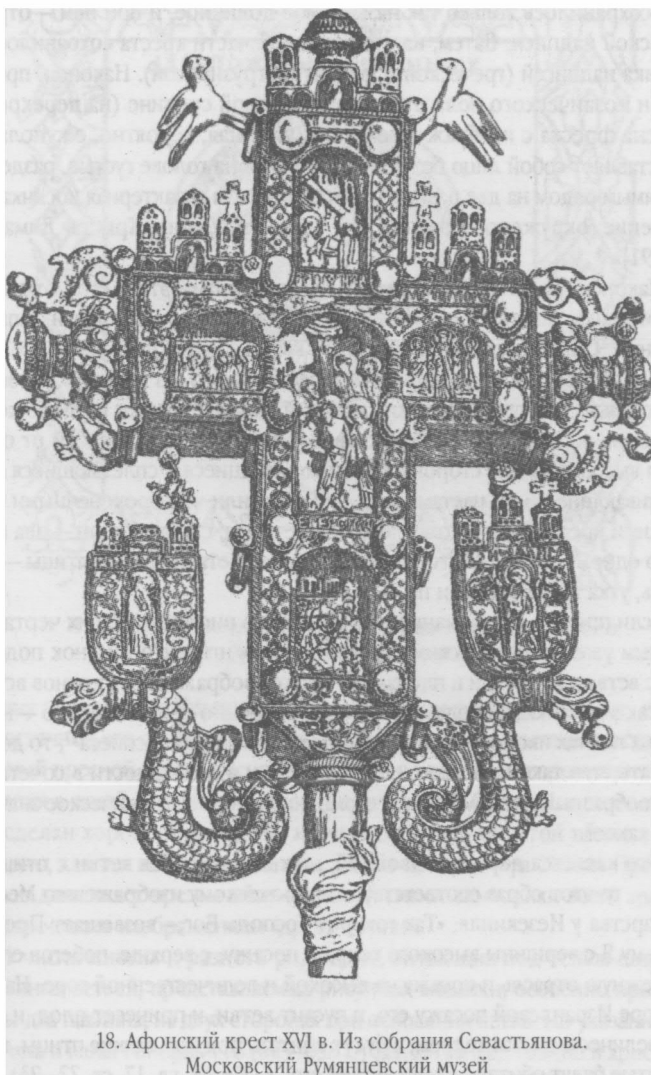
Что касается самого здания крестообразного храма и его составных частей, то древнейшая часть его это — четверочастный и равноконечный крест, к коему позднее сделана пристройка в северо-восточном углу, что обнаруживает кладка, без связи с крестчатой стеной.

Древнейшая часть здания, в виде равноконечного креста, с течением времени потерпела изменения, и прежде всего пол. Первоначально пол здесь был весь ровный и мозаический, а затем в восточной, алтарной, части его мозаика заменена кладкой из квадратных, кирпичных, облитых плиток: между ними сохранилось четыре мраморных базы для колонн кивория [19; 391]. Затем в восточной стене было отверстие (или дверь, или, вероятнее, окно), оно было заложено. К этой стене приложено сопрестоліе в виде лестницы о трех ступенях, каковые встречаются и в других храмах Херсонеса (напр., в базилике, открытой в 1897 году внутри ограды Херсонесского монастыря). Потом, при сравнении южного конца с северным, оказалось, что совне они равны, а внутри — южный короче северного аршина на полтора; следовательно, изнутри стена этого конца утолщена; при исследовании оказалось, что часть стены поставлена на мозаическом полу. Это приложено было, кажется, вследствие того, что стена дала большую трещину, заполненную известковым цементом. Все эти изменения были, вероятно, сделаны тогда, когда первоначальное здание храма было обращено в баптистерий-крещальню; тогда же были приложены и две стены, соединяющие восточный и южный концы креста, что в архитектурном отношении служило контрфорсом, а в отношении к храму образовало диаконик. В этом диаконике сделано два входа, из алтаря и из средней части храма.

Что эта часть служила диакоником, это, между прочим, видно и из того, что в нем устроена каменная умывальница, именно так: в стене, где она примыкает к алтарю храма, сделано небольшое отверстие, в него вставлен желобок из цельного камня с широким приемником; приемник выходит вне стены, а желобок внутрь, так что вода наливалась совне, из-за стены, по желобку проходила в диаконик и струей падала в глубокую чашу в виде четвероконечного креста (из цельного камня), как в умывальницах, какие устроены во многих древних храмах на Кавказе (в Гелате и пр.).

Когда первоначальный крестообразный храм был обращен в баптистерий, то при нем была устроена небольшая часовня, основания которой открыты на северо-западе от храма.

Относительно убранства храма можно судить по некоторым, очень немногим остаткам. Прежде всего, по сохранившимся остаткам фресок в разных местах храма, очевидно, что он весь был расписан изображениями свя-

18. Афонский крест XVI в. Из собрания Севастьянова.
Московский Румянцевский музей

тых, в рост. К сожалению, не осталось ни одного цельного изображения. Так, на стене северной части креста осталась фреска с тремя фигурами, от коих сохранилось только так называемое доличное, и при нем — отрывок греческой надписи. Затем, на стене южной части креста сохранилось два отрывка надписей (греческой и, вероятно, грузинской). Наконец, при очищении мозаического пола от мусора, на самой середине (на перекрестье) найдена фреска с изображением лика, упавшая, вероятно, с купола. Она представляет собой лицо без бороды, волосы на голове густые, разделяются прямым рядом на две равные части, над челом характерная косичка. Изображение окружено нимбом. Это, вероятно, лик Христа Еммануила [20; 391].

Наконец, самая замечательная часть этого храма, это — его мозаический пол. Мозаика заполняет середину и три конца здания — северный, западный и южный. Она выполнена мраморными квадратиками четырех цветов — белого, черного, розово-красного и светло-желтого, из коих, кроме белого, все местные¹⁶. Рисунок мозаики сложный, симметрически расположенный и отчетливо выполненный, представляет большую вазу, из коей от одного корня выходят на две стороны две гибко выющиеся и сплетающиеся ветви, оканчивающиеся или цветами, или плодами, или четвероконечными византийскими крестиками. Около вазы, под ветвями, с двух сторон — два павлина, по одному с каждой стороны, а в кольцах ветвей разные птицы — орел, голубь, утка и даже рыба и пр.

Если принять во внимание сходство этого рисунка в общих чертах с известным уже символическим «деревом жизни» и то, что рисунок подобной вазы с ветвями, цветами и плодами, а также изображение павлинов встречается как в мозаиках на полах, так и — что особенно примечательно — на мраморных плитах иконостасной преграды в базиликах Херсонеса¹⁷, то должно полагать, что такой рисунок и сам по себе, и в особенности в сочетании с крестообразным планом храма, несомненно имеет символическое значение. Но — какое?

Что касается дерева, — двойной, нежно выющейся ветви с птицами и проч., — то этот образ соответствует пророческому изображению Мессии и Его царства у Иезекииля: «Так говорит Господь Бог, — возвещает Пророк, — и возьму Я с вершины высокого кедра и посажу; с верхних побегов его оторву нежную отрасль и посажу на высокой и величественной горе. На высокой горе Израилевой посажу его, и пустит ветви, и принесет плод, и сделается величественным кедром, и будут обитать под ним всякие птицы, всякие пернатые будут обитать в тени ветвей его...» (Иезек. гл. 17, ст. 22—23). Такая полнота и неистощимая сила этого «древа жизни» будет потому, что «вода для него потечет из святилища», как говорит Иезекииль в другом своем пророчестве о том же (гл. 47, ст. 12). Весьма примечательно, что соответствен-

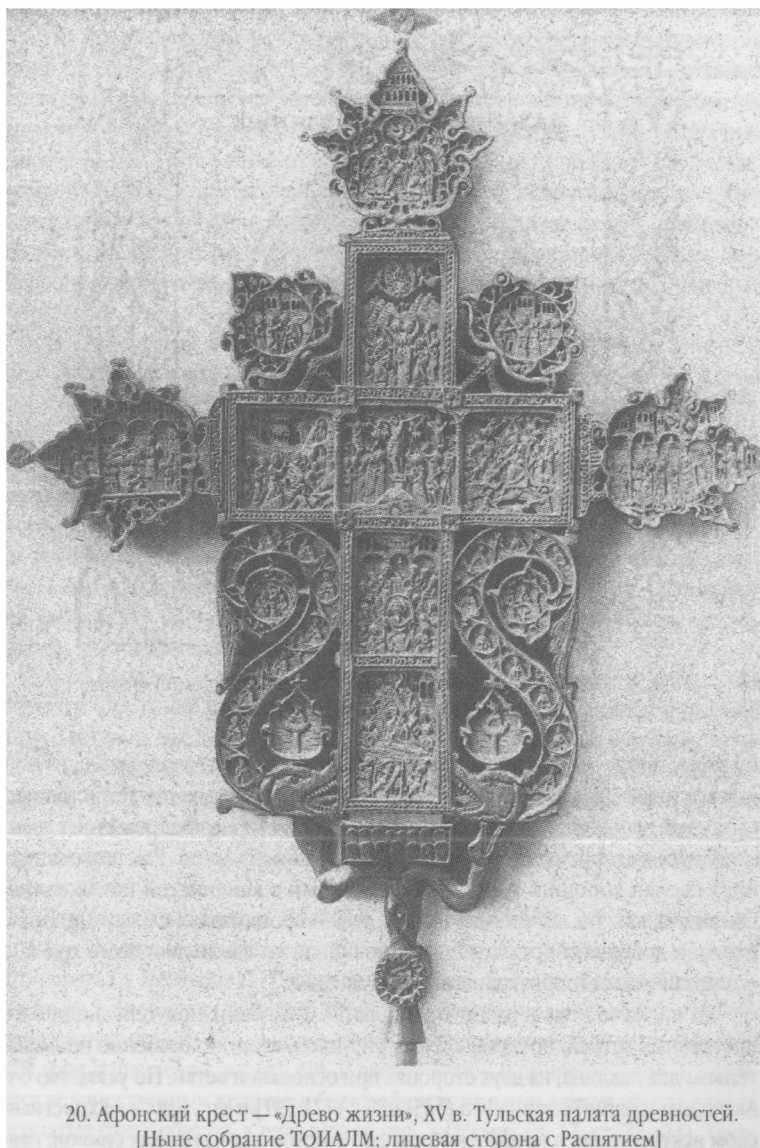

19. Изображение ада на т. н. Корсунских (Шведских) вратах Новгородского Софийского собора

но этому пророчеству Иезекииля, при самом этом крестчатом храме, из-под юго-восточной его стены, т. е. прямо из-под святилища, вытекает источник, обильный пресной водой, несмотря на то, что холм, на котором стоит храм, находится в самой вершине морской (Карантинной) бухты. Для этого источника сделан хороший колодезь, иссеченный в каменистой почве холма. Очевидно, как эта интересная деталь, точно соответствуя словам Пророка, отлично дополняет чрезвычайно глубокий смысл символики всего храма, с его мозаическим изображением «древа жизни».

Из числа многих и разного рода птиц, витающих под тенью широколиственных ветвей, представляемых рисунком мозаики, особенно примечательны два павлина, на двух сторонах при основании ветви. По указанию бл. Августина и папы Гонория I-го (625–638 г.) [21;391] и др., павлин в христианском искусстве имел несомненно символическое значение. Как символ, павлин встречается здесь очень рано и является образом самобытного света, откуда — просвещения, возрождения к светлой жизни (в крещении), — весны, воссоздания природы, воскресения и вечной блаженной жизни. В та-

20. Афонский крест — «Древо жизни», XV в. Тульская палата древностей.
[Ныне собрание ТОИАЛМ; лицевая сторона с Распятием]

21. Афонский крест — «Древо жизни», XV в. Тульская палата древностей.
[Ныне собрание ТОИАЛМ; оборотная сторона]

ком именно значении он встречается в настенной живописи катакомб, в мозаиках базилик, в баптистериях, на саркофагах и пр. и в разных местах — в Риме, Неаполе, Равенне, как и в Херсонесе. Отсюда понятно, почему образ павлина является при изображении рая в виде сада, как на стенописи в «усыпальнице пяти святых» в Сан-Сотере¹⁸. Примечательно, что здесь, при основании дерева, именно не один, а два павлина и — только два, — так, как при «древа жизни» два крылатых гения — у ассириан и вавилонян, два льва — у персов и арабов, два дракона на памятниках Византии.

Ввиду всего этого, следует признать, что в мозаике Херсонесского крестчатого храма (м. б., и баптистерия), и притом над катакомбами, изображение двух павлинов с двух сторон многоветвистой и двойной ветви означает просвещение и возрождение к духовной жизни на земле, а также и воскресение умерших с их телами для вечной жизни — сугубой благодатью Нового Завета. А самый храм — крест, в пределах стен коего заключается это изображение, находясь именно здесь, над катакомбами многих блаженно почивших, представляет собой величественный символ единого мирового «Древа Жизни», — животворящего Креста Господня, объемлющего своей непобедимой и непостижимой силой всех, всяких и всюду сущих членов Церкви Христовой — живых и умерших, небесных, земных и преисподних.

И не здесь ли было место страдания херсонесских христиан-мучеников? Не этот ли собственно холм был Голгофой древнего Херсонеса и Тавриды? Не здесь ли впервые возблистал свет Христов для самого Херсонеса?

Так знаменательно теперь это недавнее открытие здесь этого древнейшего Храма-Креста!

Судить собственно о древности как самого крестчатого храма и некоторых его пристроек, так и сущих при нем катакомб, есть значительно твердые основания. В катакомбах находились во множестве монеты только IV-го века, в крестчатой части храма — монеты разных времен, а в диаконике, в известковом цементе, найдено 14-ть монет императора Юстиниана I-го [22; 391]; следовательно, катакомбы несомненно существовали в IV-м веке, а крестчатый храм, может быть, построен над ними позднее, однако, не позднее конца VII-го века. За это в некоторой мере ручается мозаический рисунок «древа жизни», помещенный на полу храма: в этом рисунке, в числе прочих предметов, неоднократно встречается изображение креста; между тем, в VII-м веке Шестой Вселенский (Константинопольский) Собор (680—692 г.) строжайше запретил изображать крест на земле, на полу, что потом подтвердил и разъяснил известный толкователь соборных правил Вальсамон¹⁹.

Таким образом, следует принять, что первоначально над катакомбами был сооружен небольшой крестообразный храм с мозаическим рисунком символического «древа жизни», потом, в VI-м веке, при Юстиниане I-м, к не-

му пристроен диаконик; еще позднее, несколько поразрушившиеся от времени стены храма частью были восстановлены и покрыты фресковой росписью, что — ввиду несколько сохранившейся грузинской надписи, — вероятно, совершенно в цветущий век Грузии, при царице Тамаре и, может быть, при ее участии.

Так, среди развалин, в пределах древнего и священного Херсонеса Таврического, в 1902-м году, открыт древнейший храм в виде Креста, с прекрасным мозаическим символом «Древа Жизни», в самых недрах его и над катакомбами херсонесских христиан. Вот величественный и всеобъемлющий образ идеи всемирного Царства Христова, во внутреннем единении со Христом, представляющего единое, всемирное, истинное «Древо вечной жизни».

Местонахождение этого знаменитого памятника христианской древности здесь, в Херсонесе, особенно примечательно: ведь в этом священном городе получила первоначало своей духовной жизни великая ветвь древа вселенской церкви Христовой — православная Русская церковь; в церкви-базилике этого града просвещен светом благодати и восприял крещение Великий Князь Киевский Владимир — глава славяно-русского народа, просветивший потом свой родной народ и приобщивший его ко Христу, как бы прививший его к единому истинному Древу вечной жизни.

Раскопки на месте Херсонеса Таврического, открывшие из праха развалин не только обширный город с его улицами, домами, храмами, но и обширный некрополь вне его стен с катакомбами, дают ему право на название не только «русской Помпеи», но и «русского подземного Рима».

Примечания

¹ Крест, как «древо жизни», был предметом моего реферата на XII Археологическом съезде в Харькове, в 1902 г., но относящиеся сюда памятники искусства издаются мною здесь впервые: из них и по глубине содержания и по высокому художественному достоинству особенно важное значение имеет Крест «древо жизни», принадлежащий Тульской палате древностей. *Автор*.

² Francois Lenormant. Histoire ancienne de l' Orient jusqu' aux guerres mediques. T. 1. Paris. 1881. Pag. 32—35.

³ Ferdinand Piper. Der Baum des Lebens. Evangelischer Kalender. Jahrbuch fur 1863. Berlin. 1863. St. 22—23.

⁴ F. Piper. Der Baum des Lebens. St. 23

⁵ Ernst von Bunsen. Das Symbol des Krenzes bei allen Nationen und die Entstehung des Kreuz — Symbols der Christlichen Kirche. Berlin. 1876. St. 91 und folg.

⁶ Эта надежда на лучшее, вместе с сознанием глубины падения и с мыслью об Искупителе, имеющим насадить райское «древо жизни», превосходно выражена в карти-

не Берна Джонса [Рис. 7.] «Прародители у райского древа жизни»: Адам, сложивши длани рук в молитвенный жест. И Ева с двумя детьми, из коих маленький Каин у ног матери, а малютка Авель на левой руке ее. Вся группа проникнута чувством глубокой скорби, но не отчаяния: наоборот, обращая взор к «древу жизни», прародители созерцают искупителя, распростирающего объятия страждущей за них и спасающей любви... Внизу, по стрельчатой арке, подпись: In mundo. Pressuram. Habebitis. Sed. Confidite. Ego, vici mundum., что в славянском переводе значит: в мире скорби будете: но держайтесь, яко Аз победих мир (Иоан. 16: 33). Примечания: Сэр Эдуард Берна Джонс — английский художник (1833—1898). К лучшим его произведениям принадлежат картины «Дни творения; сюда же относится и помещаемая здесь картина, подлинник которой находится в Риме, в Американской англиканской церкви. [Данный отрывок и примечания из: Троицкий Н. Крест Христа — «древо жизни» // Светильник.— 1914.— № 3.— С. 4—5.]

⁷ F. Piper. Der Baum des Lebens. St. 67.

⁸ F. Piper. Der Baum des Lebens. St. 67—68 und folg.

⁹ Прекрасное хромолитографированное изображение этого креста пр. Евфросинии помещено в издании П.Н. Батюшкова: Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. С.-Петербург. 1890 г. Стр. 24—25, 29—30. Подробное точное описание и объяснение креста см. в конце книги, стр. 39—42.

¹⁰ F. Piper. Der Baum des Lebens. St. 79—81.

¹¹ F. Piper. Der Baum des Lebens. St. 87—89.

¹² Г. Д. Филимонов. Значение луны под крестом, по Афонским памятникам Севастьяновского собрания. См. «Сборник на 1866-й год. Изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном Музее». Москва. 1866 г. Стр. 157—162.

¹³ F. X. Kraus. Real — Encyklopadie der christlichen Alterthumer. B.I. Freiburg im Breisgau. 1882. W. Baum.

¹⁴ Дело об этом хранится у К. К. Косцюшки-Воложанича, заведующего раскопками Херсонеса, и просмотрено нами лично.

¹⁵ Раскопки Херсонеса осматривались и приобретения музея, как и открытый здесь крестообразный храм, изучались нами в июле 1902 года.

¹⁶ Черный мрамор получался близ Георгиевского монастыря, красный из Балаклавы, желтый близ самого Херсонеса, а белый, вероятно, из остатков мраморных зданий классической эпохи Херсонеса.

¹⁷ Ср. И. Мансветова: Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. Москва. 1872 г. Стр. 86-я, п. 81-й.

¹⁸ F. X. Kraus. Real — Encyklopadie der christlichen Alterthumer. B.II. Freiburg im Breisgau. 1886. W. Pfau. B. I. W. Baum.

¹⁹ Правило 73-е Шестого Вселенского собора говорит: «Поелику Животворящий Крест явил нам спасение, то подобает нам всякое тщание употреблять, да будет воздаема подобающая честь тому, чрез что мы спасены от древняго грехопадения. Посему и мыслию, и словом и чувством поклонение сему приносим, повелеваем: изображения Креста, начертываемые некоторыми на земли, совсем изглаждати, дабы знамение победы нашей не было оскорбляемо попираaniem ходящих. Итак, отныне начертывающих на земли изображение Креста повелеваем отлучати». Вальсамон, в

объяснение этого правила, между прочим, говорит: «Некоторые на полах церквей, или и других мест делали крестныя знаменія из камня или из других веществъ. Итакъ, правило, запрещающее это, говоритъ, что черезъ животворящій Крестъ совершено спасеніе людей, и должно намъ воздавать ему соответствующую честь... Посему определило уничтожать изображенія Креста, находящіяся где бы то ни было на землѣ, дабы не было попираемо ходящими знаменіе победы нашей надъ диаволомъ». И еще: Шестая глава «Василія» говоритъ: «На полу, или на жерновномъ камнѣ, или на половомъ мраморѣ никто не долженъ вырезывать или писать Крестъ. Но, если написанъ, должно уничтожить оный, подвергнувъ нарушителя тягчайшему наказанію» // Правила святыхъ Вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Часть 2-я. Правила соборовъ 5—7. Изданіе Московскаго общества любителей просвѣщенія. Москва. 1877. Стр. 515—516.

КОММЕНТАРИИ

КУЛИКОВСКАЯ ПОБЕДА

¹ ...*богатырская Русь времен великого Киевского князя св. Владимира* — Владимир (?—1015). Святой, равноапостольный, великий князь Киевский, при котором осуществлено было крещение Руси. Официальная история православной церкви в России начинается с Владимира святого.

² *По кончине вел. князя Московского Ивана II* — Иван II Красный (1326—1359), великий князь Владимирский и Московский с 1354 г. Сын Ивана I Калиты, брат Симеона Гордого. В 1340—1353 гг. князь Звенигородский и Рузский. Продолжил объединение русских земель вокруг Москвы. Выступал третейским судьей в спорах между русскими князьями.

³ ... *кроме того бесермен, армян, фрязов, черкасов, ясов, буртасов, литовцев и ляхов — бесермен* — мусульманских купцов-откупщиков монгольской дани в завоеванных странах; изгнаны были с Руси после восстаний в русских городах 1262 года; в русском языке «басурман» — грабитель, разбойник; *фрязов* — наемников из генуэзской пехоты; *черкасов* — черкесов, кабардинцев и др. народности Кавказа; *ясов* — аланов — предков осетин, живших в Приазовье и Предкавказье; *буртасов* — народность, родственная мордве, обитавшая по берегам Волги, ассимилированная позднее волжскими булгарами; *ляхов* — поляков.

⁴ ... *на груди своей носил крест-энколпий* — энколпион (в пер. с греч. «на груди»), литой складной двустворчатый нагрудный крест с подвижным оглавием, предназначенный для хранения мощей или иных святынь, большая масса таких крестов относится к X—XIV вв.

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

¹ *в лице ближайшего к нам по времени историка Теодора Моммзена — Моммзен Теодор (1817—1903), немецкий историк античности. В 1858 по инициативе М. и под его руководством начинается публикация «Корпуса латинских надписей» (т. 1 вышел в 1863). Написанная им с либеральных позиций «Римская история» и в настоящее время является одним из популярных исторических сочинений (Нобелевская премия по литературе, 1902). Является автором работ по истории античности.*

² *У Геродота замечается идея — Геродот из Галикарнаса (ок. 484—425 до н. э.), греческий историк из области Кария. Оставил после себя записанное на ионийском диалекте «Изложение событий», где проследил историю отношений между древневосточными деспотиями (Азия) и греческими рабовладельческими государствами (Европа), кульминационным пунктом которых стали греко-персидские войны. Цицерон удостоил его почетного имени Отца истории. Олицетворял переход от логографов к Фукидиду (внутри развития греческой описательной истории); положил начало собственно греческой историографии. Для его трудов характерна вера в действие религиозно-этических сил в истории.*

³ *...у Фукидиды господствует идея причинности и закономерности — Фукидид (460—396 до н. э.), афинский историк, владелец богатых золотых приисков во Фракии, состоял в родстве с Мильтиадом. Написал «Историю Пелопоннесской войны» (не закончена), в которой принимал участие. Ставил перед собой задачу как можно более объективно излагать события исторического и политического развития общества. Считается основателем прагматической историографии, которую он успешно противопоставил описательной. Первым из историков рассматривал исторические события в органической взаимосвязи с главными движущими силами и путями развития.*

⁴ *Ксенофонт отличается, главным образом, мастерскими характеристиками отдельных исторических личностей — Ксенофонт Афинский, родился 430—425 в Афинах, умер после 355 до н. э. в Коринфе, историк и писатель; ученик Сократа, не проявивший глубокого интереса к философии. Написал труды: «Анабасис», «Греческая история»; «Агесилай», «Лакедемонская конституция»; «О доходах», «Домострой»; «Апология» и мн. др. Его произведения отличаются простотой языка и ясностью изложения; сохранились полностью и многократно переиздавались.*

⁵ *мысль о закономерности господствует у Аристотеля — Аристотель Стагирит (род. в 384, Стагир, ум. в 322 до н. э., Халкида, о. Эвбея), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист, основатель перипатетической школы; из семьи врачей при дворе македонских царей. Автор «Афинской Политии». Оказал огромное влияние на философские направления средневе-*

ковья и нового времени. Его учение может иметь и последовательно материалистическое и объективно-идеалистическое истолкование. В схоластике было использовано учение о бессмертной части души, «неподвижный предводитель» был отождествлен с христианским понятием бога.

⁶ *Полибий придает значение* — Полибий (ок. 200—120 до н. э.), древнегреческий историк из Мегалополиса, сын влиятельного политического деятеля Ахейского союза; политик и командующий конницей ахейцев. Стремясь критически проанализировать истинные причины и ход исторических событий, внес важный вклад в развитие исторического метода в античной историографии. В изображении исторических процессов придавал большое значение великим историческим личностям, природным условиям, а также судьбе как движущим силам развития. Главный труд — «Всемирная история».

⁷ *...одни во главе с Карлейлем, признают господствующее значение мысли* — Карлейль Томас (1795—1881), английский философ, историк и либератор. По своим взглядам был близок к пантеизму: божественная идея (она же душа мира, добро) составляет основу видимой реальности, сущность каждой личности. Не придавая значения внешней стороне религии, видел в ней прежде всего веру, выражающую связь человека с «таинственной вселенной», с богом. Все подлинное постигается с помощью откровения. Историю, по Карлейлю, творят великие люди, герои. Основное сочинение «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841).

⁸ *... другие, коих представитель Бокль* — Бокль Генри Томас (1821—1862), английский историк и социолог-позитивист, представитель географической школы в социологии. Основной труд «История цивилизации в Англии» (1857—1861; рус. пер. 1861).

⁹ *... кто вступал с ним в полемику, как проф. Грановский* — Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк, общественный деятель. С 1839 читал в Московском университете курсы истории средних веков, древней истории, истории нового времени; первый российский медиевист. С 1845 экстраординарный, с 1849 ординарный профессор Московского университета; в 1855 избран деканом исторического факультета. Один из лидеров московских западников. В отличие от А. И. Герцена, Н. П. Огарева, В. Г. Белинского, считал, что революции наносят ущерб цивилизации, доказывал преобладающую роль просвещения.

¹⁰ *...в это время посетил наш край известный патриот граф Ф. В. Ростопчин* — Ростопчин Федор Васильевич (12.03.1763—18.01.1826), русский государственный деятель, граф (с 1799). Фаворит Павла I. В 1798—1801 — фактический руководитель Коллегии иностранных дел. Неудачная борьба с новым фаворитом Павла I — П. А. Паленом завершилась для Ростопчина отставкой (1801) и ссылкой в Москву. Находился в оппозиции к курсу правительства Александра I. С мая 1812 до 1814 — главнокомандующий (ген.-губернатор) в Москве. В обстановке Отечественной войны 1812 г. вместо реальной помощи отступающей русской армии вел шумную антифранцузскую

пропаганду с позиций демагога-патриота. В 1814 назначен членом Государственного совета. С 1823 — в отставке, работал над воспоминаниями. После 1812 за Ростопчиним утвердилась слава инициатора московского пожара. Сам он от этого публично отказывался.

СТО ЛЕТ БЫТИЯ ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

¹ ...здесь был открыт единоверческий приход и храм — единоверие как одно из течений старообрядчества возникло в результате соглашения наиболее умеренных старообрядческих кругов с официальной Русской православной церковью, оформленное в 1800 г.; единоверцы были подчинены Синоду, но службу в своих церквях совершали по своим правилам.

² ...чтобы прежний бурсак стал предметом преданий старины глубокой — от слова бурса — в дореволюционной России школы при духовных училищах и семинариях; в переносном значении — школа с бессмысленной зубрежкой из-под палки.

³ ... не опускались ниже крил [крыльев] их епископского орла — имеется в виду орлец — маленький круглый коврик с изображением летящего орла, который кладут епископу во время богослужения под ноги.

ТУЛЬСКИЙ БОГОРОДИЧНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО В ЩЕГЛОВЕ

¹ ...под начальством царского наместника, незабвенного князя Григория Ивановича Темкина-Ростовского — Темкин-Ростовский Григорий Иванович, князь, воевода в царствование Ивана Грозного, 3-й из четырех сыновей кн. И. И. Темкина-Ростовского. До 1550 г. числился в ярославских старичьих детях боярских. В мае того же года участвовал в казанском походе 3-м есаулом. В 1552 г. — 1-й воевода и наместник в Туле. 21 июня прислал царю гонца с сообщением о нападении хана Девлет-Гирея на Тулу. 22 июня Темкину удалось отбить все приступы татар, несмотря на малочисленность защитников кремля. Утром, узнав о приближении московских войск во главе со знаменитыми воеводами кн. П. Щенятевым и кн. А. Курбским, хан стал отступать. Темкин с туляками бросился преследовать его, многих перебил, взял большой полон и всю артиллерию. Н. П. Карамзин называл Темкина в связи с осадой Тулы «бодрым начальником». В 1552 г. под его руководством именитыми и простыми жителями Тулы в благодарность Господу за победу над войсками крымского хана была построена тульская мужская обитель — Предтечев монастырь. В 1562 г. водил сторожевой полк в Серпухов, а оттуда через Тулу против крымцев в Мценск. Год смерти неизвестен.

² ...и Смоленской иконы Богоматери — Одигитрии — иконографический тип Богородицы: Ее изображение поясное, в рост или сидящей на троне, держащей Богомладенца Иисуса на левой руке. 10 августа (по ст. ст. 28 июля) празднование Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрией» (1046). Образ был привезен из Константинополя в Смоленск в начале XII в., в 1398 г. перенесен в Благовещенский собор Московского Кремля, в 1456 г. возвращен в Смоленск. Снятые с него списки помещены в кремлевском Благовещенском соборе и в Смоленском соборе (1525) Новодевичьего монастыря.

³ По метрическому свидетельству Московской духовной консистории — метрическое свидетельство — выписка из метрических книг (специальных реестров), в которых в дореволюционной России регистрировались акты гражданского состояния; Консистория духовная — в Русской православной церкви в 1774—1918 орган церковно-административного управления при епархиальном архиерее, возглавлялась секретарем, назначаемым обер-прокурором Синода и ему подчинявшимся.

⁴ ...ишет туда свою лепту чрез московского военного генерал-губернатора графа Закревского — Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф, генерал от инфантерии (1829). В 1828—1831 министр внутренних дел, подавлял «холерные бунты». В 1848—1859 московский генерал-губернатор.

⁵ ...митрополиты Платон и его ученик и преемник Филарет — Платон (Левшин, 1737—1812), митрополит Московский (с 1775), известный своей просветительской деятельностью (катехизисы, проповеди, первый систематический курс русской церковной истории и др.); Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782—1867). Святой, святитель, выдающийся иерарх Русской православной церкви, митрополит Московский, богослов, просветитель, оказавший большое влияние на жизнь русского общества.

⁶ ...за чтением священных книг — Евангелия, Книги Деяний Апостольских и Четиех Миней — Евангелие (греч. благая, радостная весть), первые четыре книги Нового Завета, повествующие о земной жизни Иисуса Христа; Апостол — книга, содержащая деяния и послания апостолов, предназначенная для чтения при богослужении, составная часть Нового Завета; Четьи Миней — сборники, содержащие жития святых, расположенные в календарном порядке в соответствии с днями празднований.

⁷ ...пожелал пригласить доктора В. И. Смидовича — Смидович Викентий Игнатьевич (род. в Каменец-Подольске 3(15) сент. 1835 — ум. в Туле 15(27) нояб. 1894), поляк по национальности, католик по вероисповеданию, врач, общественный деятель. По окончании Московского университета (1860), приезжает в Тулу и занимает место ординатора в больнице Тульского приказа общественного призрения. После выхода в отставку (1867) занимается частной врачебной практикой. Инициатор создания в Туле первого научного общества — Общества тульских врачей (1862), при котором при содействии В. И. Смидовича была открыта лечебница «для приходящих больных»

(1864). Создал в Туле Санитарную комиссию при городской Управе (1887). Автор труда «Санитарно-экономический очерк: Материалы для описания города Тулы». Умер от сыпного тифа, заразившись от больного, похоронен на Всехсвятском кладбище Тулы, могила не сохранилась.

⁸ *...над ним было совершенно таинство Елеосвящения* — Елеосвящение (Соборование), одно из семи христианских таинств, совершаемое священниками над больными и состоящее из чтения молитв, Апостола, Евангелия и помазания елеем крестообразно лба, ноздрей, щек, рта, груди и рук больного.

⁹ *...При Батрасовском поташном заводе* — поташ — техническое название калия карбоната.

¹⁰ *...отправился на Афонскую гору* — Афон, Святая Гора — центр православного монашества, находящийся на гористом полуострове на северо-востоке Греции, место паломничества всего православного мира. Там находится и Русский афонский Пантелеимоновский монастырь, основанный в конце XI в., который имеет библиотечное собрание уникальных книг и рукописей.

¹¹ *...он прибыл в Брянскую Оптину пустынь* — ошибка в тексте; видимо, прибыл в Орловскую губернию, Оптин Троицкий мужской монастырь, основанный в XV в. (по др. ист. XVI в.), г. Болхове, на берегу р. Нутры.

¹² *...отправился в Орловскую Белобережскую пустынь* — ошибка в тексте; видимо, отправился в Брянскую губернию, в Иоанно-Предтеченскую Белобережскую пустынь, основанную в 1661 в урочище Белые берега, у р. Снежоти [Снежеди].

¹³ *...вознамерился принять схиму* — схима — высшая степень монашества, принятие самого строгого монашеского обета, что во внешнем облике отмечалось ношением куколя — пришитого к вороту одежды колпака — и аналава с изображением «осьмиконечного, с подножием, креста, орудий страстей Господних, адамовой головы и пр.» Для монахов-схимников существовало «тысячное правило» (600 молитв и 400 поклонов).

¹⁴ *Алексия митрополита Московского и всея России* — Алексей, митрополит Русской православной церкви (90-е гг. XIII — 1378). Сын черниговского боярина Ф. Бяконга, находившегося с кон. XIII в. на службе у московского князя. Будучи почти четверть века (1354—1378) митрополитом московским, т. е. главой Русской православной церкви в тот период, а во время княжения Ивана Ивановича Красного и малолетнего князя Дмитрия Ивановича (Донского) фактически главой правительства, добивался возвышения Московского княжества как центра объединения русских земель.

¹⁵ *...у Святейшего Синода разрешения* — Святейший правительствующий Синод — высший государственный орган церковного управления, создан Петром I в 1721, объединял высших церковных иерархов, во главе с назначаемым императором гражданским чиновником (обер-прокурором). Ведал делами Русской православной церкви.

¹⁶ *Некогда царь Давид* — Давид (конец XI — начало X до н. э.), один из известных персонажей книг Ветхого Завета — израильский царь, автор псалмов.

¹⁷ *Св. Антиминс* — от греч. «местопрестоліе», четырехугольный плат с изображением погребения Иисуса Христа и с частицами святых мощей, находящийся на престоле в алтаре и необходимый для совершения литургии.

¹⁸ *На горнем месте написан* — горнее место за престолом в алтаре, где постоянно или временно находится кресло одного из высших церковных иерархов — епископов, архиепископов, митрополитов.

¹⁹ *...дочь Иродиады изображена стоящей с блюдом* — в Евангелиях рассказывается, что Иоанн, крестивший Иисуса и многих евреев в реке Иордан, за обличительные речи против правителя Галилеи Ирода Антипы был арестован и по наущению жены Ирода — Иродиады казнен отсечением головы. Древнееврейский историк Иосиф Флавий, живший в I в., в своем произведении «Иудейские древности» упоминает проповедника Иоанна, казненного Иродом.

²⁰ *«I. H. C. I.»* — «Иисус Назарянин Царь Иудейский» — на иконографических изображениях символически повторяет надпись на таблице Голгофского креста, на котором был распят Иисус Христос.

ТУЛЬСКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

¹ *...первоначально принадлежала царю и великому князю Федору Иоанновичу, сыну царя Грозного* — Федор Иоаннович (1557—1598), последний царь (с 1584) из династии Рюриковичей. Сын Ивана IV и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой.

² *Это осуществил царь и великий князь Алексей Михайлович* — Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645. Сын царя Михаила Федоровича, отец Петра Великого.

³ *...при великом князе Василье Иоанновиче* — Василий III (1479—1533), великий князь московский с 1505. Сын Ивана III, отец Ивана IV Грозного. Завершил объединение Руси вокруг Москвы.

⁴ *В Туле был мужской монастырь Иоанна Предтечи* — Иоанно-Предтеченский мужской монастырь построен в 1552 в Туле под руководством тульского наместника Г. И. Темкина-Ростовского. С 1799 — архиерейский дом. К настоящему времени постройки монастыря и архиерейского дома не сохранились, само место занято комплексом построек тульского ФСБ.

⁵ *...икона святителя Николая Чудотворца, именуемая «Тульской»* — в настоящее время местонахождение чудотворной иконы не установлено.

⁶ ...*в рясофоре Магдалина, в схиме Феодосия* — рясофорная монахиня находилась на первой, низшей степени монашества, имела право носить рясу и камиллавку; схи́ма — высшая степень монашества.

⁷ ...*штат манатейных монахинь* — монахини малой и великой схимы, которые имели право носить мантию — длинный черный плащ без рукавов, застегивающийся у ворота и у подола, надеваемый поверх подрясника или рясы; эти монахини могли служить в алтаре.

⁸ ...*от угрожавшей опасности всему августейшему семейству...* — поезд, в котором ехали император Александр III и его семья, 17 октября 1888 г. претерпел крушение близ станции Борки, но царские особы остались живы.

⁹ ...*Флетчер (прекрасный писатель, но крайний лютеранин)* — Флетчер Джон (1579—1625), английский драматург, его пьесы положили начало жанру трагикомедии.

¹⁰ ...*«денежную ругу» монастырю* — руга — плата в Русском государстве IX—XVI вв., государственное жалование духовенству, выдававшееся хлебом, иногда деньгами.

¹¹ ...*за разное время 226 рублей 11 алтын деньги* — алтын (от тат. — золото), старинная русская монета и счетно-денежная единица с XV в. 1 алт. = 6 моск. и 3 новгор. деньгам (новгородская деньга получила позднее название копейка). В 1654 выпущены медные, в 1704 — серебряные. В 1841—1916 чеканились медные и серебряные алтыны.

ВЕНЕВСКИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ (УПРАЗДНЕННЫЙ) МОНАСТЫРЬ И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

¹ *Московский царь и великий князь Иван Васильевич* — Иван III (1440—1505), великий князь владимирский и московский с 1462, «государь Всея Руси» с 1478. Сын Василия II. Женат первым браком (1452) на тверской княжне Марии Борисовне, вторым — на Софье Палеолог. В его правление сформировалась территориальное ядро единого Русского государства, началось складывание центрального государственного аппарата, добился окончательного освобождения Руси от власти золотоордынских ханов (т. н. «стояние на Угре», 1480).

² ...*в начале царствования Михаила Федоровича* — Михаил Федорович (1596—1645), царь с 1613, основатель династии Романовых. Избран царем Земским собором. Благодаря И. О. Сусанину избежал гибели во время польской интервенции. В 1619—1633 фактическим правителем государства был отец — патриарх Филарет, затем бояре.

³ *Иконописное изображение двух Сивилл* — Сивиллы — легендарные прорицательницы в Древней Греции, которые сообщали людям волю богов.

⁴ *...помещено на щите правого клироса* — возвышение с одной из сторон алтаря, место в христианском храме для певчих во время богослужения.

⁵ *...виде надписи мелким полууставом* — графическая разновидность письма в греческих и славянских рукописях, на Руси появился в XIV в.

ОДОЕВСКИЙ АНАСТАСОВ БОГОРОДИЦЕ- РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

¹ *...удельным князем Иваном Михайловичем Воротынским* — Воротынский Иван Михайлович, князь, воевода посл. четв. XVI — 1-й четв. XVII вв., сын последнего удельного воротынского князя Михаила Ивановича. В апреле 1582 г. прислан 1-м воеводой в Тулу, в 1606—1607 гг. активно участвовал в подавлении крестьянского восстания под руководством И. Болотникова. Умер в 1627 г.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ФРЕСКАХ ТУЛЬСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА

¹ *...иносказательно изображается Иегова* — Иегова, встречающаяся в литературе вплоть до XIX в. искаженная форма имени древнееврейского бога Яхве (Ягве).

² *...представляет знаменитый Ориген* — Ориген (185—254) — древнехристианский теолог и философ Александрийской школы. Его основные работы посвящены вопросам апологетики христианства и философскому обоснованию библейской мифологии.

³ *По Лютеру* — Лютер Мартин (1483—1546) — один из вождей Реформации, основоположник лютеранства, одного из направлений протестантизма.

⁴ *...западная наука, в лице профессора Фр[идриха] Делича* — Делич Фридрих (1850—1922) — немецкий историк ориенталист, впервые в библеистике провел научно-историческое сопоставление Ветхого Завета с ассирио-вавилонской мифологией.

⁵ *...и если, то Апостолу* — Св. Апостолу Павлу, имеется в виду его послание к ефесянам — Ефес. 5:23—32.

⁶ *...Св. Григория Нисского* — Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394) — церковный писатель, богослов и философ, представитель греческой патристики, активный противник арианской ереси, участвовал в разработке Символа веры, оказал огромное влияние на разработку христианской догматики.

⁷ ...в сочинении известного архиепископа Феофана Прокоповича — Феофан Прокопович (1681—1736) — русский государственный и церковный деятель, писатель, сподвижник Петра I; разработал «Духовный регламент», обосновал учреждение Синода, развивал идеи просвещенного абсолютизма, принимал участие в создании Российской академии наук.

⁸ ...представлено вниманию 2 обер-прокурора Св. синода — обер-прокурор в 1722—1917 чиновник, осуществлявший надзор за деятельностью Синода, назначался императором из числа светских лиц; эта должность приравнивалась к рангу министра.

⁹ Сей перевод сделан по Вульгате — в кон. IV — нач. V в. н. э. блаженный Иероним перевел Ветхий Завет на латинский язык; этот перевод под названием Вульгаты (народный, общедоступный) признан богооткровенным на Тридентском соборе католической церкви (1545—1563).

¹⁰ ...х иконографии мозаик древних римских базилик — базилика — прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн или столбов на продольные части (нефы); средний неф, более высокий, освещался через окна над крышами боковых нефов; в Древнем Риме — судейские и торговые здания, позже — один из главных типов христианского храма, символизирующего корабль (Ноев ковчег).

¹¹ ... построенная папой Сикстом III — Сикст III (31.07.432—19.08.440), римлянин, святой.

¹² В абсиде этой базилики — апсида (от греч. «свод»), выступ здания, полукруглый, граненый или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом; появились в древнеримских базиликах; в христианских храмах — алтарный выступ.

¹³ ...где он познакомился с Тинторетто — Тинторетто (настоящая фамилия — Робусти) Якопо (1518—1594), итальянский живописец, представитель венецианской школы Позднего Возрождения.

¹⁴ ... портреты многих лиц дома Медичи — Медичи, флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии; основали торгово-банковскую компанию, одну из крупнейших в Европе.

¹⁵ ..Мартен был принят в гильдию — в Западной Европе в период раннего средневековья различные объединения — взаимопомощи, религиозные, политические. В XII—XV вв. корпорации купцов, ремесленников, а также цехи, защищавшие интересы своих членов; добивались правовых и таможенных льгот.

АРХИСТРАТИГ МИХАИЛ

¹ ...кресты-энколпионы и амулеты-змеевики — крест-энколпион (от греч. «на груди»), нагрудный литой крест из двух половин, соединенных в

верхней части подвижным оглавием; основная масса таких крестов относится к X—XIV вв. и отлита из бронзы и меди, из серебра встречались до XVI в.; амулеты-змеевики (наузы), литые, круглой формы, с изображением на лицевой стороне христианского образа, на обороте — личины в окружении змеи либо змеиной фигуры.

² ...в 1216-м году вел. кн. Ярослав (в крещении Феодор) Всеволодович — Ярослав Всеволодович (1191—1246), великий князь владимирский с 1238. Сын Всеволода Большое Гнездо. Княжил в Южной Руси (Переяславль, Галич), Рязани, несколько раз приглашался и изгонялся новгородцами; участник междоусобных войн, потерпел поражение от Мстислава Удалого и Константина Всеволодовича (1186—1219) в Липицкой битве (1216). В 1236—1238 княжил в Киеве. Дважды ездил в Золотую Орду, отравлен в Каракоруме по повелению великого хана Гуюка.

³ ...разбитый Мстиславом Новгородским — Мстислав Мстиславич Удалой (?—1228), русский князь. С 1193 княжил в Триполье, Торческе, Новгороде, Галиче и др. Воевал против немецких рыцарей; участник Липицкой битвы (командовал новгородским войском), битвы на р. Калке 1223.

⁴ В середине — Лик Христа-Младенца, или Еммануила — Эммануил (евр. «с нами Бог»), имя Иисуса Христа, данное ему в ветхозаветных пророчествах.

⁵ ...патриарх Филарет указом 1-го декабря 1627 года — Филарет (в миру Федор Никитич Романов, ок. 1554/55—1633), патриарх (1608—10 и с 1619), отец царя Михаила Федоровича, боярин с 1587. Приближенный царя Федора Иоанновича; при Борисе Годунове с 1600 — в опале, пострижен в монахи и сослан в Антониево-Сийский монастырь. При Лжедмитрии I с 1605 митрополит ростовский, в 1608—10 в Тушинском лагере, поставлен Лжедмитрием II патриархом Московским и Всея Руси. После возвращения из польского плена с 1619 фактический соправитель страны.

⁶ Зависимость свою от Талмуда — Талмуд — свод религиозных трактатов, закрепивших идеологические, культовые и религиозно-правовые представления иудаизма; его письменное оформление длилось III—V вв., как устная традиция возник значительно раньше.

⁷ Транквилион говорит о синагоге — синагога в иудаизме молитвенный дом и община верующих.

⁸ ...или, по Плутарху, Гороса — Плутарх (ок. 45 — ок. 127), древнегреческий писатель и историк. Главное сочинение «Сравнительные жизнеописания» выдающихся греков и римлян (50 биографий). Остальные дошедшие до нас сочинения объединяются под условным названием «Моралии».

⁹ ...и во времена Клеопатры сохранялось не только имя — Клеопатра (69—30 до н. э.), последняя царица Египта с 51, из династии Птолемеев. После поражения в войне с Римом и вступления в Египет римской армии Октавиана (Августа) покончила жизнь самоубийством.

¹⁰ По Флавию — Иосиф Флавий (род. в 37 в Иерусалиме, ум. ок. 100 н. э. в Риме), писатель-историк, происходил из иудейского священнического рода. Написал на греч. яз. 7 книг «Иудейской войны» и 20 книг «Иудейских древностей» (от сотворения мира до Нерона), в которых показывает историческое значение своего народа наряду с другими народами.

¹¹ ...*Антиох Великий переселил сюда две тысячи иудейских семейств* — Антиох III Великий (242—187 до н. э.), сирийский царь (с 261) из рода Селевкидов, продолжал войну против Египта, сделал попытку распространить свою власть на восточные и западные территории.

¹² ...*соответствующие ему божества: Бел-Ваал Юпитер, Плутон, Тор, Перун и т. д.* — Бел (аккадское «владыка», «господин»), в аккадской мифологии обозначение некоторых богов, прежде всего Энлиля; затем со староавилонского периода — Мардука. В западносемитской мифологии Бел (Бол) имя бога, широко почитавшегося в Сирии с конца II тыс. до н. э. В Пальмире Бел — верховное божество — владыка мира, глава триады богов (Бел, Йари-хбол, Аглибол). Изображался в образе быка или человека с головой быка, что символизировало плодоносящую силу. *Балу* (Баал, Ваал, общесемитское — «хозяин», «владыка»), наибольшим распространением пользовался культ Баллу — бога бури, грома и молнии, дождя и плодородия. *Юпитер*, в римской мифологии бог неба, дневного света, грозы, царь богов, отождествлялся с греческим Зевсом. *Плутон*, в греческой мифологии одно из имен бога — владыки царства мертвых — Аида. *Перун*, в славянской мифологии бог грозы (грома). *Тор* (Донар, древнегерманский — «громовик») в германо-скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ.

¹³ *Так действовал Константин Великий* — Константин I Великий (276—337), римский император с 306. Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, сохраняя также языческие культы; он сам, как и его мать царица Елена, причислены к лику равноапостольных святых.

¹⁴ *Константину Великому подражал Феодосий Великий* — Феодосий I Великий (ок. 346—395), римский император с 379. В 380 утвердил господство ортодоксального христианства, преследовал ариан и приверженцев язычества. При нем отменены Олимпийские игры (как языческие), сожжены Александрийская библиотека и многие языческие храмы.

¹⁵ ...*по утверждению христианства в Англии (601 г.), папа Григорий святой* — Григорий I Великий (ок. 540—604) — папа с 590. Один из учителей церкви. Отпрыск знатного рода; в 573 — префект Рима; с 574 — монах, основал несколько монастырей в Южной Италии и Риме. В 579—585 — папский посол в Константинополе. Григорий I проявил себя выдающимся администратором; вдохновитель христианизации Англии. Его литературная деятельность знаменует разрыв с античной традицией; положил начало церковному

обоснованию учения о чистилище. Католическая традиция считает его святым.

¹⁶ ... во времена владычества Тиверия — Тиберий (42 до н. э.—37 н. э.), римский император с 14. Пасынок Августа. Опираясь на преторианцев, проводил автократическую политику. Добился улучшения финансового положения империи.

¹⁷ ... вел. кн. Владимир построил на месте этого идола храм во имя св. Василия — Св. Владимиру по крещении было дано имя Василия в честь заочного восприемника византийского императора Василия II Болгаробойца (958—1025), выдавшего за него замуж свою сестру Анну.

¹⁸ Кто строит эти храмы первоначально — митрополит ли Михаил или князь Всеволод и Святополк — Михаил, один из легендарных киевских митрополитов в период с 988 по 1037—1039 гг. Всеволод Ярославич (1030—1093), князь переяславский с 1054, черниговский с 1077, великий князь киевский с 1078. Вместе с братьями Изяславом и Святославом боролся против половцев, один из авторов «Правды Ярославичей». Святополк Изяславич (1050—1113), князь полоцкий (1069—1071), новгородский (1078—1088), туровский (1088—1093), великий князь киевский (с 1093). Лицемерный и жестокий, разжигал княжеские усобицы.

¹⁹ ... явилась императрице Елене в Каппадокии — Каппадокия — область в центре Малой Азии на территории современной Турции.

КРЕСТ ХРИСТА — ДРЕВО ЖИЗНИ

¹ Так, на одном ассирийском барельефе из дворца Нимруда (Немерода, древнего Калаха) — Нимрод, Нимрод, Немврод — в ветхозаветных преданиях богатырь и охотник, сын Хуша (Куша) и внук Хама. Некоторые исследователи возводят имя Немврода к имени шумера-аккадского бога войны и охоты Нинурты. Немврод выступает как ярый идолопоклонник, руководящий постройкой Вавилонской башни, он преследует приверженцев Яхве, ввергая в раскаленную печь Авраама. Согласно агаде, погибает от руки соперничавшего с ним Исава.

² ...к последним векам халдейской цивилизации... Они открыты в Варках'е, древнем Уруке.— Халдея — земля народа калду на юге Вавилонии, получившая название от греческого имени этого народа — халден. В греческих и римских источниках Халдея отождествляется с Вавилонией. Урук — один из древнейших городов Шумера (Месопотамия). На месте Урука находится современное поселение Варка (Ирак).

³ ... на памятнике Ассирийского царя Ашшур-а'х-иддин — Ашшурбанапал, царь Ассирии в 669 — ок. 633 до н. э. Воевал с Египтом, Эламом, Вавило-

ний. Вошел в историю и как собиратель древних письменных памятников; его библиотека найдена в 1849—1854 на месте Ниневии (холм Куюнджик).

⁴ ... над ним — кидар, или прямая тиара — тиара — тройная корона папы римского. В ее основе епископская митра, на которую как бы надеты 3 короны, символизирующие тройственность прав папы, как судьи, законодателя и священнослужителя. Венчает тиару крест. В таком виде существует с XIV в., но Иоанн-Павел I и Иоанн-Павел II отказались от акта коронации.

⁵ ... это дерево представляет собою женское божество хтонического характера — хтонические боги — божества земли и подземного мира. По представлениям греков, благодаря им осуществлялось развитие растений, они принимали покойных в своем царстве. К ним принадлежали Аид, Плутон, Гея, Деметра, Кора, Геката, Дионис, Гермес (как проводники душ в подземное царство).

⁶ ... вообще в Ханаане, Бел и Ашера, или Астарта — богиня плодородия — Ханаан. Доизраильское название территории Палестины, Сирии и Финикии, история которой известна приблизительно с 8-го тысячелетия до н. э. С XIII в. до н. э. Началось завоевание Ханаана израильскими племенами, впоследствии это название применялось к Финикии. А название «ханаанеяне» — к жителям финикийских колоний в Северной Африке. Астарта — в западно-сеMITской мифологии олицетворение планеты Венеры, являлась богиней любви и плодородия, богиня-воительница. Ей соответствует ассиро-вавилонская Иштар.

⁷ ... о культе его в религии Зороастра — Заратуштра, Зороастр, Зардушт — в иранской мифологии пророк и основатель религии зороастризма. Историчность Зороастра достоверно не установлена, хотя большинство ученых признают его реальным лицом. По традиции пехлевийской хронологии, он жил «за 258 лет до Искандера» (Александра Македонского), в 7—6 вв. до н. э. Согласно зороастризму, в мире борются два начала — добро и зло, существует загробная жизнь: если человек способствует победе добра, его душа попадет в рай, а в противном случае он обречен на вечные муки в аду; в конечном счете, добро одержит победу над злом и возникнет идеальное царство на небе и на земле.

⁸ ... в иудейской апокрифической письменности ... Енох — апокрифы (от греч. «тайный», «сокровенный»), произведения иудейской и раннехристианской литературы, не включенные церквями в библейский канон. Енох, Энох — в религиозных представлениях иудаизма и христианства: 1) старший сын Каина, назвавший его именем город; 2) потомок Адама в седьмом колене (по древней генеалогии, считающей старшим сыном Адама не Каина, а Сифа), прадед Ноя, отец Мафусайла. Иудейская апокалиптика, берущая начало с книги Еноха, трактовала происходящие в мире события как борьбу враждебных сил.

⁹ *Еще позднее, св. Иоанн Дамаскин — Дамаскин Иоанн (ок. 675—753) —* один из выдающихся представителей греческой церкви эпохи упадка. Его главное произведение «Точное изложение православной веры» остается до сих пор непревзойденным курсом догматического богословия. Противник и гонитель иконоборцев, защитник богатства церкви.

¹⁰ *Подобным образом рассуждает Фома Аквинат — Фома Аквинский (1225—1274), средневековый философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики, основатель томизма.*

¹¹ *... жила Макрина, сестра Григория Нисского — Автор перевода «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина А. Бронзов (кон. XIX в.) в своих указателях к переводу называет Макрину бабкой Григория Нисского, у которой он воспитывался. Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394) — церковный писатель, богослов и философ, представитель греческой патристики, активный противник арианской ереси, участвовал в разработке Символа веры, оказал огромное влияние на разработку христианской догматики.*

¹² *... содержит посвящение императоров Константина VII-го, Порфирородного и Романа I-го — Константин VII Порфирородный (Багрянородный) (905—959), византийский император с 913. Автор сочинений, содержащих важные сведения о русско-византийских отношениях в X в. Роман I Лакапин (?—948), византийский император с 920. Остановил наступление болгар на Константинополь, отвоевал у арабов много территорий, отразил в 941 нападение на Византию киевского князя Игоря, в 944 заключил мирный договор с Русью. Низложен в 944 сыновьями.*

¹³ *... подарена калифом Гарун-аль-Рашидом Карлу Великому — Харун Ар-Рашид (763 или 766—809), халиф из династии Аббасидов. Продолжал борьбу с Византией. Образ его идеализирован в сказках «Тысяча и одной ночи». Карл Великий (742—814), франкский король с 768, с 800 император, из династии Каролингов.*

¹⁴ *... символ Христа и Евхаристии — Евхаристия (от греч. «благодарение»), главное таинство христианской церкви: приобщение на литургии тела и крови Христовых, под видом хлеба и вина; причащение.*

¹⁵ *... в трактате «о древе жизни» знаменитого богослова Бонавентуры (†1274 г.) — Бонавентура (Джованни Фиданца) (1221—1274), философ-мистик, представитель августиновского платонизма, глава францисканского ордена; кардинал; преподавал в Парижском университете.*

¹⁶ *... в Московском Румянцевском музее — коллекция редких книг и рукописей была собрана Николаем Петровичем Румянцевым (1754—1826), графом, русским государственным деятелем, дипломатом. На их основе был создан Румянцевский музей в Петербурге в 1831, который в 1861 переведен в Москву.*

¹⁷ ...на шею дракона в напрестольных крестах — напрестольный крест находится на престоле, в алтаре, и выносится священником на амвон во время проповеди, а также на крестный ход.

¹⁸ ...основатель Императорского Московского археологического общества и русских археологических съездов, граф Ал. С. Уваров — Уваров Алексей Сергеевич (1825—1884/85), граф, археолог, член-корреспондент (1856), почетный член (1857) Петербургской АН. Инициатор и руководитель широкомасштабных археологических исследований в Северном Причерноморье и Центральной России. Учредитель Уваровской премии Петербургской АН (1857). Один из основателей Московского археологического общества (1864), Исторического музея в Москве (1872), организатор (1869) археологических съездов.

¹⁹ ...четыре мраморных базы для колонн кивория — киворий. В христианских храмах дарохранительница, позже алтарная сень, поддерживаемая колоннами и богато украшенная.

²⁰ ...лик Христа Еммануила — Эммануил (евр. «с нами Бог»), имя Иисуса Христа, данное ему в ветхозаветных пророчествах.

²¹ По указанию бл. Августина и папы Гонория I-го (625—638 г.) — Августин Блаженный (354—430), христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики; родоначальник христианской философии истории; развил учение о благодати и предопределении. Гонорий I (папа 27.10.625—12.10.638), итальянец из Кампани.

²² ... найдено 14-ть монет императора Юстиниана I-го — Юстиниан I (482 или 483—565), византийский император с 527. Завоевал Северную Африку, Сицилию, Италию, часть Испании; стимулировал большое строительство (храм св. Софии в Константинополе, система крепостей по дунайской границе).

Библиография Н. И. Троицкого

1. Алексей Степанович Хомяков как мыслитель // Тульская старина.— 1904.— Вып. 15.— С. 13—41.
2. Апокалипсический «Престол Сатаны»: По раскопкам в Пергаме.— Тула, 1904.
3. Артосная панagia Молдавского воеводы и Господаря Стефана Томши, 1623 г.: (Из собрания гр. Ал. С. Уварова) // Древности.— 1901.— Т. XIX, Вып. I.— С. 43—52.
4. Архистратиг Михаил: По памятникам иконографии, религиозной письменности и церковного зодчества // Тульская старина.— 1902.— Вып. 12.— С. 27—39.
5. Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении // Тул. епарх. ведом.— 1887.— Прибавления.— 1 окт. (№ 19).— С. 217—234; То же.— Труды VII-го археол. съезда в Ярославле в 1887 г. Т. 1-й.— М., 1890; То же.— Тула, 1887; То же.— Тула, 1998.
6. Березовское городище и древний удельный город Волконск: По раскопкам 2—5 июля 1903 г. // Тул. епарх. ведом.— 1904.— Неоф. ч.— № 7.— С. 187—194; № 8.— С. 219—223; То же.— Тула, 1904; То же.— Тульская старина.— 1904.— Вып. 15.— С. 1—12.
7. Великий писатель земли русской, или правда о «двух стариках»: Критический этюд.— Рязань, 1915.
8. Веневский Боголюбленский (упраздненный) монастырь и его достопримечательности // Тул. епарх. ведомости.— 1895.— 16—31 авг. (№ 16).— С. 489—491; 1—15 сент. (№ 17).— С. 525—531.
9. Виноградная лоза и пеликан — символы Евхаристии: (Апологетический этюд из области художественной символики) // Светильник.— 1913.— № 9.— С. 25—27.
10. Влияние космологии на иконографию Византийского купола: По поводу фресок, открытых в Новгородском Софийском соборе акад. Вл. Вас. Суслымов // Тул. епарх. ведом.— 1898.— Неоф. часть.— 1 мая (№ 9).— С. 384.
11. Влияние христианства на жизнь русского народа // Тул. епарх. ведом.— 1888.— Прибавления.— 15 июля (№ 14).— С. 27; 1 авг. (№ 15).— С. 51.
12. Возобновление Казанской иконы Пресвятой Богородицы, находящейся в Казанской церкви г. Тулы // Памятная книжка Тул. губ. на 1891.— Тула, 1891.
13. Воспоминание о протонерее Александре Васильевиче Горском († 1875 г. окт. 11-го ч.): По поводу трех его писем // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— М., 1881.
14. Восьмой археологический съезд в Москве // Православное обозрение.— 1890.— Март.

15. Городище при с. Поречье Одоевского уезда Тульской губернии // Тул. епарх. ведомости.— 1898.— 15 июля. (№14) — С. 629—632.— То же: Археологические известия и заметки.— 1898.— № 9—10; То же.— Тульская старина.— 1899.— Вып. 1.— С. 25—28.
16. Два знаменательных торжества // Тульская старина.— 1902.— №9.— С. 1—3; То же.— Тул. губ. ведом.— 1901.— 25 авг. (№ 180).— С. 2—3.
17. Два письма И. С. Аксакова // Тул. епарх. ведомости.— 1907.— № 12; То же.— Тульская старина.— 1907.— Вып. 20.
18. Демон в славе: Поэма на мотив легенды (гр. Л. Н. Толстого) «Восстановление из ада».— Тула, 1904.
19. Деятельность церковно-приходских попечительств // Тул. епарх. ведом.— 1898.— Неоф. часть.— 1 апр. (№ 7).— С. 284.
20. Древнейший храм в Херсонесе Таврическом, открытый при раскопках в настоящем году [1902/03]: Реферат на XII археолог. съезде в Харькове 15—27 августа 1902, посвящ. памяти гр. А. С. Уварова // Известия XII археол. съезда.— Харьков, 1902.
21. За Венев монастырь // Тул. епарх. ведом.— 1898.— Неоф. часть.— 1 янв. (№ 1).— С. 22.; То же.— Тул. губ. ведом.— 1897.— № 217.
22. Иисус Христос как Бог — Слово и откровение его миру // Чтения в обществе любителей духовного просвещения.— М., 1881.
23. Икона Воскресения Христова: (Из собрания гр. Ал. С. Уварова) // Древности — Труды имп. моск. археол. общ-ва.— М., 1907.— Т. XXI, Вып. 2.— С. 53—59.
24. Икона Иисус Христос «Благое молчание»: Реферат на XV Всероссийском археологическом съезде в г. Новгороде // Тул. епарх. ведом.— 1911.— Неоф. ч.— 8 окт. (№ 38).— С. 590; 22 окт. (№ 40).— С. 636; — Тула, 1911.
25. Икона «Разделимая» Пр. Богородицы // Светильник.— 1913.— №2.— С. 13—21.
26. Иконостас и его символика: Реферат, прочитанный на VIII-м археологическом съезде в Москве // Православное Обозрение.— 1891.— Кн. 4.
27. Ископаемые остатки (мамонта и лося) последледниковой или четвертичной фауны по Тул. губ. // Труды V археологич. съезда в Тифлисе, 1881.— М., 1887.
28. Клады монет, найденные в Тульской губернии в 1890 г. // Памяти. книжка Тул. губ. на 1891.— Тула, 1891.
29. Книга Варуха: Последовательное изъяснение славянского текста.— Тула, 1919.
30. Книга пророка Иеремии: Последовательное изъяснение славянского текста.— Тула, 1899.
31. Книга Иова: Последовательное изъяснение славянского текста. В 3-х вып.— Тула, 1880, 1882, 1885.
32. Книга пророка Исайи: Последовательное изъяснение текста. В 4-х вып.— Тула, 1889.
33. Коневская икона Пр. Богородицы «с птичкой»: (По вопросу о влиянии апокрифа на иконографию Богоматери) // Светильник.— 1913.— №4—5.— С. 25—32.
34. Крест Христа — Древо Жизни. (По поводу открытия крестообразного храма в Херсонесе Таврическом в 1902 году): Реферат, прочитанный на XII-м археологическом съезде в Харькове // Тульская старина.— 1904.— Вып. 16. С. 45—65; То же.— Светильник.— 1914.— № 3.— С. 3—29; То же.— Тула, 1904.
35. Крест Христов — щит от соблазнов: По поводу «юбилей» гр. Л. Н. Толстого // Тул. епарх. ведом.— 1908.— Неоф. ч.— 15—22 апр. (№ 15—16).— С. 301—316; То же.— Тула, 1908.

36. Кто он? Моя встреча с графом Л. Н. Толстым: (По поводу исполнившегося 50-летия его литературной деятельности).— М., 1903.
37. Куликовская победа // Тул. епарх. ведомости.— 1903.— 1 окт. (№ 18—19).— С. 678—688; То же.— Тульская старина.— 1904.— Вып. 14.
38. Курская чудотворная икона Знамения Божией Матери // Тул. епарх. ведом.— 1898.— Неоф. часть.— 1 апр. (№ 7).— С. 273—276.
39. Лицевые вериги и их значение // Археологические известия и заметки.— 1897.— № 10.— С. 310—314.
40. Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии / Под ред. Н. Троицкого, Ю. Арсеньева — Тула, 1888.
41. Материалы для историко-статистического описания Тульской епархии / Под ред. А. Иванова, Н. Троицкого.— Тула, 1888.— Т. I.
42. Митрополит Филарет как истолкователь Священного Писания: Речь по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения Филарета, митрополита Московского // Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения.— М., 1883.— Т. II.
43. Народное сказание об Архистратиге Михаиле // Тульская старина.— 1899.— Вып. 3.— С. 1—8; То же.— Тул. епарх. ведом.— 1899.— № 3.
44. Новосильская икона святого Николая Доброго // Светильник.— 1915.— № 9—12.— С. 74—88.
45. Об иконе святого Николая Новосильского // Труды XIV археол. съезда в Чернигове в 1909 г.— М., 1911.— Т. 3.
46. Об иконном писании // Тул. епарх. ведом.— 1897.— Неоф. часть.— 1 нояб. (№ 21).— С. 721—733; То же.— Тула, 1897.
47. Об истинном основании общественного братского союза: Слово в день годовичного собрания Тульского епархиального братства во имя Св. Иоанна Предтечи // Тул. епарх. ведом.— 1891.
48. Обращение сиром-халдейских несториан к Православной Церкви // Тул. епарх. ведом.— 1898.— Неоф. часть.— 1 июня (№ 11).— С. 480—485.
49. О влиянии христианства на жизнь русского народа: Речь, произнесенная на торжественном акте в зале Тульского дворянского собрания 15 июля 1888 г.— Тула, 1888.
50. О городе Обоини и его соборном храме // Археологические известия и заметки.— 1895.
51. Олоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь.— Тула, 1910.
52. Одно из мест нахождения каменных орудий в Приволжском крае // Труды V-го археологического съезда в Тифлисе.— М., 1887.
53. О крестных ходах // Тул. епарх. ведом.— 1893.— Неоф. часть.— 15 сент. (№ 18).— С. 122.
54. О личном бессмертии: Апологетический этюд.
55. О происхождении первых трех канонических Евангелий: Опыт разбора гипотез Г. Эвальда и Ю. Гольцмана.— Кострома, 1878.
56. О символическом значении архиерейской палицы: Реферат, прочитанный на XVII археологическом съезде в Одессе // Православное Обозрение.— 1884.— Июль; То же.— Бюллетень VI-го археологического съезда в Одессе.— 1884.— № 3.
57. Ориген как апологет // Тул. епарх. ведом.— 1908.— Неоф. ч.— 22 янв. (№ 4).— С. 73—80; 1 февр. (№ 5).— С. 85—95; 8 февр. (№ 6).— С. 106—116.

58. Ответ профессора Рудольфа Вирхова Тульскому историко-археологическому товариществу // Тульская старина.— 1902.— Вып. 11; То же.— Тул. епарх. ведом.— 1902.— № 7—8.
59. Открытие педагогических курсов в г. Туле // Тул. епарх. ведом.— 1893.— Неоф. часть.— 1 сент. (№ 17).— С. 106.
60. Открытые письма за Атлантический океан: Апологетические ответы д-ру Бергману // Вера и Церковь.— М., 1899—1901 (несколько номеров).
61. Отчет о деятельности церковно-приходских попечительств Тульской епархии в 1900 году // Тул. епарх. ведом.— 1901.— Неоф. часть.— 1 июня (№ 11).— С. 1.
62. Памяти Ал. Н. Смирницкого († 16-го мая 1901 г.): Речь пред панихидой // Тульская старина.— 1902.— Вып. 9.— С. 9—27; То же.— Тул. епарх. ведомости.— 1901.— № 23—24.
63. Памятники Знаменского монастыря в г. Курске: Историко-археологическая записка.— Курск, 1884.
64. Памятование об историческом прошлом в деле школьного воспитания: Речь к слушателям педагогических курсов, произнесенная в зале Тул. дворянского собрания 3-го июня // Тул. епарх. ведомости.— 1900.— 15 сент. (№ 18); То же.— Тульская старина.— 1901.— Вып. 7.— С. 25—28; То же.— Тула, 1900.
65. Панагирий и складень. Антиминсы. Из собрания графа А. С. Уварова // Древности.— М., 1909.— Т. 22, Вып. 2.— С. 265—275.
66. Пеликан и анст: Из области религиозного бытового искусства // Светильник.— 1913.— № 8.— С. 23—33.
67. Перстень Юффон-Амын-хана // Археологические известия и заметки, издаваемые Имп. Моск. археол. обществом.— 1896.— № 1.— С. 6—10.
68. Песнь Песней в фресках Тульского Успенского собора: Реферат, прочитанный на IX-м археол. съезде в Вильне // Труды Виленского археол. съезда.— Вильна, 1893; То же.— Виленский Вестник.— 1893.— № 170; То же.— Памятная книжка Тул. губ. на 1895 г.— Тула, 1895; То же.— Светильник.— 1914.— № 8.— С. 13—34.
69. По поводу исполнения 25-летия его службы (1876—1901).— Тула, 1902.
70. Посещение Тулы Его Императорским Высочеством Вел. князем Сергеем Александровичем // Тул. епарх. ведом.— 1897.— № 21.— С. 714—717.
71. Псалтырь: Последовательное изложение славянского текста.— Тула, 1904.
72. Развитие садоводства и пчеловодства в отношении к территории при церковно-приходских попечительствах: Сообщение на съезде садоводов и пчеловодов, 16 сентября 1900 года // Тул. епарх. ведом.— 1900.— Неоф. часть.— 15 окт. (№ 20).— С. 793.
73. Русская библейская наука и ее современная задача: Речь пред защитой магистерской диссертации «О происхождении трех Евангелий...» // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— М., 1878.
74. Русский народный идеал: Историко-психологический этюд.— Тула, 1906; То же.— Тульские епарх. ведомости.— 1906.— Неоф. ч.— 8 сент. (№ 34).— С. 595—625.
75. Sine Injuria: Речь в ответ Его Преосвященству на приветствие с 25-летием службы // Тул. губ. ведом.— 1901.— № 268; То же.— Тула, 1901.
76. Светлый праздник: (Из письма к образованному еврею) // Тульские епарх. ведомости.— 1901.— Неоф. часть.— Апр. (№ 7—8).— С. 237—244.
77. Свидетельство Иоанна Предтечи о первенстве бытия и служения Мессии // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— М., 1883.— Ноябрь.

78. Село Богучарово — родина А. С. Хомякова: Историко-археологическая записка.— Тула, 1914.
79. Село Городище.— Тула, 1897.
80. Село Городище — древний город Лопасня и монастырь св. Николая Чудотворца «Четырех церквей»: Реферат, прочитанный на XI-м археол. съезде в Киеве.— Тула, 1897; То же.— М., 1901; То же.— Памятная книжка Тул. губ. на 1898 г.— 1898.— Отд. V.— С. 1—29.
81. Село Городище Каширского уезда Тул. губ.— древний город Лопасня.— М., 1901.
82. Село Татеево: Летописный очерк.— Тула, 1910.
83. Село Татеево Тульского уезда // Тул. епарх. ведом.— 1910.— № 45.
84. Сергиевский кафедральный собор в г. Курске.— 1907.
85. Следы язычества на пространстве между верховьями рек Оки и Дона // Памятная книжка Тул. губ. на 1893 г.— Тула, 1893.— Отд. VIII.— С. 187—202.
86. Слово в день Софии — Ипостасной Премудрости Божией. (О верности духовному призванию): Сказано в храмовый праздник в Софийской церкви при Тульской духовной семинарии // Тул. епарх. ведом.— 1886.— Прибавления.— 15 сент. (№ 18).— С. 187.
87. Служба — крест, а труд — радость: Речь в ответ на приветствие семинарской корпорации с 25-тилетием службы // Тул. губ. ведом.— 1901.— № 273.
88. Современные искренние разговоры.— 1905.
89. Сочинение Оберлена о последних временах мира и церкви: Рецензия / Перевод Романова А.— Тула, 1882; То же.— Православное обозрение.— 1883.— Май—июль.
90. Сто лет бытия Тульской епархии. Исторический взгляд на епархиальную жизнь с 1799 по 1899 г.: Речь, произнесенная на юбилейном акте в зале Тул. дворянского собрания 17 октября 1899-го года // Тул. епарх. ведомости.— 1899.— 1 ноября (№ 21); То же.— Тульская старина.— 1899.— Вып. 6; То же.— Тула, 1899.
91. Текущие занятия на педагогических курсах, открытых в Туле 23 сентября // Тул. епарх. ведом.— 1893.— Неоф. часть.— 15 сент. (№ 18).— С. 130.
92. Троиединство Божества: Историко-археологическое исследование по памятникам всеобщей истории искусства (Сообщение на XIV Всероссийском археологическом съезде в г. Чернигове.) // Тул. епарх. ведом.— 1908.— Неоф. ч.— 22 окт.— 1 нояб. (№ 40—41).— С. 710—727; 8—15 нояб. (№ 42—43).— С. 736—750; 22 нояб.— 1 дек. (№ 44—45).— С. 751—767.— Без иллюстраций; То же. 2-е изд.— Тула, 1909; То же.— М., 1997.— (Сер. «Христианская символика и иконография»).
93. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1907 и 1908 годах // Тул. епарх. ведом.— 1909.— Неоф. часть.— 1 окт. (№ 37).— С. 614.
94. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии за 1909-й год (25-й год существования) // Тул. епарх. ведом.— 1911.— Неоф. ч.— 8 сент. (№ 34).— С. 515.
95. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии за 1910-й год (26-й год существования) // Тул. епарх. ведом.— 1911.— Неоф. ч.— 15—22 сент. (№ 35—36).— С. 547.
96. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1911 г. // Тул. епарх. вед.— 1912.— № 19—20.
97. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1912 г. // Тул. епарх. вед.— 1913.— № 32—34.

98. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1913 г. (от основания 29-м) // Тул. епарх. вед.— 1915.— № 25—26.

99. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1914 г. (от основания 30-м) // Тул. епарх. вед.— 1915.— 1, 8, 15, 22 авг. (№ 29—30).

100. Тульская епархиальная палата древностей: Отчет о ее состоянии в 1916 году (от основания 32-м) // Тул. епарх. ведом.— 1917.— Неоф. ч.— 15—22 апр. (№ 15—16).— С. 234.

101. Тульская Петропавловская церковь // Материалы для историко-статистического описания Тул. губ. Вып. 1. «Святые храмы г. Туль» / Под ред. Троицкого Н. И. и Арсеньева Ю. В.— Тула, 1888.

102. Тульский Богородичный общежительный мужской монастырь, что в Щеглове // Памятная книжка Тул. губ. на 1897 г.— Тула, 1897. То же.— Тула, 1896.

103. Тульский Успенский женский монастырь.— Тула, 1913.

104. Тульское епархиальное древлехранилище. Каталог предметов, поступивших в Тульское епархиальное древлехранилище в 1901—1904 г. // Тул. епарх. ведомости.— 1907.— 1, 16, 22 апр., 1 мая, 8 сент. (№ 13, 15—17, 34)

105. Тульское епархиальное древлехранилище: Отчет о состоянии с 8 апр. 1885 г. по 8 апр. 1887 г. // Тул. епарх. ведомости.— 1887.— № 8.

106. Тульское епархиальное древлехранилище: Отчет о состоянии с 8 апр. 1887 г. по 1 янв. 1890 г. // Тул. епарх. ведомости.— 1891.— Прибавления.— 15 авг., 1 сент. (№ 16—17).

107. Тульское епархиальное древлехранилище: Отчет о состоянии с 1891 по 1897 включительно.— Тула, 1898.

108. Тульское епархиальное древлехранилище: Отчет о состоянии за 1905—1906 годы // Тул. епарх. ведом.— 1907.— Неоф. ч.— № 45—46.

109. Тульское епархиальное древлехранилище. Судьба его с 1885 по 1897 г. // Тул. епарх. ведом.— 1897.— Неоф. ч.— 1 окт. (№ 19).— С. 601—607.

110. Успенская церковь в Грызове-Резвякине Тульского уезда // Тул. епарх. ведом.— 1889.— Прибавления.— 15 сент. (№ 18).— С. 181.

111. Устав великого князя Владимира по новооткрытому списку // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— М., 1880.

112. Учение Иисуса Христа о духовном возрождении и вечном спасении, изложенное в беседе Его с Никодимом // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— М., 1887.

113. Христианский православный храм в его идее: По поводу некоторых недоразумений акад. Ф. Аделуниа, акад. Н. П. Кондакова и др. // Тул. епарх. ведом.— 1916.— Неоф. часть.— 22 апр. (№ 3—4).— С. 27—40; 1—8 февр. (№ 5—6).— С. 63—77; 15—22 февр. (№ 7—8).— С. 90—103.

114. Христос и труждающиеся // Древности.— М., 1907.— Т. XXI, Вып. 2.

115. Царские жалованные и патриаршие грамоты, данные епископом Коломенским и Каширским // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.— М., 1882.

116. Целомудрие и гигиена. (Перевод с немецкого)// Тул. епарх. ведом.— 1894.

117. Ценные вклады в Тульскую епархиальную палату древностей // Тул. епарх. ведом.— 1907.— № 9; То же.— Тульская старина.— 1907.— Вып. 20.

118. Церковно-археологические памятники, хранящиеся в ризнице тульского архиепископского дома.— Тула, 1885; То же.— Древности.— 1886.— Т. XI., вып. 1-й с 5-ю фототип. табл.— С. 1—38.

119. Церковно-исторические и археологические разыскания по Тульской епархии.— Тула, 1884.

120. Церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, что на архиерейском дворе // Материалы для историко-статистического описания Тул. губ. Вып. 1. «Святые храмы г. Туль» / Под ред. Троицкого Н. И. и Арсеньева Ю. В.— Тула, 1888.

121. Человек и животные: Существенные отличия их в сфере познания, чувства и воли.— Тула, 1907.

122. Чудесное сохранение Курской иконы Знамения Божией Матери от злодейского покушения 8-го марта // Тул. епарх. ведом.— 1898.— № 7.— С. 268—273.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья <i>Е. ВАСИЛЬЕВОЙ</i>	3
ПАМЯТОВАНИЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ В ДЕЛЕ ШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	23
КУЛИКОВСКАЯ ПОБЕДА	26
ГОРОДИЩЕ ПРИ СЕЛЕ ПОРЕЧЬЕ ОДОЕВСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ	34
БЕРЕЗОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ДРЕВНИЙ УДЕЛЬНЫЙ ГОРОД ВОЛКОНЕСК	37
АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ	47
СТО ЛЕТ БЫТИЯ ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ	66
ТУЛЬСКИЙ БОГОРОДИЧНЫЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО В ЩЕГЛОВЕ	84
ТУЛЬСКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ	167
ВЕНЕВСКИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ (УПРАЗДНЕННЫЙ) МОНАСТЫРЬ И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ	245
ОДОЕВСКИЙ АНАСТАСОВ БОГОРОДИЩЕ-РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (УПРАЗДНЕННЫЙ)	261
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ФРЕСКАХ ТУЛЬСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА	288
АРХИСТРАТИГ МИХАИЛ	320
НАРОДНОЕ СКАЗАНИЕ ОБ АРХИСТРАТИГЕ МИХАИЛЕ	331
КРЕСТ ХРИСТА — «ДРЕВО ЖИЗНИ»	338
Комментарии	376
Библиография Н. И. Троицкого	392

Николай Иванович Тренцкий

ТУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Редактор Е. В. Васильева

Художественный редактор Н. К. Захаров

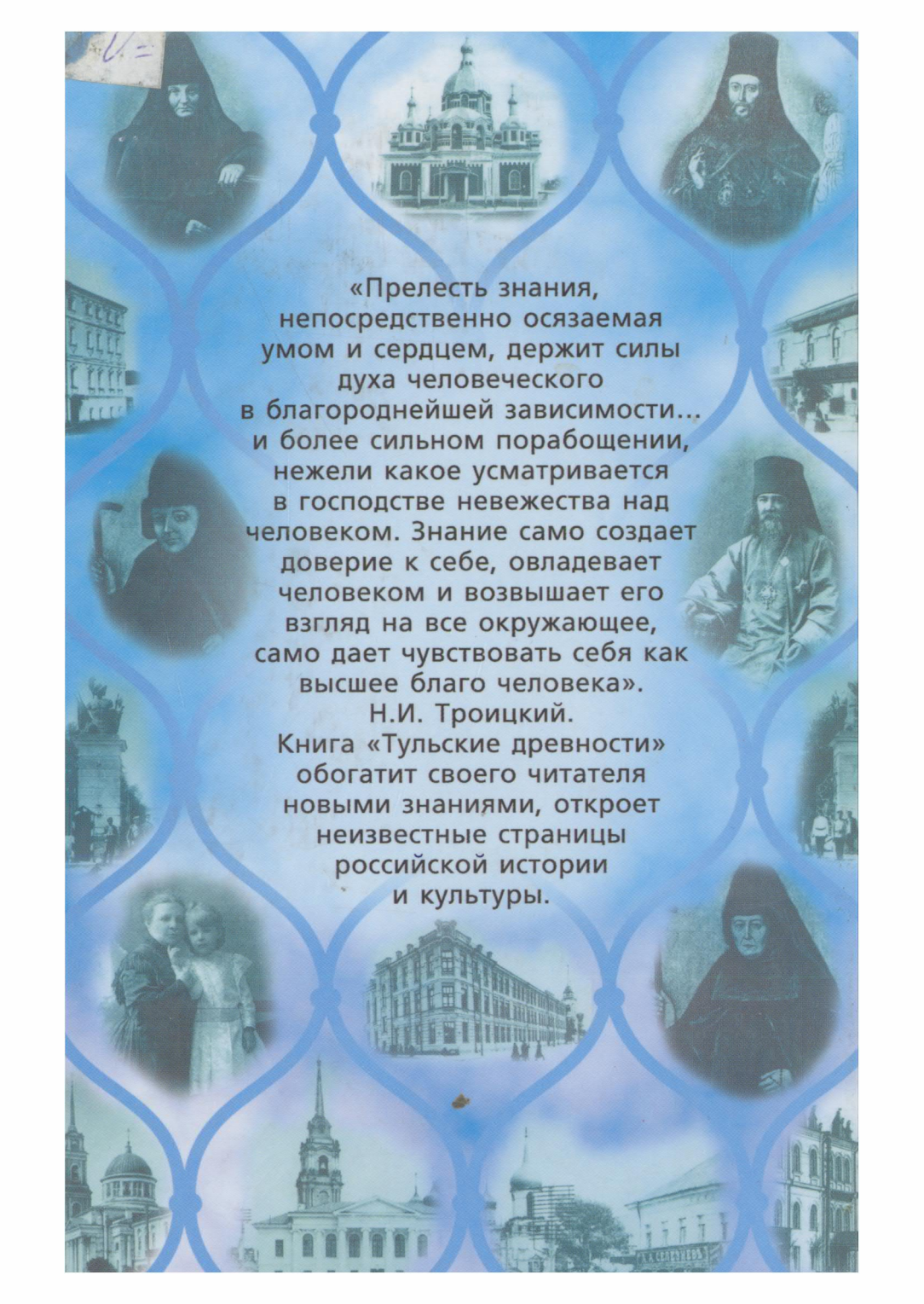
Корректор И. В. Старчак

Подписано в печать 10.12.2001. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Гармонд». Печать офсетная. Уч.-изд. л. 37,91. Усл.-печ. л. 31,91.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 5420.

Приокское книжное издательство
300000, г. Тула, Красноармейский проспект, 27
(ЛР № 010331 от 19.05.1999 г.)

По вопросам приобретения книг обращаться по тел. (0872) 27–26–07

Отпечатано в ГУП «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

The background is a blue-toned collage of various Russian historical and cultural images. It includes portraits of religious figures like a nun and a monk, architectural drawings of churches and buildings, and historical photographs of people and city streets. The entire composition is overlaid with a decorative pattern of blue, interlocking circular shapes.

«Прелесть знания,
непосредственно осязаемая
умом и сердцем, держит силы
духа человеческого
в благороднейшей зависимости...
и более сильном порабощении,
нежели какое усматривается
в господстве невежества над
человеком. Знание само создает
доверие к себе, овладевает
человеком и возвышает его
взгляд на все окружающее,
само дает чувствовать себя как
высшее благо человека».

Н.И. Троицкий.
Книга «Тульские древности»
обогатит своего читателя
новыми знаниями, откроет
неизвестные страницы
русской истории
и культуры.